

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)
В74

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 10. — Петропав-
В74 ловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2016. —
688 с., ил.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» включает роман «Камчадалка» — первое художественное произведение о полуострове, написанное в первой трети XIX в., а также материалы, характеризующие жизнь и творчество общественного деятеля 1910-х гг. А. А. Пурина. Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» расширяют представления об общественно-политической обстановке на Камчатке в начале 1920-х гг., о камчатских персоналиях, включая биографические сведения о представителях различных слоёв камчатского населения, рассказывают об истории г. Петропавловска-Камчатского. Рубрика «Автопортрет времени» содержит отчётные материалы о состоянии Камчатки в 1870-х гг. и протоколы первого Камчатского областного съезда, состоявшегося летом 1917 г. В рубрике «От первого лица» старожилы полуострова рассказывают о некоторых аспектах морского транспортного и геологического освоения полуострова и некоторых особенностях жизни здесь в начале 1950-х и в 1970-х гг.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2016
© С. В. Гаврилов,
составление, 2016
© Авторы, 2016

ISBN 978-5-87750-326-7

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>И. Т. Калашников.</i> Камчадалка	6
<i>А. А. Пурин.</i> В дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае (1917—1918 гг.)	196
<i>А. А. Пурин.</i> О землетрясениях на Камчатке и их регистрация	262

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>А. Ф. Пасечник.</i> Организация и деятельность народной охраны на Камчатке в период с января 1920 по октябрь 1921 г.	272
<i>С. В. Гаврилов.</i> Петропавловск. Год 1933-й	287
<i>В. П. Пустовит.</i> Камчатские персоналии (1917—1991) ...	369

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

Записка о полуострове Камчатке... <i>П. Н. Козика</i>	497
Записка о Камчатке... <i>П. Г. Сулковского</i>	525
Первый Камчатский областной съезд 20 июля — 9 августа 1917 г. Протоколы	542

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>В. И. Макаров.</i> Путь к морю	597
<i>Р. А. Ремизов.</i> Камчатская геология в 1969—1983 гг.	659
От редактора	681
Содержание ежегодника «Вопросы истории Камчатки» за 2005—2016 гг.	684

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Область научных интересов — история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор четырнадцати книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Член Союза писателей России, Камчатского морского собрания, лауреат премий: историко-краеведческой им. С. П. Крашенинникова, историко-литературной им. Е. В. Гропянова, Камчатской краевой государственной.

Макаров Виктор Иванович — ветеран морского транспортного флота, судоводитель, инженер-судомеханик, ветеран труда. Флотскую службу начал весной 1950 г. матросом на судах Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства, куда прибыл по распределению после окончания Рижской мореходной школы. Автор ряда научных трудов и документальной повести «Гибель “Декабриста”», посвящённой капитану С. П. Беляеву, в честь которого названа одна из улиц г. Петропавловска-Камчатского. Живёт в г. Москве.

Пасечник Александр Фёдорович — кандидат исторических наук, преподаватель Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, подполковник внутренней службы в отставке. Область научных интересов — история правоохранительных органов Дальнего Востока. Автор ряда научных публикаций.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. Область научных интересов — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор нескольких книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель редколлегии двух изданий Книги Памяти камчатцев, погибших во Второй мировой войне (1995 и 2008). Член Союза писателей России, камчатского Крашенинниковского краеведческого общества, лауреат Камчатской краевой государственной премии.

Ремизов Рэм Александрович (1933—2006), бывший начальник Камчатского территориального геологического управления «Камчатгеология», на полуострове работал с 1969 по 1983 г. После выхода на пенсию жил в Калининградской области.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Впервые в этой рубрике мы представляем не монографию, воспоминания или путевые заметки, как обычно, а роман, приключенческое повествование, согласно узкому классическому определению, «сосредоточенное на судьбах влюблённых, стремящихся к единению». В нём есть всё — любовь, интриги, предательство, благородство, потерянные в раннем возрасте и обрётённые спустя годы дети, то есть сюжетные линии, развиваемые в пользуемых сейчас столь большим спросом латиноамериканских сериалах. Для нас же он ценен тем, что представляет первое в России художественное произведение, посвящённое Камчатке. Автором этого романа с характерным названием «Камчадалка», ставшего одной из первых попыток изображения российской провинциальной жизни, является И. Т. Калашников. Этот знаток Сибири и Дальнего Востока провёл детство и молодые годы в Иркутске — тогдашней сибирской столице.

Первое издание «Камчадалки» вышло в Санкт-Петербурге в 1833 г. и было отпечатано в типографии штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, второе — тоже в Санкт-Петербурге в 1842 г. в типографии А. Иогансона. Роман получил хорошие отзывы столпов нашей словесности. А. С. Пушкин писал автору: «Я хочу лучше повторить Вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного ценителя истинного таланта. Прочитав “Дочь Жолобова” (первый роман И. Т. Калашникова, 1831. — Ред.), он мне сказал: ни одного из русских романов я не читывал с большим удовольствием. “Камчадалка”, верно, не ниже Вашего первого произведения. Сколько я мог заметить, часть публики, которая судит о книгах не по объявлениям газет, а по собственному впечатлению, полюбила Вас и с полным радушием приняла обе Ваши пьесы...»

А вот что сказал о втором издании «Камчадалки» Н. А. Некрасов: «...принадлежит к числу тех книг, которые можно прочесть два и три раза с одинаким удовольствием. Обычай и нравы камчадалов, картины сибирской природы, которые г. Калашников умеет так мастерски иллюминировать и оживлять, невольно увлекают ваше любопытство и представляют вам предмет совершенно новый и в высшей степени интересный. Некоторые характеры

этого романа обрисованы весьма удачно, и нить самих происшествий занимательна, потому что драма разыгрывается между свежим и малоизвестным нам народом».

Известно, что оба наших классика были заинтересованы камчатской темой как под воздействием эпохального труда С. П. Крашенинникова, так и «Камчадалки», и задумывали собственные произведения на эту тему, следствием чего в определенной степени является малоизвестный роман Некрасова «Три стороны света».

Героиня повести М. Горького «В людях» хромая девушка Людмила представляла «Камчадалку» как пример «правильных» любовных отношений: «Я ещё маленькая, меня нельзя трогать и щипать, и всё... ты бы вот прочитал роман “Камчадалка”, часть вторая, да и говорил бы! ...Через несколько минут она предложила мне, оглядываясь: “Слушай, — давай спрячемся куда-нибудь и станем читать «Камчадалку» — хочешь? ...И вот она сидит, боком к окну, вытянув больную ногу по скамье, опутив здоровую на пол, сидит и, закрыв лицо растрёпанной книжкой, взволнованно произносит множество непонятных и скучных слов. Но я — волнуясь. Сидя на полу, я вижу, как серьёзные глаза двумя голубыми огоньками двигаются по страницам книжки, иногда их увлажняет слеза, голос девочки дрожит, торопливо произнося незнакомые слова в непонятных соединениях. Однако я хватаю эти слова и, стараясь уложить их в стихи, перевёртываю всячески, — это уж окончательно мешает мне понять, о чём рассказывает книга... Когда стало темно, Людмила, опутив побелевшую руку с книгой, спросила: “Хорошо ведь? Вот видишь...”»

Ниже нами воспроизведён текст второго издания (1842) по оригиналам, хранящимся в библиотеке Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН (первая и вторая части) и Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова (третья и четвёртая части).

И. Т. КАЛАШНИКОВ

КАМЧАДАЛКА

Иван Тимофеевич Калашников (22 октября 1797 г., г. Иркутск — 8 сентября 1863 г., г. Санкт-Петербург), русский писатель, поэт. Окончил губернскую гимназию в Иркутске. С 1813 г. — подканцелярист Иркутской казённой экспедиции. В 1819 г. по поручению генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского занимался составлением «исторического и ста-

тистического описания поселений Иркутской губернии». В 1822 г. переведён в Тобольск, в 1823 г. — в Санкт-Петербург, где назначен столоначальником в Министерстве внутренних дел. В 1827 г. — начальник отделения в Департаменте уделов, в 1830 г. — правитель канцелярии Медицинского департамента. В 1859 г. в чине тайного советника, соответствующего армейскому генерал-лейтенанту, вышел в отставку. Первая публикация — краеведческие очерки об Иркутске и Иркутской губернии — появилась в 1817 г. С 1828 г. печатал стихи в журнале «Сын Отечества». Его перу принадлежат также повести «Изгнанники» (1834), «Жизнь крестьянки» (1835), романы «Дочь купца Жолобова» (1831, 1842), «Автомат» (1841), воспоминания «Записки иркутского жителя» (1905).

ОТ СОЧИНТЕЛЯ

...Описываемое мною в настоящем романе происшествие, имеющее сценою своею Камчатку, я отнёс к концу прошедшего столетия, когда управление Камчатки было ещё устроено на общем учреждении о губерниях и когда большая часть камчадалов ещё сохраняла вполне свою веру и обычаи. После же того положение их весьма изменилось, и в худом и в хорошем отношениях, как-то: первое: они претерпели ужасную повальную болезнь, истребившую в начале минувшего царствования большую часть народонаселения Камчатки, так что в острожках, имевших душ сто и более, осталось после оной не более пятнадцати, а инде (там, в другом месте) и менее; второе: приняли все христианскую веру, а с нею вместе и многие русские обычаи и третье: получили удобнеее и сообразнейшее как с нравами их, так и вообще с местным положением Камчатки управление и в быту своём во многом улучшились, особенно со времени пребывания в Камчатке Петра Ивановича Рикорда, оставившего по себе память начальника умного, безкорыстного и проникнутого живым рвением ко благу вверенной ему страны.

I. НОВЫЙ МЕТАФИЗИК

Камчатка! Вот слово, которое и в самой Сибири, то есть, по мнению многих, в царстве вечной зимы, составляет предмет страха и удивления! Какова же должна быть сия страна? Но ничего не бывало! И Камчатка, как никакая другая страна в мире, имеет свои невыгоды, правда; но и свои выгоды, свои бури и своё ведро, свои снега и свои цветы. Преимущественно внутренния земли пользуются климатом весьма умеренным и даже, можно сказать

без увеличения, благоприятным; берега, хотя менее плодородны, но также нельзя назвать, особенно восточный, совершенно неудобными к народонаселению; только одна южная часть, называемая Лопаткою, отличается суровостью климата и бесплодностью почвы. Это есть обширная, с юга на север более ста вёрст простирающаяся бесплодная пустыня, в самой южной оконечности необитаемая и покрытая тундрою, далее же к северу загромождённая сопками, придающими ей вид, особенно со стороны моря, самый дикий и печальный.

Посреди сего необъятного кладбища природы, в окрестностях реки Озерной по юго-западному берегу моря в первых числах ноября тянулось несколько санок, по-камчадалски: шежхедов, запряжённых собаками. В каждом шежхеде было по целому цугу, или, по-тамошнему, по нарте собак, то есть по пяти, из коих четыре были заложены попарно, а пятая — впереди. Шежхед есть самая лёгкая санка, состоящая почти из одних полозков и четырёх довольно высоких копыльев с укрепленною на них ремнями тонкою решёткою, на которой помещается седок.

Двум седокам на одном шежхеде ехать нельзя, а потому и в описываемом нами караване путешественники сидели каждый на особом. В одном из них сидел старик с большою седой бородою, но ещё свежим лицом, в чертах которого была заметна особенная доброта и кроткая важность, спутница лет и опытности. Подле него двигалась длинная, нескладная фигура, которой ноги едва умещались на полозках (на шежхедах сидят обыкновенно, спустив ноги на правую сторону), руки преважно были сложены на груди, а маленькая, со вздёрнутым носом, одноглазая головка значительно обозревала вокруг себя, показывая вид глубокого внимания и размышления. Впереди сих путешественников ехала девушка, по-видимому, лет шестнадцати, собою прекрасная, смотревшая с величайшею беззаботливостию на окружавшие её предметы и то приближавшаяся к каравану, то вдруг пускавшая собак рысью и далеко уезжавшая от своих сопутников. Все трое были одеты по-камчадалски, с тою только разницею, что старик и девушка имели на себе платье наряднейшее, нежели их товарищ; различия же между мужским и женским платьем не было никакого. На двух первых были олени парки, то есть похожие на рубашку с узкими рукавами и с кулем назади для покрытия головы вместо шапки, вывороченные вверх шерстью шубы, у которых ворот и подол были обшиты щеголеватым, по-камчадалской моде, подзором и опушены бобром. На длинном же товарище их была наде-

та подобная парке, только меньшей длины, с широкими рукавами, куклянка, сшитая частью из звериных, а частью из птичьих кож, с таким же кулем, как у парки, и, сверх того, с длинным хвостом. На ногах у старика и девушки были торбасы, то есть сапоги с красными из тюленьей кожи головами и с замшевыми голенищами, также украшенными преузорочными подзорами, а на спутнике их камасы, или сапоги, из оленьей кожи вверх шерстью. Само собою разумеется, что такой же наряд имели на себе человека четыре камчадал, сидевших в остальных шежхедах.

Караван тянулся по горе. День был довольно тёплый в отношении ко времени, но сумрачный. Серая облака висели грядями по небу, далеко-далеко простираясь на юго-запад по безпредельному горизонту и наконец сливаясь с водами океана, посреди котораго на самом краю небосклона возвышался выходящий из бездн уединённый Алаид, вечно курящийся как неугасимый жертвенник Бога Вселенныя (Алаид — огнедышущая сопка, стоящая посреди моря в разстоянии вёрст пятидесяти от берега). На северо-востоке, среди синевшихся хребтов, также курились многия горы, меж которых владычествовала сопка Опальная, не уступающая высотой Тенерифскому пику. Вообще же горы были покрыты снегом, по которому при подошве их разстилался в падах густой туман как вечный траур сей печальной страны. Вокруг на великое пространство не было видно ни одного деревца, на котором взор, утомлённый скучным единообразием, мог бы отдохнуть, как при встрече со своим знакомцем; не было ни одного существа живаго, как в области смерти. Кругом всё молчало! И только глухой, протяжный, подобный самому отдалённому, но великому грому, вечный стон сулоев нарушал безмолвие пустыни, да ещё доносились изредка по ветру дикой рёв сивучей и пронзительные крики чаек, кружившихся вдалеке над морем. (Сулои — валы, ходящие во время прилива и отлива. Между первым Курильским островом и Лопаткою сулои бывают так велики, что в самую тихую погоду имеют от двадцати до тридцати сажений высоты.)

— Смотри-ка, Камак! — сказал один из камчадалов своему товарищу. — Ведь эти чайки уж верно завидели кита дохлагла... Да куда ты смотришь? Вон направо-то, к Алаиду.

— Вижу, вижу теперь! — отвечал Камак. — Да что толку! — прибавил он с неприятным огорчением. — Ведь нам, брат, и косточкой поживиться не удастся!

— А может статься, и никто не поживится кроме гамулов (духов)! Ведь они, брат, не по-нашему ловить-то умеют!

— Неужто?

— Знать, ты не говаривал со стариками? Как же! Ведь гамулы только и дела делают в Опальной сопке, что китов варят да едят, а ловят их по ночам.

— Вишь ты! А что, в Алаиде есть они?

— В Алаиде-то? Этого не знаю: ведь эта гора не на своём месте.

— Что ты говоришь?

— Да точно так! Вишь, она прежде стояла на том месте, где теперь озеро, из котораго течет Игдыг (река Озерная, вытекающая из Курильского озера).

— Врёшь?

— Да так! Вишь, она была всех тут выше, так прочия горы и стали на неё все сердиться да бранить её... Ну, слышь, житья ей не было! Вот она терпела, терпела, наплевала на них, да и ушла на море...

— Экое чудо, парень!

— Да уж чудо не чудо, а так точно! Видишь ли: вон одна гора, как будто чем сдавлена, как будто кто ступил?

— Вон эта-то, что направо?

— Да, да!

— Вижу. Так что же?

— А то, что, когда Алаид стал подыматься с места, так опёрся на эту гору, да и сломил с нея верхушку...

— Вишь ты! А кабы, брат, он и все горы-то посломал бы, то-то бы хорошо! Закатывай бы на собаках, да и только, а уж упасть не бойся!

— А по мне, так лучше, кабы все оне в море перебрались, да нет, брат, и из них не всякая в воду-то идёт...

— Неужто?

— Да точно! Вон гора Шевелич, знаешь, что недалеко от Нижнекамчатска, стояла прежде на том месте, где теперь Кронцоцкое озеро. Тут, слышь, ей житья не стало от еврашек: принуждена была перейти на нынешнее место, а в море не пошла!

— Не пошла? Вишь ты! А ведь бают старики, что все эти горы понаделал Кутха (бог камчадальской)...

— Вестимо, что он, тюлень проклятый! Вон, смотри-ка в эту сторону-то!

— В эту?

— Да! Видишь, белеется-то? Ведь это его баты (в девяти верстах от реки Озерной есть беловатый утёс, который имеет вид челноков, поставленных перпендикулярно).

— Э!

- Да так! Он ведь в здешних местах жил.
- А откуда же он прикочевал сюда?
- Откуда! Ведь он прежде жил на небе.
- Что ты врёшь?
- Право! Вишь, их было три брата: один жил на небе, другой на море, а третий в аду...
- Что же они там делали?
- Ничего! Жили, как тойоны (тойон — начальник).
- Вишь ты!
- А после Кутха с сестрой своей Хутлыжичею с неба-то сошли...
- Знать, надоело?
- Кто их знает! Да и землю-то с собой стащили. Сперва Кутха жил недалеко от речки Улкал-Вай... ну знаешь, что течёт... если ехать по берегу от устья реки Камчатки в Корякскую землю, по-русски — на север?
- Как не знать! Ведь на этой речке моего отца медведь драл, и с тех пор ещё все дразнили его «дранкою»...
- Так долго ли, коротко ли тут жил Кутха, никто не знает, только под конец разсорился со своей женой, схватил её за волосы, да и давай таскать...
- Дело!
- Так её, слышь, отстряпал, что на том месте, где он бил её, сделалась ложбина и потекла речка...
- Вишь, брат, он сердитый!
- Да, знать, что так! Вскоре после этой драки он и переселился в здешния места да и промышлял рыбу, разъезжая по морю вон в этих батах...
- А что? И рыбы много ловил?
- Говорят, что-де видимо-невидимо!
- Эка, брат!
- А потом вдруг наскучило, что ли, бросил баты, да и пошёл на лыжах куда глаза глядят. Вот тогда-то горы-то и понаделались!
- Неужто? Да как же это?
- А, вишь, говорят, что он уж де больно крепко шлёпал ногами, так что всю землю исперепортил; она-де гнулась под ним, как тонкой лёд, да так и осталась: вот и стали горы!.. Чтoб ноги-то у него отсохли!
- Уж подлинно: чтoб отсохли! Экой сивуча! Да что он, мухомора, что ли, объелся (мухомор — гриб, употребляемый вместо вина, сухой и настоящий на воде)?
- Кто его знает! Вишь, окаянный, расхотелся! На добро, так нет его, а спакостить, так его дело! Чтoб ему...

— Слышите ли, отец Пётр, — сказал длинный путешественник своему пожилому товарищу, — как камчадалы чествуют своего Кутху за то, что наделал горы?

— Да! — отвечал старик. — Они повторяют это при каждом спуске и подъёме с горы, потому что хуже и глупее своего Кутхи никого не почитают. Что делать? Сколько я ни старался в течение целых сорока лет проповедывать здесь имя Христово, всё почти понапрасну: знать, не угодно ещё это Его святой воле! Кажется, ещё весьма долго не узнают эти бедные слепцы своего Создателя!

— Да ведь, если сказать правду, — подхватил дьячок, — так и мы ещё не совсем знаем: откуда и как всё это произошло.

— Тут и знать нечего, — возразил протопоп. — Это свыше нашего понятия! Довольно для нас, что сказано: «Рече — и быша, повеле — и создашася».

— Так, отец святой! Конечно, Писание говорит, но если пораздумать порядком... Ах, я этою материею занимался весьма много! С тех пор, как я вступил в класс философии, это была моя любимая мысль. Я изучал древних со всем прилежанием, и, не хвастаючи сказать, свет их не втуне сиял для моего умственного ока...

— Жаль, брат, — прервал протопоп, стараясь скрыть своё неудовольствие под видом шутки, — что ты смотрел одним оком. Лучше было бы, когда бы ты мог глядеть, как говорится, во все глаза...

— Смейтесь, святой отец, — продолжал дьячок, — но я вам доложу чистосердечно, что, открывая какую-нибудь важную истину, я, бывало, прихожу в восторг и скачу по бурсе, словно помешанный...

— Я и не сомневаюсь в этом, — говорил протопоп в том же тоне.

— Все важнейшие мнения и толки, — продолжал дьячок, — были мною выучены, соображены и взвешены на весах разума. О! Какая истина заключается в учении философов! Например, по сказанию знаменитого Трога Помпея, иные из восточных мудрецов приписывали происхождение мира огню, а другие — воде. Анаксимен же утверждал, что всё произошло из воздуха. Напротив, Демокрит доказывал, что Вселенная составилась из атомов, то есть маленьких кусочков, сцепившихся между собою посредством крючков, а Гераклит учил, что земля есть густой огонь, а вода есть земля, растопленная в огне. Наконец...

— Ужели есть конец этому вздору?! — невольно воскликнул протопоп.

— Вы властны называть это, как хотите, но я уверяю вас, что среди всех этих, по-видимому, разнообразных мнений, я нашёл

одно неложное и готов утверждать его пред лицом всей Вселенной...

— Господи помилуй! Что это за пустой человек! — тихо говорил протопоп, вздыхая.

— Готов утверждать его! — повторил дьячок с величайшим жаром, делая самые глупые жесты. — Оно состоит в следующем: поелику каждое действие или произведение должно иметь свою довольную причину, *principium rationis sufficientis*; а мир есть произведение: *ergo*...

Но он не успел окончить своего силлогизма. Во время его разглагольствования караван начинал спускаться с горы. Протопоп и прочие спутники его, исключая философа, притянули ближе к шежхедам передовых собак, дабы они задерживали нарту; философ же, со всею пламенностью учёнаго мужа вознесясь духом горе, не чувствовал, что тело его спускается под гору, и не принял предосторожности. Между тем девушка, ехавшая впереди каравана, желая подшутить над оратором, бросила кусок юколы (юкола — сушёная рыба). Нарта мудреца кинулась опрометью за куском, так что он не успел воткнуть оштола (оштол — заострённая палка, которую втыкают в снег, когда хотят остановить собак) и при первом сильном толчке быстро вылетел из саней, которые, опрокинувшись, покрыли его и тащили с собою. Напрасно кричал он охриплым голосом: «Ээ! Ээ!» (крик, останавливающий собак) — собаки не останавливались и продолжали бежать. Наконец голос его умолкал, а последния слова его, слышимыя издали, были: «*Valete omnes!*» (прощайте все!).

II. ИСТИННЫЙ ПАСТЫРЬ

Подобно многим великим поборникам истины, от Эмпедокла до изобретателя пршенных крыльев (крестьянин, изобретший крылья для летания по воздуху в начале царствования Петра Великаго и наказанный за неудачу), описанный в предыдущей главе знаменитый муж также пострадал бы, вероятно, за пламенную любовь свою к ней, если бы по, счастью его, девушка, увидев неприятныя последствия своей шутки, не успела броситься к нему навстречу и удержать собак в то самое мгновение, когда оне были уже за несколько шагов от пропасти; ибо гора, подходя одною стороною к морю, окончивалась утёсом, котораго огромныя гранитныя глыбы, оторванныя, вероятно, землетрясением, лежали грядами на узком берегу, служа убежищем для стаи сивучей, отдыхавших

на них стадами. Вскоре подъехали туда и остальные путешественники. Камчадалы подняли санки, вытащили оттуда обезпамятешаго от страха дьячка и принялись его обметать.

— Ну, брат Степаныч! — сказал подошедший к нему протопоп. — Быть бы тебе сегодня во чреве сивуча... Экая бездна их под горою! Хорошо, что подоспела Маша!

Дьячок, собираясь с духом, не мог выговорить ни слова. Губы его дрожали, и на лице были ещё яркие черты малодушного испуга, которому обыкновенно предаются люди, ставящие себя в спокойном положении несравненно выше прочих смертных.

— Вот то-то же, Степаныч! — продолжал протопоп, смотря на него с видом невольного презрения и жалости. — Теперь ты дрожишь, как лист, а давеча так выше облаков занёсся! Видишь ли, как Бог-то скоро наказывает вашего брата-вольнодумца? Ты не успел ещё разболтаться, а уж щелчок тебе и готов! Ступайте все вперёд, а мы со Степанычем спустимся пешком.

В сие время девушка, не дожидаясь приказа, была уже на своём шежхеде и продолжала спускаться, а вслед за нею потянулись и камчадалы, закричав собакам: «Ха, ха!» (крик понудительной), «Ках, ках!» (крик при повороте направо).

— Не понимаю, — говорил протопоп, продолжая своё наставление, — как можно быть так слепу! Шутка ли, сколько тебе уж досталось за твоё глупое высокоумие! Должен был ты приехать назад сюда, этакую даль! Ну, если бы жив был твой покойный родитель, отец Степан, что бы было? Ведь сказать страшно! Ты бы уморил его этим! Пять лет целых потерял ты втуне: давным бы давно тебе следовало быть священником! Да и теперь, хоть и кончится срок твоего искуса, что я напишу о тебе преосвященному? Срам, да и только! Я думал: слава Богу, он исправился; а ты! Экое чудо, Господи! Нет, брат, не таков был твой отец! Я с ним двадцать лет прожил в Паратунке (острожек недалеко от Петропавловска. Там прежде была церковь); человек был честный, благомыслящий, подлинно христианская душа! И кабы я не дал ему слова: песчись о тебе, давно бы я, брат, пустил тебя на волю Божью; коли сам о себе не радеешь, так не на кого пенять! Правильно сказано: «Язык наш — враг наш». И Писание говорит: «Скверных же тщеславий отменяйся: наипаче бо преспеют в нечестие...»

В продолжение сего монолога камчадалы, съехав с горы, закричали все в голос: «Духстехтич! Духстехтич!» — и пустили собак, обгоняя друг друга, к складенному из камней столбу. Подъехав к оному, каждый из камчадалов бросил к подножию его по горстке

порсы (сушёная, толчёная рыба) и с криком «Хуг, хуг!» (налево!) пустился обратно.

— Вон, посмотри, — говорил протопоп, указывая на жертвоприносителей, — что делают камчадалы! Они приносят жертву богу, не Кутхе, но богу неведомому, по их Духстехтичу. Скажи же ты мне: чем твои греки и римляне, которыми ты бредишь, чем эти всемирные учителя были умнее глупых камчадалов? Не то же ли самое толкуют и камчадалы, что проповедывали столь прославляемые афиняне? Тот же Юпитер, тот же Нептун, тот же Плутон, тот же неведомый бог...

— Но ведь я, святой отец, — сказал почтительно дьячок, начавший оправляться, — говорил только о мнении философов...

— Глупый ты, глупый! Да что значат эти философы? Слепцы, которые друг друга толкают с дороги, вдали, которые стараются объяснить то, чего сами не понимают! Если, например, рассмотреть хорошенько хотя то, что ты рассказывал, так что выйдет? Чепуха! Один утверждает, что всё вышло из воды, другой — из огня. Кому прикажешь верить? И чем это достовернее того, что земля стащена с неба Кутхою? Так-то, брат, заблуждается человек, когда, забыв Бога, пойдёт своею дорогою! В Писании сказано коротко, но так сказано, что никто в свете уже не скажет лучше: «Вся тем быта, и без него ничто же бысть, еже бысть».

При сем тексте от глубокой полноты чувств слёзы показались на глазах старца. Помолчав несколько, он продолжал:

— Оставь, брат Степаныч, пожалуйста, оставь своё дурачество: в мудровании толку нет! Разум кричит и увлекает нас в погибель. Без веры человек бродит во тьме, кто бы он ни был: греческий ли мудрец или камчатской шаман. Один только есть свет — свет веры, иже во тьме светится и тьма его не объят.

Много подобного говорил протопоп в наставление своего неверующаго. Речь его была исполнена силы и помазания, которое есть плод недолговременнаго учения, но единственно христианской любви и живой уверенности в истинах религии. Священник сей был тот знаменитый Верецагин, который умел стяжать уважение у самых англичан, известных своею скупостию на похвалы для иностранцев, и о котором с величайшим уважением отзывался сопутник славнаго Кука, капитан Кинг, начальствовавший над кораблями «Резолюция» и «Дисковери» по смерти капитана Клерка. Не столько образованный, сколько одаренный здравым умом, притом одушевлённый всегда одинаковым, самым пламенным усердием к своему делу, он в течение многолетняго пребывания

своего в Камчатке первый насадил там семена христианства и, приобретя всеобщую любовь камчадал, оставил по себе память ревностнейшего пастыря и добродетельнейшего человека. Имея постоянное пребывание сперва в Паратунке, а потом в Петропавловске, он почти ежегодно объезжал всю свою обширную паству и нередко проводил целые месяцы, странствуя с величайшим самоотвержением по пустынным Курильским островам и переплывая море на утлых байдарах. Таковы были в первые времена и таковы бы должны быть всегда проповедники Иисуса!

Сопутник Верещагина, дьячок по прозванию Шайдуров, был, как и выше можно видеть из слов протопопа, сын паратунского священника, учился в Иркутской семинарии и выслан оттуда обратно за глупое вольномыслие с тем, чтобы прожить несколько лет в Камчатке под надзором протопопа в чаянии исправления. Впрочем, надобно сказать правду, Шайдуров на самом деле не был настоящим, обдуманым вольнодумцем, ибо не имел никакого постоянного мнения. Начитавшись разных философских толков, он сам сбился совершенно с толку и не мог ни на чём остановиться. Понятия в голове его — как и обыкновенно случается с вольнодумцами — перепутались, и в этой сумятице, вовсе погасившей свет ума, данного ему от природы, он стал, в полном смысле сего слова, учёный дурак. Чрезвычайное высокомерие, следствие высокого о себе мнения, и удивительное легкомыслие, признак глупости и источник нерешительности и переменчивости чувств, были его отличительными чертами. Это были, можно сказать, два полюса, около которых обращались все его действия и которые то отвергали, то притягивали к себе и самыя истины религии; так что Шайдуров был по временам и христианин, и безбожник, и человек честный, и решительный бездельник. И потому-то, когда протопоп окончил выше сказанное наставление, Шайдуров, на сей раз смиренный страхом смерти, почти согласился с ним и отвечал со всею искренностью:

— Ах, отец Пётр! Я сам чувствую, колико я согрешаю, но что мне делать? Я сам не волен в себе, я сам смотрю на себя, как на лице постороннее, дивлюсь поступкам своим и не имею сил управлять ими!

— Так всякой человек то же сказать может, — говорил протопоп. — Всякой чувствует внутреннюю борьбу добра со злом, но в том-то и дело, брат, что надо превозмогать себя.

— Стану, стану стараться, святой отец, и даю вам честное слово исправиться.

— Ах, Степаныч! Кабы ты в самом деле взялся за ум, весьма бы, брат, ты порадовал меня!

— Одно останавливает меня, отец Пётр! — сказал дьячок с некоторою запинкою.

— Что такое?

— Не вижу никакой цели, для чего бы мне хлопотать о себе. Что я? Не то же ли, что и этот столб? (Дьячок указал на жертвенник.) Он и я, стоим одни-одинехоньки посреди пустыни! Некому разделить со мною ни радости, ни печали! На других посмотришь... Deus immortalis! Все цветут, аки крин сельный, а я?

— Да кто же тебе, брат, мешает не быть одиноким? Ведь отец Григории Большерецкой совсем был готов отдать за тебя свою дочь, да сам же ты спятился, только сраму наделал! А отца Прокопья Нижнекамчатского кто одурачил? Чай, известно тебе!

— Ах, отче! Если бы вы знали мои чувства, так не судили бы меня столь строго. С того самого дня, как я начал учить Марью Алексеевну...

— Я уж тебе несколько раз говорил: не поминай мне об этом! Я тебе правду скажу: покамест не увижу, что ты во всем исправился, до тех пор лучше отдам внучку за последнего камчадала, нежели за тебя. Да и можно ли верить твоим чувствам после того, как ты оклеймил все приходы? Нет, брат, не затевай этого! Разве хочешь и меня так же осрамить, как их?

— Возможно ли это, отче? — возразил дьячок с величайшим жаром. — Вот уже седьмой месяц, как чувства мои остаются одинаково пламенны и постоянны. Притом любовь моя-де есть обыкновенная, общая, amor consuetus. Нет! Она подобна чистейшему огню, похищенному Прометею; она есть та невинная, ангельская страсть, какую проповедывал бессмертный Платон, и образ Марьи Алексеевны носится предо мною непрестанно во сне и в яве, как непостижимый дух Сократа, сей дух, о котором до сего времени не решила философия и который, если сообразить точнейшим образом...

— Опять запорол дичь! — говорил про себя протопоп. — Нет, его не исправить! Справедливо сказано: горбатого может исправить только одна могила!

Между тем, пока вошедший, как говорится, в пассиву Шайдуров высказывает свою платоническую любовь, мы поспешим объяснить, кто такова была Марья Алексеевна, имевшая счастье понравиться сему выпренному мудрецу. Это была та самая девушка, которая, как, вероятно, читатель уже догадался, сопутствовала протопопу. Она была его внучка, дочь одного чиновника, оставшаяся

от отца и матери сиротою и воспитывавшаяся в доме начальника Камчатки под смотрением его супруги, женщины весьма умной и образованной. Маша, как обыкновенно называл её дед, была девушка также одарённая от природы отличными способностями души и прекрасными наклонностями сердца. Возрастая в недрах природы, вдали от так называемого света, и потому не знавшая его пороков, но познакомившаяся с одними добродетелями в беседах со своею покровительницею, Мария была невинна и простодушна, как младенец, соединяла в себе просвещённые понятия европейки с полудикими искусствами камчадалов. Она ездила ловко на собаках, мастерски плавала в байдарках и прочее. Самая физиономия ея была смесь русского с камчадалским, ибо по отцовской линии она происходила от камчадалов, а по материнской — от русских. Дед ея, протопоп, кроме дочери, покойной матери сей девушки, не имел никого из детей, и потому внучка составляла всё его утешение и отраду в старости. Внучка, со своей стороны, также любила его со всею горячностью детского сердца. Сия горячая любовь и заставила её следовать за дедушкою в сем путешествии, ибо она никак не могла положиться ни на чей присмотр и ни за что не согласилась отпустить его одного, несмотря на убеждения ни самого деда, ни своей покровительницы, жены начальника, от которой она незадолго перед поперешла в дом протопопа. Начальница, любя её искренно и горячо, как родную дочь, не перестала об ней заботиться и по переходе ея и к дедушке и уговорила сего последнего пригласить дьячка дать ей несколько уроков в истории. Начало лекций было месяцев за пять до путешествия, в котором до приезда на Лопатку прошло не менее двух, ибо протопоп, чувствуя уже приближение дряхлой старости, решился в последний раз посетить всю свою паству и был на Парамушире и других Алеутских островах. Сим объясняется начало дьячковой речи, в которой он доказывал по всем правилам логики и риторики, что он уже седьмой месяц любит Марию самую платоническою любовью, как Петрарка, и что по всем возможным родам силлогизмов, рогатых и комолых, непременно следует выдать её за него.

— Да уж что ты, не ври, Степаныч! — отвечал протопоп, садясь в шежхед. — А я слова своего изменить не могу: ты исправься, а я подумую.

«Исправься! — думал дьячок, — то есть сиди у моря да жди погоды! Нет, моё правило не таково: *res dum calet urgenda est* (куй железо пока горячо). Мы знаем, как это уладить. Дай только

добраться до Петропавловска, а тогда *veni, vidi, vici* (пришёл, увидел, победил)! Страсть моя — действовать решительно!»

Размышления дьячка продолжались бы, вероятно, до самого ночлега, ибо протопоп, не любивший терять слов без надобности, ехал молча. Внучка его чувствовала от философа нашего почти отвращение и всегда старалась избегать его беседы, а что касается до камчадалов, то сам мудрец редко снисходил до того, чтобы осчастливливать их своим поучением, исключая самой великой крайности, то есть когда ему решительно некому было кроме их возвещать своих возвышенных идей. Таким образом сей мыслитель первой величины погрузился, так сказать, до ушей во глубину самого себя, как вдруг был выведен из задумчивости одним, по-видимому маловажным, происшествием, но имевшим великое влияние на его судьбу, как увидим в следующей главе.

III. БУРЯ

— Эй, аангичь (аангичь — дьячок, называемый сим именем по находимому камчадалами сходству с уткою аангичем, которая поёт поутру и повечеру), — вскричал товарищ Камака Лемшинга. — Смотри не озноби рук!

— Ах, в самом деде, батюшки! — воскликнул испугавшийся дьячок, взглянув на руки. — Куда это я девал свои рукавицы?

— Эх, Степаныч, Степаныч! — говорил протопоп, покачивая головою. — Уж нельзя лучше, как к тебе, приложить этой поговорки: под лесом видишь, а под носом не видишь! Гораздо бы лучше было, кабы ты около себя-то побольше наблюдал, а не за облака лез! Ведь, знать, ты обронил рукавицы давеча, как упал. Как же ты поедешь теперь? Недолго и без рук приехать! Эх, брат, брат!

— Что же мне делать теперь, отец Пётр? Ах, руки так и пощипывает.

— Да что делать? Надо вернуться да поискать на том месте, где ты тащился под шежхедом.

— Так вот я сейчас...

— Куда тебе найти! Ты и куклянку-то там потеряешь! Вишь ты — Господь с тобой! — какой рохля! Эй, Лемшинга! Ступай, брат, поскорее, а мы пообождем здесь!

— Съездить-то я съезжу — отвечал Лемшинга, — только вот что...

— Что такое?

— Не было бы худо! Смотри-ка, бачка (батюшка), как разыгрались манаты! (Манаты — род тюленей, но огромной величины, бывают иногда

длиной до четырёх сажений, а весом до двухсот пудов. Все вообще морские звери игрою своею предвещают бурю.) Экие дьяволы! Так друг через друга и перепрыгивают! Не ударила бы буря!

— Ну, перестань пустяки собирать. Не трать понапрасну времени, поезжай. Если и в самом деле будет буря, то, может быть, успеем ещё прежде нея добраться к месту, а если и не успеем, так остановимся вон у этого пригорка. Бог милостив!

— Не спорю, бачка! Поеду. Дай только поправить побегник (ремень, к которому привязываются собаки вместо дышла)... Ну, други! Ха, ха!

Собаки помчались по снегу, и камчадал, постукивая ошолом по полозьям то с правой, то с левой стороны, смотря по тому, в которую сторону нужно было направить собак, изредка прибавлял к тому и словесное приказание: «Как, как! Хуг, хуг!»

Прошло с час времени. Погода в самом деле начала изменяться. Облака побежали весьма быстро с юга на север, выдвигаясь одно из-за другого и распушиваясь хлопьями. Море опустело: уже резвившиеся на нём чуды скрылись во глубинах его; самые птицы, борясь с ветром, бушевавшим уже в верхних слоях атмосферы, спешили стадами под защиту утёсов, и только седые валы, грозные сыны страха и разрушения, воздымаемые отдалённою бурюю, с безумною яростию устремились на вечный свой бой с прибрежными скалами. Наконец снег, полетевший с вершин ближних гор, возвестил пришествие урагана, понесшагося со страшным свистом и воем, мешавшимися с шумом волн. Во мгновение ока всё слилось вместе: и небо, и земля, и море. Снежные вихри крутились по равнине и готовы были увлечь с собою несчастных странников или погребсти их под сугробами снега.

— Вот, бачка! — сказал Камак протопопу. — Лемшинга правду говорил: не ударила бы буря! Так и есть!

— Теперь уж делать нечего! — отвечал протопоп. — Не отставайте друг от друга! Экая пурга, Господи Боже мой! Все глаза заслепила! Зги не видно! Машенька! Ты рядом поезжай со мною! Ведь, кажется, Камак, в этой стороне пригорок, у котораго мы хотели остановиться?

— Да, бачка!

Чтобы не сбиться с дороги и не захватить в какой-нибудь овраг или пропасть, путешественники остановились под защитою пригорка. Они поставили нарты одну подле другой и потом, вынув руки из рукавов и просто завернувшись в шубы, чтобы было просторнее, все легли в снег друг подле друга, ибо хотя и делают

иногда путешественники в случае бури шалаши, но здесь этого сделать было нельзя по недостатку леса. Едва успели они расположиться на сей подлинно зимней квартире, как совершенно занесло их снегом, и поверх онаго не было ни малейшей приметы, ни собак, ни людей. Между тем наступила ночь. Картину ея трудно вообразить, не только описать живо и подробно. Все ужасы негостеприимной страны сей были собраны для устрашения наших путешественников. При мутной, но непроницаемой темноте ночи, при диком вое ветра, разсыпавшаго облака снега, при кипении и рёве океана, потрясавшаго основание скал, посреди обширной и дикой пустыни они были заживо погребены в снежных могилах, где могли остаться и навсегда, ибо нередко проезжие, обмокнув в них, замерзают. Представив всё сие, какой житель благословенных стран не содрогнётся от ужаса? Но такова чудесная природа человеческая! Привыкшие к явлениям подобным, наши путешественники вовсе не находили положение своё ни слишком неудобным, ни опасным. Имея маленькое в снегу отверстие, протаявшее от теплоты дыхания, они лежали весьма спокойно и только по временам поворачивались с боку на бок, но с величайшею осторожностью, чтобы не рассыпать снежнаго свода, над ними образовавшагося.

— Встань-ка, Камак! — сказал наконец протопоп, толкая лежавшаго подле него камчадала, который спал сном самым крепким и сладким, ибо и вообще камчадалы спят в снегу весьма спокойно.

— Аа! Что? — отвечал камчадал, просыпаясь и позёвая.

— Встань да посмотри: кажется, буря утихла, не едет ли Лемшинга, да покорми собак!

— Да, бачка! — говорил поднявшийся из-под снега Камак. — Ветер затих, и местами проглядывают звёзды: вон Кранхл, вон Ижич (Медведица и Плеяды)! А вот выглянул и месяц! А это что? Он, точно он! Ах, бачка, какое счастье! Я след Пилучея увидел. Вишь, так весь снег и испестрил полозьями!

— Что это он такое видит? — спросила протопопа его внучка, также вставая из-под сугроба.

— Да это те струйки,— отвечал ей дед, — которые остаются на снегу после вихрей. Камчадалы думают, что это следы шежхедов, в которых бог грома и ветров Пилучей разъезжает на куропатках. Увидеть эти следы почитается у них за знак величайшаго счастья.

Говоря сие, протопоп в сопровождении внучки взошёл на холм, который ветром почти совершенно был обнажён от снега. Вид, представившийся его глазам, был пустынный и дикой, но великолепный.

Полная бледная луна, пробежавшая по облакам, то выказывалась из-за них, то опять скрывалась, бросая по местам тени на белевшие степь и горы и на синее море. В промежутки просвета серебряный луч ея как бы спадал с неба, подобно бесконечному столбу, и мгновенно распростирался по безпредельной зыби волн, разсыпаясь в то же время блестящими перлами в огромных фонтанах, выбрасываемых в отдалённости китами. Воздух был холодный, но самый чистый и ясный, так что казалось, как бы всё неизмеримое пространство, окидываемое взором, было совершенно пусто. Предметы удивительно делились и приближались. Долго смотрел старик на небо, на землю и на море. Вдруг океан покрылся светящеюся материею, и хладный огонь, поднимаясь и низвергаясь с валами, уподоблял море великой горящей степи, взволновавшейся от ударов землетрясения.

— Ах какой чудный и прекрасный вид! — сказала девушка. — Я никогда подобнаго не видала.

— Да, душа моя! Чудны дела Божия! — отвечал дед ея, возведя глаза с умилением на небо. — Небеса поведают славу Его, творение же руку Его возвещает твердь!

— А от чего же, дедушка, этот свет?

— Бог весть, моя милая! Спрашивал я у одного англичанина, ты ещё была маленькая, как они приезжали в Петропавловск, так он мне рассказывал, что будто это всё светлые червячки, а другой из их же говорил, будто это та же сила, что производит молнию...

— Но посмотрите, дедушка! Что это такое? Вон там, видите? По правую-то сторону китов... Вон, далеко, как будто огонёк загорелся... Кажется, это уж не от моря?

— Да! Это, в самом деле, что-то странно!

— И, кажется, палят, дедушка?

Выстрелы время от времени становились чаще и явственнее.

— Да! — отвечал старик. — Это точно пальба! Боже мой! Верно, какой-нибудь корабль погибает!

— Посмотрите, дедушка, как увеличивается огонёк! О Господи! Уж не пожар ли на корабле?

— Да! Да! Это, верно, пожар! Слушай, как зачастили выстрелы! Эй, Камак! Кажется, где-то в этих местах жил курилец Арукчи, который бежал с японцами?

— Да, бачка! Вон недалеко отсюда, на речке Аачган.

— Так поищите-ка там, не найдётся ли какой байдары, да проворнее! Ах, Боже мой, как огонь увеличился! Смотри-ка, Машенька, у тебя глазки-то получше моих, кажется, огонь бегаёт по снастям и загораются паруса?

— Да, дедушка, весь корабль обнимается огнём. Господи! Что будет с бедными пассажирами! Так бы я бросилась к ним на помощь!

— Что делать? — воскликнул дьячок, пожимая плечами. — *Ignis absumit omnia* (огонь всё истребляет)!

— Ах, любезный дедушка! — сказала девушка, горя нетерпением и не обращая внимания на глупое восклицание дьячка. — Камчадалов мы не дождёмся: они не любят торопиться, когда дело идёт о спасении других. Позвольте мне, я поскорее побегу сама.

— И я с вами! — провозгласил дьячок, желавший выказать при сем случае свою приверженность и проворство.

— Побудь лучше со мной, — сказал протопоп. — Ты только их удержишь. И то вот заставил нас ночевать на дороге со своими рукавицами. Ведь мы, верно, успели бы доехать той порой до Конпакова становища. Впрочем, всё к лучшему, может быть, Господь поможет нам кого-нибудь спасти теперь, а кабы уехали отсюда, так и не увидели бы этого несчастья.

Дьячок не сказал ни слова, но лицо его подёрнулось заревом, подобным тому, каким были покрыты облака, носившиеся над пожаром. Корабль ближе и ближе несло течением прилива к берегу. Уже были слышны вопли, раздиравшие сердце, то погибавших в пламени, то бросавшихся в море несчастных пассажиров. Положение их было неизъяснимо ужасно: две стихии, равно губительные, наперерыв пожирали их со всею лютостию. Помощи не было, и нельзя было ожидать её, ибо пред ними стояла земля столь же недружелюбная, как и море. Ещё несколько минут слышались на корабле крики и смятение; ещё отчаянные пассажиры несколько времени мелькали позади пламени, стремившагося из люков, и вдруг раздался общий пронзительный вопль, невыразимый никакими словами человеческими. Потом всё остановилось и смолкло. Ещё мгновение — и пламя, совершенно одолевшее свою жертву, как бы в бешеном торжестве ринулось вверх страшным волканом и в стремлении своём увлекло всё, ему встретившееся. Обломки корабля и человеческие трупы мелькали в огненном столпе взрыва. Оглушающий грохот раздался по водной равнине и повторился в прибрежных утёсах. Это был ненавистный сигнал смерти, после которого наступила убийственная тишина, и уже не было видно ни корабля, ни людей, и только чёрная туча дыма, медленно поднимавшаяся к облакам, означала место пожара.

— Ах, Боже мой! — вскричала девушка, возвратившаяся в свое время с байдарою, — верно, все погибли!

— Нет, мачка (матушка)! — сказал один из камчадалов, — кажись, что-то чернеется в валах... Вон, вон... Как будто человек взмахивает руками...

— Нет, быть не может!

— Право, мачка! Смотри-ка, смотри! Опять унырнул! Вишь, валы-то больно велики! А вот и опять показался... Чу! Кричит...

— Ах, в самом деле, это человек! О Боже мой! Он погибнет!

— Что ж вы стоите, ребята! — сказал протопоп. — Уже ли не подадите ему никакой помощи?

— Нет, бачка! — отвечали камчадалы все в один голос. — Мы ни за что не пойдём! Коли тонет, так пусть тонет, а мы на свою душу греха не примем, не потащим его из воды!

— О глупые и бессмысленные! — воскликнул протопоп. — Вы считаете то за грех, что есть величайшая добродетель! Но вас не убедить, а время дорого! Подайте весло, я поеду сам.

— Нет, любезный дедушка! Я не пушу вас! — вскричала его внучка. — Позвольте лучше мне ехать. Вы знаете: я не боюсь валов и умею ездить по морю...

— Знаю, но теперь время прилива. Смотри, как сулои увеличиваются с минуты на минуту.

— Но разве я буду спокойнее, если вы поедете?

— Обо мне беспокоиться нечего, я ездил по морю поболее твоего. К тому же я стар и отжил свой век, а тебе ещё жить надобно. Подай мне весло!

— Хорошо, сейчас, дедушка!

Между тем она мгновенно вскочила в байдару и отпехнулась от берега.

— Что ты это делаешь? — вскричал протопоп вне себя от страха. — Воротись! Ты погибнешь!

— Благословите меня, дедушка, и молитесь за меня!

Старик не говорил ни слова и, вперив на свою внучку неподвижные взоры, трепетал при всякой волне, стремившейся на неё, как бы каждая из них заливала его сердце. Байдара, в которой ехала девушка, была не что иное, как маленький челнок, покамчадалски тахту, выдолбленный из тополя, с прибитыми по краям досками. Валы бросали его как щепку, и он то скрывался в пропастях, беспрестанно разверзавшихся под ним, то взлетал стрелою на стремнины возстававших пред ним хребтов. Малейшая неосторожность и ошибка пловательницы могли бы погубить её, но она, сохраняя величайшее присутствие духа, смело разсекала веслом волны и мужественно стремилась к своей цели. Наконец она была

уже недалеко от погибающего. Внимание старика увеличилось, ибо это была минута самая опасная: утопающий мог в отчаянии схватиться неосторожно за край байдары и опрокинуть её своею тяжестью. Между тем героиня наша увидела, что навстречу к ней плыли два человека, из коих один держался за доску, а другой, плывя без всякой помощи, почти выбивался уже из сил и поминутно погружался в воду. «Ваше благородие! — вскричал первый из них, — давно говорю вам: держитесь за мою доску, вы потонете!» Офицер, по-видимому, долго не хотевший воспользоваться сим удивительным самопожертвованием, наконец, начиная в самом деле тонуть, в безпамятстве ухватился за доску, а матрос, за неё державшийся, в то же время опустил её, сказавши: «Держитесь крепче, да если потону я, так не забудьте моей жены и детей в Петропавловске». После сего он усиленно начал бороться с волнами, но намокшее ли платье его, и от сего сделавшееся слишком тяжёлым, тянуло его книзу, или уже члены его окостенели от холода, только усилия его были напрасны: он скрылся в волнах прежде, нежели избавительница могла подать ему помощь. Равным образом и спасённый им офицер находился в самом крайнем положении. Волны непрестанно заливали его, и если бы прошло еще несколько минут, в течение которых он остался бы в сем положении, то отважный подвиг самоотвержения нашей камчадалки был бы напрасен. Но и спасение его требовало от избавительницы величайшего проворства и ловкости, ибо, с одной стороны, волны непрестанно относили челнок от утопающего, а с другой — и приближение к нему, как мы заметили уже, могло быть сопряжено с решительною гибелью обоих. Несмотря, однако ж, на сие, воспитанная на берегах моря и с детства знакомая со всеми его причудами, она безстрашно подъехала к погибавшему, подала ему весло и, вскричав: «Лови за байдару и садись проворнее», — сама ловко откачнулась на противную сторону, дабы сохранить равновесие. В это мгновение челнок ринулся по скату волны и совершенно скрылся из глаз наблюдавшего за ним старика.

— Боже Всемогущий! Она погибла! — вскричал он, схлопнув руками.

— Нет, бачка! Вон выплывает! — возразил Камак. — Смотри-ка: сидят двое.

— Точно двое, бачка! — подхватил Лемшинга. — Экая проворная!

— Только что за охота, — говорил тихонько Камак своему товарищу, — принимать ей на себя грех?

— Да разве ты не слыхал, что давеча говорил поп? Вишь, поихнему это хорошо!

— Хорошо топить себя, чтобы спасти другаго! Хо, хо, хо! Только глуп народ, эти русские!

Между тем девушка достигла берега и была уже в объятиях деда, плакавшего от радости и умиления.

IV. КАМЧАДАЛЬСКАЯ СВАДЬБА

Недалеко от устья речки Опалы, служащей на северо-западе границею Лопатки, стоял некогда камчатской острожек Куууюхчен, заключавший в себе более десяти юрт.

В один день, вскоре после описанного нами в предыдущей главе происшествия, жители сего острожка весело спешили толпами в юрту своего тойона, где приготовлялся пир по случаю свадьбы дочери его брата Тенявы.

Юрта тойона отличалась пред прочими своею величиною, но совершенно сходствовала с другими своим устройством. Она была не что иное, как выкопанная в земле, аршина на два глубиною, четвероугольная обширная яма, покрытая остроконечною земляною крышею, с отверстием вверху, ономеч, служившим вместо трубы, окна и дверей. Подле стен, увешанных взамен шпалер чирелами, то есть сплетёнными из травы рогожами, находились нары, служившие вместо скамей и кроватей. Посреди юрты был построен очаг, а в одном углу оной была складена посуда, и над нею стоял на полке деревянный столбик с обделанною наподобие человеческой головы верхушкою. Это был идол Ажушак, отгонявший, по мнению камчадалов, от юрты лесных духов и за сию услугу обмазанный варёною сараною.

В юрте находились и камчадалы, и русские. Первых весьма легко было отличить по их азиатской физиономии, по узким глазам, сплюснутому носу и пребольшому рту. Общество русских составляли: приехавший сюда с неделю назад протопоп Верещагин, дьячок и ещё два лица, нам неизвестныя. Один из них был человек лет сорока, средняго роста, с рябым лицом, с плутовскою миною и с прелукавыми небольшими глазами. Он не был купец, однако ж, по-видимому, пользовался правом торговли, что показывала стоявшая пред ним фляга с водкою, для продажи которой, как сам он рассказывал сидевшему подле него дьячку, он и приехал в Куууюхчен, заслышав в дороге о предстоящей свадьбе.

Недалеко от него сидел жених, молодой парень, дюжий собою, но с подбитыми глазами и растрёпанными волосами. Он тяжело дышал, и по кровавому поту, капавшему с его лица, видно было, что

он только незадолго пред тем совершил какой-то тягостный подвиг. Невеста, взрослая и здоровая девка, сидела в другом углу юрты, опутанная мережами и ремнями и окружённая мегерами, также показывавшими признаки большой усталости, однако ж сидевшими с весёлым лицом и насмешливо поглядывавшими на жениха.

— Ну что ж, брат Гатальча! — сказал отец невесты Тенява, — принимайся: лови, да и дело и с концем! Уж не докуда же тебе жить у меня, итак уж скоро год исполнится, как ты пришёл из Конпакова!

— Дай отдохнуть, бачка! Вишь, как больно дерутся, старья! Всё лице исковеркали!

— Ну, после свадьбы заживёт! Ступай, или не то, брат, убирайся домой, коли невмочь пришло!

— Сейчас, бачка, сейчас!

Жених собрался наконец с силами и бросился опрометью к невесте, стараясь разорвать напутанные на ней мережи. Но старухи, её окружавшие, все с величайшим криком и бешенством кинулись на него и, оттаскивая от невесты, вцепились, кто во что успел, иная в волосы, иная в лице. Это было сущее скопище демонов, вскинувшихся на злополучного грешника. Остервенение, с каким они терзали и увечили несчастного жениха, наводило даже ужас на окружающих. Казалось, что они разорвут его на части или, по крайней мере, своротят на сторону его бедную башку. Долго продолжалась сия комическая война, но наконец жених успел разогнать утомившихся старух и разорвать мережи.

— Ай да Гатальча! Ай да молодец! — вскричали в один голос все камчадалы.

— Ну, хорошо, хорошо! — говорил Тенява победителю. — Поди же, друг, готовь поскорее обед. Ведь словно на твоё счастье Митг (морской бог, воображаемый в виде огромной рыбы) выбросил нам кита. Так давно хочется отведать свежинки!

— Неужели молодой у камчадалов должен всегда стряпать? — спросил дьячок сидевшаго подле него продавца водки, по званию фельдшера, а по прозванию Шангина.

— Да, всегда! — отвечал фельдшер. — Впрочем, что же за диво, когда у камчадалов и все мужики готовят еду!

— И, кажется, жених должен всегда работать у тестя?

— Да, по несколько лет иной работает, да ещё и ни с чем уйдёт!

— Отчего же?

— Да оттого! Кабы всякой жених-то был такой же молодец, хоть, примерно сказать, как вот этот или как ты, Клим Степаньч!

При сем слове мина самодовольствия явилась на лице дьячка, и он тщательно поправил воротник у долгополага своего сюртука, надегаго по случаю пира.

— Ну, полно льстить! — сказал он с притворною скромностию.

— Что мне льстить! — говорил с усмешкою фельдшер. — А то ведь иной рохля по нескольку раз принимается иногда ловить, да напоследок так, без всякаго успеха, и домой уедет, только побои в барыше получить. Да ещё что! Случалось, что иной и умрёт, как этакия ведьмы вышвырнут добраго молодца из балагана (летняя юрта, которая строится на высоких столбах).

— Станный обычай! Чудный обычай! — повторял дьячок. — Однако ж что касается до работы, то и древние то же делали, например, Иаков. Не знаю, был ли подобный обычай у других народов, но помнится, что Тацит, говоря о нравах древних германцев, начинает так...

— А не лучше ли так начать? — перебил фельдшер, принимаясь за кусок китоваго жира, на который камчадалы уже устремились с величайшим аппетитом.

В продолжение стола, если можно назвать так обед, происходивший на помосте посреди юрты, камчадалы не забывали после каждого куска пить настойку мухомора и постепенно приходили в некоторой род бешенаго восторга. Судорожное сотрясение членов было первым действием мухомора, потом веселыя или мрачныя представления наполнили воображение пивших, и, смотря по тому, иные из них сидели в каком-то страшном отчаянии, бросая вокруг себя мутные и дикие взоры и произнося по временам при внезапном трепетании всего тела невнятные, безпокойные крики. Напротив, другие пели весёлыя, безпутныя песни и плясали, не помня сами себя. Сохранившие более прочих разсудка наблюдали и более правильности в пляске, которая также переходила из одного рода в другой по мере увеличения весёлости. Наконец полупьяный Тенява, в избытке радости по случаю свадьбы выменявший за несколько самых лучших соболей несколько небольших чарок водки у вышеупомянутаго продавца, пошёл плясать с одною из женщин самый грациозный камчадальской танец, в котором, делая один пред другим страстныя телодвижения и ужимки, с нежнейшим выражением повторяли: «Тенява — Бахиея, бахия!», а дама его — «Хаца, хаца, хацина!» Все камчадалы были в восхищении от сей пляски, обнаруживая сие невольными телодвижениями и частыми порывами на аван-сцену, и все они, сытые и упоенные донельзя, плавали в наслаждении полном и неописанном.

В сие время продавец водки, видя, что камчадалы слишком заняты были своими играми и почти позабыли о нём, вдруг начал укупоривать стоявшую подле него флягу и делать вид, что хочет идти из юрты. Тенява первый приметил сие и, бросив пляску, схватил флягу обеими руками и усиленно убеждал купца ещё продать ему несколько чарок.

— Ну, ещё хоть одну чарочку, друг! Пожалуйста, дай!

— Нет, нет, нельзя! Меня просил тойон Ганала непременно к нему заехать, а от него ещё надобно проехать к тойону Акету, а оттуда...

— Ну, вот тебе, друг, ещё два соболя. Дай одну чарочку.

— Экой неотвязной! Нечего делать! Так и быть: пей!

— Ещё одну!

— Нет, нет, ни за что в свете! Теперь у меня водки не наберётся и с осьмину, а если не останется, то Ганала, брат, будет сердиться на меня. Прощай, прощай!

— Пожалуйста, друг! Вот тебе четыре соболя.

Таким образом, чем больше продавец старался притворно дорожиться водкою, тем более камчадал надавывал ему соболей. Между тем продавец присоединял ещё к притворству и другой обман. Фляга, в которой была водка, разделялась на две половины: в одной из них была налита водка цельная, а в другой — разведённая водою. Покамест камчадал мог ещё различать вкус, продавец наливал ему из первого отделения, а потом уже цедил из последнего.

— Ах, брат Тарей! — сказал протопоп сидевшему подле него тойону, довольно пожилому, хотя и крепкому ещё старику, — как это ты терпишь, что брата при твоих глазах обирают?

— Как терпишь! — повторял с приметною досадою тойон. — Что ж мне делать? И вижу, бачка, да молчу! Шангин — любимец начальника, он делит всё пополам с ним, так смею ли я осердить его?

— Да что тут не сметь?

— Как это говорите вы, отец Пётр, — возразил также сидевший с ним старик небольшого роста с плешивою головою, быстрыми, исполненными огня глазами и вообще с умною физиономиею. Это был некто Зуда, переводивший для известного волынского сочинения Махиаделя и по падении его сосланный в Камчатку. — Как это вы говорите: что не сметь? Разве вы не знаете Антона Григорьевича? Да тронь-ка Тарей Шангина, так он задерёт его досмерти!

— К несчастью, это почти правда! — сказал протопоп, вздохнув.

— Разумеется, что правда! Злой начальник, — продолжал Зуда, — здесь всё сделать может, да и суда не скоро найдёшь. Уж подлинно сказать: здесь до Бога высоко, до Царя далеко.

— До Бога, — возразил протопоп, — мы всегда недалеко! Помощь Его всегда готова!

— Так, отец Пётр! Да от Царя-то далеко, а потому-то начальники здесь весьма скоро и забываются. Власть вдали от престола удивительно как соблазнительна! Чай, помните вы, как покойный охотской начальник Кох говаривал: «На небе Бог, а на земле Кох»?

— Как не знать! Я лично был знаком с Кохом. Впрочем, он был человек весьма добрый.

— Вот видите, он был и добрый человек, а как заехал в Охотск, так уж выше себя никого не ставил! А, кажется, велика ли была птица? Всего коллежский асессор!

— А разве не бывало здесь, — возразил протопоп, — и истинно добрых начальников, например, хоть покойник Нилов?

— Безспорно, отец Пётр, бывали. Но всё худых как-то больше навёртывалось. Сначала, правда, всякой старается показаться хорошим, а тут и начнёт кутить не в свою голову. Чем дальше, тем хуже, покамест не дойдёт до наместника да не спехнут раба божьяго с места.

— Что же делать, Абрам Васильевич? Наша обязанность всё-таки повиноваться. «Повинитесь, — сказано, — убо всякому начальству Господа ради: аще Царю, яко преобладающе, аще ли Князем, аки от него посланным, в отмщение убо злодеям, в похвалу же благотворцем».

— Вот-то и есть, отец Пётр! Царь, конечно, посылает всякаго начальника с этим благим намерением, да они-то, к несчастью, делают наоборот и как заедут в этакую глушь, как, например, здешняя благословенная земляца, так уж и несут себя выше Ивана Великаго. Уж никто не смей и подумать поступить против их воли! Слышали вы, что случилось месяца с два назад с заседателем Хапиловым?

— Что такое?

— А то, что Хапилов подал по одному делу мнение, несогласное с волей Антона Григорьевича, так тот и приказал посадить его в бочку да спустить на воду.

— От него всё станется! — говорил протопоп, пожимая плечами.

— Теперь разсудите: если с чиновниками так поступают, то где же бедный человек, какой-нибудь камчадал, найдёт защиту?

— А знаешь, Абрам Васильевич, пословицу: «Страшен суд, да милостив Бог»? Я на него надеюсь!

— Это хорошо, отец Пётр. Но я, кстати, напомним вам другую пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай». Почему бы вам не поговорить с Антоном Григорьевичем?

— Было говорено не раз, Абрам Васильевич, и стороною, и прямо: всё попусту! Тут как в притче сеятеля, слова падают в терние, и *взыде терние, и подави э, и плода не даде!*

— А когда так, — говорил Зуда, понизив голос, — я бы на вашем месте описал бы всё начальству. Кому же поверят, если не вам?

— Абрам Васильевич! — сказал протопоп также тихим голосом. — Я давно знаком с тобою, так могу сказать тебе откровенно. Я уже обо всём этом писал к преосвященному, и хотя наперёд знаю, что мне тут приведётся много вытерпеть, меня могут очернить, оклеветать, взвести на меня то, что мне и на ум не впадало, но я сказал себе: да будет во всём воля Господня! Я не наёмник, а пастырь своего стада, и Господь видит, что я *готов положить душу свою за овцы.*

— Прекрасное чувство! — воскликнул Зуда с жаром. — Благородное, истинно христианское чувство! Ах, отец Пётр! Я вас уважал всегда, но теперь буду уважать ещё во сто крат более! Вы истинный благодетель Камчатки!

— Но я уверен, Абрам Васильевич, — отвечал протопоп, — что если мне и не удастся открыть истину, то всё-таки рано или поздно она откроется. Зло таиться вечно не может. Дойдёт весть до государыни, тогда и наш праздник наступит!

— Но тогда нам вряд ли уже увидеть это время! — заметил Зуда. — Впрочем, я о себе и не думаю. Грустно только на других смотреть. Вот скоро тридцать пять лет исполнится, как я живу в Кууяхчене, и мне весьма заметно, как народ год от году всё беднеет да беднеет.

— Да, правду сказать, — подхватил тойон, — уж и невмочь приходит! Ведь легко ли? Каждый год собирают с нас для начальника по десяти соболей с души сверх царского ясака. Да ещё, если понесёт куда-нибудь его нелёгкая, так всех собак для него собьют да переморят, так что у инаго камчадала ни одной собаки не останется после его проезда, а без собак нашему брату, бачка, как жить? Ни выйти, ни выступить некуда! Сиди, склавши руки, да умирай с голоду! Вконец разоряют, бачка, да и только!

— Ах, брат Тарей! На начальников жаловаться вы мастера, а не видите, что ваша гибель от невоздержности да от пьянства. Это,

брат, губит ваших родовичей больше, чем всякие поборы! Там вы отдадите в год десять соболей, а тут потеряете за раз двадцать. Смотри-ка на брата! Ах, Господи, как грянулся! Ведь Шангин хоть до смерти рад запоить!

— Что ж делать, бачка? Я те сказал, что не смею.

— Боже мой! — говорил протопоп с жаром неудовольствия, обращаясь к Зуде, — как бывают люди безчестны! Даже поверить трудно! Эй, Шангин!

Фельдшер хотя во всё время разговора протопопа с Зудой и тойном откидывал ухо, дабы узнать содержание онаго, но когда протопоп позвал его, притворился, будто не слышит.

— Шангин! — повторил протопоп.

— Что вам угодно, ваше высокоблагословение? Извините, в шуму-то ничего не слышно.

— Скажи, пожалуйста, как не стыдно тебе пользоваться глупостию и простотою другаго? Ведь ты называешься христианином, а Христос брата обманывать не велел!

— Да кого же я обманывал?

— Послушай, Шангин! Не спорь со мною. Отдай, по крайней мере, половину из того, что ты выманил, да и убирайся с Богом: с тебя и того будет довольно!

— Да помилуйте! Да что это, Господи Боже мой! Уж я своё добро отдавать стану! Вот тебе раз! Ведь я не украл у него: он сам меня тащил да просил...

— Ну, если ты ещё будешь со мной спорить, так я раскрою весь твой обман.

— Да, пожалуй, раскрывайте, что знаете! Меня ещё и сам начальник обманщиком-то не называл! Ещё я своими трудами живу! Да...

— Горячиться, любезный, не для чего! Лучше скажи-ка мне: отчего у твоей фляги два крана?

— А вам какая надобность? Да что такое, Господи! Вот-те ещё!

— Хорошо! Когда ты не хочешь сказать этого сам, так я расскажу всё. Послушайте вы, камчадалы! Вот вас как обманывают...

Протопоп объяснял обман фельдшера. Камчадалы, выслушав его, как они ни кротки и ни миролюбивы, на сей раз против всякаго ожидания пришли в ужасную ярость и, разбив вдребезги флягу, принялись было и за самого хозяина, так что обман его обошёлся бы ему весьма дорого, если бы сам же протопоп не уговорил их. Однако ж, несмотря на сие заступление, фельдшер, выхо-

дя из юрты, кинул на своего защитника самый ужасный взор и ворчал, стиснув зубы: «Добро ты, седая борода! Ты путём поплатишься со мною за свою штуку!»

V. МИЧМАН

Шум, происшедший при изгнании продавца водки, привлёк в юрту ещё двух человек, до того времени прогуливавшихся по берегу моря. Один из них был юноша довольно высокого роста, статный и прекрасный собою, но приметно изнурённый болезнью; а другой — молодая миловидная девушка, по-видимому, не русская и не камчадалка, ибо к правильным, прелестным чертам лица и большим чёрным, огненным глазам присоединялись смугловатый цвет и чёрные волосы. Узнавши о неважности происшедшей ссоры, они опять принялись, по-видимому, за прерванный разговор и, казалось, вовсе ничего не видели из окружавшего их.

— Неужели вы не отыскиали своих родителей, когда и выросли? — спросила девушка с глубочайшим участием.

— Я не имел ни малейшей возможности этого сделать. В воображении моём совершенно изгладился их образ, и самоё похищение моё весьма слабо обрисовывается в моём уме. Видится, точно как в сновидении, какой-то праздник, такое множество народу, огромный сад — и всё это так сливается с мечтою, что я почти сам не знаю, сон ли это действительно или сущность. Одна Марина могла сказать мне об этом, но она была сослана в Сибирь, и сколько ни старался я даже и в нынешний проезд мой узнать, где она находится, никак не мог.

— О как тяжело это слышать! — сказала девушка, глубоко вздохнув. — Не знать, кто твой отец и мать! Ах, Боже мой! Может быть, и они также вас ищут и сокрушаются об вас!

— Что делать, когда так угодно судьбе?

— А за что же была сослана Марина? Верно, открылся злодейской ея поступок с вами?

— Нет, не за это. Но Провидение в самом деле употребило меня орудием для наказания ея. Сбившись однажды с настоящего пути, человек обыкновенно переходит от одного преступления к другому, то же случилось и с нею. Она свела дружбу с шайкою воров и исправляла должность их шпиона, высматривая в лавках и домах, которые из них богаче и как лучше их обокрасть. С этою целию мы посещали с нею одного богатого помещика. Это был, надобно вам сказать, заслуженный моряк, человек умный и добрый.

Он любил вообще детей и всякой раз, когда я приходил к нему с Мариною, ласково разговаривал со мною, полюбил меня и даже наконец просил Марину отдать ему меня, обещая сделать меня счастливым. Марина под разными предлогами уклонялась от выполнения этой просьбы и, как помню, жестоко била меня, когда я осмелился было просить её об этом сам...

— Какая злая женщина! Боже мой! Я никогда не могла вообразить, чтобы люди могли быть так злы!

— А между тем свет исполнен подобными людьми, только что скрывающимися под благовидною наружностью!

— О! Если так, то дай Бог, чтобы я никогда не видала этого света.

— Однако ж, Мария, свет не должно представлять вертепом разбойников. Между множеством злых есть весьма много и людей добродетельных. Я это испытал на себе, когда освободился из рук моей похитительницы...

— Но как же вы освободилось от нея?

— В одно время, возвратившись с Мариною от того помещика, о котором я говорил вам, я подслушал разговор ея с разбойниками, которые советовались с нею, когда и как лучше ограбить этого добраго старика. У меня закипело сердце, потому что (припишите это Провидению или чему хотите), несмотря на окружавшие меня порочные примеры, я сохранил непорочность сердца и чувствовал величайшее отвращение и от Марины, и от ея злых сообщников. Я решился во что бы то ни стало уведомить помещика о злодейском умысле против него. И, улучив случай, исполнил моё намерение. Разбойники были переловлены, с ними попала в часть и Марина. Я пересказал помещику мои подозрения, что я не сын Марины, и он старался узнать от нея о моих родителях. Но, признавшись в моём похищении, она по какой-то непонятной ненависти к ним не хотела сказать об них ни слова, несмотря ни на убеждения, ни на угрозы. Тайна эта погибла вместе с нею.

— Ах, Боже мой! Как это ужасно! — воскликнула Мария.

— По крайней мере, — продолжал ея собеседник, — это признание хотя не удовлетворило вполне нашим желаниям, но послужило к подтверждению моих слов, и помещик с тех пор ещё более начал заботиться обо мне и наконец даже усыновил меня. И не только по названию, но и по удивительной, самой родительской нежной любви ко мне он действительно был для меня самый чадолубивый отец. Года проходили. Я вступил по ходатайству его в морскую службу и получил наконец чин мичмана. Любимый начальниками и товарищами, я считал себя совершенно сча-

стливым и думал только о том, как бы быть вполне достойным попечений, оказанных мне моим благодетелем. Но в сие время я вдруг получаю печальную весть, что он, проиграв одну совершенно правую со стороны его тяжбу, лишился всего имения и сделался почти нищим. Я не мог слышать о сем равнодушно и в ту же минуту решился пожертвовать для него всем тем, что только было в моей власти, словом, пожертвовать собою. Я оставил службу и нанялся у купеческой компании с тем, чтобы большую часть моего жалованья отдавали на содержание моего отца. Он умолял меня со слезами отказаться от сего, но дело было уже кончено, и намерение моё твёрдо. Притом надобно сказать, какая-то непреодолимая судьба влекла меня в эту страну, и может быть (почему знать?), я найду здесь то счастье, котораго нет на земле ничего выше и которое в другом месте я искал бы напрасно...

При сем слове в больших голубых глазах юноши, устремлённых на его собеседницу, блеснул тот яркой, пламенный взор, которым душа, исполненная любовью, невольно высказывает иногда страстно любимому ея существу всю полноту и силу своих чувствований.

— Ах! Я уж просила вас несколько раз, — говорила девушка с самым непритворным равнодушием, — пожалуйста, не смотрите на меня так. Мне, право, становится как будто чего-то стыдно, когда вы так пристально посмотрите на меня.

«О милая! О невинная Мария! — думал юноша. — Можно ли видеть тебя и не смотреть на тебя?» Однако ж, не смея произнести сих слов, он помолчал несколько времени и продолжал рассказ.

— Трудно поверить, — говорил он, — от какой маловажной причины погиб наш корабль!

— От какой же это?

— Прикащик компании пожалел заплатить печнику, клавшему на гальоте печь, одного рубля, и злодей, сказав: «Хорошо! Я сделаю вам такую печь, которую более разу не истопят», — сдержал своё слово. Вы уже знаете остальное. Ах, Мария! Вы дважды спасли мою жизнь: от моря и от болезни и, верно, не захотите отнять ее у меня сами?..

— Ах! Что это говорите вы! Боже! Сохрани меня. Как это можно?

— Есть, Мария, разные средства отнимать жизнь. Например, если вы скажете: «Я не люблю тебя»...

— Нет, я этого не скажу, потому что я люблю вас...

Пусть тот, кто ещё помнит свой первый разговор любви, дополнит в своём воображении начатый выше и представит себе то

сладостнейшее чувство, которым исполнилось сердце счастливого юноши, услышавшего толь невинное и толь неожиданное признание в любви к нему. Он ничего не видел и не слышал более, и вся Вселенная заключилась для него в сих трёх волшебных словах: «Я люблю вас!»

Между тем глаза ревности, от которых не утаивается и самое сокровенное чувство любви, смотрели на него и на его подругу весьма зорко. Дьячок, с которым мы уже познакомились в предыдущих главах, не забыв поцеловаться несколько раз с чаркою купца, хотя и был занят разговором с одною старою камчадалкою, толкуя ей с величайшим жаром, что такое называется существом абсолютным, однако ж, посматривал скося и на наших любовников, обуреваемая таким образом двумя равносильными страстями.

— Вот видишь ты, — говорил он, — абсолют есть... Экой каторжный! Не успел появиться, а уж и умел подладиться... Абсолют есть...

— Понимаю, понимаю, бачка! — отвечала камчадалка, перебив его речь, — обсолить да есть. Вестимо, что солёное лучше, да только соль-то здесь шибко дорога: шестьдесят рублей пуд!

— Не то ты говоришь, старуха! — возразил дьячок с неудовольствием. — Я тебе толкую о Боге, который у нас, учёных, называется: абсолют.

— Вишь ты, какое мудрёное прозвище дали! А у нас так называют Бога просто: Кутха, да и полно!

— Кутха! Это оттого... Экой варнак! Глазами-то словно съест хочет! Это оттого, что вы ещё не озарены божественным светом философии, которая уже давно отвергла старинное название: Бог и именует начало и причину всех вещей *primus motor*, существом абсолютным... Чёрт тебя вытащил из моря-то! Хоть бы тебя в омут какой-нибудь обрушило! Существом абсолютным, тётка! Слышишь ты или нет?

В это время камчадалка, не обращая внимания на его слова, смотрела с величайшим любопытством и удивлением, как один из камчадалов выбрасывал в оночь с помощью двух палок, по-камчадалски андронов, потухшие головни, что у камчадалов вообще почитается необходимым искусством для их щёголей и фанфаронов, как у нас французская кадрили и т. п.

— Да что ты не слушаешь, тётка? — продолжал дьячок. — Куда ты глаза-то вытаращила? Ведь я тебе толкую о важнейшей истине, а ты...

В это мгновение одна из выбрасываемых головней задела о крышу и, отскочив от нея, ударила в лоб дьячка с такою силою, что он

упал с размаху навзничь. Пьяные камчадалы вместо того, чтобы помогать ему, подняли хохот. Один мичман бросился было к нему, но дьячок, опомнившись, оттолкнул его от себя, вскричав с запальчивостью: «Не прикасайся ко мне! Я знаю, кто ты таков!» Мичман с удивлением взглянул на разсерженного дьячка, не понимая причины его гнева, и, быв совсем не в том расположении, чтобы сердиться на кого бы то ни было, оставил его без ответа.

VI. ПОКАЯНИЕ

Между тем как длился описанный в предыдущей главе разговор, плясавшие камчадалы, у коих искуснейшим плясуном почитается тот, кто всех перепляшет, оспоривая друг у друга пальму первенства, выбились наконец совершенно из сил, приутихли и, разсевшись на нарах, начинали дремать. Казалось, тихой, если не ангел, по крайней мере, гамул покрыл их своею куклянкою, и юрта стала отдыхать от шума, продолжавшагося несколько часов сряду. Но вдруг эта давно ожидаемая тишина была прервана происшествием, имевшим комическое начало и самый трагический конец.

Отец невесты за неимением водки после купца, ещё хвативший на радостях добрую порцию мухомора, совсем обезпамятел. Он лежал долгое время в совершенном забытьи посреди юрты и потом, бледный как смерть, с мутными, испуганными глазами, вдруг вскочил на ноги и закричал изо всей силы:

— Ай! Ай! Земля проваливается подо мною! Пламень пышет из пропасти! Ад хочет меня проглотить живаго! Куда мне деваться? Куда бежать? Вон они! Вон!.. Вон! Кутха идёт наравне с облаками и перешагивает через горы! Вон Пилучей несётся на чёрной туче и хочет ударить меня громовою стрелою! Чу! Как закрутились под ним вихри и завывла буря! А вон и Митг, как огромный остров, несётся по морю и грозит мне широкою пастью! А вон, вон и Гаец (бог ада) уставил на меня из пропасти большие глаза, как огненные сопки, и протянул ко мне две руки, как две листьяни! А сколько духов закопошилось и в воде, и в воздухе, и в пламени! Хоть перебери пальцы всех камчадалов, хоть все волосы выдери у них из голов — всё будет мало: им нет счёту (камчадалы считают по пальцам, и когда переберут пальцы на руках и ногах, тогда хватаются за волосы, это значит число несметное)! И все на меня сверкают огненными глазами! И все грозят мне окровавленными чекушами (военное оружие, состоящее из развилины с четырьмя рогами, насаженное на длинную палку)? О, боги и духи! Помилуйте

меня многогрешнаго! (Камчадал упал на колена.) Помилуйте и пощадите! Я каюсь в грехах моих: пил я, грешный, горячия воды, мылся ими и всходил на горелыя сопки; ссорился с женой за кислую рыбу; отскабливал, окаянный, ножом снег с камасов; точил, многогрешный, топоры и ножи в дороге, и даже — как осмелюсь и сказать это? — обдирал собак прежде наступления великаго праздника грехов очищения (праздник сей, по-камчадальски чужлиновець, бывает в ноябре; почему месяц сей называется тем же именем. Вообще камчадалы разделяют год на десять месяцев, но по изменениям Луны, но по роду своих занятий, соответствующих известному времени года, и по другим отношениям. Например: декабрь называют кукамлинлинач, то есть *от больших морозов ломаются топорища*!) Пощадите меня и спасите!

Произнося сие, камчадал упал ниц и, казалось, не смел поднять головы. Однородцы его, слушая его признание, произведённое действием мухомора, тихомолком надрывались от смеха, как бы узнав о таких поступках, в которых добровольно не всякой покается. Между тем, смотря на них, было ещё труднее, нежели им, удержаться, чтобы не захохотать, и Зуда, по характеру своему наклонный к насмешке, не мог остаться без замечания.

— Смотри пожалуй, — говорил он с улыбкою, — какой злодей! Шутка ли, сколько проказ наделал; чистил подошвы да обдирал собак! Вряд ли, брат, простит тебе это твой Кутха и не отшлёпает порядком лыжами!

— Ах, Боже мой! — говорил протопоп, — эти люди заслуживают более сожаления, нежели насмешки.

— А мне так кажется, — возразил с важностию дьячок, тут же бывший, — что ни того, ни другого.

— О! Когда вы говорите это, — подхватил Зуда, — то уж без сомнения так. Но поведай же нам высокую мысль твою, *vir excellens* (муж знаменитый).

— На вашу шутку, — отвечал дьячок, любивший также иногда отпускать плоския остроуты, и особенно после поцелуев с чаркою, — и я буду отвечать тоже шуткою. Ты речёшь, что я муж знаменитый!

— Перестань, Степаныч, кощунствовать, — сказал протопоп. — Ты знаешь: я не люблю этого. Если хочешь что сказать, говори, а дело с бездельем не путай.

— Извините, не стану, отец Пётр! Я хотел сказать, что в существе нет в мире ни добродетели, ни порока, всё зависит от закона.

— А я тебе на это скажу просто, — говорил протопоп, — что ты врёшь. Зло и добро в мире существуют искони, и закон только

указует то и другое. Потому что и сказано: *«Греха не знах, точию законом»*. Следовательно: если закон свят, то и указания его истинны; если же...

— Всё так, конечно, но...

— Полно ты со своим но...

— Ах, пожалуйста, — перебил Зуда, — не мешайте ему. Оканчивайте вашу премудрую речь, оканчивайте, господин почтеннейший, *Domine clementissime, honoratissime*...

— Называйте меня, как хотите, — отвечал дьячок, который, быв и без того в разстроенном состоянии духа от прежнего происшествия, хотя и желал, как видели мы выше, отделаться от Зуды шуткою, но не мог выдержать вторичного нападения, — называйте меня, как хотите, но я вам скажу решительно: что для вас темнота и мрак, то для меня яснее солнца, что я читал, того уж вам прочесть не удастся!

— Не спорю с вами, *Vir lectissime!* Я знаю, что вы всех умнее на свете...

— И без всякаго сомнения.

При сем слове Зуда захохотал от всей души, а дьячок, выйдя из себя и покраснев как рак, с гневом повторял ему: «Да, да, умнее! Смейся, сколько хочешь, а я...»

— Полно хвастать, Степаньч! — сказал протопоп. — Кто сам себя возвышает, того Бог унизит. Знаешь, сказано: *«Смиряйся, да вознесётся, а возносящийся смирен будет...»*

— Да помилуйте, отец Пётр, преобидно слушать этакия насмешки!

— Эх, братец! Перестань! Он шутит, а ты из кожи лезешь! Смотри лучше, чем окончится эта комедия.

Дьячок замолчал, но, поглядывая исподлобья на Зуду, кажется, ещё в первый раз от роду употребил с пользою познание своё древних писателей, припоминая из них разныя бранныя выражения.

В продолжение сих цитат камчадал, разбираемый мухомором, опять вскочил с бешенством на ноги и, вскричав: «Мухомор мне велел убить стараго попа и перерезать всех русских», — выдернул из-за пояса нож и кинулся на протопопа. Это было сделано так неожиданно и так быстро, что все, бывшие в юрте, можно сказать, едва только успели ахнуть, и камчадал, схватив протопопа за грудь, занёс на него нож. «Умри, поп!» — вскричал он.

В это мгновение мичман, неустрашимый, ловкой и сильный, оправившись от перваго впечатления, быстро схватил убийцу за руку и отбросил его с невероятною силою на средину юрты. Протопоп, сколь ни был в душе готов умереть каждую минуту, но не

мог, однако ж, не почувствовать трепету по слабости человеческой природы. Поражённый изумлением, он не успел ещё сказать ничего мичману, как сей последний кинулся на помощь Марии, которая от ужаса упала в обморок, продолжавшийся несколько минут. Протопоп не столько словами, как самым дружеским пожатием руки выразил благодарность своему избавителю и потом вместе с Зудю также начал хлопотать около больной. Наконец, раскрыв глаза и как бы не доверяя своему зрению, она спросила едва слышным голосом: «Дедушка! Это вы ли?»

— Слава Господу Богу! Я, моя милая! Вот мой защитник! (Протопоп указал на мичмана.) Он успел удержать нож, а то уж более тебе не видать бы меня.

Яркой румянец двоякой радости покрыл мгновенно бледные щёки Марии.

— Ах, любезный дедушка!

Она не могла ничего сказать более и, целуя руку деда, заливалась слезами. Старик сам едва удерживался от слёз, но перемог себя.

— О чём же ты плачешь, моя милая? — спросил он Марию.

— Сама не знаю о чём, но сердце так и бьётся во мне, как будто выпрыгнуть хочет.

— Успокойся, душа моя! И поблагодари лучше, во-первых, Господа Бога, а во-вторых...

— О, Боже мой! Ты видишь, что я чувствую...

— А во-вторых, Виктора Ивановича...

— Ах, перестаньте, ради Бога! — прервал мичман. — Можно ли поминать о такой малости? Если бы и тысячу раз ещё я спас вашу жизнь, и тогда всё ещё был бы у вас в долгу!...

— Благородный человек! — говорил протопоп, крепко обняв мичмана. — Недаром сердце моё полюбило тебя с первого взгляда. Чем больше узнаю тебя, тем больше любить тебя начинаю...

— Точно, дедушка! — подхватила Мария. — Вы не ошибаетесь в нём, я сама люблю его более себя.

— Что ты говоришь это, дитя моё милое?

— Она говорит то, что чувствует! — произнёс с жаром мичман. — И если безродный, оставленный всеми, кроме Бога, сирота и бедняк может, не обижая вас, изъяснить свои чувства, то и я скажу вам: я люблю её!

— И ты тоже любишь меня! — вскричала с восхищением Мария.

— Перестаньте, перестаньте, дети мои! — сказал протопоп со слезами на глазах. — Теперь не место и не время говорить об

этом. Мой совет: молиться больше Богу, так всё устроится по вашему желанию.

Мария кинулась на шею к своему деду и, обнимая его, твердила: — Любезный дедушка! Милый дедушка!

Мичман от избытка сердечной радости не говорил ни слова и только тоже порывался в объятия старика. Вообще вся группа представляла эмблему счастья, самого чистого, самого светлого.

«Боже Всемогущий! — думал Зуда, смотря на сию картину, — сколь мало нужно человеку, чтобы быть истинно счастливым, и как много желает он, чтобы достигнуть этого!

Совершенно противныя мысли занимали дьячка. Он почти обезумел от всего случившагося пред ним. Сперва, вытаращив глаза и разинув рот, он сидел в смешном изумлении, а потом, вскочив на ноги и вылезая проворно из юрты, произнёс со значительною миною: «Справедливо сказал ты, мудрейший из людей, велемудрый Спиноза, что Вселенная управляется случаем! Так и есть! Чем, например, эта гадина лучше меня: умнее ли, учёнее ли, ловчее ли, а вот подите — счастье, да и только!»

VII. САМОУБИЙСТВО

Безумствующий камчадал ещё несколько минут пролежал в безпамятстве.

— Возьмите его! — сказал протопоп, — и отнесите поскорее на нары: вишь, он совсем без чувств.

Но едва протопоп сие выговорил, как камчадал, вскочив опять на ноги, завопил ужасным голосом: «Брат! Помни клятву и поминай меня: вон стоит мухомор и велит мне себя зарезать». С сим словом он занёс на себя нож. Все бросились, чтобы удержать его, но он успел уже перерезать себе горло и, обливаясь кровью, покатился по юрте. Протопоп, Зуда, мичман и особенно Мария были поражены сим происшествием, но камчадалы, вообще мало дорожащие жизнью и склонные к самоубийству, смотрели на эту сцену весьма равнодушно, а жена самоубийцы и две ея прислужницы, не показав ни малейшаго испуга, тотчас приняли известные им средства для его спасения. Они обмыли рану, опутали больного ремнями, и потом прислужницы стали подле него с андронами, дабы отгонять ими смерть, а жена между тем, поместившись позади его, шептала над ним разные наговоры, также для отогнания смерти. Однако ж ни палки, ни наговоры не испугали старой хрычёвки, и, откуда ни взявшись, она утащила по обыкновению свою

жертву в известное одной ей место. Кончина сего несчастного также произвела больше впечатления на наших путешественников, нежели на его родовичей и родственников, которые, увидев, что он уже умер, преравнодушно навязали верёвку ему на шею, вытащили его из юрты и бросили около нея как вещь, уже отжившую свой век и ни на что более не пригодную.

— Вот самое диогеновское погребение! — сказал Зуда, обращаясь к протопопу. — Кажется, хуже нельзя пожелать и величайшему тирану, какого мог бы только вообразить хотя бы сам Махиапель.

— Ах, Абрам Васильевич! — говорил протопоп, — как ты можешь шутить над этим? А у меня так сердце обливается кровью, когда смотрю на это несчастное заблуждение.

— Вот! Заблуждение! Напротив, ничего не может быть лучшего. Так ли, брат Тарей?

— И конечно так, бачка! — подхватил тойон. — Кого съедят собаки, тот сам будет на том свете ездить на добрых собаках.

— Полно, братец! — возразил протопоп, — как тебе не стыдно верить такому вздору? Пора вам отстать от него! Ты сам видишь, до чего вы доходите! И сколько я раз твердил об этом: быть худу! Незнание истинной веры ведёт вас от порока к пороку, от зла ко злу. Помяните моё слово: настанет то время, когда гибель постигнет весь род ваш за неверие ваше. Опустеют ваши острожки и травую зарастут юрты...

— За что же, бачка, стращаешь нас?

— Нет, я не стращаю вас, но говорю истину: это должно непременно последовать в наказание за ваше невоздержание, за непомерное пьянство и сладострастие. Но ещё вы имеете время отвратить это зло. Признайте исповедуемого мною Бога, и вы избегнете гибели...

— И рады бы, бачка, да боимся. Вишь, у вас после смерти будут людей мучить, а у нас нет!

— Но кто же уверил вас в этом?

— Как кто? Сам Гаеч, сын Кутхи, всё это говорил ещё отцам нашим! Вишь, когда он умер, то и захотел, чтобы всё, что видел на тамошнем свете, рассказать своим родовичам. Вот пришёл с того света, да и рассказал всё.

— Что же всё? — спросил Зуда.

— Всего припомнить нельзя, а вот примерно сказать о свете, что ему конца нет; о душах, что они когда-нибудь оживут вместе с телом и также станут работать, только с той разницей, что тогда

будет уже во всем изобилие — и в зверях, и в рыбе, и в толкуше (самое любимое камчадалское кушанье, смесь ягод с икрою), и в соли, слышь, во всём, во всём.

— Стало быть, и звери, и рыба тоже так будут?

— Вестимо! Слышь, до последней мухи всё оживёт.

— Ах, Господи! — говорил протопоп, вздыхая. — Как трудно человека, единожды заблудшаго, обратить опять на путь истины!

— Но заметьте, отец Пётр, — сказал Зуда, — что важнейшия истины человечества не чужды и для самых грубых народов. Очистите от камчадалской религии все вздорныя и пустыя мнения, и что же останется? Бытие Бога, бессмертие души, будущая жизнь!

— Так, это правда! Но что в этом пользы, когда всё это заглушено разными нелепостями? Без веры Христовой все эти истины так же мало светят, как звёзды в ненастную ночь.

— Эх, бачка! — подхватил тойон. — Наши деды и прадеды прожили без вашей веры, так и мы прожить можем!

— Так, проживете. Но ваша жизнь главная не здесь, а по смерти.

— Так что же? Ведь я те сказал, что и мы оживём по смерти.

— А послушай-ка, господин Тарей! — спросил вдруг Зуда. — Когда вы все оживёте по смерти, то будете ли отвечать за прежние грехи? Например, если кто не сдержит клятвы...

— По-нашему, всякой за свои грехи здесь оттерпится — клятвы ли не сдержит или что другое сделает.

— А ты думаешь ли сдержать ту клятву, которую дал брату? — спросил протопоп, с намерением надоумленный Зудюю.

— Какую клятву, бачка? — отвечал тойон, не смутясь нимало. — Он всё пустяки врал: вишь, мухомор-то в нём шибко расходился.

— Дай Бог, чтоб так и было! — сказал протопоп. — Но если вы затеяли что недоброе, то сами будете после раскаиваться. Знаешь, русской народ силён.

— Знаю, знаю, бачка! Но ведь и ты меня знаешь не первой год. Стану ли я затевать что не по своим силам? Разве я с ума сойду! Одно только, что мы всем острожком положили: не давать ничего сверх царского ясака.

— Ну, это дело другое. За это вас никто повинить не может. А если вы затеяли что-то, я скажу тебе наперед: *приемший нож ножом погибнет*, то есть кто возьмётся за нож, тот и погибнет от ножа.

— Я, бачка, сказал правду.

— Ну, я верю тебе. Поверь же и ты словам моим, что если хотите быть счастливыми в сем веке и будущем, то одно средство: сделаться христианином.

Протопоп объяснил при сем всю святость христианской веры и все безконечные блага, от нея проистекающия; но все его слова падали на самую каменистую почву, и тойон весьма равнодушно отвечал:

— Хорошо, хорошо, бачка, дай подумать, авось!

— Это я от тебя слышу не в первой раз, но делать нечего! Буди во всем воля Господня! Знать: *не убо пришёл час твой!*

— А, кажется, уже давно пришёл час, — подхватил Зуда, — чтобы всем нам ложиться спать?

— Ах, Абрам Васильевич! Ты до старости всё ребёнок... Но, в самом деле, пора ложиться. Эй, Лемшинга! Камак! Завтра чуть свет приготавлийте собак: наш больной, слава Богу, поправился, так время уж и отправляться в дорогу.

Все наконец заснули. В юрте стало тихо, как в могиле. Не спалось лишь одной Марии. Избыток радостных ощущений не давал ей сомкнуть глаз.

Душа ея была полна того чистаго, небеснаго восторга, который доступен только в первых минутах любви для непорочнаго сердца и который есть, может быть, хотя слабый и неясный, но верный очерк блаженства, обещаемаго вам вечностию. Носясь воображением в прекрасной, прелестной дали будущаго, Мария перелетала с мечты на мечту, и одна другой казалась ей сладостнее и милее. Напрасно наконец хотела она забыться сном: голова ея пылала, и сердце билось, как в сильной горячке. По тщетном и долгом усилии она встала и вышла потихоньку из юрты. Ночь была ясная. Огромный усталый шар Луны величественно спускался в бездны моря, и ряды дремлющих волн, как бы не желая разстаться с его ласковым светом, тихо катились на запад, волна за волною, и наконец исчезли в озарённом им пространстве. Хоры звёзд столь же тихо и мирно текли по небу. Марии казалось, что всё дышало спокойствием, миром и любовью, всё так ласково приветствовало её: и луна, и звёзды, и волны, всё так ясно и внятно, казалось, говорило ей: «Счастливая Мария! Он твой! Он тебя любит!» Подобных минут, когда восторженному юному сердцу кажется весь мир так прекрасен, так исполнен блаженства, описать невозможно. Их можно только привести на память тому, кто некогда ими наслаждался. Прислонившись к камню на берегу моря, Мария долго оставалась в сем положении. Мысли ея разбегались за волнами, и она наконец ничего не думала. Оставалось одно неясное, но сладостное ощущение любви, которое наполняло ея сердце.

— О чём вы так задумались? — спросил Марию тихо подошедший к ней мичман, который не мог также заснуть, волнуемый происшествиями дня.

— Ах, это вы! — вскрикнула Мария, как бы вдруг проснувшись ото сна. — Я думала о многом, о многом, думала о себе, о вас...

— И обо мне? Что же вы думали обо мне?

— Я думала, как буду я счастлива...

— Со мною? О, Мария! Так ты будешь счастлива! Ты будешь счастлива, милая Мария!

В это мгновение закатывавшаяся Луна, верный друг и благотворное божество любовников, подёрнулась лёгким туманом, как бы не желая смотреть на обманчивое блаженство двух милых существ, которых мечты и упования не могли сбыться в будущем. И когда она опять показалась из-за облака, то как будто для того только, чтобы осветить на ближнем пригорке две человеческие фигуры, которая в знак какого-то взаимного условия схлопнули рука в руку и разошлись поспешно в разные стороны. Появление их произвело в душах наших любовников весьма странный и быстрый поворот. Оба они были обданы каким-то удивительным страхом, точно так, как бы увидели беседу злых духов, стоваривавшихся об их гибели. Но что же значил сей страх? Было ли это предчувствие сердца, сие неисповедимое свойство его предугадывать несчастья, ещё таящиеся в недрах времени, или обыкновенное опасение, всегда сопровождающее людей, стоящих на вершине счастья? Как бы то ни было, Виктор и Мария долго не могли успокоиться, но мало-помалу действие сего панического страха начало утихать, волны опасения улеглись в душе, и опять блаженство любви наполнило добрых, невинных и пылких сердца двух счастливых. Тогда они начали сами шутить над собою и, весело разговаривая и смеясь, не заметили, как Луна, совершившая свой круг, спустилась на лоно плескавшихся около нея волн, звёзды удалились одна за другою в безмятежную обитель неба и царь Вселенных возстал во всём великолелии своём из-за вершин отдалённых хребтов.

VIII. ЦЫГАНКА

Кто не знает Авачинской губы, сей первой гавани в целом свете, образованной самою природою и могущей вместить соединённые флоты всей Вселенной? Эта гавань сливается ещё с тремя меньшими: Раковой, Тарьинской и Петропавловской, получившей

сие название от кораблей «Петра» и «Павла», посещавших её во время экспедиции знаменитого Беринга. Гавань Петропавловская лежит в северной части Авачинской губы, отделяясь от нея с запада гористым полуостровом, а с востока — клинообразною узкою косою, по-сибирски кошкою. Частию на сей кошке и частию на северном берегу гавани расположен острожек Петропавловск, имевший в описываемое нами время домов не более двенадцати, несколько балаганов и деревянную церковь. Лучшими зданиями считались дома начальника и протопопа, приезжавших сюда на время. Прочие были в истинном значении сего слова хижины, тут инде разбросанныя.

Таким образом, вид сего беднаго селения, закинутаго на край земли и отделённаго пустынями и морями от образованнаго мира, наводил на сердце мыслящаго обитателя невольную скуку и грусть. Окрестности его столь же мрачны и печальны, хотя и величественны. С одной стороны море, с другой ужасныя горы — Стрелочная, Авачинская и другия, или покрытыя вечным снегом, или вечно дымящияся. Это грозныя шатры, затопленные всемогущею рукою природы и, может быть, разгорающияся на день суда!

Но нужно ли объяснять, что взгляд наш на природу совершенно зависит от состояния нашей души? Так, например, счастливому мичману и нашей камчадалке, прогуливавшимся в один ясный декабрьский день по тропинке, протоптанной на косогоре, ведущем на кошку, казалось, что нигде в свете нельзя найти картины прелестнейшей и живописнейшей. В сие время лучи полдневнаго солнца скользили по лесистым вершинам сопок и отражались в миллионах алмазных звёзд, разсыпанных по белому пологу снега, раскинутому на горах и долинах вокруг огромнаго зеркала, образовавшагося из чистой и гладкой поверхности замерзшаго залива.

Холод был самый умеренный (климат петропавловский несколько сходен с петербургским. Мороз редко простирается там выше двадцати двух градусов по Реомюру) и более приятный, нежели ощутительный. Воздух чистый и проливавший с дыханием самую усладительную свежесть. Прибавьте к этому неизъяснимый восторг первой любви, очаровательную сладость надежд на будущее блаженство, близость милаго, обожаемаго предмета — и вы поверите, что наши любовники не могли ни желать, ни вообразить лучшаго места.

Разговор их в продолжение прогулки перебежал с предмета на предмет, хотя и кружился около одного центра, и этот центр был — любовь. Они то терялись в будущем, то возвращались в прошедшее.

Наконец, вспоминая с чувством, вместе и ужасным и сладким, подробности избавления, мичман сказал Марии:

— Тотчас по приезде нашем сюда я старался узнать о жене великодушного матроса, и мне сказывали, что она живёт вон в этой хижине, подле первого балагана на кошке. Не хочешь ли, Мария, зайти вместе со мной теперь к этой женщине?

— О! Я сама давно желаю видеть её, чтобы помочь ей, чем только в состоянии. Впрочем, мало и самой жизни моей, чтобы заплатить достойно за подвиг ея мужа: он подарил мне тебя.

— Скажи лучше, он сохранил мне жизнь, чтобы я узнал всю ея цену, узнавши тебя, мою милую, мою великодушную избавительницу!

В сем сладком состоянии духа мичман и Мария отворили дверь в хижину. Тут жила бедность со всеми своими ужасами — голодом, холодом и нечистотою. Двое ребятишек укрывались от стужи на печи, быв почти нагие. В углу, подле стола, у окошка, заткнутаго льдиною, стояла женщина высокого роста, сухощавая, с большими чёрными глазами, со смуглым мрачным лицом и вообще с цыганскою физиономиею. Она держала в руках струганину (мёрзлая рыба, которую стругают ножом и едят сырую) и с великою бранью бросала куски голодным ребятам, хватавшим их с жадностию собак.

— Чтоб вам околеть, негодные! — говорила она, стиснув зубы. — И то всё сожрали, а ещё просите! Где ж мне взять? Отец-то ваш поехал, да мне ничего не оставил, а теперь стал чёрту баран! Добывай сама, как умеешь! Перестаньте, окаянные, не то пырну ножом, так уймётесь, дьяволы!

— Не стыдно ли так бранить своих детей, тётка? — сказал мичман, вошедший во время ея монолога в хижину.

Цыганка обернулась к дверям и с приметным изумлением сверкнула глазами на мичмана, который также показал вид величайшего удивления и даже испуга.

— Что я вижу? — вскричал он. — Это ты, Марина?

— Какая, багюшка, я Марина? — отвечала цыганка, мгновенно приняв на себя вид самого искреннего смирения и стараясь говорить самым простодушным языком. — Извольте спросить барышню: она знает меня. Я мещанка Караулова, Аграфена.

— Да, это правда — сказала Мария.

— Чего же испугалась ты? — спросил мичман.

— Да виш вы, ваше благородие, изволили вдруг зайти, а моё-то дело сиротское: недавно лишилась мужа, дети мал-мала меньше.

— Я знал твоего мужа. Он мне спас жизнь, и я пришёл оказать тебе помощь. Вот возьми это на первый раз, а потом, когда выйдут эти деньги, опять приходи ко мне.

— Благодарствую, батюшка, ваше благородие! — воскликнула женщина, упав в ноги мичману и рыдая с великим искусством. — Благодарствую, мой кормилец! Господь, Царь Небесный наградит тебя, что ты меня, горькую сироту, не забыл! И тебя не забудет Господь ни в сем веке, ни в будущем!

— Ах, полно плакать, Караулиха! — сказала Мария, у которой также показались на глазах слёзы.

— Как же не плакать и не рыдать мне, ангелочек ты мой, когда нашлись этакие добрые люди, каких здесь и слыхом не слыхано! Вот я здесь десятой годочек выживаю, известно вам, а кто призирал меня, горемышную, кроме вашего дедушки, дай Господи ему доброе здоровье? А то нет и кусочка, не жди ниоткуда, а ведь, бывало, мой-то заедет в море, так по целому году и глаз не увидишь!

— Где же он женился на тебе? — спросил мичман, желая узнать ее происхождение.

— В Иркутске, мой родимый, в Иркутске. Вишь, батюшка мой был тамошний казак Почекунин. Мой-то жил тогда ещё исправно. Присватался, батюшка позарился, да и отдал меня за него, а он и спейся! Пил, пил, да под конец и нанялся в компанию. Что делать? Принуждена была ехать сюда век коротать!

— А желала ли бы ты воротиться в Иркутск?

— Нешто, мой кормилец, как бы не желать!

— Ну, так я постараюсь об этом...

— Ах ты, родимый мой! — вскричала цыганка, опять кинувшись в ноги. — Дай тебе Господи! Награди тебя Господи!

— Ну, хорошо, хорошо! Прощай.

По выходе из хижины мичмана и Марии цыганка опять приняла на себя мрачный вид, села подле стола и, подперши рукою голову, погрузилась в глубокую думу, прерывая изредка молчание отрывистыми восклицаниями:

— Так, это он! Вот судьба! Для него мой пьяница отдал жизнь, для этого бестии, котораго отец, который сам был причиною моей ссылки! Так нет же, злая судьба! Я пойду наперекор тебе, не дам смеяться тебе надо мною! Яд и нож! Вы ещё остались у меня! Вы ещё при мне, мои верные товарищи с того ненавистнаго дня, как люди заставили меня таскаться по свету!

Цыганка, разгорячаясь более и более, пришла наконец в совершенное бешенство.

— Меня обезчестили, — вопияла она с величайшею яростию, — меня обманули, наругались надо мною, меня гнали из места в место, терзали, мучили, кровь мою пили. И ты, злодей, и твой проклятый выродок были всему причиною! Теперь ваша очередь наступила, теперь пришло время мне потешиться над вами, теперь вы попали в мои руки! Гибните же, окаянные!

Дети цыганки, приведённые в испуг ея бешенством, вскочив с печи, полезли к ней.

— Матушка, матушка! Что ты сердишься? На кого ты сердишься!

— А, дьяволы! Вы хотите меня умиловать? Нет вам пощады!

Она махнула наотмочь ножом, и два сына ея, облитые кровью, упали к ея ногам. С тем вместе выпал и нож из ея рук. Она села на скамью, как будто пришла в себя и, устремив страшные взоры на лежавшие пред нею трупы детей, захохотала отчаянным смехом:

— Ха, ха, ха! Вот ещё штука! Так я зарезала своих детей! Это ты, господин дьявол, подшутил надо мною! Тебе всё хочется моей души? Возьми, брат, её: она твоя, но у меня ещё есть на земле отрада! Однако ж прибрать трупы. Мне не впервые хоронить их, и для меня всё равно теперь кого ни похоронить! Лежите, дети! Теперь вы будете и сыты, и теплы, и одеты, чего же вам более? Хорошо, что у вас такая добрая мать!

Она подняла половицу и, выкопав яму, положила в них оба трупа, завернув их в рогожу.

— Не прочитать ли молитву? Ведь говорили: эта глупая барыня, у которой я жила с детства, окрестила меня... Ха-ха-ха! Всё пустое!

*Спите, трупы! Под землёю
Сон спокоен и глубок!
Ни с напастью, ни с бедою
Не знаком ваш уголок.
Мать сыра земля защита
Вам от снега, от дождя;
Ею ваша грудь закрыта
От стрелы и от ножа.
И не встретят ваши очи
Взгляд кровавый палачей,
И под мраком бурной ночи
Не подкрадетя злодей!
Спите, трупы! Под землёю
Сон спокоен и глубок.
Ни с напастью, ни с бедою
Не знаком ваш уголок!*

Пропев сию песню диким нечеловеческим голосом, цыганка опустила по-прежнему половицу и, потерши рукою лоб, сказала весьма спокойно:

— Ну! Дело кончено! Утонули, да и только! Пусть ищет, кто хочет!

Между тем мичман и Мария хотя возвращались тою же тропинкою, но уже не с прежним удовольствием смотрели на окружавшую их великолепную картину. Странное и близкое сходство Аграфены с Мариною возобновило в душе мичмана уснувшую тоску о потерянных им родителях. Мария, смотря на его задумчивость, также приуныла. Долго они шли, не прерывая молчания.

Наконец мичман спросил Марию:

— Я думаю, жизнь этой женщины совершенно известна здесь?

— Известно только то, — отвечала Мария, — что она приезжая и что точно дочь какого-то мещанина, по крайней мере, так сказывал и покойной муж ея. Говорят также, что она с мужем своим жила весьма дурно, что она женщина весьма хитрая, что почти никогда не ходит в церковь и слывет колдунью. Мне в детстве так много наговорили о ней, что и теперь ещё при встрече с нею как будто рождается у меня в душе какое-то тёмное предчувствие...

— Можно ли, Мария, верить мечтам детства? Ты, слава Богу, не испытала бедности и не знаешь ея пагубных следствий: она портит иногда самое доброе сердце. Я уверен, что если постараться — что я непременно и сделаю — если постараться улучшить состояние Карауловой, то о ней заговорят совсем другое. Та глубокая чувствительность, с которою она приняла самое маленькое одолжение, показывает, что сердце ея способно чувствовать добро, и это-то совершенно уверило меня, что сходство ея с Мариною есть только игра случая.

— Пусть так будет, Виктор, но всё же я прошу тебя: будь с нею осторожнее. Моя покровительница, помню я, говорила мне однажды, что точно иногда сердце предчувствует будущее несчастье.

— Это правда! — сказал с улыбкою мичман, стараясь принять на себя весёлый вид. — Я сам в эту минуту имею самое верное предчувствие...

— Какое же?

— Что мы опоздаем к обеду и что имянинник наш, Антон Григорьевич, будет на нас сердиться...

— Ну, это предчувствие ещё не так страшно. Однако ж, в самом деле, поспешим, потому что Ольга Павловна, верно, уже дожидается нас.

— Ах, Мария! Как мне нравится эта прекрасная дама!

— Но когда ты, Виктор, более познакомишься с нею, то ещё более будешь любить её. Это сущий ангел!

— И потому ещё должен я любить её, — сказал мичман, сжимая руку Марии, — что она воспитала для меня другого ангела.

— Нет, Виктор! Я только тогда могла бы называться сим именем, когда бы походила на нея во всём. Ты бы посмотрел, с каким участием она слушала дедушку, когда он просил у ней согласия на нашу свадьбу! С каким вниманием спрашивала она о тебе и с какою нежностью обняла меня и сказала: «Машенька! Я не препятствую тебе. Дай Бог, чтобы сердце твоё тебя не обмануло! Признаюсь: твой жених и мне понравился с первого взгляда. Будьте счастливы, он тобой, а ты им!»

— Это прекрасное желание уже исполняется, — говорил мичман. — Ах, Мария! Есть ли на свете человек счастливее меня?

— Есть, и это я! — сказала Мария, взглянув на своего любовника со всюю пламенностью страсти.

Говоря сие, они подошли к дому начальника и взошли на крыльцо.

IX. НАЧАЛЬНИК

День именин Антона Григорьевича был самым памятным днём для обитателей Камчатки, ибо именно к этому дню должны они были заготовить порядочный запас всякой всячины для подарков дорогому имениннику. Подарки обыкновенно доставлялись ему из богатейших острожков самими тойонами, а из отдалённых мест — или исправниками, или присылались с нарочными. Смешно было смотреть на почтенного Антона Григорьевича, когда он, быв в душе величайшим грабителем, смиренно-мудренно сидел за Четьи-Минею накануне своих именин и стыдливо поглядывал, как приходившие купцы и тойоны заваливали мягкою рухлядью казёнку, нарочно для сего устроенную подле его кабинета. «Благодарствую, друг мой! — говорил он каждому приносителю. — Это вовсе лишнее. Кабы я не боялся тебя обидеть, то ни за что бы не принял». По выходе же приносителя он тщательно осматривал приношение, и если находил оное недостаточным, то с великою злобою говорил: «А, мошенник! Ты ещё, видно, не учён! Пожалел лыка, так отдашь и ремень!» Все эти приношения были, однако ж, только экстраординарные. Независимо от них были ещё систематические, единожды навсегда определённые, о которых мы слышали уж из уст Тарей. С этими-то поборами приезжали сами исправники, которых Антон Григорьевич умел удивительно держать в руках.

Это был охотник со сворою собак, которых он пускал на добычу и которым позволял пользоваться и самим, накидывая в сие время верёвку им на шею, дабы при малейшем со стороны их неповиновении иметь возможность не только прибрать их к рукам, но и задавить в случае нужды. Находясь как с ними, так и с другими доверенными своими людьми наедине, Антон Григорьевич, хотя совершенно снимал с себя личину святоши, как в сем случае ни к чему не служившую, но зато надевал другую личину какой-то законности в самых мошеннических делах и резким начальническим тоном требовал исполнения самых беззаконных приказаний как справедливого и необходимого или как должной дани благодарности со стороны их за дозволение устраивать своё состояние. Боже сохрани, если кто оказывался в сем случае неблагодарным, то есть не сбирал всего определённого и осмеливался приезжать не только с пустыми, хотя не совсем с полными руками. Такой смертный грех случился накануне настоящих именин с исправником большерецким, которому Тарей отказал в оброке наотрез, представив нужды и бедность своего острожка.

Большерецкой исправник, коллежский регистратор Сумкин, был маленькой, хромой мужичок, самой низкой и подлой души, почти веровавший в Антона Григорьевича и всегда готовый перенести от него всякую брань и обиду. Объяснив с видом величавшаго подобострастия и робости отказ Тареи, он едва не упал в обморок, увидев вспыхнувший на лице своего повелителя огонь гнева ярости.

— Неблагодарные мошенники! — завопил Антон Григорьевич, кинув в Сумкина Четьи-Минеи. — Я за вас умираю на деле, чтобы вы были спокойны да счастливы, а вы? Что вы делаете со мной? Хотите меня по миру пустить!

— Простите великодушно, ваше высокоблагородие! Всё будет исправлено!

— Подлец ты, мошенник! Всё будет исправлено! Ты этого не хотел для меня сделать? Я тебя заставляю думать о твоей обязанности.

— Ваше высокоблагородие! Я бы со всем усердием, да ведь острожек Тареи действительно самый бедный...

— Да, бедный, потому что тут дело шло о моей выгоде, а не о твоей. Я слышать этого не хочу!

— Что же мне делать, ваше высокоблагородие?

— Что делать? А вот что. — Антон Григорьевич обернул Сумкина к дверям и вытолкал его в шею.

— Добро же ты, шельма Тарей! — ворчал Сумкин, выходя из дома начальника. — Я теперь из тебя сок вытоплю. Я посмотрю, как ты не отдашь мне всего, да ещё и с сотенными процентами!

— Что так обезпокоились, Антроп Спиридонович? — спросил Сумкина попавшийся к нему навстречу фельдшер.

— Ах, это вы, Алексей Пантелеевич! — вскричал Сумкин, бросая обнимать Шангина. — Извините, любезнейший, в потьмах-то и не вижу! Давным-давно не видал! Как поживаете?

— Слава Богу! А откуда изволите путь-дорогу держать?

— От начальника, любезнейший! Признаться, сегодня провинился, немного так побранил, да и подзатыльник ещё скроить изволил. Да брань на ворота не виснет, и от отца всё стерпеть можно, а ведь он у нас не начальник, а отец!

— Правда ваша, Антроп Спиридонович, правда, что отец! А за что он вас побить изволил?

— Да за мошенника Тарейю.

Сумкин рассказал, в чём дело.

— Это мне известно, Антроп Спиридонович! — говорил Шангин. — Тут вы ни сном, ни духом не виноваты.

— То-то и есть, Алексей Пантелеевич! Если начальник будет говорить с вами об этом, так, пожалуйста, замолвите золотое словечко, а покамест возьмите это серебряное колечко. — Так пришлось складно сказать.

При сей подъяческой рифме Сумкин всунул в руку Шангина кошелёк с серебряными деньгами.

— Напрасно беспокоитесь, Антроп Спиридонович! Я и без этого исполнил бы ваше приказание...

Между тем по изгнании Сумкина начальник мгновенно принял на себя спокойный вид, ибо настоящий гнев его был притворный, как тактическая проделка, которую он употреблял с людьми подлаго характера. Он поднял Минею, исправил в ней смятые листы и, заметив закладкою житие Козмы Безсребренника, с усмешкою положил книгу на стол. «Моя жизнь, — говорил он сам с собою, — если сказать правду, не слишком походит на житие этого святого. Но не всякому же быть безсребренником! Впрочем, и меня можно назвать так же: серебра-то и у меня не много, только соболи да лисицы, а ведь это не серебро! Ха, ха, ха! Только как ни посмотрю я на свои дела, — продолжал он, несколько помолчавши, — то сам себе удивляюсь. Здешние первые русские выходцы говаривали: в Камчатке-де семь лет можно прожить счастливо, а я — каково

же? — одиннадцатый год обираю здесь правого и виноватого, и живу, как мне хочется! Вот что значит подобрать людей! Я уверен, что, например, этот подлец Сумкин теперь рад с живаго Тарей содрать кожу и пронести мне в подарок, лишь бы я не сердился на него... Да, власти у меня много, богатства ещё более, чего же ещё надобно? Ах, эта проклятая девчонка не выходит у меня из ума! Но что я могу сделать? Она имеет жениха, я — жену!»

Сказав сие, он опять замолчал и стал ходить по комнате большими шагами. «Да! Это ужасно, но это должно быть! А мучение совести? А мука за гробом?» Он медленно повёл глазами по стене комнаты и остановился на висящем на ней портрете иезуитского патера. «Что ты мне скажешь теперь, наставник моего детства? Как ты разрешишь эту задачу? Ты, который старался впечатлеть на моём детском уме что ни добрые дела не могут спасти нас, ни погубить худыя? Отвечай мне теперь. Твой ответ мне в эту минуту всего нужнее! Ты молчишь? Так пусть же тягость моего злодеяния обрушится над собою! Пусть же от тебя потребуют ответа в моём преступлении, если ты обманул меня... Я решился, и дело кончено!»

В эту минуту послышался шорох за дверью. Начальник схватил опять Четьи-Минею и принял на себя вид глубокого внимания.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие! — сказал вошедший в комнату фельдшер.

— А, это ты, Алексей? Куда это чёрт тебя занёс? Ведь, шутка ли, два месяца целых слонялся?

— Слава Богу, ваше высокоблагородие, что ещё и жив остался...

— Что с тобой сделалось?

— Да что, ваше высокоблагородие! Наш почтенный отец-протоиерей изволит разъезжать, да только бунтует народ.

— Как так?

— А вот изволите видеть! Продавал в Кууюхчене вашу водку...

— Где же товары?

— А вот здесь, ваше высокоблагородие! Четыре сорочка. Извольте посмотреть: масть к масти!

— Хорошо, положи! Ну, так что же?

— И протопоп тут же был, да Зуда...

— А, это старый мошенник!

— Да молодой офицер, да внучка протопопа...

При сем слове краска показалась на лице начальника, и он с нетерпением прервал фельдшера:

— Тфу, к чёрту! Что ты всё это мне рассказываешь?

— Имейте терпение, ваше высокоблагородие, я не задержу вас. Вот я продаю водку и вижу: дело не ладно: протопоп с Зудюю так и честят вашу милость, индо меня мороз по коже подрал...

Фельдшер пересказал разговор протопопа с Зудюю, переиначив его по-своему. Выслушав его, начальник вскричал в бешенстве:

— Они осмелились поносить меня?

— Я не солгу, ваше высокоблагородие!

— Дорого же будет им стоить эта брань! Продолжай!

— Вот они говорили, говорили, да и начали уговаривать тойона на бунт, чтобы он не покупал от меня водки, чтобы отказался от платежа оброка...

— Клянусь Богом! — вскричал начальник, ударив кулаком по столу. — Они раскаются в этих поступках!

— Но это ещё только цветки, ваше высокоблагородие, ягодки ещё впереди. Услышав их возмутительные речи, Теньява, брат тойона, закричал было что если они не уймутся, то он-де донесёт на них начальству. Как они все вдруг бросятся на него, схватили его за горло, да и давай давить. Я было пристал — где ты! Как пить дали, уходили, да и я едва ноги унёс, да вот и прохворал в Больше-речке без малаго две недели.

— Так и офицер участвовал в убийстве? — спросил начальник с дикою радостью.

— Все, все, ваше высокоблагородие!

Начальник замолчал. Он сложил руки на грудь и начал ходить по комнате, погружившись в самую глубокую думу. «Не понимаю, — думал он, — какой злой рок покровительствует всем моим намерениям? Сколько доносов, сколько клеветы и правды было писано на меня, и всё сошло с рук, как нельзя лучше! Самыя чёрные дела мои обратились в мою пользу и самыя справедливыя жалобы мне удалось опровергнуть! Теперь я замышляю самое страшное дело, и что же? Кто это помогает мне? Какой злой дух разделяет со мной мои желанья? Я наперёд знаю, что этот бездельник, взводя убийство на протопопа и мичмана, говорит ложь и что он, или проникнув своим лукавым умом в расположение моей души, или из собственной мелочной выгоды, готов погубить невинно мать и отца роднаго. Но тем не менее он вдруг доставляет мне прекрасный предлог к совершению моего намерения, когда я всего менее ожидал этого? Что ж это значит? Я могу теперь взять тотчас под арест этого офицера, сделать его чернее сажи, хотя бы совесть его была светлее солнца, и, наконец, совершенно погубить его! Ужели злой дух доставляет мне этот случай, дабы увлечь меня в погибель?

Но так и быть: демон или судьба помогают мне, я воспользуюсь этой помощью!»

— Послушай, Алексей! Ты затеваешь дело нешуточное, имеешь ли ты свидетелей?

— Имею, ваше высокоблагородие!

— Кто ж они таковы?

— Во-первых, дьячок Шайдуров.

— Ручаешься ли ты, что этот урод поддержит твои слова?

— Так думаю, по крайней мере, потому, что он зол на протопопа и офицера. Ведь вы изволите знать, что он хотел жениться на протопопской внучке. Он тоже расскажет вам, как они поносили и позорили ваше имя...

— Хорошо! Я дам им знать себя! Я их разобью.

— Вдребезги, ваше высокоблагородие! — воскликнул вошедший в сие время с кипюю бумаг секретарь начальника Пётр Фёдорович Погремушкин, не менее своего владыки склонный ко взяткам и к грабительству, но разыгрывавший роль человека строгого и правдолюбиваго и поощрявший Антона Григорьевича ко всякому злу под видом искоренения злоупотреблений. — Вдребезги! — повторил он. — Коли истреблять зло, так надобно его вырывать с корнем!

— Правда твоя, Пётр Фёдорович! Но что это у тебя под мышкою?

— Почта.

— Давай скорее!

Начальник схватил с нетерпением пакеты и, отобрав предписания губернаторския, проворно распечатывал их и бегло прочитывал. В это время фельдшер на цыпочках вышел из комнаты, а Пётр Фёдорович, также любивший выдавать себя за человека просвещеннаго, занялся разборкою журналов, которых было получено вдруг несколько книжек, с ноября по апрель, ибо почта пришла за целые полгода (и ныне почта в Камчатку приходит только два раза в год). Пётр Фёдорович, прочитывая заглавия и раскладывая журналы по кучкам, делал свои замечания:

— «Что-нибудь!» Ба! Только два нумера! Вот, извольте платить деньги по пустякам и ждать целые полгода, чтобы наконец узнать, что господин издатель вздумал повеселиться на счёт добродушных подписчиков. Что станешь делать с мошенниками? «Вечерняя заря»... Вот это журнал хоть куда! И издаётся исправно, и есть очень хорошие статейки! «О познании Бога, самого себя и своих должностей»... Прекрасно! Антон Григорьевич, вот статейка!

— Хорошо, хорошо, Пётр Фёдорович! Разбери поскорее да отошли к жене. Это по ее части.

— «Покоящийся трудолюбец», «Растущий виноград», «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»... А вот и книжечка вашего племянника: «Зерцало древней учёности»...

— Сколько экземпляров?

— Кажется, экземпляров пятьдесят будет...

— Так разошлите, Пётр Фёдорович, поскорее при письмах к исправникам, чтобы роздали камчадалам и поскорее прислали деньги. Эта книга для них будет очень полезна.

— Ваша правда, — отвечал секретарь без малейшей усмешки.

После сего начальник опять стал пересматривать бумаги и вдруг вскричал:

— Ещё донос!

— Донос? — подхватил Пётр Фёдорович, оттолкнув в сторону книги и журналы. — Вот что значит быть великодушным! Я давно говорил вам: с бездельниками церемониться нечего! Вдребезги, да и полно! Кто ж это осмелился вас чернить?

— Приятель мой, отец протоиерей... Это за то, что я воспитал его внучку! Вот неблагодарные!

— Что же написал он?

— Слушай! «Злоупотребления превзошли здесь всю меру; нет правосудия в судах; торговля в руках начальника, жители разорены, и вопль их...» — А, поп! Так и ты вздумал клеветать за меня!

— Дерзость, непомерная дерзость! — воскликнул Пётр Фёдорович. — Ложь и клевета невообразимы!

— Ну, пусть же он лжёт: он теперь в моих руках! Сейчас только Алексей рассказал мне ужасное дело.

Объяснив донос фельдшера, начальник прибавил в заключение:

— Пётр Фёдорович! Потрудитесь приготовить к завтраму предписание на имя большеецкаго исправника, чтобы он произвёл об этом следствие самым строжайшим и, разумеется, самым беспристрастнейшим образом. Я думаю и вас также прикомандировать к этому. Ваше беспристрастие мне совершенно известно...

— Благодарю, ваше высокоблагородие, за доброе мнение. При таком начальнике, как вы, не быть беспристрастным...

— И также, пожалуйста, приготовьте хороший ответ губернатору. Ещё я желал бы иметь сведение о состоянии вообще здешняго духовенства. Кажется, не худо бы поставить на вид...

— Да уж, когда бить, — сказал с жаром Пётр Фёдорович, — так надобно добивать: полумеры никуда не годятся! Я это вам давно твержу.

— Что делать, Пётр Фёдорович? Великодушие меня губит!

— Да, и добродетель неуместная вредна!

— Ну, так и быть, что сделано, то сделано! Потерянного не воротишь! По крайней мере, теперь постараемся поправить ошибку. Займитесь же, пожалуйста, бумагами.

Надобно сказать правду, что Пётр Фёдорович был человек весьма неглупый, искусный в писании бумаг и величайший мастер делать из чёрного белое. Поутру чем свет он уже был в кабинете начальника.

— Вот вашему высокоблагородию подарок в день именин. Извините: чем богат, тем и рад!

— Спасибо, Пётр Фёдорович! Этот подарок мне всего нужнее. Ну, читай же, что написал.

Секретарь начал с ответа губернатору.

— С самого вступления моего в управление Камчаткою я прилагал неусыпных попечения, обозрев все части, вникнуть в состояние оных и привести их в лучшее положение, сколько позволяли зависящая от меня средства. С ужасом увидел я повсеместный беспорядок, злоупотребления, разстройство, разврат и всеобщее растление в нравах...

— Прекрасно! Продолжайте!

— Решившись с самым пламенным усердием к пользе службы действовать к искоренению сего зла, я встретил величайшия и неожиданныя препятствия. Чиновники, духовные и граждане, быв большею частию из числа сосланных и, следовательно, нося в себе семена всякаго зла, составили между собою комплот (заговор с преступными целями), дабы противиться принимаемым мною мерам, и сговорились всячески чернить меня пред лицом высшаго начальства...

— Превосходно, неподобно! Сущая истина!

Секретарь наконец дочитал бумагу, в которой по опровержении протопопскаго доноса на самого его взводилась самая нелепая клевета: что он не старается вовсе о распространении христианской веры между инородцами, что, напротив, присутствием своим при их суеверных обрядах, как-то: на свадьбах, похоронах — сам поощряет их к продолжению идолопоклонства и разврата, что слабое правление его духовенством подало повод ко многим злоупотреблениям и порокам, что он восстанавливает и возмущает народ против

начальства, что он замешан по делу об убийстве камчадала Тенявы, о чём-де производится уже следствие, и прочем, и прочем. Словом сказать, не было преступления, котораго мастерская рука правдолюбиваго секретаря не взвела бы на этого добродетельнейшаго христианина, каков был протопоп Верещагин, и все эти клеветы, быв изложены складно и дельно в форме официальной бумаги, приняли вид величайшей вероятности.

Начальник был в восхищении и, подписав бумагу, разцеловал Петра Фёдоровича.

— Вот, это-то, — говорил он с чувством величайшаго удовольствия, — значит поднести красненькое яичко! Удружил, Пётр Фёдорович, удружил! Ну, покажите же мне прочия бумаги.

— Вот предписание исправнику... Предписание на моё имя... Предписание на имя нижнекамчатскаго уезднаго суда, дабы он для суждения дела о бунте прибыл сюда. Ведь я чаю, вы по болезни вашей ноги не можете скоро туда отправиться, а это дело такого рода, что требует ближайшаго надзора.

— Это правда! Ты вздумал очень дельно!

— Предписание исправникам насчёт поведения духовных...

— А, хорошо! Спасибо, что не забыл! Эта бумага весьма нужна!

— Предписание городничим, чтобы они старались всеми мерами узнавать, не затевается ли где комплота против начальства, и потом старались немедленно схватывать бумаги и самих таковых злоумышленников брать под стражу!

— Прекрасно! Это давно надлежало сделать! Этого требует спокойствие целой здешней страны.

— Наконец, предписание о взятии под стражу мичмана и протопопа...

— Нет, это ещё рано! С протопопом, по его званию, надобно поступать осторожнее, а к мичману во вчерашней связке я нашёл письмо из Иркутска. Прежде я хочу узнать, от кого оно, дабы судить о его связях. Этого требует благоразумие!

— Ваша правда, Антон Григорьевич! В делах человеческих не довольно быть только невинным, но необходимо нужна, сверх того, крайняя осторожность.

— Так я и думаю. Если откроется, что связи его в Иркутске значительны, то, до окончания следствия, было бы несправедливо стеснять его, а там от рук правосудия он скрыться не может.

Сим окончился разговор.

Секретарь вышел, а начальник, отворив немного дверь в зал, где собрались уже для поздравления съехавшиеся чиновники,

купцы, тойоны и почётнейшие жители острожка, позвал к себе Сумкина и, отдавая ему предписание, сказал строгим голосом:

— Вот, Сумкин, тебе предписание о производстве следствия, по донесению Алексея. Я уверен, что донесение его совершенно справедливо, и я наперёд тебе скажу, что если осмелишься ты представить это дело в другом, ложном виде, то не усидишь на месте ни одного часа. Понимаешь ли меня?

— Понимаю, ваше высокоблагородие!

— Я от тебя требую совершенного безпристрастия, безкорыстия и истины. Помни же это, да покамест не приедешь на место, то, Боже тебя храни, сказать кому бы то ни было об этом поручении! Ни жене, ни детям! Слышишь ли?

— Слушаю, ваше высокоблагородие!

По выходе Сумкина начальник, начиная приготовляться к обедне, думал между тем: «Кажется, всё мною обдуманно хорошо! Сумкину я выразил свои мысли довольно ясно, он не осмелится написать другаго. К тому же этот плут, играющий роль правдухи, мой почтенный секретарь Погремушкин, пособит это дело представить по моему желанию, зная мои отношения с протопопом... И так его брань, и донос, и наговоры отольются ему со сторицею! А что касается до мичмана, то он из рук моих не уйдёт, хотя я и не возьму его теперь под стражу. Средств много от него отделаться, и свадьбы своей не видать ему как своих ушей!»

— Словом, покуда всё идёт как нельзя лучше, но конец венчает дело! — сказал он вслух.

— Точно так, ваше высокоблагородие! — подхватил вошедший в сию минуту дьячок. — *Finis bonus coronat opus!*

— Что ты скажешь, Степаныч?

— Во-первых, честь имею поздравить вас с ангелом и пожелать вам лета Мафусаиловы, а во-вторых, доложить, что отец протоиерей уже располагаетя начать обедню, дожидая ваше высокоблагородие ровно два часа битых...

— Хорошо, хорошо! Извини меня пред отцем протоиереем и скажи, что сейчас иду.

После сего, выйдя в приёмную комнату, начальник раскланялся с ожидавшею его давным-давно подобострастною толпою и вместе с нею отправился туда, где душа кающагося грешника может обрести Небо, а нераскаяннаго — вечное наказание. Однако ж Антон Григорьевич, надев опять на себя роль смиренно-мудрённаго христианина, столь хорошо разыгрывал её, что безпрестанно утирал слёзы и проплакал от умиления почти всю обедню.

Х. ОБЕД

По окончании обедни начальник, не показав ни малейшего вида неудовольствия, пригласил протопопу к себе на обед, за которым посадил его по правую сторону. По левую сидела его супруга, далее Мария и мичман, в конце же стола заседали дьячок и фельдшер, приглашённые к обеду по известной пословице: *на безрыбье и рак рыба*. Сверх сих лиц были ещё несколько чиновников с жёнами, но мы не имеем надобности именовать их, заметив только одно обстоятельство, что земские отличалась особенною свободою и самоуверенностию в превосходстве пред своими собратиями. Обед шёл весьма тихо и чинно. Любимый разговор Антона Григорьевича, когда он находился в собрании, был о суете мира, о трудном пути креста, о самоотвержении и презрении всех благ житейских и прочем. Сверх того, за столом у него всегда была читана Библия, и на сей раз сие чтение было поручено дьячку, который самым выразительным и несколько гнусноватым голосом с необходимым для него прибавлением глупейших жестов провозгласил:

— Книга Иисуса сына Сирахова. «Чад! Живота ницаго не лиши и не отвращай очей от просящаго; души алчущия не оскорби, и не разгневай мужа в нищете его...»

— Вот истинная мудрость! — говорил Антон Григорьевич, обращаясь к протопопу. — Вот чему мы должны бы следовать!

Протопоп наклонил голову в знак согласия, но не сказал ни слова, а дьячок продолжал:

«Не уповай на имение твое, и не рцы: довольно мы суть... Не рцы: кто мя преможет, Господь бо мстят отмстит ти...»

При сем слове начальник принял мрачную мину и, прервав чтение, сказал дьячку:

— Ну-ка, Степаныч, прочитай что-нибудь из книги Иова. Я особенно люблю эту книгу, — говорил он, обращаясь к протопопу. — Тут есть столько сходнаго с моим положением!

Дьячок развернул сию книгу и продолжал чтение с величайшею монотониею. Гости все молчали, и обед походил более на похоронный, нежели на именинный. Сам именинник показывал вид глубочайшего внимания к чтению, и только знающему состояние его души можно было бы заметить те беглые, но поедающие взгляды, которые он бросал на Марию. В один из сих моментов дьячок, исключительно метивший на мичмана, с большею против обыкновеннаго энергиею возгласил:

«Завет положих очима моима, да не помышлю на девицу...»

Самое мгновенное содрогание пробежало по лицу сластолюбиваго лицемера, и хотя никто не мог приметить сего, кроме собственной его совести, но он, тревожась ложным опасением виновнаго, счёл необходимым придать этому движению другую причину.

— Ах, Боже мой! — говорил он. — Я и забыл отдать вам, Виктор Иванович! К вам есть письмо. Вот оно! Прочитайте, пожалуйста, теперь, и если нет никакого секрета, то расскажите нам, кто и что к вам пишет. Нам здесь всякая бездельная новость драгоценна.

— Это от правителя канцелярии наместника, — сказал мичман, взглянув на подпись письма. — Он старинный друг моего благодетеля, который меня воспитал.

Лёгкое смущение показалось на лице начальника, и каждый из чиновников сделал приметную гримасу, невольно выразившую сию мысль: «Э! Э! Так вот какая связи!» Мичман, дочитывая про себя письмо, вдруг изменился в лице и, задыхаясь от слёз, едва мог произнести:

— Я лишился его!

— Что такое? Кого ты лишился? — вскричала Мария.

— Он умер! Он, который был моим вторым отцом!.. Его уже нет! Ах, Боже мой!

— Что же делать, Виктор Иванович? — говорил начальник, взяв письмо с видом величайшаго соболезнования, но в самом деле единственно из любопытства, дабы лучше судить об отношении мичмана к правителю канцелярии. — Что делать? Такова участь всех смертных!

— Это правда, что такова! — подхватил протопоп, истинно тронутый положением мичмана. — Всем время, и время всякой вещи под небесем. Время рождати и время умирати; время садити и время исторгати сажденное...

— Одного опасаясь я, — сказал по некотором промежутке начальник протопопу вполголоса, но так, чтобы слышно было и мичману, — опасаясь, чтобы это неприятное известие не помешало вашей свадьбе. Но, впрочем, что же такое? Ведь не отец родной!

— Но он был мне, — подхватил мичман, — дороже роднаго отца! Отец стал бы заботиться обо мне частью по своей обязанности, а он единственно по доброте сердца презрел меня, сироту, воспитал...

— А где же были родители ваши? — спросила жена начальника.

— Я лишился их ещё в младенчестве, — отвечал мичман, не хотевший объяснять при сем подробности своей истории, — и этот человек заступил мне их место!

— Коли так, — сказал начальник с видом наставителя, — то, конечно, вы сделаете доброе дело, почтив его память. Ваше счастье впереди и от вас не уйдёт, но на вашем месте, по крайней мере, повременить с полгода...

— Боже мой! С полгода! Потеря его для меня невознаградима, и сколько я ни люблю Марию, но чтобы залечить эту рану, надобно много времени!..

Эта решимость мичмана могла бы, может быть, опечалить всякую невесту, но не Марию, которой ангельская душа в сию минуту была занята единственно горестию своего любовника, без всякого внимания к собственному положению. Она, смотря на него, также не могла удержаться от слёз и горько плакала.

— Как они любят друг друга! — сказал начальник протопопу, почувствовав злое удовольствие и адскую надежду при словах мичмана и потому дав волю своему языку из понятного одним злодеям удовольствия: насмеяться над несчастными. — Как они любят друг друга! И какое вы прекрасное дело сделали, что стоворили их! Они достойны один другаго, и я всегда смотрю на них с восхищением!

— Да, они точно стоят один другаго! — подхватила начальница. — И как грустно смотреть на слёзы существ, столь счастливых за минуту! Надобно же было случиться этому несчастию!

Между тем, вслушиваясь и всматриваясь во всё происходившее, дьячок млеял от удовольствия, ибо луч благой надежды также блеснул в высокой душе его. Может быть, думал он, отсроченная свадьба и вовсе не состоится, и я ещё успею переработать это дело, склонить на свою сторону и слепую любовь, и ветреную фортуна!

— Не унывай! — прибавил он вполголоса, не могши скрыть сильного преобладания сей мысли. — Не унывай, душа велико-мощная! Мате perge! Смело шествуй!

— Куда это, Клим Степаныч, — спросил с усмешкою фельдшер, — куда это вы изволите отправлять вашу душу?

— Какую душу? Никуда не отправляю! — отвечал опомнившийся и покрасневшийся дьячок. — Я так думал кое-что про себя...

— Что же ты думал, Клим Степаныч?

— А вот что, Алексей Пантелеевич! Хотя я тогда впопыхах, как мы были на Лопатке, и дал тебе слово, помнишь, на берегу моря, но теперь я вижу: дело принимает другой вид и мне просиявает новый луч животворной надежды...

— То есть ты хочешь теперь на попятный двор?

— Нет, не то! — отвечал дьячок. — Я хочу только отложить это дело и прежде попробовать поговорить с Марьей Алексеевной:

авось либо! Мне кажется, — присовокупил он с усмешкою самоуверенности, родившейся особенно в продолжение обеда от частаго прикосновения к рюмке с эрофеичем, — мне кажется, и мы не хуже других! Как ты думаешь, Алексей Пантелеевич?

— Попробуй, Клим Степаныч, — говорил фельдшер с плутовскою улыбкою, быв наперёд уверен в его неудаче. — Попробуй! Попытка не шутка, спрос не беда! Бояться медведя, так и в лес не ходить!

— То-то и есть, Алексей Пантелеевич!

— Ну, а если, — спросил фельдшер, — Марья Алексеевна всё-таки не полюбит вас. Так тогда что?

— Тогда я уже прибегну к твоей помощи и в награду за неё готов буду всё подтвердить, что ни вздумается тебе сказать. Только и ты сдержи своё слово. Когда засадят в тюрьму этого бестию мичмана и протопопа, то чтоб внучка его непременно была выдана за меня! Так ли?

— Разумеется, что так, и вот тебе доказательство!

Он поднял рюмку, чокнулся ею об рюмку дьячка и выпил сразу.

— Ах, брат Алексей! — сказал начальник — ты всё эрофеич-то потягиваешь! Ведь я и забыл послать тебе твою порцию!

Сказав сие, он налил порядочный бокал наливки и послал к фельдшеру, который, вскочив на ноги и подняв бокал кверху, провозгласил изо всей мочи:

— Здравие и долгоденствие вашему высокоблагородию! Ура!

Все земские чиновники и секретарь начальника, любивший хвастаться своим басом, подхватили «ура» фельдшера, и сим заключился обед.

XI. УРОК В ИСТОРИИ

Роковое известие, полученное мичманом в день именин начальника, отдалило его свадьбу на целый год. Это было причиною, что жизнь Марии, исключая истории сердца, опять потекла по-прежнему. Опять начала она по совету своего деда заниматься учением, и великой наставник ея, дьячок Клим Степанович, снова вступил в права свои. Дня, в который было назначено начать продолжение уроков, он ожидал с таким же нетерпением, как скряга платежа по векселю, наследник смерти своего богатого родственника или судья просителя с обещанною взяткою. Наконец день сей настал. Дьячок, вычистив тщательно, вопреки своему обыкновению, свой серой, длиннополой сюртук и примазав кваском пучок, пошёл подобно Аристотелю в известной сказке «Пристыжен-

ный мудрец», ещё срамиться... «Пошёл в любви своей Темире он открыться».

В несколько уроков, данных до поездки на Лопатку и острова, дьячок прочитал только вступление в историю, распложая оное глупыми и надутыми фразами, в которых и заключалась вся его мудрость и учёность. Таким образом, в настоящий урок ему надлежало начать самую историю. Положив пред собою огромную книгу в чёрном кожаном переплёте и пригладив рукою волосы, он наконец отверз своя красноречивыя уста:

— Эта книга, сударыня, есть история церковная, гражданская и учёная, повествующая о начале, возвышении и упадке монархий и царств; о царствованиях, деяниях и летах жизни царей и императоров; деяниях епископов и пап римских, отцев и учителей церковных...

— Напрасно вы трудитесь, прочитывая это, — прервала Мария. — Ведь вы мне уже говорили, что принесёте всеобщую историю...

— Точно так-с! — сказал несколько смутившийся дьячок, который, прочитывая заглавие книги, выигрывал только время, дабы собраться с силами для начатия своего объяснения. — Точно так-с! Но прежде, нежели я приступлю к преподаванию сей книги, я должен, если вы не оскорбитесь моим откровенным объяснением...

— Помилуйте! Кто ж может оскорбляться откровенностью, и особенно в таком деле! — отвечала Мария, не подозревая настоящего намерения со стороны своего наставника и относя его к настоящему занятию.

Эти слова, принятыя дьячком в выгодном для него смысле, придали ему особенную бодрость, и он, собрав весь запас затверженных фраз, решился наконец высказать свою любовь без малейшей остановки.

— Итак, — сказал он вне себя от восторга, — если вам откровенность моя не может быть противна, то я осмеливаюсь, с позволения вашего сказать, что...

Но в эту минуту взошёл протопоп, и дьячок, остановленный на самом важном пункте, совершенно растерялся и остался в положении поражённого параличом, ничего не видя и не слыша.

— Продолжай, Степаныч! — сказал протопоп. — Я тоже послушаю. Ну, что осмеливался ты с позволения сказать?

— Бог сотворил мир, — продолжал разстроенный наставник, заикаясь и кашляя.

— Что ты, Господь с тобою! — сказал протопоп. — Уж с позволения сказать: Бог сотворил мир! Какое тут дозволение?

При сем ученица не могла удержаться от смеха и, дабы не обидеть учителя, захватив платком рот, вышла проворно в другую комнату, а вслед за ней и новый пристыженный мудрец, схватив шапку, выбежал опрометью из класса и почти по инстинкту прибежал прямо в квартиру фельдшера.

— Что, любезнейший Клим Степаныч, так разстроен? Знать, не пало удачи? — спросил сей последний.

— Ох, изверги, разбойники! Осрамили, убили, зарезали!

— Да что же они сделали с тобою?

— Ох, дай отдохнуть!

— Разругали, что ли?

— Хуже! Лучше бы разругали!

— Ужели побили!

— Хуже!

— Так что же такое? Я не могу догадаться!

— Над лекциею насмеялись! — произнёс дьячок с самым отчаянным воплем.

— А, вот что! Это, в самом деле, обидно и преобидно! Ну, так теперь останавливаться уж незачем? Присылай же вчерашнюю бумагу, мы поставим на своём. Давай руку!

— Вот тебе моя и рука, и голова. Зарезывай их всех без пощады, губи, режь, жги, делай с ними, что только можешь! Я столько огорчён, обижен, озлоблен, что не имею слов, чтоб выразить мои чувства, и могу сказать с Цицероном: *Id verbis exequi non possuih!*

— Хорошо, хорошо, Клим Степаныч! Успокойся! Мы исправим это дело как нельзя лучше, и скорее потечёт кверху Паратунка, чем кто-нибудь, кроме тебя, женится на внучке протопопа!

— О! Если ты устроишь это, то я, клянусь тебе, напишу в честь твою такой панегирик, какого не читали ни древние, ни новейшие и какого не удалось написать и самому Плинию. Он передаст имя твоё позднейшим потомкам, и слава о тебе...

— Покорно благодарю, Клим Степаныч! Слишком много трудиться предпринимаете...

— Но я должен сказать тебе одно условие, о котором я и прежде тебе говорил: и этого мошенника Зуду непременно должно включить в общую категорию. Он осмелился насмеяться не только лично надо мною, но и над этим священным языком, на котором говорил Цицерон, Вергилий, Гораций и проповедывал великий Сенека!

— Ладно, ладно, Клим Степаныч! Спуску никому не дадим! Будет всем сестрам по серьгам, а покамест разопьём-ка в знак нашей

вековечной дружбы вот этот штофик всероссийскаго, так дело пойдёт ещё лучше, да и на сердце будет повеселее!

— И то дело, Алексей Пантелеевич! — говорил дьячок, принимаясь за стакан. — Я не прочь от этого! И правду сказать, что прежде времени отчаиваться? Мудрец смотрит на конец — древняя пословица! Ах, я люблю древних! Вот были истинные мудрецы! Например: Диоген... Как ты думаешь?... Даже деревянную чашку считал роскошью и пил горстью, и притом одну воду! Вот верх мудрости!

— Ну, воду-то можно пить и горстью, — заметил фельдшер, — а вот как, например, водку, так, право, лучше из стаканчика. Опарожнивайте-ка поскорее, Клим Степаныч, да и я хлебну за ваше здоровье!

Таким образом, дьячок, подобно весьма многим нравоучителям, прославляя мудрость, пившую горстью одну воду, запивал проповедь свою полными стаканами вина, и едва мог дотянуться зикзаками до своей квартиры, между тем как самому ему казалось, что ноги его не дотыкаются до земли и что он летит весьма быстро по воздуху. Состояние его духа было самое забавное. Безмысленная весёлость и глупое равнодушие ко всему житейскому и к самой жизни наполняли совершенно его душу. «А чёрт их возьми совсем! — говорил он, повалившись на постелю. — Есть о чём думать! И Зуда, и протопоп, и черти, и дьяволы — провалитесь они, окаянные! Удастся, так ладно, а и не удастся, так всё равно! Мы не думаем ни о чём! Пусть этот мошенник фельдшер работает, а я и думать не хочу и не думаю, и думать не стану! *Inter querqum et betulam...*»

Дьячок запел во всё горло на латинском языке известную русскую песню «Между дубом и берёзой река протекала».

— Помогай Бог! — сказал вошедший в сие время в квартиру дьячка человек высокого роста с седою как лунь головою, но ещё бодрый телом и свежий лицом, составлявшим сущую вывеску житейской мудрости. — Помогай Бог! Славно, Клим Степаныч! Нечего сказать: мастерище! Да ещё и на латинском диалекте...

— А! Это вы, Аркадий Петрович! — воскликнул дьячок пьяным голосом. — Это вы? Здравия желаем! Садитесь, гостем будете, а я так пьян сегодня, не осудите!

— Что осуждать, Клим Степаныч! Этот грех и с нами водится! Пойте-ка, я послушаю...

— Не осудите, пожалуйста, не осудите, Аркадий Петрович!

— Да уж не осужу, мой Клим Степаныч, пой!

— Ну же, осуди же!

— Пой, пой!

Дьячок запел.

— Что ж это значит, Клим Степаныч?

— Это значит то, что бил жену один час, а плакал неделю.

— Э! Э! Вот какво жениться! Не женитесь, Клим Степаныч! Сущая беда! Досыта наплачешься!

— Чёрт с ними! Я думал, да и раздумал, да я передумал...

— А ведь болтали, Клим Степаныч, что вы кое-где присватывались, да чуть ли не к внучке отца Петра...

— Анафема! Трижды анафема и он, и она, и этот мичманишко, и этот Зудишко, и все они... Будь они прокляты от меня!

— А за что же, Клим Степаныч, на Зуду-то ты прогневался? Уж, верно, он не перебивал у тебя!

— Кто? Зуда? Этот мошенник, Зуда? Нет. Завтра! Не будь я дьячок Клим Степанов Шайдуров, если я не женюсь на этой девчонке! Она моя, моя! Это верно так же, как и то, что я пьян сегодня!

— Кто же и сумневался в этом, Клим Степаныч? Если уж за тебя не отдать, так за кого же?

— Да уж отдавай он не отдавай, а я сделаю по-своему. Я женюсь на его внучке! Коли пошло наперекор, так я же упрям! Я то сделаю, что они все на коленях будут просить меня: женись, батюшка Клим Степанович, да ещё, может быть, я-то тогда заупрямлюсь!

— С вашим умом, Клим Степаныч, всё можно сделать. Говорят же, что вода-де камень долбит, а чтоб умный человек не мог достигнуть чего желает — верить не хочу этому!

— Да уж, что придумано мной, так пусть другой выдумает!

— Да кто же может это выдумать? Нет, Клим Степаныч, скажу вам без обиняков: много видал я людей на свете, а умнее, брат, тебя не видывал.

— То-то же! А этот старый плут, Зуда, осмелился смеяться, когда я сказал ему об этом! Да уж я отсолю им всем! Я им покажу, какво задевать не по силам! Я их всех упеку под суд!

— Да если правду сказать, так давно бы пора это сделать, особенно с мошенником Зудою. Он давно, говорят, поносит вас, где только можно.

— Разбойник! Я дам ему! Я ему дам! Вот бумажка! Стоит только пустить в ход — и дело с концом! Тут всё написано: как они бунтовали народ, как учили не слушаться начальника, как... Ну, слышь, всё, да и полно!... Всё, всё!

— Да уж если вы сами, Клим Степаныч потрудились над нею, так, верно, есть что почитать!

— Конечно, сам! Где ж этому дураку-фельдшеру... Ведь он дурак, хоть начальник его и любит! Вчера ещё вздумал учить меня: ты-де напиши так-то и так-то... Нет, брат, не тебе меня учить! Цицерон, Демосфен — вот мои учителя! Я взял перо, да и давай катать: «Его высокоблагородию начальнику Камчатки Антону Григорьевичу Броникову дьячка Клима Степанова Шайдурова покорнейшее донесение...»

Дьячок, делая самые глупые и хвастливые замечания, останавливался почти на каждом слове, однако ж дочитал от начала до конца своё донесение, в котором он, якобы по долгу присяги и совести, взводил на протопопа, мичмана и Зуду те же самые небылицы, какие были выдуманы бездельником фельдшером, и в заключение спросил: «Каково?»

— Прекрасно, Клим Степаныч, прекрасно! Лучше никто в свете не напишет! А что же вы медлите, не подадите этой бумажки? Пустить её, да и всё!

— Да, вишь, я имею великодушное сердце. Думал: авось опомнятся, да нет! Видно, судьба! Пусть же купаются! Завтра же пуцу в ход... Завтра, завтра! Полно вам смеяться надо мною, полно!

Долго ещё болтал дьячок и, наконец закрыв глаза, крепко заснул и захрапел, а незнакомец, пересмотрев разбросанные на столе бумаги, нашёл в числе их донесение дьячка, написанное вчерне, и, выходя от него, говорил: «Вот какие умыслы! Так справедлива пословица, что молва в народе ходит не по-пустому и в каждой лжи есть несколько правды. Вчера я думал, что Акета болтает пустяки, и пошёл только к этому глупцу для опыта, а теперь вижу и в самом деле, что это правда. Надобно как-нибудь дать знать Зуде об этих кознях! Ах, бедный ты товарищ моей ссылки! Видно, люди ещё не сыты нашею бедою, видно, ничто не утолит злобы их: ни похищение всех надежд нашей молодости, ни ваша горькая старость!»

ХII. КАМЧАДАЛЬСКОЕ УГОЩЕНИЕ

Выведенный нами на сцену в предыдущей главе незнакомец был несчастный Ивашкин, так же, как и протопоп Верещагин, обративший на себя внимание англичан и французов своею судьбою и благородством души. Воспитываясь в одном заведении с Зудою, он был другом его с самого детства, несмотря на разность характеров. Оба они равно любили правду и добродетель и ненавидели порок и ложь, но Зуда не умел удерживать порывов своего сердца,

шёл везде грудью и высказывал своё мнение напрямки, а, напротив, Ивашкин, сохранявший во всяком случае более равнодушия, не любил лезть добровольно в опасность без пользы себе и другим, старался избегать её, когда можно было сие сделать, и для достижения своих целей, особенно на пользу других, не гнушался никакими средствами, если только можно было согласить их с правилами чести и справедливости.

Таким образом, выведав у пьяного дьячка сведение об опасности, угрожавшей Зуде, Ивашкин решился во что бы то ни стало передать ему о сем известие, советуя предупредить беду удалением на острова или в другое какое-нибудь укромное место, доколе лучшая звезда не взойдёт над Камчаткою. «Ибо, — прибавил он, — хотя я и наперёд знаю, что по твоим правилам бегство от суда есть величайший грех и преступление, но вспомни, во-первых, что с нами, лишёнными уже гражданских прав, могут и за малейшую вину поступить самым жестоким образом, а во-вторых, что судьи твои будут люди, не знающие ни совести, ни Бога и на правосудие которых столь же мало можно надеяться, как на вешний лёд. Если начальник дотронулся бы до тебя и одним пальцем только, то и тогда ты непременно провалился бы в пропасть, а теперь он обеими руками старается спехнуть туда, хоть и не прямо тебя, но таких людей, с которыми необходимо приведётся и тебе погибнуть за компанию. Пожалей, мой старый друг, если не себя, так меня. Конечно, жить в подлунном мире нам осталось уже недолго, но всё осиротеть как-то не хочется, а после тебя я совсем осиротею! Притом, друг мой, подумай, что, скрывшись от злодеев, ты нимало не нарушишь обязанностей верноподданного, ибо тебя осудит не государыня, которая без вины и трости сокрушённой не преломит, но нарушители ея законов, обманщики и притеснители, которых меч ея, рано или поздно, но постигнет непременно, и, кажется, это время уже недалеко. Есть слухи, что нынешний иркутский губернатор Кличка — человек умный, правосудный и весьма заботливый о благе губернии. Он наверно не допустит и нашу бедную Камчатку терпеть долго зло, а постарается залечить поскорее ея раны. Итак, послушайся меня: укройся до времени от бури, а там Бог, государыня и начальство защитят тебя! Не упрямясь и не увеличивай моего горя. Прощай!»

«Но с кем же переслать мне это письмо? — спросил сам себя Ивашкин, окончив его. — Если оно попадётся в руки начальника, то меня живаго съедят! Ах, постой! Разве мне угостить хорошенько Акету и вместо подарка взять с него слово отвезти это письмо!»

Точно так! Это дело я вздумал! Ему хоть приведётся сделать вёрст сто с лишним, но не надо только жалеть дару и постараться так угостить его, чтобы он нехотя дал слово... Ах, кабы мне удалось это сделать! Боже мой! Помоги мне тем или другим способом, но только бы спасти моего бедного Зуду!»

Разсуждая таким образом, Ивашкин приблизился к юрте, где квартировал Акета. Акета был тойон острожка, находившагося на реке Камбалиной и вовсе истребившагося во время заразы. Из слов Ивашкина мы видели, что Акете для заезду в Куууюхчен надлежало свернуть с прямого пути на большое расстояние и потому-то требовалось особенное старание, чтобы убедить его, дать на сие своё слово, а слово дикаго камчадала, в беседе с приятелем вымолвленное, значит и донныне гораздо более, нежели все контракты, заключаемые между нашею просвещенною братиею по всем обрядам законнаго порядка.

Ивашкин, пригласив к себе Акету, истопил баню жарчайшим образом и, по камчадальскому обычаю, засадил дорогогаго гостя на самый полук. Там были приготовлены для него страшная чаша цербы (похлебка из солёной рыбы), ужаснейшая порция кислой, вонючей рыбы (самаго любимейшаго камчадальскаго кушанья) и целая кадка толкуши. Сперва жар в бане был ещё не очень велик, и Акета приметно этим обиделся, ибо сильный, нестерпимый жар для камчадала есть первое угощение.

— Друг! — сказал он Ивашкину. — Ты поскупился, знать, на дрова. Уж лучше бы не звал, коли жаль!

— Не торопись, любезный! Покушай на здоровье, а мы вот по-немногу будем поддавывать... Ну, каково теперь?

— Теперь нешто!

— А вот мы ещё поддадим разиков пять, так авось и поразогрешься!

После сего хозяин начал сдавать на каменку и угощать гостя самым прилежным образом, а гость по правилам камчадальской учтивости всеми силами старался показать вид, что жар ещё не слишком велик и приготовленнаго кушанья ещё не совсем достаточно. Верх камчадальскаго угощения есть доведение наконец несытаго и недовольнаго гостя до признания, что он не в силах более ни есть, ни сносить жара. Тогда угощение превращается уже в пытку, и хозяин, несмотря на моление гостя, продолжает его угощать дотоле, пока не выпросит у него всех тех вещей, какия только он желает у него оттягать. К этому-то и стремился Ивашкин, доводя жар бани до высочайшей степени температуры,

так что и сам не был уже в состоянии сносить его, и продолжал сдавать, выйдя в передбанник. Гость наконец взмолился:

— Друг! Спасибо, довольно! Не могу больше! Сыт по горло, а жар уж глаза жжёт!

— Э! Полно, любезный! Что это за жар! Так ли ещё угощают русские! Вот ещё корытцо кислой рыбки скушай, а мы между тем ещё подадим разика два-три.

— Сделай милость, друг, перестань! Не могу больше! Проси, чего хочешь, всё отдам, только выпусти вон!

— Так и быть, выпущу. Отвези письмо в Кууюхчен, да притом чтобы здесь ни один человек не знал об нём.

— Нет, друг, далеко, проси что другое, всё дам, а этого не могу.

— Не можешь? Скушай же ещё корытцо, а я ещё парку прибавлю... Ну, каково теперь?

— Пожалуйста, друг, перестань! Выпусти! Всех собак хороших отдам, отдам парку бобровую, да в придачу десять соболей, да пяток лисиц...

— Ничего не надобно, любезный! Я прошу одного. Опрастывай корытцо-то, а я ещё разок лену (подолью) на каменку...

— Ой, друг, перестань! Выпусти, на всё согласен!

— Так отвезёшь письмо?

— Отвезу, други, отвезу!

— И здесь никому не скажешь?

— Никому, никому, ни одной собаке! Пусть меня съедят медведи или злой дух удушит, когда поеду мимо его дерева, или...

— Ладно, не клянись, я и слову твоему верю. А выедешь ли завтра поутру чем свет?

— Выеду, когда хочешь, только выпусти! Ой, тошнёхонько!

— Ну, так и быть, вылезай!

Таким образом кончилось угощение, и гость еле живой вылез наконец из бани и полумёртвый пал на снег.

— Ну, друг! — сказал он, несколько опомнившись, — славно угостил, нечего сказать! Скажу тебе, друг, правду: и нашему брату камчадалу вряд ли удастся так уподчивать. Чудо как угостил!

— Ну, я рад, Акета, что ты доволен. Ведь мы с тобой старые знакомые, так и стыдно было бы, когда бы ты не доволен остался...

Назавтра Ивашкин ещё прежде разсвета явился к Акете и, отдавая ему письмо, сказал:

— На же тебе письмо, да поезжай с Богом, а на прощеньи выпей-ка вот этот стаканчик водки, да вот ещё на дорогу небольшая фляжка. Больше нет, не осуди!

— Спасибо, спасибо, друг! Доволен тобою так, что не только за сто, за тысячу вёрст посылай — поеду, да и по дороге всем буду хватать: вот-де как угощают русские!

— Ладно, рассказывай; только о письме-то надо молчать...

— Уж скажу ли я, коли дал слово, умру скорее!

— Хорошо, хорошо! Ну, пора, отправляйся!

— Я бы сейчас, только не знаю, что долго не идут мои родовичи.

— А вот и они, — сказал Ивашкин, — легки на помине! Что вы замешкались, ребята? Натек-ка, выпейте тоже на дорогу по стаканчику, да и ступайте проворнее.

— Спасибо, бачка! Сейчас поедем, мы готовы.

Родовичи Акеты были известные уже нам два камчадала — Лемшинга и Камак, провожавшие протопота Верещагина и возвращавшиеся назад на реку Камбалину.

Распрощавшись с Ивашкиным, камчадалы сели каждой в особой шежхед и на самом разсвете гусем отправились по пустыне, покрытой глубоким снегом, на котором взвивалась едва заметная тропинка.

Ивашкин по чувству опасения и осторожности проводил их далеко за острожек и смотрел вслед за ними, пока караван не завернулся за лес и не исчезли вдали раздававшиеся по дебри дикие возгласы: «Хуг, хуг! Ках, ках!»

Проехавши целый день, камчадалы были к вечеру уже вёрст за сто от Петропавловска. Они ехали не по проторенной дороге, но только по известной одним им, как старинным хозяевам дома, которым в родном пепелище сведома с детства каждая вещь и каждый уголок. Въехав в средину хребтов, проходящих вдоль по Камчатке с юга на север, они встретили там ужаснейший сорокаградусный мороз, от которого воздух, стоя неподвижно и сгустившись как туман, захватывал дыхание. На камчадалах от теплоты, выходящей из рта и походившей на густой дым, всё обледенело: и брови, и усы, и борода, и куклянка. Мороз проникал до костей и с величайшею злобою, так сказать, выжимал душу из тела, но камчадалы, не раз уже боровшиеся с его яростию, ехали довольно спокойно и только изредка вскакивали с шежхедов и бежали бегом. Между тем в дебрях была совершенная тишина. Ни дыхание ветра не колыхало обиневавшие ветви дерев, ни зверь не пробегал по лесу и птица не пролетала по воздуху. Даже вороны, эти воспитанницы зимы и севера, едва взмахнувши крылами, падали мёртвыми, поражёнными стужею. Одни камчадалы были живые существа, противившиеся ея нападениям, но наконец и они решились

остановиться и раскласть огонь. Севши около костра, они вынули свой скудный обед — по куску юколы и раскупорили флягу, которая в сие время была милее для них всех благ во Вселенной. Но что же? К величайшему огорчению их, вино не текло из отверстия, и должно было иметь самое великодушное терпение, дабы дожидаться, покамест оно растает. В вознаграждение за сие камчадалы выпили на сей раз против обыкновенного тройную порцию, и особенно Акета дотоле лобызался с флягою, доколе не истощилась в ней последняя капля привязанности. Наконец, кончив обед и накормив с тем вместе и собак, путешественники пустились на реку, пробирающуюся между страшных утёсов, или, по-сибирски, щёк, нависших над водою и верхи которых были покрыты громадами куржевины (инея), могущей при малейшем сотрясении воздуха обрушиться и завалить навсегда несчастных проезжих. По сей причине между сих щёк благоразумные путешественники проезжают обыкновенно с величайшим молчанием и осторожностью. Но не таковы были на сей раз наши камчадалы, восторженные красноречием фляги. Двое из них завели между собою спор:

— Ведь, кажись, с этого утёса, — спросил Камак, — бросился тот парень?

— Какой?

— Ну, тот, что, говорят, сватался-де у тойона Кушуги на дочери, да Кушуга просил у него в подарок собачей парки, а он, сколько ни работал, никак-де собачей парки достать не мог, а достал только бобровую да лисью. И вот-де Кушуга ему отказал, а он с горя пошёл да и бросился...

— Да, вспомнил! Только нет, не с этого, а вон с того, что на повороте-то направо.

— А мне так сказывали, что с этого?

— Ты говори: «Я не знаю!»

— Да, видимо, что не знаешь!

— А ты, что ли, знаешь?

— Да знать, что так!

— Ах ты сивуча, тебе знать!

— Смотри, Лемшинга, не лайся. Я те општолом ополомлю, так и всё позабудешь...

— Попробуй-ка, так у самого в глазах завертится. Я те ни кто другой!

— Да и я тоже! Вишь, на олуха натакался!

— Молчи же, докуда я те в самом деле не обломал рёбры!

— Свои-то побереги!

В продолжение этой ссоры Акета, ехавший за несколько сажен впереди, был совсем в ином расположении духа. Воображение его, разгорячённое водкою, живо представило ему прошедшее. Он раздумался о разных огорчениях, встречавшихся в его жизни: как некогда убежала у него из-под самых рук попавшаяся в слепцы (ловушку) лисица, как унесло однажды приливом моря байдару с берега, как медведь, подкравшись в одно время к балагану, поел всю дотла сушившуюся там рыбу и прочее. Все несчастья его были для нас чрезвычайно смешны и забавны, но у всякаго своё горе. Наконец, в самом деле, вспало ему на ум горе немалое: потеря жены, незадолго пред тем умершей и горячо им любимой, и в горьком раздумье он затыкнул унылую песню (настоящая камчатская песня, переведённая с камчадальскаго языка):

*Как не гадаю-то, не думено,
Что пришла беда со всего света:
Потерял-то я жену-душечку!
Как со той беды, со кручинушки,
Пойду в тёмный лес, добрый молодец,
Стану драть и есть кору с дерева.
И ещё проснусь я ранёшенько,
До восхода-то красна солнышка,
Погоню ли я, добрый молодец,
Аангичь — утку на сине море,
И в слезах взгляну на все стороны:
Не найдётся ли моя милая,
Моя милая жена, душечка...*

Певши эту песню, камчадал в самом деле плакал горько, к чему пьяные бывают, как известно, особенно способны. Но вскоре потом воображение его представило другия картины, и он запел во всё горло: «Тинсаинку фрвантах...»

По несчастью, в то же время увеличился крик ссорившихся, вовсе забывших о заповедном безмолвии страшнаго места, по которому они проезжали. Вдруг ужасный шум начался над их головами. Они взглянули кверху и с невообразимым ужасом увидели, что страшная лавина отделялась понемногу от утёса и медленно наклонялась на них. Пагубный хмель их прошёл мгновенно, и волосы встали от страха на голове. Оставалось одно мгновение на что-нибудь решиться, оно пролетело в изумлении — и быстрая струя мелкаго снега полилась на несчастных в предвестие смерти. «Гибнем! — вскричали они в один голос, подняв по инстинкту руки свои кверху, как бы желая удержать страшную громаду, на них обрушавшуюся. — Гибнем!» Но голоса их никто, ни даже сами

они, не могли уже услышать, ибо в сие мгновение куржевина рухнула и погребла их под своею массою.

Спустя после сего несчастья два или три дня наехал на упавшую лавину новый караван, которому иначе нельзя было проехать, как прежде разгрести снег. В сем караване заметна была, по-видимому, главная особа — человек небольшого роста, величаво выступавший самыми твёрдыми стопами и грозно распоряжавшийся работою с величайшим криком и бранью:

— Ах вы изверги! Едва шевелитесь! Проворнее!

— Да помилуйте, Пётр Фёдорович, — сказал один из работающих, — ведь изволите видеть: и то стараемся, да руки окостенели!

— Ты ещё говорить начал! Твоё дело копать, а не разглагольствовать. Вы испотачены (избалованы, развращены), изверги! Подай-ка сюда лопату! Вот как надо, видишь? Ба! Это что такое? Оштол? Так и есть! Смотри, что тут кто-нибудь задавлен! Копайте-ка на этом месте проворнее!

Казак и камчадалы, составлявшие свиту Петра Фёдоровича, то есть почтенного секретаря Погремушкина, пробиравшагося в Кууяхчен на следствие, начали разгрести снег самым усердным образом, и первый открытый ими мертвец был Акета. Погремушкин, сколько правдолюбивый, столько же и человеколюбивый, принял было немедленно меры к спасению его жизни и велел оттирать его снегом. Но когда стали раздевать замёрзшего и нашли у него под куклянкою на груди письмо и когда Погремушкин узнал онаго содержание, то самое справедливое негодование овладело его душею, и он вскричал в бешенстве:

— Ах, он вор! Ах, он мошенник! Бросьте его, бестию! Пусть он околевет! Он изменник! Все в заговоре! Все в комплоте против начальства! И этот старый лис Ивашкин тут же поднялся! Добро, вы все мошенники! Всех вас вдребезги, да и делу конец!

Свита Погремушкина, не понимая ни одного слова из сего грозного монолога, стояла вокруг своего повелителя, вытаращив глаза и опустив руки. Наконец, он вскрикнул на них: «Что вы, шельмы, выпучили на меня глаза? Что вы не работаете? Что вы стоите?» Оторопевшая свита опять принялась разгрести снег, а начальник ея, выбрав между тем расторопнейшего казака, тотчас отправил его с отысканным письмом к начальнику, примолвив: «Послушай, Горбунов! Хотя это письмо и не запечатано, но если кроме начальника прочтает его кто другой, то ты головой своей за это отвечать будешь!» Казак дал твёрдое уверение, что исполнит приказание в точности, и немедленно отправился, а вскоре после сего

и весь караван, очистив себе путь, пустился далее, имея посреди шажед Погремушкина, который, рассуждая на досуге о найденном им письме, благословлял небо, пославшее ему столь прекрасный случай выслужиться пред начальником и разрушить составленный против него комплот.

ХІІІ. ВЕЛИКОДУШИЕ

Спустя два дня по отъезде Акеты, рано поутру, закинув на плечо винтовку и подвязав лыжи, Ивашкин отправился из Петропавловска на звериный промысел, сперва бывший для него необходимым средством для пропитания, а потом уже обратившийся в страсть. Особенно любил он преследовать лисиц, которых забавная хитрость доставляла ему величайшее удовольствие. Но кстати заметим, что до прибытия русских в Камчатку и самая лисица сохраняли патриархальную простоту нравов и нередко стаями выходили из лесу, дабы дружески разделять трапезу с собаками. Так что негостеприимный камчадал должен был отгонять их от корма палкою и мог ловить их руками. Но во время Ивашкина нравы лисиц уже совершенно развратились, и он, сколь ни был искусен и опытен в ловле их, однако ж две зимы сряду ходил за одною сиводушкой, которая самым искусным образом вытаскивала приманку из ловушек и уходила от них цела и невредима. Наконец Ивашкин в настоящем своём путешествии подкараулил её на сем злодейском умысле и, прицелясь из винтовки, уже приговорил было её к смерти, как вдруг раздался по лесу крик: «Ках, ках! Хуг, хуг!» Преступница встрепенулась и снова пропала из глаз мстителя. Ивашкин, положив с досадою ружьё на плечо, пошёл на гул, ворча сквозь зубы: «Что там за чёрт закудахтал? Словно нарочно, чтобы спугнуть эту проклятую!»

— Ба, это ты, Горбунов! — сказал он, выйдя из лесу. — Откуда это тебя несёт нелёгкая? Типун бы тебе на язык! Только лисицу испугал у меня. Я лишь приложился да хотел спустить курок, как ты гаркнешь, а лисица и была такова!

— Что ж делать, братина? Извини! Недаром говорится: кабы знал, где упадёшь, так подостлал бы соломы, а то ведь сквозь лес-то не видно...

— Ну, уж что сделано, то сделано, теперь не воротись! А скажи-ка мне лучше, ты-то отчего воротился?

— Послали, так и воротился: наше дело подначальное.

— Да ведь вы, чай, не успели и доехать ещё до места?

— Какое тебе «до места»! И полдороги еще не проехали!

— Что же так?

— Да, вишь, чёрт сбросил с утёса куржевину. Слышь, целый день-деньской разгребали, да когда и я поехал, то ещё наши ребята возились над нею.

— А никого не нашли в снегу? — спросил Ивашкин с заботливостью.

— Как же! Я только хотел сказать, что нашли того камчадала... Как бишь его зовут? Ну, слышь, того, которого, сказывают, ты перед отъездом порядком отжарил на полке?

— Боже мой! Ужели Акету?

— Да, да, Акету...

— Что же вы с ним сделали?

— Да Пётр Фёдорович, слышь, велел его оттирать снегом. Вот мы стали раздевать его, глядь: у него за пазухой письмо. Пётр Фёдорович, когда прочитал его, так, слышь, осерчал, словно чёрт, да и велел камчадала опять бросить, как собаку, на прежнее место, а меня послал с этим письмом к начальнику.

Слушая сие, Ивашкин переменялся в лице, но, как давно знакомый с бедами, скоро оправился, так что простодушный казак не мог заметить сей перемены.

— А что же это за письмо? — спросил Ивашкин, желая скрыть обладающее им чувство. — Нельзя ли показать?

— Нет, братина, нельзя. Крепко-накрепко заказано!

— Ну, нельзя, так не кажи! Бог с тобой!

Вскоре после сего разговора Ивашкин распрощался с казаком, снова углубился в лес и, выйдя потом на знакомую падь, быстро понесся на лыжах, выбирая самый краткий обратный путь. Наконец, проходя по покатости одной горы, откуда были видны вдали хижины Петропавловска, он, устремя на него неподвижный взор, вдруг остановился.

«Боже мой! Куда я иду? — говорил он, прерывая изредка вырвавшиеся слова продолжительными думами. — Что там будет со мною? Какую чашу приготовила ещё для меня судьба? Что мне делать, на что решиться? А почему же не так? Почему же, в самом деле, не спасать мне себя, когда я могу это сделать? Почему не бежать мне от беды, когда я могу уйти туда, где никакая человеческая злоба не найдёт меня? Точно так! Я могу и, следовательно, должен это сделать! Эти горы, эти леса и дебри сорок лет уже знакомы мне, и они дадут мне уголок, чтобы провести малый остаток моей жизни, а руки мои благодаря моей нищете давно научи-

лись прокармливать меня без помощи мне подобных... Так пойду же, прощусь навсегда с этим ненавистным родом, называемым людьми, и поищу убежища посреди бедных животных, которых они, как бы в насмешку, величают кровожадными. Прощайте, люди!»

Он поспешно поворотил в гору и быстро начал входить наверх, но потом вдруг опять остановился. «А ты, друг моей юности! Ты как останешься? Что с тобою будет? Тебе кто поможет, когда изверги будут терзать тебя? Ах, горе!.. Нет, сколько ни думаю, не могу оставить его! Так и быть: мы страдали вместе, вместе и умрём, если не будем в силах перенести мучений и если не удастся... А как знать? Может быть, в самом деле, ещё я найду случай спасти его! Пойдём, отважим жизнь! Что я говорю? Она уже протекла, а оставшаяся капля стоит ли уже того, чтобы беречь её для себя? Прольём её для других, если будет нужно, и счёт мой с людьми будет кончен!»

Исполненный сего благородного самоотвержения, Ивашкин спустился с горы и поспешно пошёл к Петропавловску. Тогда был час седьмой вечера. Солнце давно уже село за горизонт, и самая заря погасала на вершинах гор. Пользуясь темнотою, Ивашкин осторожно подошёл к своей квартире, но не вошёл в неё, услышав многие знакомые ему голоса казаков, по-видимому, производивших самый тщательный обыск по всем углам и закоулкам дома.

«Странное дело! — думал он. — С каким безпокойством ищут люди бедного старичишку, чтобы ещё потешиться над его страданием! Напрасныя хлопоты! Я сам приду в ваши руки, коль скоро сочту это нужным, а теперь воспользуемся пока последними минутами свободы, если она есть у несчастных!» Лёгкий вздох, невольно вырвавшийся из груди его при сем слове, был замечен находившимися подле дома в засаде караульным.

— Здесь! — закричал сей последний. Толпа казаков бросилась из избы, но Ивашкин успел скрыться от их преследований и наконец ускользнул в ворота стоявшего по пути протопопского дома.

В сие время протопоп, не подозревая сбиравшейся над головою его грозы, весело сидел за чаем с Мариєю и ея женихом.

— А! Добро пожаловать, Аркадий Петрович! — сказал он вошедшему в комнату Ивашкину. — Давно я не видал тебя! Каково поживаешь? Что подельваешь? Садись-ка да побеседуй с нами! Машенька! Налей-ка чашечку... Садись, Аркадий Петрович, не спесивься! Да что ты, Господь с тобой! Озираешься, словно боишься чего? Уж здоров ли ты?

— Здоров, здоров, отец Пётр! — говорил Ивашкин наскоро и самым тихим голосом, затворяя между тем дверь на крючок.

— Да что ты делаешь? Бог с тобой, дверь-то для чего запираешь?

— Отец Пётр! — сказал Ивашкин значительным тоном. — Я знаю, что дети ваши мне не изменят, тем более что беда угрожает равно всем нам...

— Боже мой, что за беда? — торопливо спросила испугавшаяся Мария.

— За мною гонятся, отец Пётр!

— Кто и за что?

— Отец Пётр! Вы знаете эту руку? — спросил Ивашкин, вынув из-за пазухи донесение дьячка.

— Это рука Степаныча! — отвечал протопоп, взглянув на рукопись.

— Прочитайте, и вы всё узнаете!

— Что за клевета! Что за злоба! — сказал протопоп, прочитав донесение и отдавая его мичману. — На, прочитай и ты, Виктор Иванович! Тут нас всех очернили! Но я не вижу, — примолвил протопоп, обратившись к Ивашкину, — чтобы ты был примешан тут?

Ивашкин рассказал всё описанное выше, начиная с разговора с дьячком. Протопоп, выслушав его, сказал с величайшею горестию:

— Ах, Аркадий Петрович! Скажу тебе, брат, от сердца. Господь видит мою душу! Жалею я Виктора Ивановича, жалею Зуду, жалею тебя, но вы все тут правы, и Господь, защитник правых, защитит вас. Я твёрдо уверен в том! О себе же не говорю ничего: *благо мы, яко смирил мя еси!* Но истинно, скажу тебе, истинно сожалею об этом погибшем Шайдурове. Он сгубил навсегда свою душу.

— Ещё хорошо было бы, если бы он губил только одну свою душу, — возразил Ивашкин, — а то ведь он и нас губит вместе с собою. Теперь и нам надобно подумать, как спастись от гибели. Не напишете ли вы к преосвященному? На днях отправляется в Иркутск купец Саламатов. Он бы, верно, взялся отвезти от вас грамотку...

— Но как он может это сделать. — сказал протопоп, — когда всякаго отезжающего строго обыскивают?

— Да уж коли Саламатов только возьмётся, так сделает! Это такой человек, отец Пётр, что на одной минуте десять раз проведёт нас, грешных... Чу! Стучат!

Сильные удары в дверь раздались в комнате. В сие время Мария, то вслушивавшаяся в продолжавшийся пред нею разговор, то с нетерпением разглядывавшая бумагу, которую мичман старался от нея

скрывать, уже готова была по своеволию, свойственному в подобных случаях всем женщинам, её вырвать, как раздавшийся стук вдруг остановил уже протянутую руку.

— Дедушка! — вскричала она в испуге, — спасайтесь, ради Бога, спасайтесь!

— Не бойтесь, это за мною! — сказал Ивашкин с величайшим хладнокровием. — Тише! Иду! — примолвил он, вставая со стула.

— Проворнее пошевеливайся! — раздался за дверью грубый голос.

— Сейчас!

— Нет, я не пущу вас! — вскричала Мария, ухватясь за его полу. — Скажите мне прежде, что они хотят с вами сделать?

— Ничего, Мария Алексеевна! Ни более, ни менее, как на первый раз засадят в тюрьму...

— В тюрьму? Боже мой! Я не пущу вас! Виктор! Помогите мне удержать этого несчастного!

Пылкой мичман, волнуемый не менее Марии самым живым участием, также бросился, чтобы удержать Ивашкина.

— Что вы это делаете, дети мои милые? — сказал протопоп. — Я столько же, как вы, тронут положением Аркадия Петровича, но этим нельзя помочь. На всё есть свой порядок. Власть, какова бы она ни была, всё власть, и противиться ей грешно...

— Но они заморят его в тюрьме, дедушка! — вскричала Мария.

— Ну, Господь милостив! — отвечал протопоп с притворным равнодушием. — Он не даст в обиду невинного, и ты знаешь, *что без Его воли и волос не спадёт с головы нашей...*

— О Боже мой! — воскликнула Мария с чувствованием самой живой горести. — Так и быть: подите! Но я сей же час побегу к своей благодетельнице, паду ей в ноги и буду просить её со слезами, чтобы она заступилась за вас...

— Благодарю тебя, ангел небесный! — сказал Ивашкин, напрасно стараясь скрыть потекшие из глаз его слёзы. — Ты оживила в груди моей давно обмершее сердце — сердце, которое давно уже не билось так сладко, как теперь, потому что давно уже не встречало существа, которое приняло бы такое участие в его страданиях! О как я давно не плакал! Эти пустыни ещё не видали слёз моих, а теперь я плачу, как ребёнок! Но, пора! Прощайте!

— Остановись, старик! — вскричал глубоко растроганный мичман, схватившись за саблю. — Остановись! Дай прежде поговорить мне с этими негодьями! Клянусь Богом, я искрошу их прежде всех в куски, чем они дотронутся до одного твоего волоса!

— Мне кажется, дети мои, — сказал Ивашкин, залившись слезами, — простите меня, что я так называю вас! Мне кажется, вы хотите уморить меня вашим участием... Нет, это уж слишком для старика! Жизнь моя уже таких хлопот не стоит, она не долга! Оставьте меня моей судьбе, Виктор Иванович, и не подавайте злодеям на себя нож. Малейшее насилие со стороны вашей будет для них радостью. Притом ещё не всё потеряно: есть Бог, есть государыня, есть закон. Рано или поздно, но правда восторжествует. Пустите меня!

Слова сии, произнесённые с видом возвышенной торжественности, всегда сопровождающей великодушную решительность, остановили и изумили пылкого юношу. Равным образом чувствование удивления было написано и на лицах протопоп и Марии. Все они молча оставались в одном и том же положении, пока крики безумной радости, изъясляемой сыщиками, удаляясь малопомалу, не слились с шумом бушевавшего ветра.

— Дедушка, любезный дедушка! — воскликнула Мария, выйдя наконец из состояния изумления. — Ради Бога, скажите мне, неужели и с вами, и с Виктором осмелятся сделать то же?

— Нельзя ручаться, моя милая, за людей, которые, не страшась ни Бога, ни государыни, действуют только по своим видам. Мы теперь оклеветаны, и Бог весть чем окончится это дело...

— И неужели и вас, и Виктора также могут посадить в тюрьму?

— Всё может стать, дитя моё. Но Господь может отвлечь всякую бурю.

— О Господи! — воскликнула Мария, схлопнув руками, — спаси нас и защити!

— Не надо отчаиваться, Мария! — сказал твёрдым голосом мичман, ходивший между тем с глубокою думою на лице большими шагами по комнате. — Неужели, — прибавил он, более разсуждая сам с собою, неужели продолжая разговор, — неужели изверги, мошенники и клеветники могут оставаться без наказания в благоустроенном государстве? Нет, этого быть не может! Я обнаружу и раскрою все их козни, я опишу все их мошенничества и злоупотребления! Если до сих пор все доносы на них оставались без внимания, то я надеюсь, что моё донесение будет, по крайней мере, уважено. При наместнике служит мой друг, с которым мы вместе выросли, которому совершенно известны мои чувствования, мои правила...

— Конечно, Виктор Иванович, — прервал протопоп, — вы не худо сделаете, если будете просить его за вас заступиться, одного

донесения недостаточно. Много их было послано отсюда, да все получили один конец. Сюда же и пришлют, а тут уж бедный доносчик и места не найдёт, куда головы преклонить. Все от него, словно от чумы, бегают, так, что квартиры не даст никто...

— Ах! Если бы всё это знала государыня! — воскликнул мичман.

— Уж, конечно, как бы она всё это знала, наша матушка, то не то бы и было!

— Она узнает об этом! — говорил мичман с жаром, — непременно узнает!

— И я не осуждаю намерения твоего, Виктор Иванович, ибо грех противиться власти, но нет греха уведомлять отца или мать о страданиях, причиняемых детям их наёмниками!

— Но не лучше ли прежде, — сказала Мария, — идти мне и просить мою благодетельницу, чтобы она защитила вас? Она, верно, тронется моею горестию и слезами...

— Дитя моё! — отвечал протопоп, — ты судишь о других по себе. Ольга Павловна, конечно, не откажется принять в нас искренняго участия, но если начальник сам хочет устроить нам гибель по клевете фельдшера, то тут уж ничья защита не действительна, и только можно будет ожидать одного, что он строже станет обыскивать Саламатова, опасаясь со стороны нашей доноса.

— Так, по крайней мере, позвольте мне, дедушка, пойти и просить за Аркадия Петровича, чтобы хотя сколько-нибудь облегчили его участь.

— Это дело другое! Поди, моя милая, и да поможет тебе Господь в твоих добрых намерениях.

После сего протопоп, оставшись один, взял бумагу и перо и, сев подле стола, готов уже был писать, но потом вдруг остановился и, подперши голову рукою, погрузился в задумчивость, продолжавшуюся несколько минут.

— Нет, — сказал он, — теперь дело иное! Тогда я, описывая происходящее здесь зло, исполнял обязанность христианина, защищал других, а теперь...

— Здравия и долгоденствия вашему высокоблагословию! — сказал вошедший в сию минуту дьячок. — Благословите, отче!

— Бог тебя благословит, сын заблудший!

— Отчего же заблудший, отец Пётр? — отвечал дьячок, стараясь придать разговору вид шутки. — Я шёл, кажется, к вам по прямому пути. Сказали мне, что у вас в доме что-то беспокойно, так я пошёл поправить.

— Спасибо за усердие, Степаныч. Но, чай, ты можешь понять, что я сказал не в том смысле. Признаюсь тебе, Степаныч, сколько я ни вижу и ни слышу, а проку в тебе немного. Мне только говорить тебе не хочется, ты сам знаешь дела свои!

— Какие же дела, отец Пётр? — спросил несколько смутившийся дьячок. — Я никаких не знаю, напротив, я пришёл ещё просить вас...

— О чём изволишь?

— Да ведь неизвестно вам, святой отец, что скоро наступит срок моему здесь пребыванию, а ведь почта ещё будет отправляться не скоро. Так нельзя ли докончить изливание на меня ваших благодеяний и соблаговолить послать на счёт мой преосвященному донесение с отправляющимся на днях в Иркутск купцом Саламатовым?

— А что прикажешь написать мне?

— Да то, — сказал дьячок, приглаживая косичку и облизываясь, как кот, — что милосердной и сердобольной душе вашей благоугодно будет. Я уверен, что ваше высокоблагословение, по правилам вашей благочестивой и христианской нравственности, не погубите до конца.

— Ах, Степаныч! Хотя я, брат, и человек грешный, но могу дать ответ и на Страшном суде, что с намерением зла никому не сделал, а это ты потому так говоришь, что тебя совесть мучит.

— Помилуйте, отец Пётр! — говорил дьячок, заикаясь от стыда, — что за совесть? Кажется...

— Ну, полно, брат, — «кажется»! Эх, Степаныч, Степаныч! Мало тебя, брат, сёк отец, а взял бы тебя, да...

— Вы уж, отец Пётр, изволите обижать меня! — возразил вдруг оперившийся дьячок, быв рад случаю, чтобы дать другой оборот разговору. — Кажется, я из ребят давно вышел...

— Знаю, брат, что давно, а всё ещё не худо было бы, говоря твоим любимым языком, как бы хорошенько тебя да *дубинорум по спинорум...*»

— Помилуйте, отец Пётр! Вы изволили запомнить, что я уже студент богословия...

— Нет, не забыл, любезный! Да помню и то, что ты, кажется, уж черезчур переучился.

— Ну, это слишком! Помилуйте, отец Пётр! Браните меня, как хотите, но что касается до моего учения, то я прошу вас не говорить о нём: я этого не стерплю, не снесу, не поупущу!

— Да что же ты сделаешь со мной? Прибьёшь, что ли?

— Нет, отец Пётр! Но человек обладает средством, которое может остановить его неприятеля скорее, нежели всякая сила. Когда неистовый Катилина дерзнул придти в римской сенат, то бессмертный Цицерон одним могущественным словом поразил его: *Quousque tandem abutere, Catilina...* (Доколе ты, Катилина...)

— Но послушай, брат Степаныч! Я не Катилина, а протопоп, а ты не Цицерон, а дьячок мой, так и скажу тебе запросто: коли не хочешь слушать моих речей, то убирайся с Богом домой и делай, что хочешь...

— Пойду, отец Пётр, пойду и, выходя из вашего дома, отрясу прах с сапогов моих...

— Ну, поступай, как умеешь: в здешнем краю всё позволено! Дьячок, выходя из комнаты, хлопнул дверью. Протопоп, смотря вслед ему, покачал головою и более с сожалением, нежели с гневом, сказал:

— Безпутный человек! Сам не знает, что делает! Но что и мне делать, в самом деле, в разсуждении его? Чернить его перед преосвященным? Это значит погубить его! Хвалить? Значит, погубить ту паству, в которой, к несчастью, он сделается пастырем! Ах как гибнут люди от своей гордости и высокомыслия, презирая простой и углаженной путь веры и теснясь на скользкой и запутанной дороге слепой мудрости! И этот человек, если бы пошёл по указанию Евангелия, был бы, по крайней мере, добрый и полезный, если не отличный сын Церкви; а теперь — жалость! Но пусть же, если суждено гибнуть ему, так, по крайней мере, гибнет не от моей руки.

Сказав сие, протопоп взял опять перо и написал донесение, в котором старался всячески смягчить поступки дьячка, доказывая, что он имеет сердце от природы доброе, что в уме его нет решительно убеждения против истин веры и что, наконец, он давно раскаялся в своём легкомыслии и дал слово во всём непременно исправиться. Завертывая сию бумагу в конверт, протопоп произнёс с величайшим самоотвержением: «Да будет же ему это платою за то зло, которое он мне причинять решился, и если от сего ещё более увеличится приготовляемое мне несчастье, то надобно помнить, что есть место, где всякой получит мзду по делам своим!»

XIV. КОВАРСТВО

Мария, придя к начальнице, нашла её весьма больною и принуждена была отложить просьбу свою до другого времени, но состояние больной, которой здоровье было чрезвычайно разстроено претерпенными

ею в жизни различными огорчениями, нисколько не облегчалось, а между тем положение Ивашкина раздирало чувствительное сердце доброй девушки. И потому, посетив одним утром начальницу, нетерпеливая Мария решила сама просить ея мужа.

В сие время Антон Григорьевич, как новый Людвик XI, по крайней мере такой же злодей, хотя и в миниатюрном виде, беседовал со своим Оливе, то есть цирюльником Шангиным, о политических делах своего воеводства.

— Не мог ускользнуть, мошенник! — сказал он с дьявольскою улыбкою. — Но скажи мне, Алексей, как ты узнал, что у него донос запечён в хлебы?

— Да уж узнал, сударь! Усердие чего ни сделает!

— По правде сказать, Алексей, ты сущий чёрт! Но Расскажи скорее...

— Да тут дело простое, сударь! Ведь вам известно, что Саламатов остановился в доме у Караулихи...

— Ну...

— Так прочее должно быть для вас уже ясно.

— Стало быть, Караулиха тебе предана?

— Да это, ваше высокоблагородие, такая баба, что за несколько грошей продаст самого Христа, не хуже Иуды!

— Ты уверен в этом?

— Да, кажется, не дам маху. На своём веку таки видывал людей, нечего сказать!

Начальник замолчал и по некотором размышлении спросил значительным голосом:

— Ведь говорили, что у ней дети умерли?

— Да, умерли, но тут ещё Бог весть...

— Что такое?

— Да говорят, ваше высокоблагородие, двояко: чуть ли она не сама угомонила их!

— И будто это сомнение имеет какое-нибудь основание?

— Да, кажется! Она, вот изволите видеть, говорит, что ея дети будто бы утонули в день ваших именин, а недавно мне старуха Пахомовна сказывала, что в этот день они и из избы не выходили. Пахомовна, изволите видеть, с нею соседка.

— Хорошо, если так!

Начальник, заткнув руки за пояс шлафрока (мужской халат) и закусив губы, с видом самой страшной думы начал ходить по комнате и вдруг потом, устремив дикой взор на фельдшера, от которого почти невольно затрепетал сей последний, сказал ему почти шёпотом:

— Алексей! Эту женщину нам надобно прибрать к рукам. Обыщи немедленно ея избу, и если откроются следы убийства, то предложи ей на выбор: быть наказанной жестоким образом, или...

Но он не мог договорить речи и опять начал ходить по комнате. Страшные внутренния волнения изображались на его лице, бледном и ужасном. Губы его были сини и глаза навывкате. Кажалось, он сражался с самим собою, и в продолжение сей борьбы опять взоры его встретились с роковым изображением, висевшим на стене. Он вздрогнул и страшно прошептал про себя: «Иуда! Я помню твой оболстительный взор, твои сладкия речи! Хорошо! Я теперь исполню твои наставления...»

— Антон Григорьевич! — возгласил испугавшийся суеверный фельдшер. — Антон Григорьевич! С кем это вы изволите говорить?

— Ах, Алексей! — отвечал опомнившийся начальник, — я почти забыл, что ты здесь. У меня давнишняя привычка говорить с самим собою... Запри-ка двери да садись ко мне ближе. Я хочу поговорить с тобою о важном деле.

Фельдшер сначала было отговаривался от сей учтивости, но начальник сказал ему строго:

— Садись! Теперь не время заниматься вздором. Слушай!

— Слушаю, ваше высокоблагородие!

— Так ты непременно должен сделать самой строгой розыск о детях этой женщины, но не пуская в огласку того, что, быть может, откроешь. Предложи ей: если она не хочет кнута, то исполнила бы, что ей будет приказано. Понимаешь ли?

— Понимаю, ваше высокоблагородие! — отвечал фельдшер, хотя ещё не мог вовсе ничего понять из всего им слышанного. — Но что же вы изволите ей приказать?

— Ты, Алексей, — сказал начальник, стараясь вдруг принять на себя шутливый вид и улыбаясь самую принуждённую улыбкою, — кажется, в самом деле забрал к себе в голову, что у меня не весть что есть на уме, а между тем я хочу приказать тебе сущие пустяки. Скажи, пожалуйста, этой Караулихе, чтобы она попросила мичмана... Ведь он, ты говорил, покровительствует ей?

— Точно так, ваше высокоблагородие!

— Так, чтоб она попросила, — продолжал начальник, — похлопотать за неё у жены. Вишь, мне хочется, чтобы около нея была благонадёжная женщина, а ведь, я думаю, — прибавил он, со смехом, изображавшим вдруг все адския чувствования: злобную насмешку, отчаяние, дикую радость, — я думаю, лучше Караулихи

найти трудно? По крайней мере, так должно полагать по давнишней твоей рекомендации...

— Это правда, ваше высокоблагородие! — отвечал фельдшер, начиная вполонину догадываться о намерении начальника. — Но я не знаю, — примолвил он с видом величайшей простоты, — к чему бы могла быть годна эта женщина? Можно найти гораздо лучше...

— Глупец! — вскричал начальник, вскочив со стула. — Исполни то, что тебе приказывают.

— Слушаю, ваше высокоблагородие!

— Более ни слова! Вы все привыкли противоречить мне, между тем как никто из вас не думает ни о чём! Вы живёте в счастье, в довольстве, в изобилии. Вы всем пользуетесь, а я? Посмотрите на меня: я мученик за вас! С меня потребуют ответа в ваших мерзостях. Я начальник ваш, всякая ваша шалость, всякое злоупотребление на меня падёт. Доносы за доносами, и ябедничеству конца не вижу! Я просиживаю ночи, отписываюсь, но злодеи уже начинают меня перемогать. Я слышал уже, что в Иркутске назначен сюда ревизор, и кто бы, ты думал, этот ревизор? Старый любовник моей жены, которого любила она без памяти, за которого уже была просватана и у которого я, так сказать, вырвал её из рук, обольстив старого дурака, ея отца? Теперь ты видишь, чего и кого должен я опасаться более всего. Но, клянусь адом, я забочусь только о вашей безопасности! Ну, понял ли ты меня, глупец?

— Кажется...

Никакое перо, никакая кисть не изобразила бы тех ужасных теней, какими было подёрнуто лицо вероломного убийцы, который желал, чтобы его поняли и чтобы между тем не сказать ничего слишком яснаго. Услышав ответ фельдшера, он захохотал так, как бы смех его был только эхом адского хохота.

— Ха, ха, ха! Ему кажется! — говорил он, передразнивая фельдшера. — Ему только кажется, когда я кладу ему в рот, что моей жене нужна хорошая женщина, которая бы при ней прислуживала и могла бы подавать ей лекарства... Понимаешь ли ты? Подавать лекарства! А кто может это сделать лучше, как не Караулиха, которая в случае нужды и сама может составить их не хуже всякаго аптекаря?

— Это правда, ваше высокоблагородие!

— Ну, так вот видишь ты, Алексей, — сказал Антон Григорьевич, вдруг изменив так голос, как будто речь пошла уже о деле самом обыкновенном, — мне бы хотелось так уладить, чтобы, когда жена

поедет весною на воды, то бы и Караулиха с нею туда же поехала... Ну, да ты ещё с ними... Да ещё...

Сказав сие, начальник вдруг остановился и, закусив палец, посмотрел значительно, обратясь к окошку, и вдруг вскричал в каком-то диком восторге:

— Славная мысль! Счастливая мысль! Справедливо сказано: десять раз примерь, а один отрежь! Не много, так и дашь маха!

— А смею и спросить? Что ещё вздумали вы, ваше высокоблагородие?

— Ну, это, может быть, ты узнаешь после, а теперь ступай, исполни, что я тебе приказывал, да помни, что я забочусь не о себе, а о вас и что от точного исполнения моих приказаний зависит ваша честь и благосостояние, и особенно твоё: ты, чай, ещё не забыл, что во время оно твоя спина была подвержена маленьким неприятностям, что благодаря только моей заботливости твой список стал опять чист, как совесть девушки? А?

— Как забыть, ваше высокоблагородие!

— То-то же, помни! Да, я думаю, также известно тебе, что моя жена не может тебя терпеть...

— Есть тот грех, ваше высокоблагородие!

— Ну, к этому мне остаётся прибавить ещё одно, что она всегда возит с собою бумажник хороших билетов, который она бережёт на один самый невероятный случай, который в награду за хорошую службу достанется... Ты, я думаю, догадываешься уж кому?

— Разумею, ваше высокоблагородие! Много доволен вашею милостию! Будем стараться!

— Ну, хорошо, поди же да вели позвать ко мне твоего приятеля мичмана, который так отрекомендовал тебя начальству. А это глупое донесение протопопа сейчас же велю отправить назад к Саламатову. Нам и самим ничего нельзя было лучше его придумать! Ну, кажется, я сказал всё! Прощай!

Едва фельдшер отворил дверь из кабинета, как Мария, давно ожидавшая его выхода, немедленно взошла туда.

— А, Машенька! — сказал начальник с видом сластолюбиваго удовольствия, заблиставшаго в его глазах. — Что ты скажешь?

— Я пришла вас просить...

— О чём бы это? О чём? Я для тебя всё готов сделать...

— Хорошо, если вы так милостивы.

— В чём же сомневаться тут, моя милая? Садись-ка вот сюда на канаве, подле меня, да и расскажи, чего ты хочешь, а мы послушаем... Дай только прежде затворить двери, я не люблю, чтобы мешали

мне, когда я с кем-нибудь занимаюсь... Ну, садись же! Тфу, какая церемонная! — промолвил начальник, сядя Марию силою. — Ведь, кажется, ты при моих глазах выросла?

— Извольте, сяду, если это угодно вам, но сделайте милость — выслушайте мою просьбу!

— Говори, моя кралечка, говори! — отвечал начальник, придвигаясь к ней и смотря на неё самыми преступными глазами.

— Просьба моя... — сказала Мария, вставая с канаве.

— Да что же ты опять встала? — прервал сластолюбец, схватив её за руку.

— Ах, позвольте мне встать! — говорила Мария, вырывая руку и покрывшись румянцем. — Я, право, не могу говорить...

— Ребёнок! Ты словно боишься меня, чтобы я тебя не укусил...

— Нет, но позвольте...

— А не пуцу! — говорил дерзкой мошенник, ещё более приближаясь к Марии с самою низкою улыбкою.

— Боже мой! Пустите меня...

— Ну, поцелуй же меня, так пуцу!

— Господи! Что это значит? Вы, которого я привыкла почитать...

— Отцем? — прервал сластолюбец. — Ну, на всё есть время! Теперь ты выросла, стала хороша, пригожа, так, что я люблю тебя без памяти...

— Это вы говорите мне? — вскричала Мария, с ужасом вскакивая с канаве.

— Я! Я! — повторил грешник, выйдя из себя и схватив Марию в свои объятия. — Обними же меня, или...

— Что же вы делаете? Боже мой! Пустите меня, или я закричу!

— Так кричи же, если хочешь уморить жену!

— О Господи! — воскликнула Мария, закрывая лице руками, между тем как безсовестный злодей силился отнять их и запечатлеть на ея губах святотатственный поцелуй.

В сие мгновение послышался в ближней комнате шум шагов.

— Идёт твой жених! — вскричал шёпотом начальник, с видом величайшего ужаса, опустив Марию из рук. — Заклинаю тебя Богом, спаси меня! Он меня убьёт, если застанет меня здесь взаперти с тобою!

Мария, освободившись из его рук и не слыша от сильного волнения слов его, бросилась к дверям и хотела отпирать их, но он схватил её.

— Не ходи, заклинаю тебя всем, что есть святого, не ходи!

— Пустите меня!

— Нельзя, клянусь Всемогущим, нельзя! Тебе ещё неизвестно, что значат ревность! Он убьёт меня, непременно убьёт!

— Я не понимаю вас!

— Я знаю, что не понимаешь, но я не имею времени теперь тебе объяснить причины моей просьбы. Спрячься хоть в эту кладовую, спрячься, умоляю тебя, если не хочешь принять крови моей за свою душу!

В сии минуты кто-то взялся за дверный замок. Начальник произнёс только: «Погиб!» — и с видом ужаса и мольбы сделал Марии знак руками идти в казёнку, о которой уже мы говорили выше. Мария, не понимая сама, что делает, но, повинувшись единственно влечению своего чувствительного, доброго сердца, вошла туда, а начальник запер за нею дверь замком и, мгновенно сбросив с себя притворный страх и тряхнув головою с мошенническою миною, сказал про себя: «А, проклятая упрямица! Попалась в западню. Теперь будем ловить другого тетерева!» После сего также с непостижимым искусством, приняв на себя ещё новую физиономию, смиренную и печальную, он отворил дверь мичману.

— Пожалуйста, Виктор Иванович! — говорил хамелеон сему последнему. — Я призвал вас, — продолжал он, садясь на канапе и показывая также место мичману, — чтобы разделить с вами моё горе...

— Благодарю вас за доверенность, — сухо отвечал мичман. — Едва ли я буду способен доставить вам утешение.

— А напротив, — возразил начальник, не переменяя роли, — вы одни только и можете это сделать.

— Если так, то я очень рад служить вам, но в чём, смею спросить, заключается ваше несчастье?

— Выслушайте меня! Недавно приехал сюда один молодой человек...

При сем слове мичман взглянул на начальника с видом изумления и увеличил внимание.

— Этот человек, — продолжал начальник, — с самого первого взгляда понравился мне так, что я полюбил его как родного сына... Да, Виктор Иванович! Как родного сына, ибо он возобновил в моей памяти ту невозвратную потерю, какою угодно было Провидению меня наказать и которой я вспомнить не могу без слёз...

Говоря сие, начальник действительно показал вид величайшей горести и горько заплакал. Слезами его мичман был приведён в совершенное недоумение, не могли разгадать, было ли это одно притворство или истинное чувство, и по доверенности своей,

свойственной всем добрым людям, склонялся более к последнему заключению. Между тем комедия продолжалась.

— Ах, Виктор Иванович! — говорил начальник, утирая слёзы, — вы не знаете моей горести, но теперь рассказывать об этом не время. В эту минуту у меня есть на сердце ближайшая скорбь... Так я уже сказал вам, что я полюбил этого молодого человека, о котором начал говорить, как родного сына... Он и стоит того, он умён, благороден, прямодушен...

— Но кто же это таков? — спросил нетерпеливо мичман. — Мне кажется, я никого не вижу в Петропавловске приезжаго...

— Дослушайте меня, и вы все узнаете. Я принял его в своём доме, старался оказать ему всякую учтивость, всякое одолжение. Скажите же теперь, чем следовало бы ему заплатить мне, если не за одолжение, по крайней мере, за гостеприимство?

— Без сомнения, благодарностию, — отвечал несколько смутившийся мичман, начиная догадываться, о ком шло дело.

— Так судите же сами себя! — сказал начальник, приняв торжественный вид и подавая мичману его бумагу.

— Следовательно, вы знаете уже всё! — с твёрдостью отвечал мичман, встав на ноги. — Я не запираюсь от вас: точно это писал я, но вы виноваты сами! Голос народа и собственная моя опасность меня вынудила.

— Голос народа, говорите вы! — воскликнул начальник. — Ха, ха, ха! Голос народа! То есть толпа ябедников, которые смотрят на всякаго начальника, как на своего врага, которые стараются чернить все его поступки и которые не были бы довольны ни даже ангелом, если бы он сошёл управлять Камчаткою!

— Но разве не правда, что вы приняли донос на меня и послали уже производить следствие?

— Правда! — отвечал начальник с важностию. — Но разве я мог уничтожить его? Я знаю, что он есть не что иное, как клевета, но, тем не менее, я должен был проверить его, даже хотя и для того только, чтобы строже наказать ябедника.

— Но позвольте же вас спросить, кто вам дал право перехватывать бумаги?

— Молодой человек! Ты судишь обо мне по тем ложным толкам, какими стараются занять всякаго приезжаго сюда мои враги, мои личные враги и враги всякаго порядка и устройства, но не по ним должно судить меня. Узнай же, что за зло, какое причиняют мне люди, я всегда готов платить им добром. Я давно хотел тебя предупредить: тебя обманывают.

— Кто и как?

— Одна моя искренняя привязанность к тебе — да, не удивляйтесь этому! — одна моя, может быть, безразсудная привязанность к тебе, Виктор Иванович, заставляет меня сказать тебе такие вещи, о которых другому говорить я никогда бы не решился.

— Сделайте милость, пощадите моё нетерпение!

— Вы хотите соединить вашу судьбу с внучкой протопопа, но узнали ли вы прежде её хорошенько? И когда было узнать её вам?

— Я люблю её, люблю пламенно, и этого для меня довольно! — отвечал мичман с жаром и с приметным неудовольствием.

— Это доказательство, конечно, самое лучшее для юнаго сердца, — сказал начальник с ироническою улыбкою. — Но уверены ли вы в том, что и она так же вас любит?

— Если ангелы могут обманывать...

— Ангелы! — прервал начальник, горько улыбнувшись. — Не ищите их на земле, они исполнены одними духами злобы!

— Что же вы хотите сказать мне?

— То, что заставляет сказать тебе, молодой, доверчивый человек, твоя честь, твое счастье, благо целой твоей жизни и, наконец, тот высокой закон, который повелевает делать добро врагам...

— Боже мой! Что всё это значит?

— Узнай же истину, для тебя неприятную, но благословляй Бога, что ты узнаёшь её ещё благовременно...

Последующия слова были произнесены шёпотом.

— Как! — вскричал мичман, — что за клевета на существо, которое не сделало вам ни малейшаго зла?

В продолжение сего разговора Мария хотя несколько раз готова была прервать речь начальника, но, страшась сделать убийцею своего Виктора, не знала сама, на что ей решиться. Колеблясь в сем недоумении, она затрепетала, услышав слова, произнесённые им. Холодный пот выступил на лице ея. Присев на стоящий в кладовой сундук, она ослабела от горести и отчаяния и с величайшим внутренним страданием произнесла едва слышным голосом: «Царь Небесный! Он меня губит!» Этот лёгкой шёпот, не замеченный мичманом, не скрылся однако ж от внимательнаго злодея, и опасаясь, дабы Мария каким-нибудь смелым поступком не разрушила вдруг его козни, он поспешил окончить разговор.

— Вы не верите? Так знайте же, что эта девушка величайшая лицемерка, что она, питая какую-то странную страсть (признаюсь, мне стыдно и говорить об этом)... страсть ко мне...

— К вам? Вы издеваетесь надо мной, как над ребёнком...

— Выслушай и поступай, как хочешь! Страсть ко мне, повторяю вам, — и я должен был призывать на помощь всё благоразумие, чтобы укрощать её порывы, искусно прикрываемые видом притворной невинности и простосердечия...

— Не говорите более! Клянусь Богом, вы будете раскаиваться...

— Выслушай, несчастный! Сегодня она принесла ко мне этот донос, который успела украсть у Караулихи, и, услышавши, что ты идёшь, скралась вот сюда... Смотри сам, если можешь!

Говоря сие, он отпер дверь в кладовую.

— Не верь ему! — воскликнула Мария, падая без чувств в дверях. — Не верь ему, Виктор!

— Изменница! — вскричал мичман вне себя от бешенства, выхватив саблю.

— Что ты делаешь? — сказал начальник, схватив его за руку.

— Пустите меня!

— Она спасла тебе жизнь, а ты...

— Жизнь! Но что мне в жизни теперь, — воскликнул мичман с величайшим отчаянием, — когда одним разом она отняла у меня всё?

— Но, несмотря на то, вы обязаны ей, и сверх того я не позволю вам...

— Хорошо! Я оставляю ей жизнь: она достойна этой муки.

— Виктор! Виктор! — произнесла Мария умирающим голосом, но мичман, не слушая её, бросил саблю и вышел поспешно из комнаты.

Слова снова замерли на устах несчастной страдальцы, и глубокой обморочкой объял её чувства. Начальник, призвав людей, велел подать ей помощь, и когда её вынесли от него, и когда он запер за всеми дверь, то служители слышали, что в комнате его раздавался дикой, дьявольской хохот.

XV. ПРОЩАНИЕ

Наступил март. Дни становились длиннее, небо не застилалось более туманами, и солнце весело катилось по чистой лазури. В полдень начинал таять снег, и по скользкому насту во времени ясных и холодных утренников камчадалы и русские промышленники расходились из Петропавловска на промысел. Казалось, весна была уже близка, но негостеприимная камчатская природа всегда долго спорит с этою прекрасною, прелестною гостею из стран южных. До самого июня продолжается одна и та

же мартовская погода, и уже в начале только сего месяца начинают распускаться деревья.

Но есть места в Камчатке, где и посреди повсеместной зимы изумлённый взор встречает как бы острова, ещё не покорённые ею владычеству. Сии странные места находятся близ горячих вод, коими Камчатка, сия вулканическая страна, можно сказать, изобилует. Земля около сих вод, разогреваемая внутренним огнём, сохраняя теплоту среди глубочайшей зимы, не терпит на себе печального снежного покрова, и самая атмосфера сих мест, наполняемая тёплыми парами, во время сильнейших морозов сохраняет качество если не лета, то, по крайней мере, умеренной осени. Особенно замечательно сие необыкновенное явление на водах, протекающих не в дальнем разстоянии от Большой реки, близ речки Шемеча. В марте месяце, когда окрестныя долины и горы, покрытыя глубоким снегом, представляют ещё картину суровой зимы, на берегу сих вод, составляющих большой ручей, впадающий в Восточный океан, зеленеется трава и даже разцветают цветы. Это как будто род какой-то временной квартиры, на которой останавливается в Камчатке добрая весна до окончания своей борьбы с угрюмою тамошнею природою.

Близ сих вод некогда стоял небольшой, но опрятной домик, выстроенный для житья начальницы, всякую весну приезжавшей сюда пользоваться водами, и особенно в марте месяце, когда прелестная картина зелени услаждает взор, утомлённый продолжительною зимою. Таким образом, она посетила сии воды в сем месяце по получении небольшого облегчения от болезни, упомянутой нами в предыдущей главе.

Муж ея, прощаясь с нею, оказал при сем случае знаки необыкновенной к ней привязанности, даже на глазах его, говорят, видны были следы слёз. Предоставляем психологам объяснить загадку: что значили сии слёзы? Следствие ли величайшаго притворства или чудное действие пробуждавшейся на мгновение совести, не могшей, однако ж, победить закоренелой власти страстей? Может быть, слёзы сии текли по тому же неизъяснимому побуждению, по которому, например, Грозный Иоанн Васильевич разсылал по монастырям синодики о поминовении убиенных им людей. Многия явления души человеческой останутся навсегда тайною для самой её!

Не принимаясь за тщетный труд объяснить сие неизъяснимое явление, мы опишем только исторически разговор начальника с его женою, бывший дня за два до ея отъезда. По обыкновению

своему он сидел за письменным столом, когда она вошла к нему в кабинет. На столе его лежала огромная Библия, а на конторке, единственной в тогдашнее время во всей Камчатке мебели красного дерева, завезённой Лаперузом, стояло распятие. Всё в этом кабинете дышало благочестием, кроме вероломной души хозяина. При входе жены, женщины ещё средних лет, и хотя изнурённой болезнью, но сохранившей благородство и привлекательность в чертах лица и в приёмах, начальник положил перо и старался весело улыбнуться. Кстати заметим, что ни в чём более из телодвижений не обнаруживается душа, как в улыбке: есть улыбки истинно ангельския, улыбки, в которых вполне высказываются души чистыя и светлыя, но есть и улыбки дьявольския, судорожное движение души, исполненной злобы и коварства, но старающейся принять на себя вид доброты и чистосердечия. Такова была улыбка и Антона Григорьевича, который по странному владычеству добродетели над пороком всегда сохранял к жене своей невольное уважение.

— Ну что, моя милая, — спросил он её, стараясь придать своему голосу самый ласковый тон, — как ты сладила с этими чудаками, Машею и ея женихом?

— Тут, друг мой, — отвечала начальница с видом печальным, — есть для меня непонятная тайна. Ни тот, ни другой не открывают мне причины их раздора. Маша, сколько я ни старалась её уговаривать во всем мне открыться, только рыдает и просит меня: «Ради Бога, не спрашивайте меня, оставьте меня моей судьбе!»

— Странное дело! — заметил начальник, качая головою и моргая глазами. — Ну, а что жених ея?

— И он также не рассказывает мне ничего. Между тем ужасная горесть видна на лицах обоих, и я даже боюсь, особенно за Машу, чтобы она не слегла...

— Эх, матушка! Не бойся, не сляжет! Это только минутный какой-нибудь каприз, и всего вернее, что когда ты возьмёшь их с собою, то и споре конец!

— Ах, если бы это в самом деле было так! Но я даже не знаю, удастся ли мне уговорить Виктора Ивановича ехать со мною? Мучение, какое приметно, всегда он чувствует при встрече с Машенькою...

— Ничего! Надобно только постараться, а то так не уговорить! Он же так, кажется, уважает тебя.

— Это правда! И признаюсь тебе, друг мой, и моё сердце, сама не знаю почему, так лежит к этому молодому человеку...

— Ха, ха, ха! — засмеялся начальник, стараясь обратить слова жены в неблагопристойную шутку. — Дело самое естественное, что женщине нравится молодой...

— Друг мой! — сказала начальница с видов кроткого негодования, — теперь не время шутить так. Мы теперь подобны путешественникам, которые, встретясь случайно на перекрёстке, идут в разные стороны и, может быть, уже вечно не сойдутся...

— С чего такие печальные мысли, матушка?

— С чего бы оне ни взялись в голове моей, но посвятим остальные минуты делу, а не шутке. Ты перебил мою речь. Я хотела сказать, что в этом молодом человеке я как будто вижу моего Павла...

— Эх, матушка! Ты всё не отстаёшь от мечты...

— Пусть будет эта самая вздорная мечта, но я нарочно пришла просить тебя: если не будет меня на свете, то будь покровителем этого юноши!

— Я всегда готов ему покровительствовать, но...

— Ах, друг мой! Я знаю всё, я знаю более, нежели ты думаешь! Страшная беда готовится для этого бедного молодого человека, но ради Бога, друг мой!

— Чего ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтоб ты не губил его. К несчастью нашему, Камчатка уже наполнена людьми, которые ненавидят нас, как своих утеснителей. Для чего ты ещё хочешь умножить число своих жертв и врагов?

— Странная женщина! — вскричал начальник, пламенея от гнева, но стараясь удержать его стремление, — ты говоришь Бог знает что! Я ищущ правосудия, справедливости, казни виновных, а она говорит об утеснении, о жертвах! Боже мой! Справедливо сказано: *и враги человеку домашния его!*

— Нет, друг мой! — сказала жена его с величайшею кротостью, залившись слезами. — Я не враг твой! Я тебе говорю правду, которой, разставшись со мною, ты более не услышишь. Вспомни, что и наш сын, быть может, так же, как и этот юноша, где-нибудь теперь живёт один, без друга и без покровителя, может быть, и он так же нуждается в помощи, без которой погибнет... Ах, я тебя просила за многих — ты не слушал меня, но теперь я со слезами умоляю тебя! Это, быть может, уже последняя моя просьба!

— Ты так говоришь, — сказал начальник, показывая вид, что он весьма тронут, — что не только меня, но и камень могла бы разжалобить. Признаюсь тебе, я не люблю послаблять строгости

правосудия, но так и быть. Для тебя только, для тебя одной я при-
му все меры, чтобы спасти этого шалуна. Ты употребила слишком
сильное средство, напомнив мне о сыне... Ох!

Этот вздох вырвался из груди лицемера, может быть, и без малей-
шаго притворства, ибо природа и в самых ожесточённых сердцах
вступает иногда в права свои. Но это бывает только мгновенья,
так сказать, возмущения постоянной струи порока, которая после
того опять приходит скоро в прежнее течение. Так случилось и здесь.
Вздох, произнесённый начальником, хотя был, вероятно, и самый
непритворный, но между тем послужил прекрасным переходом
к величайшему притворству. Сохраняя печальную мину, началь-
ник сказал:

— Да, душенька! Мы, кажется, уже потеряли его навсегда!

— Нет, я всё-таки ещё надеюсь на Бога.

— Да, моя милая! Надейся: это всего лучше! Но, кажется, здесь
нам уже не увидеть его! Сторона отдалённая, малолюдная, какой
случай может завести его сюда?

— Ах, не говори об этом! Мне ужасно и подумать, что глаза мои
не увидят его более!

— Конечно, и мне тоже страшно это помыслить, но как ни гово-
ри, а это так! Поэтому-то я хотел тебе давно сказать...

— Что такое?

— Да вот что! Ты возишь везде с собой назначенные для него
билеты. Боюсь я, не ровен случай, так, пожалуй, мошенники оберут,
да и следа не найдёшь!

— Но ведь ты знаешь, что я дала обещание покойному своему
отцу сохранить эту сумму для его внука...

— Странно мне, матушка, что ты до сих пор не уверилась во
мне: уже ли я истрачу их?

— Нет, я не думаю этого, но он приказал мне беречь их как
зеницу ока, и я дала слово.

— Но подумай сама: храни Боже, если что случится без меня,
ведь мы все под Богом ходим, так значит ли это, что ты выпол-
нишь слово отца?

— Ты говоришь правду, но дай же мне обещание, что ты будешь
хранить столь же тщательно, как я, покуда...

— Вот тебе порука! — начальник указал на распятие.

— Хорошо, друг мой, возьми их: вот они! И когда ты будешь
отдавать их моему милему Павлу, то скажи ему, что я всегда носи-
ла их на груди своей как самое священное сокровище, потому что
с ними было соединено его имя. Скажи ему, что мать его ждала

свидания с ним как единственного блага и что если жалела о жизни, закрывая глаза навек, то потому только, что ждала и не дождалась его...

Она не могла более говорить и горько зарыдала.

— Успокойся, друг мой, успокойся! — говорил муж ей, казалось, с непритворным участием. — Оставим этот разговор, поговорим лучше о другом... Ну, как ты, кого решилаась взять с собою для прислуги?

— Ту женщину, которую рекомендовал мне Виктор Иванович...

— Не советывал бы я тебе, — говорил начальник, у которого опять порочные мысли взяли своё направление, — не советывал бы. Эта женщина так мне не нравится! У ней такая наружность...

— Да, наружность ея, признаюсь, и мне не нравится, но я решилаась победить это ложное отвращение. Я думаю только о том, что она, если не взять её, должна помереть с голоду...

— Это-то правда! Конечно, ты делаешь дело христианское: помогать другому всего лучше на свете, но...

— Нет, уж я решилаась...

— Ну, я не препятствую тебе. Следуй влечению твоего доброго сердца: оно тебя не обманет! Да я советывал бы тебе ещё взять Алексея. Он почти необходим для тебя по твоему состоянию...

Начальница согласилась на это предложение и наконец вышла из комнаты, а муж ей, положивши билеты в конторку, с плутовскою усмешкою сказал про себя: «Ну, Алёшка, работай, как умеешь! Билетцы теперь у меня, а ты напрасно будешь грызть на них зубы!»

XVI. НАЧАЛЬНИЦА

Предсказание Антона Григорьевича не сбылось: сколько ни старалась начальница по приезде на воды примирить наших любовников, доброе желание ея не имело успеха. Мичман показывал к Марии, по крайней мере по наружности, величайшую холодность и даже презрение. Мария чувствовала страдание, не изъяснимое никакими словами, редко осушала глаза и между тем не оправдывалась ни одним словом. Положение их было для начальницы самое таинственное, самое мучительное для ея доброго сердца. Она даже была готова иногда сердиться на них, не подозревая, что только одно искреннее сожаление и глубокое уважение к ней налагало на них молчание. Бывали случаи, что Мария, убеждаемая ею то с ласкою, то с гневом, решалась было наконец, раскрыть пагубную тайну, но потом, представив себе, что она своим

признанием может убить и без того слабое здоровье своей благодетельницы, вдруг одумывалась и снова определяла себя на страдание. В таком положении прошло около двух недель со времени приезда их на воды.

Между тем по самой необходимости мичман и Мария были почти безпрестанно вместе, сходясь у начальницы. В один вечер все они трое, сидя подле окна, безмолвно смотрели за странную, почти волшебную картину, раскинутую пред их глазами. На ближайшем плане ландшафта извивалась чудная речка со своими цветущими берегами, далее разстилался безжизненный полог снега, потом возставали дикие скалы, разделённые пропастями и, наконец, взор утопал в безпредельности моря, глухо стонавшего в отдалённости. И вся эта картина была подёрнута меланхолическим светом сумерок, сквозь которого начинали проглядывать звёзды.

— Вот изображение нашей жизни! — сказала наконец начальница, тяжело вздохнувши. — Эти цветущие берега есть малой удел радости, достающийся нам в жизни, а потом пойдут препятствия, затруднения, опасности, бедствия, а всё оканчивается вечностью, в которой светит нам одна звезда веры и надежды.

— Вы прекрасно объяснили, — сказал Виктор, — аллегорический смысл этого ландшафта, но жизнь не всегда бывает ему подобна. Бывают несчастные, которые не встречаются в жизни и этой краткой дорожки, усталой зеленью.

— Нет! — возразила начальница, — чтобы человек никогда не встречал пути приятного и цветущаго, это почти невозможно, если только сам он не собьётся с него, по следам ложного опасения, подозрения и особенно по следам страстей и порока.

— Боже мой! — сказал мичман, бросив мгновенный взгляд на Марию, — как страсти рано одолевают сердце, и как порок искусно прикрывается иногда видом невинности!

При сих словах судорожный трепет пробежал по членам Марии.

— Виктор Иванович! — произнесла решительным тоном начальница, приметившая беспокойство Марии. — Я не знаю, к чему клонятся ваши слова, но если догадка моя справедлива, то я скажу вам решительно: вы заблуждаетесь. Я сама воспитала этого ангела, — она взяла руку сидевшей подле нея Марии, — и ручаюсь за него моею жизнью!

Слёзы полились ручьями из глаз Марии. Она бросилась в объятия начальницы и, рыдая, твердила:

— Вы не ошиблись во мне, я точно невинна!

Трудно описать, что чувствовал в эту минуту мичман. Страшная буря подозрений кипела в его душе, но она не могла потушить неугасаемого пламени первой любви, который потухает иногда только с жизнью. Сей волшебный пламень, притаивающийся до времени, готов всегда вспыхнуть с новою силою при первом благоприятном ветре. Таким образом, мичман, тронутый слезами Марии, едва не увлёкся слепым движением своего сердца и чуть не бросился в её объятия, забывая на мгновение всё прошедшее. Но прошла минута восторга — и снова суровый разсудок обдал его своим хладом. Представьте себе вулкан, у которого на поверхности видны льдистые лавины, а внутри клокочут раскалённые реки: вот верное изображение нашего страдальца в сию минуту!

— Виктор Иванович! — повторила начальница, сжимая Марию в своих объятиях. — Удивляюсь, что вы ещё можете сомневаться в невинности этого чистого существа!

— Ах! Сударыня! — воскликнул мичман, выведенный словами начальницы из состояния забвения, в которое наконец погрузилась его душа, оглушённая бурною толпою разнородных мыслей и чувствований. — Я пожертвовал бы всею жизнью моею, если бы можно было...

— Да, если сердце ваше, — перебила с жаром начальница, — столь же благородно, как ваша наружность, то, судя по самому себе, вы не можете допускать и в другом, особенно в этом ребёнке, столько лицемерия и притворства!

— О! Если бы это было в самом деле так, — сказал мичман, глубоко вздохнувши, — но...

— Так оправдайся же, друг мой! — воскликнула начальница, взяв за руку плачущую Марию. — Оправдайся! Раскрой мне твоё сердце! Ты знаешь, как я люблю тебя и как мне мучительно видеть твоё страдание. Расскажи мне всё, и если кто не поверит словам твоим, тот никогда не был достоин руки твоей! Ах, для чего ты ещё упрямисься? Ты видишь: теперь или никогда! Скажи, моя милая! Ты не можешь вообразить, как твоё молчание раздирает мне сердце... Ну, прошу тебя в последний раз! Ты видишь, как с каждою минутою я приближаюсь к концу, неужели ты хочешь ускорить его?

— Я? Я хочу ускорить вашу смерть?

— О Царь Небесный!

— Ну, скажи, моя милая, от твоих слов зависит твоё собственное счастье!

— Нет, не могу! — вскричала Мария, ослабев и упав на стул. — Не могу! За все блага в мире не могу сказать ничего в моё оправдание, кроме того, что я невинна!

Начальница не сказала ей более ни слова, отошла к окну и, сев подле него, устремила взоры на пустынные виды, перед нею лежавшие, и погрузилась в глубокую задумчивость. Долго продолжалось ничем не нарушаемое молчание, ибо душа каждого была погружена в самого себя. Наконец отворилась дверь, и женщина высокого роста, дикаго вида, словом, известная Караулиха, выставясь до половины в комнату, сказала шёпотом:

— Марья Алексеевна! Не угодно ли вам идти приготовить чай?

Мария, казалось, не слыхала сих слов. Цыганка замолчала, окинула внимательными глазами группу и, видя, что никто не замечает её прихода, ужасно посмотрела на сидевших. Этого адского взора, в котором изображалась радость тигра, подкрадывающегося к спящей жертве, никакая кисть, ни перо представить не может. Он был мгновенен, как молния, и опять приняв на себя смиренно-лукавый вид, цыганка повторила зов. Мария вздрогнула, как бы пробуждённая от сна, вышла вслед за нею из комнаты и, возвратившись с чашкою в руке, подошла к начальнице. Сия последняя всё ещё сидела, погруженная в думу.

— Ольга Павловна! — сказала Мария, задыхаясь от слёз, — и вы прогневались на меня?

— Нет, моя милая! — отвечала начальница, обратившись к ней с видом самым кротким, но исполненным горести и взявши из рук её чашку. — Я не сержусь, а только жалею обоих вас. Счастье ваше за вами гоняется, так вы бежите от него сами, потому что ещё не знаете его цены. А если бы вы испытали то, что испытала я в моей жизни! Боже мой!

— У всякаго довольно своей горести! — сказал мичман, глубоко вздохнувши.

— Так! Но надобно различать существенную от случайной. Что может быть сладостнее в жизни, как не исполнение желаний первой любви? Вы могли бы вполне наслаждаться этим благом и не хотите...

— А вы? Но простите мне этот смелый вопрос, который готов был сорваться с моего языка.

— Человек, — сказала начальница с видом торжественности, — стоя на краю могилы, не должен бояться ложного стыда! Дети мои! Вы, может быть, одни будете свидетелями моего последнего вздоха, и вам я должна раскрыть моё сердце. Один грех, который

я понесу с собою во гроб, есть... (Пусть называют её люди, как хотят!) Есть любовь к тому, кого я любила впервые... Ах! Много лет пролетело после того, но сердечная рана неизлечима! Я была тогда, Машенька, в твои лета, когда в первый раз увидела его... Я не произнесу его имя, для вас оно один звук. Солнце так ярко горело тогда на небесах, день был так прекрасен! Это было в мае месяце, как теперь помню, в праздник Троицы. С тех пор я посвящала ему каждую минуту, каждое мгновение, только об нём мечтала, им жила и дышала. Прошло три года, но наша любовь возростала с каждым днём. Наконец, казалось, уже близко было время, когда должны были исполниться наши сладостнейшие надежды, и вдруг в это-то самое время буря разлучила нас навеки. Отец мой — да простит Господь его слабость! — прежде старался оклеветать его в моих глазах, но когда не успел в хитрости, то употребил насилие: увёз меня из города и принудил обручиться с другим... О Боже мой! Как теперь, помню это страшное мгновение, когда, возвратившись в Иркутск, я приехала с отцом в дом губернатора и, сев за ужин, должна была снять с руки обручальное кольцо, которое, переходя из рук в руки, дошло наконец до него... Я не забуду никогда того взгляда, исполненного любви и укоризны, какой он бросил на меня в это мгновение, с трепетом оттолкнув от себя пагубное кольцо, и этот взгляд, как молния, убил навсегда счастье моей жизни! Однако ж я должна была покориться необходимости и, сказав: «Видно, так угодно Богу!», — несла свой жребий с терпением. Наконец у меня родился сын. Новое чувство пробудилось в душе, и оно, заменив утраченную любовь, опять наполнило убийственную пустоту моего сердца. Я любила моего сына более, гораздо более, нежели себя. Я готова была каждую минуту отдать за него свою жизнь, если бы это нужно было для его спасения. Самый слабый признак болезни, малейшее стенание его раздирали мне душу и повергали в отчаяние. Словом сказать, я жила на свете не для себя, а для него. И что же? Знать, ещё угодно было Творцу испытать моё терпение!

— Сын ваш умер? — прервал её мичман.

— Лучше, если бы он умер! Нет, он пропал!

— Как пропал? — спросил мичман с величайшим беспокойством.

— Да, пропал! — отвечала начальница, утирая слёзы и поставив на окно выпитую чашку.

— Но расскажите, ради Бога! — говорил мичман, трепеща всеми членами, — как это случилось?

— Мы тогда жили в Петербурге... Этому исполнилось в июле прошедшего года ровно двадцать лет, и сын мой был тогда по пятому году. В один праздничный день... Но что со мною? Боже мой! Свет темнеет у меня в глазах!

— Ах, говорите, заклинаю вас Богом, говорите! — вскричал мичман, совершенно в помешательстве ума подбежав к ней на помощь. — Ещё хотя одно слово!

— Мне душно! — шептала умирающая едва слышным голосом. — Кровь застывает в жилах... Простите!

— Владыко! Спаси её! — воскликнула Мария, упав на колена перед образом.

— Помогите! Помогите! — кричал мичман, поддерживая умирающую и не зная сам, что делать. — Помогите! Она умирает! Она... О! Это, должно быть, мать моя! Помогите!

— Яд! Яд! — вскричала в бешенстве вбежавшая в комнату Караулиха. — Вот яд, который я нашла у неё под подушкой (она показала на Марию). Он должен быть в чашке. Так и есть! Смотрите!

— О Творец! — воскликнула Мария, грянувшись на пол.

— Червь, недостойный жизни! — возопил в изступлении мичман, бросившись к Марии. — Я растопчу тебя!

— Берите его! — вскричал вбежавший в комнату с толпою казаков фельдшер, остановив мичмана. — Берите его! Я сейчас получил предписание взять тебя под стражу, по делу Тенявы. Тебе, видно, мало, что ты ещё одного убил...

— Прочь, разбойник! — вскрикнул громовым голосом мичман, отбросив от себя фельдшера и занеся саблю себе на грудь. — Никто не мешай умереть мне подле тела моей матери!

— Врёшь! Она не мать твоя! — вскричала стоявшая подле нея цыганка, выхватив у него с невероятною силою саблю. — Я твоя мать!

— Ты?

— Я!

— Но кто же ты, несчастная?

— Узнай меня: я — Марина!

— Ты — Марина! — вскричал мичман с величайшим изумлением.

— Да, безумный! Я — Марина, мать твоя...

— Злодейка! Разве ты не сама призналась, что я не сын твой? Скажи мне, если не хочешь, чтобы я задушил тебя своими руками: не она ли мать моя? (он показал на тело начальницы).

— Задуши, если хочешь быть матереубийцею! Знай, неблагодарный, что хотя ты погубил меня, но я для того только, чтобы

тебя оставить в счастии, пожертвовала самым драгоценным именем для людей: именем матери...

— Ну да нам слушать ваши розсказни некогда! После потолкуете о своём родстве! — вскричал с неудовольствием фельдшер. — Ребята, что стоите? Берите его!

Мичман стоял, как поражённый громом, ничего не мысля, ничего не понимая, и почти не чувствовал, как казаки связали ему руки и вывели из комнаты.

— Ну-ка, ступай и ты, голубушка! — сказал фельдшер, подойдя к Марии. — Полно прикидываться-то! Ребята! возьмите её тоже да караульте, чтобы не смазала лыжи!

После сего фельдшер, оставшись один с цыганкою, сказал ей:

— Ну, заварили мы с тобой кашу, как-то приведётся расхлёбывать! На что тебе, старая дура, вздумалось уверять его, что он твой сын?

— Потому что он сын мой и есть! — отвечала со злобою цыганка.

— Полно, ведьма! Поверю я тебе!

— Ты поверишь, мошенник, когда я тебя хвачу этим ножом! — вскричала цыганка, схватив нож и кинувшись на фельдшера, который с ужасом выбежал из комнаты.

Цыганка осталась одна. Жертва ея мщения лежала пред нею с открытыми, неподвижными, как бы из вечности смотревшими глазами, едва освещёнными мерцающим светом северного сияния. Цыганка подошла к трупу, дико посмотрела ему в глаза, закрыла их и, приложив левую руку к сердцу умершей, а правую разводя по воздуху и уподобляясь в сию минуту более адскому духу, блуждающему во мраке, нежели существу телесному, прошептала ужасным голосом:

*Чу! Оно уже не бьётся!
Кровь хладеет и не льётся!
Свет потух в ея глазах!
О! Хвала вам, духи злые!
В этих огненных столбах
Ваши лики неземные,
С дикой радостью в очах!
Вижу я: простёрли руки
Вы кровавья ко мне...
Что же? Страшны ль ваши муки?
Я ль боюсь гореть в огне?
Ха, ха, ха! Я в жизни знала
Муки адских пострашней:
Я презренье испытала
От себя и от людей!*

*Но вас, духи, заклинаю
Страшной клятвою геенны:
Я всё в жизни презираю,
Только мой обет священный
Довершить мне помогите!
Сокрушите, истребите
Род проклятой до конца!
Жажду мести — утолите
Кровью сына и отца!
И тогда томить не стану
Вас безумною мольбой,
Но безтрепетно предстану
К вам с заветною душой!*

XVII. СЛЕДСТВИЕ

Предписание о взятии под стражу мичмана было дано начальником по случаю окончания следствия правдолюбивым секретарём его Погремушкиным.

Погремушкин начал свои подвиги в Кууюхчене тем, что велел схватить, перевязать и посадить под стражу тойона и всё его семейство, а сам со всею свитою расположился в его юрте. Сей первый подвиг был возложен на исправника Сумкина, который по особенной злости своей на тойона за известный подзатыльник, полученный им от отца начальника, постарался исполнить поручение Погремушкина с величайшею точностию: стянул Тарею без малейшей жалости и бросил в холодную юрту. Два дня после сего почтенный секретарь изволил провести в отдыхе после дальней дороги. Наконец началось следствие. Первый допрос был сделан тойону. Несмотря на двудневной холод и голод, Тарей шёл твёрдо и отвечал смело, высказав подробности смерти Тенявы.

— Правду ли ты говоришь, старик? — спросил Погремушкин голосом не столько суровым, сколько значительным, с важностию приподбившись и протянув ноги по нарам.

— Правду, бачка! Изволь спросить других.

— И протопоп тебя не подучивал на бунт?

— Нет, нет, бачка, не солгу этого.

— И с Зудою не стоваривались они действовать против начальства?

— Ничего не слыхал, бачка, хоть сейчас умереть.

— А если мы приведем тебя к присяге?

— Что хошь, бачка, приказывай: всё рад исполнить. Я говорю правду.

— Хорошо. Подайте ружьё... Вот, клянись над ним, что ты не лжѣшь.

— Я сказал, что не лгу, бачка!

— Клянись!

— Изволь, бачка, изволь! — говорил камчадал, приставив голову к ружейному дулу. — Если я солгал, хотя в едином слове, то пусть это ружьё раздробит мне голову в мелкие иверешки, пусть не свижусь я более ни с женою, ни...

— Довольно, старик! — прервал со злобою Погремушкин. — Я вижу, что то время прошло, как клятва на вас действовала, видно, теперь надобно средства другия...

— С позволения вашего, Пётр Фёдорович! — провозгласил с подъяческими ужимками Сумкин. — Если соблаговолите мне поручить окончить допрос...

— Кто ж вам мешает? Тут вы столько же обязаны заботиться, сколько и я.

— Так по-нашему вот как: плетей!

— Изволь, бачка, сечь, сколько тебе угодно, — говорил камчадал, не показав ни малейшаго признака смущения, — но я всё-таки сказать инаго не могу. Камчадал, бачка, лгать не любит.

— Ладно! Мы посмотрим! Раздевайте его!

Вытерпливая ужаснейшие удары, от которых юрта обагрелась ручьями крови, камчадал, закусив губы, не сказал ни слова. Наконец безуспешное истязание было кончено.

— Так выбросьте же его, мошенника, из юрты! — сказал с досадою Сумкин. — Пусть околеваает, когда не хочет сказать правды!

— Вы напрасно прибегли к этой мере, — говорил правдолюбивый Погремушкин, принимая на себя неодобрительную мину. — Знаете, гораздо лучше бы обойтись...

— Помилуйте, Пётр Фёдорович! С этими извергами как можно обходиться иначе? Ведь вы изволили видеть: секи его, а он всё своё порет! Сущие разбойники!

— Так, это правда, но я не люблю нарушения законов и скажу вам не шутя: я не желал бы, чтобы при моих глазах...

— Это всё можно сделать! Поручите только мне, так, надеюсь, будете довольны. Я с их, мерзавцев, сдери не одну шкуру. Вот ещё жаль, что шельма Зуда долго не едет, а то с него бы начать, со старшаго бестии...

— Ваша правда! Этого плута всего бы прежде допросить должно. Но мы ещё успеем всё это обработать, если вы будете помогать мне с тем усердием к службе, каким вы всегда отличались. Ваша

отличная ревность к должности была давно известна. Мой долг будет довести начальству...

— Сделайте милость, Пётр Фёдорович: не оставьте вашим заступлением. Доброе мнение начальства для меня всего драгоценнее. Ведь, вы изволите знать, только из одной чести и бьюсь. Жалованье малое...

— Это правда, Антроп Спиридонович! И все мы из чего служим, как...

— Ах, батюшка Пётр Фёдорович! Извините: совсем запамятовал. По приезде вашем сюда нарочно я собрал для вашей милости по собольку с человека, да по чернобурке с юрты, да...

— Вот это напрасно, Антроп Спиридонович! Вы знаете: я не люблю взяток.

— Да помилуйте, что же это за взятки? Я единственно из моего усердия к вам, а добροхотного дателя, вам известно...

— Ну, так и быть! Я оставлю всё это покамест у себя, а потом постараюсь вам заплатить.

— Очень хорошо, Пётр Фёдорович! Пусть хоть и так останется, ещё успеем рассчитаться, если Господь продлит веку, время не уйдёт!

Между тем как беседовали таким образом сии честные чиновники, из коих один, хитрый мошенник, хотел, как говорится, загреть жар чужими руками, а другой, наглый подлец, готов был решительно на все беззакония, лишь бы угодить начальству, — в сие время вокруг несчастного тойона, окровавленного и брошенного близ юрты, собралась большая толпа жителей острожка. Камчадалы, как и все почти дикие, предпочитая смерть истязаниям телесным, смотрели на своего начальника не столько с горестию, как с негодованием, качали головами и перешёптывались.

— Чего вы ждёте? — вскричал внезапно появившийся между ними молодой камчадал, высокого роста, плечистый и по самому виду обещающий необыкновенную силу и проворство. — Чего вы ждёте? И всем вам тоже будет! Коли тойона избили, то чего ждать другим?

— А что, ребята? — говорили камчадалы друг другу. — Ведь Гатальча-то говорит правду!

— Эта правда, — подхватил Гатальча с яростию, — лежит у вас пред глазами. Если не хотите, чтобы и всех вас так же измучили, то все за мной! Смерть разбойникам!

— В самом деле, ребята, — вскричал кто-то из толпы, — пойдём, пережем их, да шабаш!

— Пойдём, пойдём, ребята! — закричали все в голос. — Принимайтесь за чекуши!

— Господа следователи! — вскричал проворно спустившийся к ним в юрту Зуда, бывший до сего времени в отлучке из Кууях-чена, — спасайтесь: вас хотят всех перерезать!

— Как, кто? — воскликнул Погремушкин, побледневший как полотно, но старавшийся сохранить неустрашимость духа, которою он любил хвастаться. — Кто это и как?

— Народ взбунтовался.

— Народ взбунтовался! — повторил с величайшею, самую презренною робостию Сумкин, у котораго зубы громко застучали друг о друга. — Народ взбунтовался, говоришь ты?

— Да, да, народ! Спасайтесь, покуда есть время, а то... Но теперь всё кончено! Все мы погибли!

В это время шумная свирепая толпа камчадалов под предводительством Гатальчи прибежала к юрте следователей, с которыми вместе находились и приехавшие с ними пять человек казаков.

Покрыв отверзтие юрты досками, камчадалы кричали с остервенением: «Попробуйте теперь выйти оттуда, дьяволы, вы узнаете, каково обижать камчадала!»

— Что нам делать теперь, Абрам Васильевич? — говорил Сумкин, едва выговаривая от страха слова. — Будьте отец родной: научите!

— Знаете ли, что я советывал бы вам? — отвечал Зуда, смотря с чувством величайшаго презрения на сего робкаго подлеца и не могши удержаться от насмешки.

— А что такое? Научите, ради Бога!

— Хорошо бы вы сделали, Антроп Спиридонович, если бы приказали так же отодрать себя, как вы изсекли беднаго Тарею, и потом велели бы вынести себя на показ. Я уверен, что это средство...

— Боже мой! Вы смеётесь над нами, Абрам Васильевич, — говорил Погремушкин самым дружественным голосом, между тем как во всякое другое время он был бы готов отвечать на подобную обиду со всею дерзостию провинциального временщика. — Можно ли так поступать христианину, когда бы вы, может быть, могли бы одним словом утишить мятеж?

— Помилуйте! — отвечал Зуда, продолжая тон насмешки. — Вы, будучи столько лет при начальнике, несравненно более моего имели случай приобрести уважение камчадалов вашими добрыми делами. Одно ваше имя, кажется, должно бы быть достаточно к тому, чтобы заставить молчать?

— Это так, но, признаюсь, я не столько счастлив...

— Да тут не нужно счастье. Государыня поручила участь камчадалов вашему начальнику, а вы его правая рука. Так вы,

конечно, старались вместе с ним исполнить волю монархини: защищать невинных, наказывать виновных, творить суд по правде, охранять вашу страну от грабительства взяточников, мошенников, кровопийцев...

По мере того как Зуда, начинавший говорить с жаром, разгорячался, Погремушкин приходил в трепет. Глаза его, устремлённые на Зуду, остановились. Бледное, посинелое лицо изображало более образ мертвеца, возставшего из гроба на глас Страшного суда, нежели живаго человека. И в самом деле, в словах Зуды, произносимых в то время, когда неизбежная смерть висела у него над головою в точном значении сего слова, он слышал, казалось ему, начавшийся над ним грозный и неотвратимый суд за гробом. Но слова Зуды были прерваны диким криком Гатальчи, который, не имея терпения ждать выхода своих жертв, сбросил доски и закричал свирепым голосом: «Ну-ка, вылезайте, проклятые! Нам долго ждать, пока вы там сами переколеете! Вылезайте, говорю вам, а не то мы и тут вас всех перестреляем, как уток!»

— Погибли! — вскричал Погремушкин, упав на пол, между тем как товарищ его давно уже сидел, забившись под нары, полумёртвый от страха.

— Таковы-то всегда подлые люди! — говорил Зуда, глядя с презрением и жалостию на обоих трусов. — В счастье они готовы на всё, а при малейшей опасности они совершенно теряют разсудок... А вы что, ребята, — продолжал он, обратившись к казакам, — уже ли и вы сробели?

— Сробеть не сробели, Абрам Васильевич, — отвечали казаки в один голос, — двух смертей не будет, а одной не миновать, да ведь делать тут нечего. И рад бы в рай, да грехи не пускают!

— Нет, ребята. Для русского нигде ворота не заперты. Смелость города берёт. Не драться — умереть, и драться — умереть, так лучше попробуем счастья. Авось!

— Ты дело вздумал, Абрам Васильевич! — сказал один из казаков. — И точно! Ударим-ка на басурманов, авось!

— Ну, благослови Господи! — сказали казаки в один голос. — Чему быть, тому не миновать. Ура!

Казаки, схватив ружья, бросились к отверстию, но первый из них, храбрый, отважившийся показаться из юрты, полетел вниз с разрубленною головою, сопровождаемый ужасным хохотом камчадалов, отдавшимися в сердце осаждённых, и вслед за ним влетело в юрту несколько стрел, отравленных ядом. Все оне просвистали попусту, кроме одной, но эта одна похитила жертву, стоившую

многих: она ранила Зуду. Старец, несмотря на верную смерть, сохранил однако ж всю твёрдость духа, никогда его не оставлявшую, и, опустившись на нары, ещё ободрял казаков: «Друзья! Не унывайте! Ваше спасение заключается в одной вашей храбрости».

Но поощрение его было тщетно. Страшный, зловеющий голос Гатальча опять раздался над юртою:

— Ребята! Тащите-ка более хвороста. Зажжём его да набросаем в юрту, а потом закроем её, пусть они издохнут в ней, как черви!

— В самом деле, ребята, — повторило множество голосов, — притащим хвороста да сморим всех их там, чертей. Что с ними долго-то биться?!

Скоро целыя груды горящего хлама посыпалась в юрту. Ужасный удушающий дым быстро распространялся по ней, похищая из виду осаждённых не только все предметы, но и самих их друг у друга. Наконец начало захватывать у них дыхание, и жизнь, так сказать, собралась в груди, чтобы вылететь оттуда с последним вздохом. Начался страшный спор между бытием и смертью, решение которого уже, может быть, зависело от одной минуты.

— Ну, товарищи! Прощайте! — сказали казаки друг другу. — Теперь конец наш настал!

Но в сие роковое мгновение вдруг раздалась выстрелы: раз, два, три. Камчадалы схлынули с юрты, и проворная рука разбросала лежавшие на ней доски. Дым повалил из неё столбом.

— Живы ли там? — раздался сверху голос.

— Ни живы, ни мертвы, — отвечал один из казаков, пробираясь ощупью к отверстию.

— Выходите проворнее: камчадалов мы всех прогнали.

— Ба, это ты, Паршин! Да какими, брат, судьбами ты подоспел к нам на выручку? Ведь нас, окаянные, совсем было прокоптили, словно юколу.

— Да, брат, кабы не прилетел к нам на верховой посланный от Зуды, то, верно, попали бы вы на закуску к курносой.

— А вы разве недалеко где были?

— Да я вот с командою послан из Большерецка на Лопатку да остановился было на дневку на речке Кылхту, отсюда верстах в пятнадцать...

В продолжение сего разговора вышли и прочие четыре казака, протирая глаза и едва переводя дух.

— Да где же ваши начальники? — спросил Паршин.

— Кто их знает: живы ли они? Вот дай перевести дух, так пойдём и их отыскивать.

Первый из отысканных был Погремушкин. Не вставая с пола, он сел и, посмотрев мутными, мрачными глазами вокруг себя, прошептал: «Ещё ли я жив?» Между тем казаки отыскиали и Сумкина.

— Ваше благородие! — сказал один из них. — Извольте встать: опасность прошла.

— Режь меня, коли хочешь, не встану! — прошептал Сумкин, дрожа от страха.

— Извольте встать, ваше благородие! Ведь мы казаки, а не камчадалы, они все уж разбежались.

— Разбежались? — вскричал Сумкин, вскочив на ноги. — Разбежались? А Зуда?

— А он вот здесь.

— Так ты здесь ещё, мошенник! Возьмите его, свяжите! Разбойник! Он вздумал смеяться над чиновниками!

— А я должен доложить вашему благородию, — сказал Паршин, — что если бы не Абрам Васильевич, то вам бы смерть неминуемая...

— Это почему?

Паршин повторил сказанное казаку.

— Пустяки! Это только один отвод! Исполняйте, что приказывают. Возьмите его, свяжите крепче, да приготовьте...

— Помилуйте, ваше благородие! — сказал Паршин с твёрдостью. — Что его вязать? Он уже умирает...

— Всё равно! — кричал Сумкин. — Всё равно! Вяжите его!

— Нет, воля ваша, не можем!

Таким образом, не слушая безумных и злостных приказаний, казаки стояли вокруг умирающего Зуды без всякого действия, смотря на него с видом величайшего участия.

— Друзья мои! — сказал Зуда, как бы проснувшись от глубокого сна и почувствовав какую-то необыкновенную лёгкость, которая бывает всегда верным предвестником исхода жизни, так же блестящей на мгновение пред своим концом, как блещет иногда потухающий светильник. — Друзья мои! Не откажитесь исполнить просьбу человека умирающего: вынесите меня отсюда.

— Извольте, батюшка Абрам Васильевич, — говорил Паршин, как старший из казаков. — С охотою исполним ваше желание. Ведь мы не бусурмане какие, чтобы видели вас в таком положении да ещё бы не пожалели и не послушались.

Казаки вынесли его из юрты и положили близ оной на разостланные оленьи кожи. Погремушкин и Сумкин также вышли из юрты, и на лице первого была написана самая чёрная дума. Они стали поодаль. Зуда лежал на холме, с которого было видно море

с закатывавшимся в бездны его дневным светилом. Умиравший сделал последнее усилие, приподнял несколько голову и уныло, подобно отходящему с родины путешественнику, посмотрев на море и на солнце, произнёс тихим прощальным голосом:

— О, ты, неугасающее, вечно юное светило! Погрузясь в эти синия бездны, ты опять взойдёшь завтра с прежнею красотой и величием, но я уже не увижу более твоего восхода! И погрузившись навсегда в бездну вечности, сохраняю моё эфемерное бытие... О сколько раз ты заставало меня посреди этих печальных пустынь в слезах и горести! И для чего суждено было мне видеть, как, оживляемое твоими лучами, всё творение дышало радостью, величием, между тем как я один скорбел без утешения и без надежды? Для того ли, чтобы, означив бытие своё на земле одним страданием, я потом исчез навсегда?

Сильное волнение души изобразилось на лице страдальца. Проведя жизнь в тщетных взысканиях разума, он напрасно искал в нём утешения при дверях гроба, ибо тут немеет всякая человеческая мудрость и вещает одна Вера. Приметно утомлённый мучительными сомнениями, несчастный опять склонил голову на постель и закрыл глаза.

— Тише, тише! — говорили тихомолком казаки друг другу, сняв шапки и набожно крестясь. — Не помешайте, он отходит!

Но умирающий ещё взглянул и, сделав едва приметный жест рукою, сказал казакам чуть-чуть слышным голосом:

— Друзья мои! Если будете в Петропавловске... скажите Ивашкину, что об нём одном я пожалел при конце моей жизни... Ибо свет сей для меня давно был чужд! Прощайте!

Он опять закрыл глаза и уже не открывал более.

— Ну, слава Богу, кажется, комедия кончилась! — сказал глупый и безчувственный Сумкин, обращаясь с подлою улыбкою к Погремушкину.

— Да, кончилась! — отвечал холодно сей последний, мрачно нахмутив брови. — Но как-то приведётся нам самим её разыгрывать!

Между тем казаки начали уже рыть могилу. Опустив в неё умершаго, они прочитали над ним короткую молитву, и общая всем мать тихо приняла странника на своё лоно. Скудный деревянный крестик, наскоро связанный ремнём, несколько времени стоял над сею уединённою могилою, а потом ветер уронил его, холмик могильный изгладил, и не осталось ни малейшего следа, что был человек, кроме одних пустых звуков предания.

2320

КАМЧАДАЛКА

СОЧИНЕНИЕ

И. Калашникова.

ЧАСТЬ I.

Второе издание.

37

С. П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

1842.

Титульный лист книги И. Т. Калашникова «Камчадалка»
с экслибрисом М. А. Сергеева

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, декабря 11 дня 1841 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ВЪ ТЕЛЕГРАФИИ А. ГОДАНСОНА.

— 72 —

но, открылся злодѣйской ея поступокъ съ вами?

«Нѣтъ, не за это; но Провидѣніе въ самомъ дѣлѣ употребило меня орудіемъ для наказанія ея. Сбѣвшисъ однажды съ настоящаго пути, человѣкъ обыкновенно переходитъ отъ одного преступленія къ другому; то же случилось и съ нею. Она свела дружбу съ шайкою воровъ, и исправляла должность ихъ шпіона, высматривая въ лавкахъ и домахъ: которые изъ нихъ богаче, и какъ лучше ихъ обокрасть. Съ этою цѣлію мы посѣщали съ нею одного богатаго помѣщика: это былъ, надобно вамъ сказать, заслуженный морякъ, человѣкъ умный и добрый. Онъ любилъ вообще дѣтей, и всякой разъ, когда я приходилъ къ нему съ Мариною, ласково разговаривалъ со мною, полюбилъ меня, и даже, наконецъ, просилъ Марину отдать ему меня, обѣщая сдѣлать меня счастливымъ. Марина, подъ разными предлогами, уклонялась отъ выполненія этой просьбы, и, какъ понимаю, жестоко была меня, когда я осмѣлился-было просить ее объ этомъ самъ...»

— Какая злая женщина! Боже мой! Я никогда не могла вообразить, чтобы люди могли быть такъ злы!

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Благосклонный пріемъ публикою пераго моего романа: Дочь Купца Жоловова, и особенно лестные отзывы о немъ лучшихъ нашихъ и даже иностранныхъ литераторовъ, дали мнѣ смѣлость издать еще романъ, въ томъ же родѣ и духѣ написанный. Романъ сей не по происхожденію, но по мѣстности своей, есть нѣкоторыми образами продолженіе пераго: здѣсь и тамъ дѣйствіе происходитъ въ Сибири, и такими образами оба сіи ро-

— 73 —

«А между тѣмъ свѣтъ исполненъ подобными людьми, только что скрывающимися подъ благовидною наружностію!»

— О! если такъ, то дай Богъ, чтобы я никогда не видала этого свѣта.

«Однакожь, Марія, свѣтъ не должно представлять вертепомъ разбойниковъ: между множествомъ злыхъ есть весьма много и людей добродѣтельныхъ. Я это испыталъ на себѣ, когда освободился изъ рукъ моей похитительницы...»

— Но какъ же вы освободились отъ нея?

«Въ одно время возвратившись съ Мариною отъ того помѣщика, о которомъ я говорилъ вамъ, я подслушалъ разговоръ ея съ разбойниками, которые совѣтовались съ нею: когда и какъ лучше ограбить этого добраго старика. У меня закипѣло сердце, потому-что (припишите это Провидѣнію, или чему хотите), не смотря на окружавшіе меня порочные примѣры, я сохранилъ непорочность сердца, и чувствовалъ величайшее отвращеніе и отъ Марши и отъ ея злыхъ сообщниковъ. Такимъ образомъ я рѣшился, во что бы-то ни стало, увѣдомить помѣщика о злодѣйскомъ умыслѣ противъ него и, улучивъ случай, исполнилъ мое намѣреніе. Разбойники были переловлены; съ ними попала

ЧАСТЬ I.

7.

Страницы первой части книги И. Т. Калашникова (из собрания библиотеки Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН)

XVIII. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Камчадалы, испуганные прибытием казацкой команды, забрав жён и детей своих, убежали в горы.

Сотник Паршин, получив от Погремушкина приказание идти за ними в посёлок, произвёл прежде самый тщательный обыск во всех юртах в надежде, не отыщет ли кого, кто мог бы дать ему сведений, в каких местах надлежало искать беглецов. Обыск был удачен: найдена в одной юрте спрятавшаяся за чирелы больная и дряхлая старуха. Вытащив её оттуда, казаки, не столько с действительными, сколько с притворными угрозами, начали её расспрашивать, но камчадалка, прикинувшись немую, не говорила ни слова.

— Ну, видно, нечего делать с тобою, старая корга, — сказал притворно разсердившийся Паршин, — как раскласть побольше огня, да... Говори же! Что, в самом деле? Долго ли будем с тобою биться? Ну-ка, ребята, принимайтесь: взвалите её на очаг! Видно, у ней язык-то примёрз, так отогреть надобно!

— Скажу, скажу, бачка! — завопила старуха, по-видимому струсившая, когда казаки схватили её, делая вид, что хотят тащить на огонь.

— Давно бы так! Ну, сказывай же проворнее! Не говорили ли иногда ваши старики, *что грезятся им во сне мёртвые, и не ездили ли в гости в дальние острожки* (в старину оба сии случая были верными предвестьями бунта).

— Нет, бачка, этого не слыхала, хоть сейчас издохнуть!

— А верно, знаешь, в которую сторону сговорились бежать бунтовщики?

— Про это мельком слышала.

— Куда же они побежали?

— А вот, бачка: подите вы все вверх по Нынгучу, и дойдёте вы до двух гор, одна из них называется Омгазин, по-вашему, бачка, это значит *лес валить*, потому что, как говорят старики, на этом-де месте...

— Ну, да полно околесицу-то молоть, что нам за нужда до ваших побасенок? Сказывай дело!

— Хорошо, бачка, хорошо! — отвечала камчадалка, вытаскивая неприметным образом с пояса у себя нож. — Так вот и подите вы к этим горам. Одна из них, я сказывала уж вам, Омгазин, а другая Саану, по вашему: *кормовая*, потому что-де, говорят старики, на этой горе...

— Опять за то же! — вскричал Паршин. — Да что, в самом деле? Знать, ты морочить нас хочешь? Ребята! Тащите её на огонь!

— Врёте! Камчадалка умеет умереть от своей руки! — вскричала старуха и в то же мгновение черкнула себя ножом по горлу и упала без дыхания.

— Экое чёртово племя! — сказал Паршин, качая головою. — Им зарезать себя, словно выпить рюмку вина. Нечего делать, ребята, пойдёмте на авось. Может быть, и сами отыщем след! Да где у нас Пронька Трунилов, Безшабашная Голова?

— И то, где-то не видно его! — говорили казаки. — Смотри, что, ребята, он пошёл следить за камчадалами!

— Да и ведомо, что так! — подхватил спустившийся в юрту молодой и бравый казак.

— Где ты это слонялся? — спросил его Паршин.

— Да где слоняться-то? Следил за этими чертями...

— Ну так и есть! — перебили казаки. — Мы угадали... Ай да Безшабашная Голова! Один за сотнею погнался!

— Так мне какая надобность, что их сотня! Хоть бы их две было: смелым Бог владеет! Я-то думал, что-де неравно вздумает начальник посылать за ними погоню, так было бы ведомо куда идти...

— Да, спасибо, брат Пронча, — говорил Паршин. — Ты это хорошо вздумал... А что, они не заметили тебя?

— Нет. Не мог скрыться, увидели, каторжные, да и погнались, было. Однако я не сробел, одного из них срезал из винтовки, а прочие спрятались.

— Жаль, что они увидели тебя. Теперь они скроются в такие трупщобы, что их и сам чёрт не найдёт! А в которую же сторону они пошли?

— Да сперва они шли вверх по Нынгучу, а потом, не доходя до первого поворота, свернули налево в гору, а тут уж я и бросил их.

— Так, видно, старуха, — сказал Паршин, — говорила правду. Ну, с Богом! Терять время нечего: пойдёмте к Омгазину. Я догадываюсь, где теперь должны быть бунтовщики.

Казаки отправились в погоню в числе пятнадцати человек, между тем как беглых, одних мужчин, было около пятидесяти; но так завоёвана вся Сибирь: везде горсть русских сражалась с тысячами и побеждала. Сверх сего, самый путь, по которому надлежало проходить нашим храбрецам, был чрезвычайно трудный и опасный. Быстрая речка во многих местах от пробивавшихся по берегам её ключей не была покрыта льдом, и потому, проходя между утёсами, должно было кое-как лепиться с величайшею опасностью на скользких и узких закраинах.

— Ну, чёртово же только это местечко! — сказал Паршин. — Смотри, Ванюха, не оборвись. Что рот-то разинул на утёсы? Обрушишься, так утащит как раз под лёд, и молитвы сотворить не успеешь! Вишь, речка словно котёл кипит.

— Небось, Лука Фаддеич, не обрушусь! — отвечал казак.

— Только скользко же, парень, пробираться! — заметил другой. — Того и смотри, что сотворишь кувыр-коллегию.

— Да, — говорил третий, — за утёс зубами не ухватишься: не репа!

— Экая, Господи, махина выросла! — продолжал третий. — Так в небо и упирается!

— Да и на той-то вон стороне, брат, не поддаётся этому! — заметил четвёртый.

— Словно в какой в трубе идём! — присовокупил пятый. — Уж подлинно небо с овчинку кажется! И звёзд-то почти не видать: первой, другой, обчёлся!

— Да, нечего сказать, брат! — говорил шестой. — Не для людей эта дорога построена; только чертям по ней и ходить!

— Ну, теперь недалеко, ребята! — сказал Паршин. — Вон уж и конец, а там и поворот налево.

— Слава те, Христе! Выбрались! — провозгласили все казаки в один голос.

В сем месте утёсы разошлись в разные стороны, превратившись в обыкновенные горы и соединившись с другими хребтами. Казаки, пройдя около двух вёрст равниною, поросшею кустарником, едва, впрочем, выставлявшимся из-под снега, наконец достигли до хребта, через который надлежало им перебираться. Пред ними лежала высокая и крутая гора, обнажённая от леса и покрытая скользким настом, блиставшим, как хрусталь, при лучах месяца.

— Ну, ребята, как-то мы взмоstimся на эту лежанку! — сказал Паршин, по обычаю русских сохраняя весёлость духа и шутливость в величайших трудностях и опасностях. — И не топлена, да жжётся!

— А вот как, Лука Фаддеич! — подхватил Безшабашная Голова, проворно бросившись к горе, и начав подниматься на неё.

— Проворен больно! — говорили старослуживые. — Не взойди вниз головой!

В самом деле, удалый казак сколько ни употреблял усилий, но взойдя не более трёх сажень, оборвался и скатился с горы. Общий смех казаков раздался с его падением.

— Что, брат, — говорили казаки, — знать, удал да безталанен?

— Погодите ещё, не смейтесь! Дайте только подвязать щипы под лапки (род лыж), так взойду и не на такую гору.

— Молоденек, брат ты, Пронча! — сказал один из опытных казаков. — Если бы слушал, кто тебя побольше служивал и бывал, как говорится, и под конём и на коне, так не летал бы, брат, по-тюленьи, вниз головой!

— Вот ещё! Учить вздумал!

— Учить не учу, а дело всегда скажу. Видишь ли, вон на горе как будто поднимается вихорь и замает снег?

— Вижу. Так что за беда?

— Вот вишь, ты ещё и не знаешь этого. Попробуй-ка взойти теперь на гору: так тебя и унесёт с неё в тартарары, так что и костей не соберёшь!

— Отчего так?

— Да оттого, что хоть теперь здесь и тихо, а там, поди-ка, такой хиус, что и на ногах не устоишь.

— Э, чем пугать вздумал! Снесёт, так туда и дорога! Была не была! Два века не проживёшь! А коли дал Царю присягу служить верой и правдой, не жалея крови, так уж тут думать нечего! Благослови-ка, Лука Фаддеич!

— С Богом, с Богом, брат Прокопий! — провозгласил Паршин, смотревший с восторгом на удалство Трунилова и выжидавший только времени, чтобы поджечь соребнование и в прочих своих подчинённых.

— Экая озорь! — говорили казаки, смотря с удивлением на поднимавашагося быстро Безшабашнаго. — Смотри, как чешет!

— Да, чешет! — подхватил один из них, — вон поехал назад... Ну, не бывать живому!

— Ну, совсем обрушился! — вскрикнули казаки с чувством жалости. — За камень-то ухватись! Ах ты Господи! За кустарник-то, за кустарник-то! Лови! Вот так! Ай да молодец!

— Смотри-ка, как пошёл опять отваливать! — сказал Паршин.

— Вот уж недалеко и до вершины! — подхватил один из казаков, по некотором молчании.

— Смотри, что доберётся! — прибавил другой. — Теперь уж много, что сажен с десяток осталось.

— Ну, взошёл! — провозгласили казаки в один голос. — Ай да отчаянный!

— Ребята! — воскликнул Паршин, — стыдно же нам, старым служивым, оставаться здесь, чтоб этот молокосос после над нами смеялся. Ну, ребята, подвязывай щипы, да все за мной!

Казаки начали подниматься на гору и по мере того, как они всходили выше и выше, ветер, почти нечувствительный в долине, становился постепенно сильнее и на вершине горы превратился почти в бурю, которой стремительные порывы могли сбить с ног и утащить оплошного в страшную падь, отделявшую сию гору от противоположнаго утёса, ещё и над нею возвышавшагося.

— Я сказал, — говорил казак, дававший совет Трунилову, — что на вершине буря. Теперь видите, что моя правда!

— Ребята! — возгласил Паршин. — Ползком, если не хотите прогуляться в падь. Ветер как раз с ног срежет, а гора, смотрите, словно коча (судно), опрокинутая вверх дном: притулиться некуда!

— Тише! — прошептал лежавший на горе Трунилов.

— Что такое? — спросил поднявшийся на гору Паршин.

— А вон смотри-ка, на утёс... Видишь, вон в этом уступе как будто огонёк просвечивает между камней? Ведь, знать, тут кто-нибудь есть?

— Да кому быть, кроме этих чертей камчадалов? Слышишь, собаки завьли?

— Да, это точно вой не ветра! А смотрите-ка, кажись, человек показался на уступе?

— Человек, точно человек! — сказали в один голос несколько казаков. — Ах он дьявол! Смотри, что он нас увидел, ведь у них глаза-то нечеловечьи, к тому же солнышко-то наше не в добрый час вздумало на нас светить, так нас им как на зеркале видно!

— Увидел и ести! — подхватили другие. — Кажись, машет рукой? Эх их высыпало из норы! Что это? Смотри: принимаются за стрелы!

— Пусть их потешатся! — сказал хладнокровно Паршин. — Я уверен, что ни одна стрела не попадёт в нас.

Множество стрел взвилось в воздухе, но все оне, отнесённые ветром, действительно упали далеко в сторону от своей цели, а многия и вовсе не долетели до горы.

— Теперь, ребята, — провозгласил Паршин, — наша очередь! Ну-ка посмотрим, что вернее: пуля или стрела?

Грохот ружей раздался по горам. По смятению, оказавшемуся в толпе камчадалов, можно было приметить, что выстрелы не были совершенно потеряны. Казалось, они что-то схватили и скрылись, иные в пещеру, иные за огромные кекуры (каменные столбы), черневшиеся на утёсе.

— Теперь их оттуда не выживешь! — сказал Паршин. — Делать другого нечего, как вот что: я возьму с собой тебя, Пронча, да ещё

вас, ребята (он указал на самых удалых осьмерых казаков). Спустимся в падь, обойдём по ней утёс и поднимемся на него с другой стороны. Там, знать, отложистее, что камчадалы могли взобраться. Поднявшись же на вершину, нам уж не трудно будет спуститься к ним на уступ. Спадём на них, как снег на голову! Поняли вы меня, ребята?

— Как не понять? Ты, Лука Фаддеич, худо не выдумаешь! — говорили казаки в один голос с приметным удовольствием, особенно Безшабашный.

— А вы, — продолжал Паршин, обращаясь к остальным казакам, — оставайтесь здесь, и если кто выглянет из них, так того и бац из ружья.

Сделав сие распоряжение, Паршин с отобранными удалцами начал спускаться ползком на другую сторону горы, по которой в некотором разстоянии от вершины показывался мелкой топольник, мало-помалу увеличивавшийся и превратившийся во глубине пади в густой лес (топольник и листвяк есть единственный лес, из котораго строят в Камчатке дома и суда, но последний растёт только во внутренности сей земли, по реке Камчатке. Сосны, которыми прочая часть Сибири так изобилует, здесь нет совсем). Но добраться до спуска, покрытаго лесом, по скользкому и крутому скату нельзя было иначе, особенно по причине бури, как ползком, почти вниз головой. Само собою разумеется, что такое путешествие требовало величайших усилий и чрезвычайной осторожности. Некоторые из казаков совсем выбились из сил, и один из них, несмотря на явную опасность, решился встать на ноги.

— Нет, не могу! — вскричал он. — Устал хуже собаки!

— Что ты это делаешь, сумасшедший? — сказал Паршин с чувством страха и негодования.

— Не могу, Лука Фаддеич, как хочешь, из мочи выбился!

Но едва казак успел сие выговорить, как сильный порыв ветра потащил его по скату, потом сбил с ног, и бедняк, разбитый и окровавленный, стремительно покотившись вниз, напрасно старался схватиться руками за гладкой и скользкой наст и вскоре исчез из глаз изумлённых и утрашённых товарищей.

— Ну, бедняга! — сказали с сожалением казаки, — верно, уж жив не будет!

— Сам виноват! — подхватил Паршин. — Я говорил, что нельзя вставать... Чу! Выстрел!

— Это, знать, ружьё само выпалило! — заметили казаки.

— А слышите ли, — сказал Паршин, — как опять завывли собаки? Смотри, что камчадалы опять высыплют!

В самом деле, камчадалы опять вышли из пещеры и, увидев спускавшихся в падь своих неприятелей, проворно прикатили общими силами к краю утёса преогромный камень и, дождавшись их спуска, с величайшим криком свалили его вниз. Ужасный гром и треск дерев, сокрушённых сброшенной массою, раздался в пади. За ним следовали удар, другой, третий, четвёртый, между которыми разсыпались выстрелы из ружей, и пустыня, может быть, от создания мира стоявшая в невозмущаемом безмолвии и оглашённая семи звуками, казалось, изъявляла свою скорбь в диких и протяжных воплях свирепствовавшей бури.

Несмотря на непрерывное падение камней, казаки шли бодро и смело и при падении каждого камня ещё острились насчёт своих неприятелей. Но чтобы совершать обход, им надлежало употребить немало времени, в продолжение которого камчадалы, не сомневаясь в намерении казаков, положили по общему совету: Гатальче, как смелому и удалому воину, с отборными товарищами идти на отбой приступа, а менее отважным оставаться в становище и в случае разбития Гатальчи решиться на последнюю меру: *достать под себя постелю*, лишь бы только не достаться живыми в руки супостатов. Гатальча и товарищи его, отправляясь на смертную битву, весело простились со своими жёнами и детьми и, закинув за плечи сайдаки (луки), пошли бодро с песнею безнадежной отваги:

*Не ползи змейй из тёмных дубравы,
Не застанеш нас врасплох, казак лукавый!
Мы с тобой теперь впоследине сразимся.
Лучше сгинем, а живые не дадимся!
Нужды нет, что злобный Канна тебе служит:
Камчадал в беде не плачет и не тужит!
Он умеет, презирая участь злую,
Подостлать себе постелю кровяную!*

Внимая сему отчаянному пению, оставшиеся в становище камчадалы смотрели на удаляющихся с каким-то диким безмолвием: ни у кого ни слеза не выступила из глаз, ни вопль, ни вздох не вылетал из груди. Таково чудное человеколюбие природы. Она положила известный предел, до которого бедствия ещё чувствительны человеку, подалее онаго ни ум не в состоянии живо представить себе огромность беды, ни сердце чувствовать её приближение. Тогда несчастье, превысившее положенную меру, изменяет своё свойство

и принимает характер спокойствия. Здесь-то начинается отчаянная радость, верх человеческого злополучия!

Впрочем, камчадалам нетрудно было защититься от нападения казаков, ибо подъём, предлежавший сим последним, хотя и был возможен, но сопряжён с величайшими затруднениями. Им надлежало кой-как пробираться по скользкому насту между выставившихся из крутого и безлесного ската огромных камней, уподоблявшихся по чрезвычайной высоте своей почти скалам.

Камчадалы, спустившись с вершины горы до половины ея и остановившись на одной из таковых скал, ожидали казаков, готовые к сопротивлению.

Первый шёл Паршин. Едва он, сопровождаемый своею командою, поднялся на несколько сажень, как страшной величины камень полетел с горы и непременно бы раздробил и Паршина, и шедшаго по следам его Безшабашнаго, если б, по счастью их, ударившись о край скалы, над ними висевшей, не перелетел чрез их голову.

— Ребята! — вскричал Паршин, — проворнее на скалу, да хватим оттуда из винтовок. Верно, черти разбегутся при первом выстреле.

Проворно взобравшись на скалу, казаки увидели над собою камчадалов, опять готовящихся свалить также огромный камень. «Стреляй!» — вскричал Паршин. Пули со свистом понеслись с камня на камень и сшибли сверху двух камчадалов, стремглав полетевших вниз. Товарищи их сробели и бросились на гору, один Гатальча, удалый и отчаянный, остался на месте и, употребив гигантския усилия, сбросил до половины нависнувший вниз осколок утёса. Низвергнутая громада, запрыгав с камня на камень, наконец грянулась на вершину скалы, на которой стояли Паршин и Безшабашный, едва успевшие отскочить при сем падении, и потом пронеслась в трущобу, наполняя пустыню треском дерев и грохотом падения. После сего неумолимый и разъярённый Гатальча ещё хотел в третий раз употребить то же губительное средство, но казаки, быстро поднявшись к тому месту, где стоял он на небольшой каменной площадке, не дали ему исполнить сего намерения. Начался смертный бой. Гатальча, схватив копьё, направил его против Паршина, занесшаго руку на площадку, дабы на неё взобраться, но неустрашимый и проворный потомок железнаго племени, схватив копьё и крепко держась за него, вскочил таким образом с невольною помощию самаго неприятеля на площадку и нанёс ему ужасный удар саблею. Гатальча успел однако ж от него несколько уклониться и, получив рану только вскользь по руке, схватил казака за грудь и вонзил ему в бок смертоносную чекушу

с ужасным криком: «Пропадай, враг!» Но в то же мгновение и сам вкусил смерть: Безшабашный, с быстротою сокола вскочив за Паршиным, ударил камчадала прикладом по голове, и отважный дикарь, последняя отрасль славного Шантала, превозносимаго в камчадальских сагах, кончил свои отчаянные подвиги. Оуманенный ударом, он качнулся в сторону, не выпустив, однако ж, из рук своей жертвы, как бы по невольному, судорожному движению, и с повторенным ударом покатился вместе с нею в пропасть, означая свой путь кровавою полосою. Смерть сих воинов произвела совершенно различные чувствования в сражающихся. Камчадалы вовсе потеряли дух, а русские, по чудной доблести нашего народа, с увеличившеюся опасностью при потере начальника ещё более ободрились, совершенно позабыли сами себя и дружно кинулись на гору, презирая летящие на них сверху камни и стрелы и не сделав ни одного выстрела. Это твёрдое, безмолвное презрение смерти, эта стихийная, нечеловеческая храбрость, совершенно обезумили камчадалов. Поражённые более нравственно, нежели физически, они не были в состоянии долее сопротивляться, несмотря на превосходство своего числа и положения, и с отчаянным воплем бросились на вершину горы, дабы потом сбежать на уступ, в своё становище. Казаки также вбежали на гору вслед за ними и схватили с плеч ружья. То же самое сделали и товарищи их, оставшиеся на противоположной горе и увидевши их появление, но те и другие, приложившись к ружьям, внезапно остановились в сем положении, поражённые ужасом и изумлением. Пред ними открылась страшная, раздирающая сердце картина. Каждый из камчадалов, схватив свою жену, или сына, или дочь и занеся над ними нож, ожидал только первого знака от стоявшего между ними с бубном шамана, чтобы поразить их прямо в сердце. Шаман, находившийся в каком-то безумном, диком изступлении, наконец сверкнул кровавыми глазами, ударил в бубен — и ножи разом мелькнули, озарённые красным пламенем зари. Ужасный, удушающий, но мгновенный вопль раздался в воздухе, кровь хлынула ручьями с утёса!

Казаки, сколько ни были неустрашимы в битвах, но при сем ужасном зрелище невольно затрепетали. Безшабашный, первый выйдя из состояния изумления, бросился было, чтобы остановить сие варварское торжество, но не успел. Жертвы покатались по утёсу, а потом и сами убийцы с криком неизъяснимаго, дикаго, но отчаянно-радостнаго изступления, взмахнув кверху руками, как бы в знак предания себя воле Высшаго Духа, бросились все разом

с утёса, и только один шаман, полубольной и полубезумный, не боясь и не понимая человеческого мщения, остался от всего племени, как обломок от разбитого бурей корабля, и как привидение чернел на утёсе при первых лучах восходившего солнца. Казаки не сочли нужным вести его с собою и, удалясь с места побоища, долго слышали его бубен и безумные крики, коими он провожал, казалось, души своих родовичей в безвестное владычество Гаеча. Наконец бубен умолк, и в пустыне, на минуту возмущённой буйными существами, злостно и безумно отнимающими друг у друга и без того кратковременное бытие, опять воцарилось вечное и невозмущаемое безмолвие.

По возвращении казаков в опустевший Куууюхчен Погремушкин пришёл в большое затруднение, не зная, как и что написать о следствии. Но сметливый товарищ его, неподобный Сумкин, тотчас вывел его из затруднения.

— Помилуйте, Пётр Фёдорович! Да чем тут затрудняться? Господи, твоя воля! Да разве перо-то не в наших руках? Разве нельзя заставить его, чтобы оно заговорило за всех камчадалов, как нам надобно, да потом заставило у каждого допроса сайдаки со стрелами (иноверцы вместо своей подписи ставят знак — лук со стрелой, положенную на тетиву)? Вот вам и следствие!

Погремушкин мрачно посмотрел на Сумкина и, махнув рукой, сказал холодно: «Ну, делай, как хочешь!»

Таким образом, по следствию, протопоп и мичман оказались совершенно виновными в смерти Теньвы и в подучении камчадалов, а Зуда — и в деятельном участии в бунте, остановленном при самом начале, без особенных последствий, благоразумными и кроткими мерами господ следователей. Антон Григорьевич, донося о сем губернатору, испрашивал им *в поощрение к дальнейшему усердию по службе и в пример другим за деятельность, неутомимость и безкорыстие* приличное награждение, особенно настоял о выдаче им годового оклада, *в уважение их бедного состояния и малаго жалованья, коим-де они не в состоянии пропитываться, имея на своём попечении большия семейства.* К несчастью его, подобныя казённые фразы, коими так много злоупотребляют слабые и безчестные люди, не могли обмануть тогдашняго иркутскаго губернатора, о котором мы уже упоминали выше. Прочитав означенное донесение, Кличка отметил на нём: *оставить до окончания ревизии в Камчатке.*

Но не столько сия ревизия, стеснённая более или менее формами, как безпристрастный суд предания раскрыл страшныя деяния, нами описанныя. Давно сказано, что глас народа есть глас Божий.

Сколько бы осторожное лицемерие ни укрывалось от преследования закона, но оно не в силах утаиться от преследований общего толка. Сей всезрящий и всеведущий судья проникает в глубочайшие изгибы сердца, обнаруживает сокровеннейшия пружины деяний и выясняет темнейшия типы. На грозном суде его нет ни лицепрятия, ни пощады, — и вы, надеющиеся избегнуть наказания, установленного законом, трепещите: есть общее мнение, есть презрение и проклятие народа!

XIX. ОБЪЯСНЕНИЕ ЗЛОДЕЕВ

Начальник, получив письмо от фельдшера о смерти своей жены в первый день Пасхи поутру, во время собрания у него поклонников, вышел к ним из кабинета с самым ужасным лицом. Оно было подёрнуто какою-то синею тенью, изображавшею более раскаяние убийцы, нежели притворную скорбь, какую лицемер старался показать. Во всяком другом случае он не поскупился бы на обильныя слезы, дабы лучше представить вид печалющагося, но тут не мог сего сделать: адское мучение совести и невольное опасение преступника, терзавшее его душу, были слишком сильны для того, чтобы вполне выдержать принятую им роль. Но между тем сие страшное состояние души грешника также привело присутствовавших к выгодному для него заключению: оно было принято за действие величавшей безслёзной горести. Обозрев безмысленное и покорное стадо и не встретив ни одного смелого и пронизательного взора, начальник ободрился и как бы задыхаясь от скорби, сказал предстоявшим:

— Да! Тяжко потерять жену во всяком случае, а особенно теперь мне в такой отдалённости, где она заменяла мне всё!

Слышавшие сии трогательныя слова, желая показать, что они сердечно разделяют с ним его печаль, сделали каждый по самой плаксивой гримасе и тяжело вздохнули.

С неделю после сего Антон Григорьевич не выходил никуда из дому и большую часть суток просиживал за Библией. Никто не сомневался в его благочестивых чувствах и размышлениях, кроме одного Всеведающаго.

Между тем приехал с горячих вод верный агент его фельдшер, и благочестивый отшельник имел следующий разговор с сим мошенником, который, гордясь оказанною им своему повелителю кровавою услугою и считая его уже не столько начальником, как товарищем в злодействе, сделался гораздо смелее прежняго в общении с ним.

— Вот видите, ваше высокоблагородие, — говорил он, смотря на подписываемое Антоном Григорьевичем известное представление о награде следователей, — других вы представляете к наградам, а, кажется, и меня пора бы...

— И тебя? — перебил начальник, взглянув на него с насмешливою улыбкою.

— Да что же вы изволите смеяться? Конечно, чем же я хуже других?

— А к чему прикажешь тебя представить?

— Как к чему? Ведь, кажется, давно уже я стою на офицерской линии...

— Вот чего тебе захотелось! Стало быть, ты позабыл, что во время оно...

— Да помилуйте! Кто Богу не грешен, царю не виноват! Ведь, если сказать правду, так ваш честнейший секретарь и господин заседатель давным-давно то же бы вытерпели, кабы не имели офицерских чинов, да открылись бы все их плутни...

— Послушай, Алексей. Ты, во-первых, говоришь слишком дерзко для начальника, а во-вторых, и не по-христиански: знаешь, велено не только близких, но и...

— Знаю, знаю, ваше высокоблагородие! Я люблю их обоих; да разве бы им вред бы какой причинился, если бы вы изволили и меня тут же приписать: ведь дело-то я сделал, а барыша-то немного!

— Немного, а билеты?

— Да, сударь, билеты! Не тут-то было!

— Что же это значит?

— Да то, ваше высокоблагородие, что мне их и во сне не видать. Признайтесь, ваше высокоблагородие, уж, верно, вы изволили пошутить надо мною?

— Я вижу, Алексей, — отвечал начальник, вспыхнувший от злобы, но стараясь сохранить вид спокойствия, — ты, кажется, сегодня в хорошем расположении духа?

— Напротив, в самом худом, ваше высокоблагородие, и был и буду, если не изволите удовлетворить моей просьбы.

— То есть представить тебя в офицеры?

— Да-с!

— Хорошо, ты будешь представлен; но довольно об этом. Что твои больше?

— Ничего, сударь! Мичман лежит в общей арестантской, а внуку протопопа я велел перенести в дом казака Горбунова.

— А хорошо ли караулят их? Смотри: пока они больны, так на твоём отчёте. Ну, как они теперь?

— Оба в страшной горячке, ваше высокоблагородие, совсем без памяти.

— А что, протопоп не приходил к своей внучке?

— Приходил вчера. Да какими судьбами, ваше высокоблагородие, он разгуливает у вас на воле, как правый?

— Нельзя, братец, особа духовная. Тут надобно действовать осторожно. Я ожидаю уведомления из Иркутска. Увидим, куда ветер потянет. Ну что же этот калуер (монах, старец), когда увидел внучку?

— Смех и горе, ваше высокоблагородие! Признаюсь, не хотел было пускать его. Хотел сказать, что нельзя, испугаешь, ну, да так и быть, думал, пусть полюбуется!

— Что ж он, плакал, что ли?

— Нет! Хоть бы те слезинку выронил! Этакой чугуун! Только положил близ кровати три поклона в землю, прочитал над больною молитву и, взглянув на небо, перекрестил её и сказал: «Бог да сохранит и защитит тебя, дитя моё, и да простит твоих гонителей!»

— Ха, ха, ха! — засмеялся неистовым смехом начальник. — Пусть охраняет её кто хочет, но она теперь в моих руках! А что мичман?

— Этот безпрестанно бредит: всё матушка, да матушка! Знаете ли, что я советовал бы вам? Не подать ли ему того же снадобья, которое...

— Ты, Алексей, — прервал начальник с негодованием, — сегодня слишком смел!

— Да что церемониться, ваше высокоблагородие? Ведь для вас же очищаю дорогу...

При сем слове вся тяжесть сообщничества с подчинённым и неизбежно сопряжённая с нею унижительная зависимость от него как бы ударили в сердце злодея-начальника. «Бестия! — думал он, вскочив с места и начав быстрыми шагами ходить по комнате, — он зазнался и может быть мне опасен. Но я найду ещё способ накинуть на него узду и заковать его мерзкой язык».

— Уж не на меня ли изволили прогневаться? — спросил несколько струсивший фельдшер по прежней привычке своей бояться Антона Григорьевича и давно изучивший все приёмы сего последнего.

— На тебя? — отвечал Антон Григорьевич, силившись принять ласковый вид. — С какой стати? Нет, Алексей, я столько доволен

твоим усердием, что грешно бы было на тебя сердиться. Я надеюсь, что ты и вперёд не откажешься мне послужить столь же ревностно.

— Будьте уверены, ваше высокоблагородие!

— Я никогда и не сомневался в этом... Но скажи мне, пожалуйста, точно ли Караулиха называла себя матерью мичмана?

— Ведь я докладывал вашему высокоблагородию, что это было при моих глазах.

— Странное дело! Мне хочется хорошенько узнать об этом. Пойдѐшь от меня, так скажи ей, чтобы она сегодня же побывала у меня.

По уходе фельдшера начальник по обыкновению своему начал мерными шагами ходить по кабинету с поникшею головою и с руками, заткнутыми за пояс. Спустя с полчаса вошла цыганка и, приняв на себя самый смиренный вид, стала у дверей, так что свеча, тускло горевшая на столе, весьма слабо освещала её тёмное лицо. Начальник, остановившись в некотором отдалении от нея, устремил на неё самый внимательный взор и, казалось, приводил что-то на память. Наконец сказал ей значущим голосом:

— Караулиха! Ты должна рассказать мне происшествия твоей жизни. Признаюсь, я смотрел на тебя прежде без особенного внимания, но теперь нахожу в чертах твоих что-то знакомое.

— Помилуйте, батюшка ваше высокоблагородие, где нам, людям бедным, быть знакомыми с вашею милостию!

— Притворство твоё не у места, — прервал начальник строгим тоном. — Я имею тысячу способов узнать правду, но прежде хочу спросить у тебя самой: точно ли ты русская?

— Да чем же мне быть иной?

— Не жила ли ты когда-нибудь в Бухаресте?

— Где жила, батюшка! Я этого и имени-то не слыхивала.

— Я тебе ещё подтверждаю, старуха: говори правду, чтобы после не каяться.

— Правду, сущую правду говорю вашей милости.

«Странное дело! — думал начальник, начав опять ходить по комнате. — В чертах этой женщины есть весьма много сходного с тою цыганкою, с которою я познакомился в Бухаресте и с которой я, признаться, поступил не совсем честно... Но, впрочем, кто ж не шалил в молодости? И что вспоминать старья дрязги? Довольно и новых! Недаром сказано: *довлеет дневи злоба его!*»

— Где же твоя родина, старуха? — спросил начальник, вдруг обратившись к цыганке.

— В Иркутске, отец родной!

— В Иркутске? — повторил начальник с грозным видом. — И ты смеешь так нагло врать?

— Не вру, батюшка! Поверь Богу: говорю правду!

— Но если ты не лжёшь, то каким чудом мичман мог быть твоим сыном? Ты сама так называла его.

— Отец родной! — вскричала цыганка, упав в ноги начальнику. — Прости меня, многогрешную! Я вижу теперь, что должна тебе во всем покаяться: я ссыльная.

— Ты ссыльная! — повторил начальник с некоторым ужасом, — и, стало быть, догадка моя справедлива?

— Нет, батюшка, вот те все святые, нет! Я родилась в Петербурге. Батюшка и матушка умерли, когда я была ещё ребёнком. Я осталась на своей воле, а своя воля молодому человеку, батюшка, — кто этого не знает? — сущая пагуба! К тому же попала на худыя руки, а поучить уму-разуму было некому. Вот я и пошла по мытарствам. Ох, тяжело, как вспомню, сколько грехов на душу пало!

— Ну, хорошо! — прервал начальник суровым голосом. — Ты можешь и не вспоминать о старых грехах и рассказывать проворнее.

— Так к слову пришлось, отец родной! Ну, вот видите, на двадцатом году у меня родился сынишко. Думала было пехнуть его в воспитательный (дом), да жаль стало. Нет уж, мол, что ни будь, а не покину своё детище. Вот и таскала его с собой лет до девяти, батюшка, да называла чужим, и самому-то ему не сказывала, что он мой сын, а всё толковала: ты-де покраден у других. Напоследок — ведь горе-то, батюшка, не за горами, а за плечами — за чем пойдёшь, то и найдёшь — напоследок, отец родной, попала я под уголовную, и — знаешь: материнское сердце! — задумала: лучше-де вовсе откажусь от сынишки, чем губить его вместе с собою, и показала, что он-де не сын мой, а к тому же навернулся добрый человек, который захотел призреть его. Вот, батюшка, все мои похождения. Я сказала всё без утайки. Хоть верь, хоть не верь!

Начальник, обладавший умом хитрым и проницательным, не мог с безразсудною доверчивостию положиться совершенно на слова рассказчицы, особенно при известности ея характера и поступков. Но по лукавому правилу сердца, одержимаго страстию верить тому, чего желаешь, он старался заглушить голос совести и разсудка, ибо, зная предсмертный разговор своей жены с мичманом, он не столько желал, сколько страшился найти в нем своего сына.

— Но если я спрошу самого мичмана, — сказал он, сохраняя более наружные вид недоверчивости, — и если откроется что-нибудь тут преступное...

— Изволь, батюшка, спрашивать, сколько вам угодно, но вы изволили видеть из моих слов, что он и сам хорошенько не знает, что я его мать.

— Это правда! Но скажи мне: тебе не жаль, что он попался в беду?

— Как не жалеть, батюшка! — воскликнула цыганка с притворными слезами, упав в ноги начальнику. — Защити его, родимый! Ведь что ещё он — молодо-зелено! Будь его отец родной, сжался надо мною, горемышною!

Начальник, несмотря на все злоухищрения сердца не переставший сомневаться в повествовании цыганки, с ужасом посмотрел на её притворную жалость, но, не имея силы вдруг отказаться от исполнения своих преступных замыслов и готовый пожертвовать для удовлетворения страсти всем священным, он сказал ей с неподражаемым равнодушием:

— Встань, Караулиха! Я постараюсь об нём, сколько могу.

— Заставьте за себя вечно Бога молить! — говорила цыганка, вставая и всхлипывая от слёз.

— Хорошо, что ты принимаешь такое участие в сыне, — сказал начальник по некотором молчании с насмешливою улыбкою, — но говорят, что ты не ко всем детям своим была так жалостлива.

— Кто это смеет говорить? — спросила цыганка, вдруг изменив свой голос.

— Твой приятель, фельдшер!

— Он?

— Да, он. Но это ещё не всё. Он сказывал про тебя вещи самые ужасныя, и если бы я доверял этому мошеннику...

— Что же он говорил тебе? — прервала цыганка, начиная приходить в бешенство.

— Он сказал мне, что ты, а не внучка протопопова отравила мою жену и что ты только сделала на неё отвод. Если это правда, то...

— Так что же ты сделаешь со мною?

— То, что велит строгость законов с подобными злодеями.

— А ты, — возопила цыганка, дав наконец полную волю потоку яростной злобы, таившейся в её груди, — а ты разве не такой же злодей, как и я? Разве не по твоему приказанию...

— Ты, вижу я, сумасшедшая! — вскричал начальник, также вне себя от злобы. — Я велю тебя посадить на цепь и заморить, как собаку.

— Лицемер и убийца! — кричала цыганка, предавшись совершенно изступлению. — Ты призвал меня, видно, для того, чтобы

надо мной наругаться? Но я не такова! Я не боюсь твоей гнусной власти!

— Не раскайся! От меня зависит открыть убийство твоих детей!

— Глупец! Ты поручал уже твоему сообщнику запугать меня этим и думаешь, что я в самом деле поэтому исполнила твою подлую волю... Ошибаешься, злодей! Я готова на всё! Я пойду и объявлю своё злодеяние, но и тебя, убийца, заставлю мучиться вместе со мною!

— Постой, фурия! — вскричал начальник, утращённый как преступник сею страшною запальчивостию цыганки и совершенно растерявшийся в сей неожиданный момент. Он схватил её за ворот и ввёрнул обратно в свою комнату. — Постой! Я вижу: ты сумасшедшая и в бешенстве своём готова наслушать всю Камчатку.

— Пусти! Ты хочешь меня застращать!

— Безумная! Кто тебе это сказал! Я хотел только открыть козни против тебя мошенника-фельдшера, но я никогда не позволю клеветать на невинных. Я знаю, что он плут...

— Такой же, как ты!

— Караулиха! Мне давно сказывали, что ты выходишь по временам из себя, вот почему я не могу на тебя сердиться. Но признаюсь тебе: я хотел бы отделаться как-нибудь от этого мерзавца. Я даже слышал, что он обманул и тебя. Обещал много и не дал ничего...

— Да, меня обманули, — отвечала цыганка, начинавшая успокоиваться, — но не знаю, который из вас: ты на него, а он на тебя сваливает эту вину.

— Подлец! Неблагодарный! Клянусь Богом, я дорого бы заплатил тому, кто бы меня от него избавил!

— Тут не нужно платить слишком дорого! — подхватила цыганка со злобною усмешкою, всегда готовая на погибель другого и находя адское удовольствие в смертных грехах своего обольстителя. — Это дело всего стоит двадцать копеек! Так и быть, не пожалею! Отдам последние!

— Нет, Караулиха! — подхватил начальник таким голосом, как бы он не понимал намерения цыганки и как бы она говорила о каком-нибудь добром деле. — Я не хочу, чтобы бедный человек для меня тратился, вот тебе десять рублей! *Бог велел нам помогать ближнему.*

— Бог! Помогать ближнему! Ха, ха, ха!

— Что же тебе смешно?

Цыганка продолжала хохотать. Начальник долго крепился, но наконец и сам расхохотался над своим лицемерием. В этом смехе отзывались адские тоны.

— Мы с тобой, Караулиха, — сказал наконец начальник, — кажется, век свой оба уже отжили и дурачимся, как ребята, смеёмся, сами не зная чему.

— Теперь смеёмся, а придёт время, будем плакать! — отвечала цыганка двусмысленным тоном.

— Это правда! — говорил начальник, не поняв в точности значения слов ея и между тем приняв на себя обычную ролю святоши. — Всему есть время под солнцем! Жизнь бежит, как вода, потому-то и надобно делать добро наскоро. Знаешь ли, что придумал я? Фельдшер хотя, правда, и великий негодяй, но до некоторого времени он мне нужен. Между тем мне хочется и тебя-то обезопасить со стороны его на тот случай, если бы он вздумал тебя оклеветать, когда придет сюда ревизор. Я думаю вот как: подпиши-ка ты эту бумагу. Я нарочно её для тебя приготовил. Это показание от твоего лица, что он подговаривал тебя отравить мою жену, чтобы потом её обокрасть. Я до времени подержу эту бумагу у себя и пущу её в ход, когда понадобится. Ну, что же ты не отвечаешь ничего?

Цыганка в свою очередь пришла в изумление, удивляясь бездне коварства, хитрости и злодейства в лице своего старинного знакомца, и, измерив его глазами, покачала головой и молча написала бумагу.

— Ну, спасибо, Караулиха! Поди же, да смотри хорошенько за внучкой протопопа. Я отдаю тебе её на попечение. Ты умеешь обходиться с больными. Она необходима для объяснения дела и Боже сохрани, если умрёт!

Цыганка, продолжая сохранять молчание, вышла из комнаты и, идучи по улице, говорила сама с собой: «Хорошо, мошенник! Губи, как умеешь, твоих сообщников. Я подпишу тысячу бумаг на них и на себя, лишь бы оне не помешали мне погубить самого тебя».

Между тем начальник сел за стол и положил пред собой ея показание, глядя на него с усмешкою. «Теперь господин фельдшер и эта старая чертовка в моих руках! Перваго я могу так состращать этою бумагою, в случае нужды, что он и рта разинуть не посмеет предо мною, и последняя уже не может пугать меня своим признанием, хотя бы тысяча ревизоров приехала! Но, чёрт возьми, если эта проклятая ведьма только запирается, а если она в самом деле была некогда тою молодою, прекрасною девушкою,

которая казалась мне так хороша, так мила и даже так добродетельна, что я влюбился в неё без памяти, а не иначе мог склонить её на свою сторону, как только тем, что дал с клятвою обещание на ней жениться! Да, если это в самом деле она, то, смотря на неё, едва ли кто отважится похвалиться постоянством своей добродетели? Э! Все эти люди добродетельные хороши только до первого случая!»

XX. РАСКАЯНИЕ

В один из последних дней июня, весьма рано поутру, шёл по берегу Петропавловской гавани, пробираясь к Авачинской губе, человек довольно высокого роста и преважной осанки. По-видимому, он вышел полюбоваться природою, ибо шёл шаг за шагом, и самое неумеренное, даже глупое восхищение изображалось на его лице. Поводя во все стороны вздёрнутым кверху носом, он, казалось, хотел вытянуть весь аромат из воздуха и съесть окружающую его картину. Она в самом деле была и прелестна, и величественна, ибо с наступлением июня прошла мартовская погода, и житель Камчатки благословил наконец благодатное явление лета. Берёзовья рощи, можно сказать мгновенно распустившиеся, толпились на пути незнакомца, наполняя воздух своею благотворной свежестью. Холмы и долины, по которым проходил он, были одеты молодою зеленью и убраны цветами, между коими преимущественно красовалась оранжевая сарана, сколько прелестная, столько же и полезная в быту камчатского обитателя (корни сараны сушат на солнце и кладут в кашу, пироги и толкушку).

Незнакомец взошёл на один из холмов и, обозрев окрестности, обратился неподвижно к зрелищу восхождения солнца. Волны света выбегали из бездн светозарного Востока, обливавшего пламенем небо и море. С каждым проливом света и леса, и горы как бы поочередно выходили из небытия и являлись взору друг за другом в постепенной отдалённости. Наконец золотой луч загорелся на вершине Авачинского шатра, и миллионы птичек, почувствовав явление в мир царя жизни, приветствовали его своим пением. Восторженный до безумия сим величественным зрелищем, равно поражающим глупца и мудраго, незнакомец наконец воскликнул с жаром: «O natura divina! (O божественная природа!) Люблю тебя, поклоняюсь тебе, уважаю и чту! В тебе всё так чинно, стройно, благоприлично, не как в делах человеческих... Ах, Владыко! Хоть на себя я взгляну... Что я? До сих пор я ещё не порешил себя! Сам не знаю, что мне выбрать?»

Говоря сие, незнакомец спустился с холма и пошёл обратно, продолжая разсуждать вслух с самым собою. «Словно злой дух какой подбрасывает мне полена! Хотел жениться — не могу, сударь, никак решиться, да и полно! Сегодня нравится одна, завтра другая! Начинаю свататься — не отдают, вне себя от отчаяния; начали соглашаться — тогда сам я отказываюсь. Знаю, что бесятся на меня, но мне-то что же делать? Теперь наступила ещё горшая беда: выбор звания! По милости фельдшера я теперь имею честь засесть в суде, но что же мне делать? Решительно поперейти в статскую или оставаться в духовном звании? И здесь ещё новая задача: быть ли священником или обречь себя на вечное одиночество и сделаться монахом? О, какая мудрость потребна, чтобы разрешить этот гордиев узел! Там широкая и просторная дорога к повышению, зато скудное содержание, тут бы и порядочный доход, да нет никакой пищи для честолюбия: засел в одно место, так и сиди до скончания века. В монашеском звании, правда, сии выгоды сливаются, так можно ли при моём чувствительном сердце отказаться от утех семейственного счастья? Как согласить все эти противоречия? Quo nie veriam? Quod iter incipiam ingredi? Quam vivendi viam ingrediar insistem? (Куда мне обратиться? Какую дорогу избрать? Какой род жизни выбрать?) Блаженны неразсуждающие! Между тем как они идут без запинки по пути жизни и слепо добиваются почестей и богатств, человек с гением, как, например, я, человек, любящий глубоко проникать в сущность вещей, останавливается при начале поприща и не знает, куда ему пуститься...»

— Сюда, сюда! — прокричал сбоку голос. — Тут прямо-то болото. Если упадёшь, так увязнешь по уши!

— Ах, в самом деле! — вскрикнул дьячок и, взглянув в сторону, увидел выходящего из леса фельдшера.

— Куда так раненько собрался, Клим Степаныч? — спросил сей последний. — Уж не пашни ли завелись какие? И смотри как поднарядился: красный кафтан и голубые штаны! Молодец! Дура же только эта внучка протопопова!

Дьячок с удовольствием посмотрел на одежду, в которую он облачился по случаю намерения своего оставить духовное звание. Он прибодрился фертом (франт, щёголь, развязный самодовольный человек) и выфранчивая самым смешным образом, заплетал и косил ногами.

— Славно, славно, Клим Степаныч! — продолжал фельдшер, идучи с ним рядом. — Вот уж теперь ты, можно сказать, что

жених во всей форме, особенно ещё как офицерской чинишико схватишь, так...

— То-то, брат, меня ещё и раздумье берёт: не знаю ещё, идти или не идти в статскую?

— Помилуй, любезный, что же тебе думать, когда уж ты и прошение подал?

— Так что же? Разве нельзя взять назад? Это, брат, я уж не раз дельвал! Сперва подашь, а тут и раздумаешься.

— Полно, полно, не срами себя! Что, тебе хочется опять надеть свой долгополый балахон? Посмотри-ка ты теперь на себя в зеркало: молодец! Хоть кому, так жених!

— Хо, хо, хо! — засмеялся дьячок во всё горло. — Жених-то жених, да невесты-то нет!

— Как нет? А внучка протопопа?

— Да, внучка пойдёт! Нет, я отчаялся.

— А я тебе скажу, что не надо отчаиваться. Начальник сам мне сказывал, что на этих днях поедет к протопопу и будет настаивать, чтобы он непременно за тебя выдал.

— Будто правда?

— Как Бог свят!

— Да, конечно, это было бы хорошо. Но, знаешь ли, если вникнуть путём, то едва ли мне ещё и есть большая выгода.

— Помилуй, Клим Степаныч, да ведь прежде ты только это спал и видел...

— Прежде так, но теперь...

— А теперь, видно, как дело начало приходиться к концу, так и раздумье взяло.

— Да разсуди же ты сам: во-первых...

— Мне тут судить нечего, а я просто скажу начальнику, что ты раздумал.

— Нет, погоди говорить. Я подумаю.

— Ну, думай же, а теперь прощай!

Фельдшер свернул в сторону, а дьячок, подходя к дому, занимаемому уездным судом, на время приехавшим из Нижнекамчатска, опять начал разсуждать сам с собою: «Вот тебе на! Ещё новая задача! Раскусывай её, как умеешь! О вы, древние решители самых трудных задач для человечества! О Платон! О Сократ! О Сенека! Да осенит меня бессмертный гений ваш своим лучезарным крылом, и да...»

— Кутейник! — вскричал вывернувшийся из-за угла мальчишка.

Сие магическое слово разом пресекло течение дьячковой речи. Он вне себя от гнева погнался за шалуном с палкою, а мальчишка,

быв из числа подьячих, побежал прямо в суд. Дьячок за нам, и таким образом оба они скрылись во святилище правосудия, где обидчик и получил от обидимаго воздаяние по заслугам.

В сие время члены суда, судья и два заседателя были уже в присутствии. Судья, барон Бутер, был добрый и честный немец, любивший искренно правду и не бравший взятку ни под какими титлами, словом, человек, какого только можно желать для служения во храме Фемиды; но (как говорит наш знаменитый Крылов: *Одно в царе лишь было худо: царь этот был осиновый чурбан!*) одно было худо в нашем судье, что он не умел ни читать, ни писать по-русски и только выучился, и то с превеликим трудом, кое-как подписывать своё имя. Правда, господин барон старался всячески скрывать своё невежество и особенно выезжал на презрении к русскому языку, но за всем тем всякой раз, как приводилось ему подписывать бумаги, чувствовал большое неудобство от этого пустяка, ибо не раз случалось, что секретарь возвращал их к нему обратно с несносным докладом: «Вы изволили подписать-с вверх ногами». Что тут оставалось делать барону, как не прибираться на наш бедный язык разныя немецкия брани?

Из числа заседателей один был малороссиянин, по уму и по прозванию Дураченко. Он составлял совершенную противоположность с бароном. Барон знал всё, кроме русской грамоты, а Дураченко, кроме грамоты, не знал решительно ничего, притом всякое знание он считал глупостию, от роду не читывал ни одной книги, и это невежество ставил ещё себе в превеликую честь.

Другой заседатель был Хапилов, о котором было уже упомянуто выше. Он был тоже не учён, но человек со здравым умом и со знанием своего дела, каковы большею частию природные сибирские служаки. Хапилов, родясь в Камчатке, тёр, как говорится, лямку лет тридцать, чтобы добиться высокога звания заседателя, ибо десять раз открывалась вакансия и десять раз садили на неё приезжих, по известному выражению: *«Нетъ пророк во отечествии своём»*. Товарищи же его, как легко догадаться и по их происхождению, были оба приезжие и посажены на места как люди отличные, по представлению Антона Григорьевича.

Секретарь сего ареопага, по прозванию Прижимов, был самый знаменитый крючок по всей Камчатке, плут, взяточник и пьяница. Судья Бутер не раз грозился выгнать его из должности, но, надобно сказать правду, собственное благоразумие запрещало ему сие делать, ибо Прижимов заменял ему не только руку, но и голову. Пользуясь сим, секретарь презирал и угрозами судьи, и самую

его особою и ходил в присутствие постоянно полупьяным. По открытии заседания Дураченко спросил вчерашний журнал, который и был подан ему секретарём. Перелистывая тетрадь с миною неудовольствия, Дураченко спросил секретаря: «Кто это писал?»

— Вновь определяющийся дьячок Шайдуров-с.

— Позовите его.

Шайдуров вошёл в присутствие и, сделав легкий поклон а la mode, старался подойти к столу присутствия со всем искусством, в полной надежде, что он своею ловкостью обратит на себя внимание начальства, но вдруг все его лестные мечты разлетелись как дым, когда Дураченко грозно спросил его:

— Ты это вараксал (написал как попало, кое-как)?

— Я, сударь!

— А что это у тебя, бр-ратец, за каракули?

— Это, сударь, запятыя.

— Чтоб я никогда не видал их! Ты только, брратец, переводишь чернила. Пыши, как я, а не то и тебя под арест велю посадят.

— Да помилуйте, сударь, за что же?

— Так ты, брратец, ещё вздумал со мною спорыт! Сторож! Возьмы его, сными с него сапоги да не пускай отсюда целую неделю!

Дьячок, поражённый как громом сим приказанием, не сказал ни слова, и только крупная слёзы градом покатились из его глаз, когда сторож начал снимать с него сапоги. Сие оскорбление тем ещё было для него чувствительнее, что приказные подняли при сем случае ужасный хохот, так что Дураченко, выглянув из присутствия, закричал на них: «Перестаньте, черти! Я со всеми вами сделаю то же». Хохот стих, но зато посыпались на бедного дьячка самые язвительные насмешки.

— Что, брат! — говорил один из старых повытчиков, — видно, писать-то не в колокола звонить?

— Да, — подхватил другой, — видно, это не кутья: за один раз не схлебнёшь!

— Вишь, — прибавил третий, — выехал со своими крюками! Нет, брат, здесь их не любят! По-нашему так вот как: захотелось табаку нюхнуть, так тут и точка!

Особенно надоедал нашему бедняку проклятый мальчишка, который после полученных им от него побоев, сделавшись совершенным его врагом, дразнил его без малейшего отдыха и пощады: «Кутейник! Знать, ноги-то спотели, что сапоги снял? Смотри: мышь бежит, не отгрызла бы пальцы!» и прочее. Разумеется, что все эти выходки были глупы как нельзя более, но они ужасно

терзали злополучного и неповинного дьячка. Наконец бедствие его достигло высочайшей степени: мимо окон суда прошёл протопп, прямо к воротам судебного дома. Дьячок совершенно обезумел от стыда, вскочив со стула, распахнул шкаф, стоявший подле печи, и спрятался около нея за шкафною дверью, так что только одне его босыя ноги выказывались из-за них. Протопп вошёл в комнату, вежливо поклонился подьячим и, не видя сторожа, на сей раз куда-то усланного, спросил у одного из них, можно ли доложить об нём присутствию. Подьячий равнодушно поглядел на него и опять начал писать, не удостоив его даже словом. Протопп спросил другаго и получил тот же ответ. Эта чудная психологическая черта, которая вовсе неизвестна в высших присутственных местах, в нижних инстанциях кое-где сохраняется ещё и донныне. Протопп, видя, что приказные, не отвечая ему, только изредка вспрыскивают от смеха, и не понимая сего причины, решился ожидать сторожа и сел на лавку, стоящую против самага шкафа. Приказные, приметив, что он увидел дьячковы ноги, опять подняли общий смех, а мальчишка, тихонько вскочив со скамьи и подкравшись к шкафу, вдруг отпахнул дверь так, что дьячок едва успел только произнести «Ах!» и со смертною бледностию на лице стоял, потупив голову, как пойманный на шалости школьник, не смея поднять глаз на протоппа.

— Ну, выходи, красный гусь! — говорил мальчишка, издаваясь над его робостию. — Не докуда тебе тут стоять: ноги отерпнут (одеревенеют)!

— Что это, Степаныч! — сказал протопп с истинным участием. — В каком, брат, положении тебя вижу? Вот, брат, как случается с людьми, которые берутся не за своё дело! Кабы ты пошёл по духовному званию, да пошёл с умом, так ты век-то свой провёл бы спокойно и, по крайности, такого срама, право, бы не терпел! А то захотел Бог знает чего, ударился в доносы да в кляузы, и что из этого выйдет путнаго, Бог весть!

Дьячок не отвечал ни слова, но зарыдал и начал громко всхлипывать. Протопп по отличной доброте своей души глубоко был тронут его положением, и забыв все обиды его, начал уговаривать с самым отеческим расположением:

— Ну, полно, Степаныч! Господь милостив! Ещё такой беды нет, чтобы так плакать! Сними-ка ты этот красный поддеггай да останься в прежнем, так авось дела-то поправятся. Ты тогда, как приходил просить меня, чтобы я написал о тебе с Саламатовым к преосвященному, хоть немножко меня и оскорбил, однако я всё-таки о тебе

писал хорошее и вот с нынешней почтой получил ответ. На-ка, читай!

Дьячок, всё ещё не смея взглянуть на протопопа, взял бумагу трепещуще рукою и едва дочитал до половины, как, выронив её из рук, вскричал самым отчаянным голосом:

— О! Это сверх сил моих! Если бы меня распилили, расчленили, я перенёс бы это мучение легче, нежели ваши благодеяния. Они мне жгут и прожигают насквозь сердце!

— Полно, Степаныч! — прервал протопоп. — К чему эти пустяки собирать?

— Нет, отец святой, это не пустяки. Я вас оклеветал правого, а вы виноватого меня оправдали. Ох, тяжело! Не могу это снести! Прощайте, святой отец! Поминайте меня в ваших молитвах.

Сказав сие, дьячок схватил лежавшую на полу верёвку, опрометью бросился в дверь и сшиб с ног сторожа, попавшагося ему навстречу. Сторож, вскочив на ноги, бросился за ним, думая, что он бежал от ареста. Равным образом и многие из подьячих также кинулись из суда, не столько для поимки дьячка, сколько для того, чтобы воспользоваться случаем для отлучки от должности и чтобы завернуть по дороге в своё любимое местопребывание. Сам протопоп также вышел за ворота и, глядя вслед за бегущими, покачал головой и глубоко вздохнув, сказал с горестию: «Бедный парень! Совсем погиб от своего высокоумия!»

Между тем дьячок, отмеривая преогромные шаги, далеко опередил преследовавших его и наконец скрылся от них в лесу. Он бежал сгоряча всю Петропавловскую гавань, выбежал на берег Авачи и там, выбрав толстое дерево, приделал к нему подмости и, став на них, привязал верёвку за сук с готовою петлёю и потом вложил в неё голову. Оставалось только столкнуть подмости и повиснуть. В сем положении протекло несколько минут, но подмости всё ещё были целы, ибо нерешительность не покинула своей жертвы и на краю гроба.

Дьячка взяло раздумье: не лучше ли утопиться? Около четверти часа он высчитывал удобства той и другой смерти и наконец, отвергнув смерть сухопутную, решил избрать водяную. С сею мыслию он вынул из верёвки голову и, проворно соскочив с подмостков, бросился прямо к воде. Но между тем продолжительность разсуждений чувствительно охладила в нём охоту к смерти, так что, взойдя только по колено в воду, он впал в новое недоумение: «Не лучше ли мне в самом деле, — говорил он сам с собою, — умереть, как умирали древние: сесть в воду и пустить себе кровь

изо всех жил? Точно! Так умер великий Сенека, так умру и я!» С сим словом он сел в воду и, припоминая себе монолог Катона, дабы умереть по всем правилам древней философии, хватился перочинного ножичка, с помощью которого хотел последовать за Сенекою, но, переискав во всех карманах, нигде его не нашёл.

— О верх несчастья! — вскричал он, выходя из воды. — Нечего делать! Видно, в наказание за мои преступления, всемогущая судьба не позволяет мне умереть так, как умер ты, великий светильник древности, и, видно, я должен кончить жизнь не как философ, но как умирают и самые невежественные люди, от этой грубой, варварской вервии!

Дьячок опять хотел было закинуть на себя петлю, как вдруг кто-то схватил его за руку с криком: «Здесь, здесь!» Это был сторож, уж довольно дряхлый старик. Дьячок разом выдернул у него руку и, оттолкнув его от себя прочь, опять кинулся в лес. Вслед за ним опять погнались и сторож, и сопутствовавшие ему подьячие, но все они были уже в порядочном кураже, и дьячок снова скрылся от них в чаще леса. Долго шум и трескотня, раздававшиеся в нём, извещали следователей о могучем беге отчаянного дьячка, который, скажем кстати, был одарён от природы чрезвычайною телесною силою. Но вскоре затих и шум, и преследователи, отказавшись от успеха в поимке, принуждены были возвратиться назад и прошли по кратчайшему тракту — прямо в питейный дом.

XXI. СУДЬЯ В ХЛОПОТАХ

Тревога, произведённая бегством дьячка, смутила присутствующих, и все они бросились к окнам. Проводив глазами беглеца, судья Бутер и заседатель Дураченко призвали в присутствие оставшихся в суде приказных и произвели строгий разспрос о причине и подробностях сего происшествия. Наконец правдолюбивый, но близорукий судья, быв подстрекнут Дураченко, разгневался, сам не зная за что, на протопопа и, позвав его в присутствие, сказал ему с приметною запальчивостию:

— Каспадин протопоп! Я призвал вас, чтобы объявить волю нашальник: отобрать от вас некоторый сведения...

— Я готов исполнить волю начальника, — отвечал протопоп с величайшею скромностию, — но я сам получил из Иркутска уведомление, что дело Тенявы по случаю доноса, поданного Саламатовым, оставлено до приезда сюда ревизора и что...

— Пойдите, каспадин протопоп! Вы не дали мне досказать, что я начал. Суд призывал вас для этого дела, но теперь вы сделали новый приказ, и сейчас же извольте написать к нам ответ...

— Господин судья! Я тут не сделал никакой проказы, а только хотел обратить погибающего на путь правый.

— Тут сказывать проповедь не время: для этого была церковь. Притом вы показывали ему какой-то бумажку...

— Да, я показывал ему бумагу ко мне от преосвященного, который по ходатайству моему его простил и предписывал возвратиться ему в Иркутск для принятия священства...

— Да что, Богдан Богданович! — сказал Дураченко с тою неизъяснимою злобою, которой обыкновенно предаются подлые и низкие души при виде человека, нелюбимого начальством. — Что терять попусту слова? Прикажите секретарю, чтобы он записывал, что отец протоиерей будет говорить, да представим начальству — вот и всё!

— Вы говорили резон. Каспадин протопоп! Извольте сесть и сказывать, а вы, каспадин секретарь, должны писать.

Протопоп по удивительной скромности своей несколько не противоречил сему обидному приказанию и рассказал, как происходило дело. Наконец допрос был кончен. Протопоп уже готов был его подписать, как вдруг заседатель Хапилов, неприметно заглядывавший в сию бумагу во время письма, вдруг остановил протопоба: «Пойдите и прежде прочитайте: тут написано совсем не то, что вы говорили!»

— Как не то? — возразил секретарь, стараясь выдернуть бумагу из рук Хапилова. — Нет-с, извините-с: точно то-с!

— Не понимаю, как достаёт у тебя дерзости, — вскричал Хапилов, — это утверждать? Разве вы думаете, что я не умею читать? Богдан Богданович! Вы изволили слышать, что говорил отец протоиерей, теперь послушайте, что написал господин секретарь.

Хапилов прочитал ответ, в котором протопоп явно обвинял себя в произведении в суде шума, беспорядка и безчинства, в подучении дьячка к оставлению службы и к побегу, в грубых ответах перед судьёю и прочем. Выслушав сие любивший правду судья совершенно взбесился и обратился к секретарю с величайшим гневом:

— Каспадин секретарь! Как вы смели это сделать на моих глазах?

— Да что же я сделал такое? — отвечал равнодушно секретарь, заткнув за ухо перо и не вставая с места.

— Как что? И вы смеете говорить с напальником, не вставай со стула? Я вас фелю сею же минуту посадить под арест и кушать один хлеб и вод.

— И будто нельзя уж будет и каплю вина пропустить в горло? — говорил секретарь с насмешкою.

— Mein Gott! Что мой видель? — вскричал судья, совершенно выйдя из себя. — Он смеет ещё надо мной издеваться! Сторож! Посаживай его под арест.

— Пожалуйте, ваше благородие! — сказал подошедший к секретарю сторож.

— Пошёл прочь! Не пойду я!

— Как твой не пойдёт! — воскликнул судья даже в некотором безпамятстве. — Я фелю тащить тебя за волос!

— Попробуй-ка!

Судья кинулся было сам тащить его, но секретарь, оттолкнув его от себя, сказал ему весьма хладнокровно:

— Да что, Богдан Богданович, так ты расхотелся! Ведь теперь не прежняя пора тебе надо мною ломаться. Стоит только захотеть мне, так ты *и пошёл вверх ног!*

— Что это значил?

— А вот что значил! Господа! — провозгласил секретарь, обратясь к заседателям, из коих Хапилов смотрел на сие происшествие с приметным прискорбием, а Дураченко, напротив, едва удерживался от смеха. — Господа! Извольте-с выслушать. Вчера господин судья подписал прошение об отставке на имя заместника и вот что в нём пишет...

— Что я слышу? Какое прошений? — прервал судья с величайшим испугом.

— Тебе должно быть известно, когда подписывал. Господа! Судейская ли это рука? Заседатели сделали утвердительный ответ. — Так вот извольте-с выслушать: «Во всё продолжение моей сорокалетней службы я постоянно обманывал начальство. Не зная не только законов, но и русской грамоты, я перешёл многия должности и наконец добился звания судьи, употребляя всякую неправду, пронырства и подлости. Наконец начинает меня мучить совесть: не могу долее жить обманом, потому что смерть уже стоит за плечами. А потому, принося моё душевное покаяние, что я человек незнающий, глупый и к должности своей вовсе неспособный...»

— *Almachtiger Gott!* (Всемогущий Боже!), — воскликнул судья, повалившись от ужаса на пол.

— Что ты это сделал, негодяй! — вскричал Хапилов, бросившись поднимать судью.

— Разве я сделал это? — отвечал насмешливо секретарь. — Ведь вы видели, что он сам подписал!

— Пасвольте мне, пасвольте! — воскликнул судья, проворно вскочив на ноги и бросаясь на колена перед секретарём. — Mein lieber Freund! — произнёс он самым жалобным голосом. — Пошалай мою жену и моих дети! Оттай мне этот проклятый бумаг!

— Нет, завтра! Теперь ты, немец, в моих руках, а отдай тебе бумагу, так опять распетушишься. Опять примешься меня бранить, что я пошутил над отцем протопопом...

— Оттай, рати Бога, оттай! Я не станет никогда бранить тебя. Что хочешь телай, сочиняй бумаг, какия только умеешь, я всё буду утверждать, пей, сколько твоей душ угодно, я не скажу ни один слов!

— Ладно, за этим дело не станет, — отвечал секретарь, вытаскивая из стола сулейку. — Ваше здоровье, господин судья!

Дураченко расхохотался, а Хапилов, вне себя от неудовольствия, вскричав: «Боже мой! Какой срам!», — бросился к секретарю, вырвал у него прошение и отдал судье.

— Возьмите эту кабалу, которую вы подписали на себя, и ради Бога, встаньте, не срамите своего почтенного звания!

— Благодетель! Отец! — воскликнул судья, бросившись обнимать Хапилова. — Мой в век не забудет ваших блаходеяний... А ты, негодяй! — вскричал он, обратившись к секретарю со вспыхнувшим лицом, — я тебе покажу, как сочинять фальшивый бумаг...

— Простите великодушно! — воскликнул секретарь, с притворным страхом бросившись в свою очередь судье в ноги.

— Мой никогда не простит! — отвечал судья, тряся в руке над головою секретаря сочинённое им прошение. — Эту бумаг...

Но в сию минуту секретарь, проворно вскочив на ноги, вырвал снова из рук у него прошение и, мгновенно переменив тон, сказал:

— Прощайте, господин судья! Я сейчас иду к начальнику.

— Стой, стой! — воскликнул судья, схватив секретаря за фалду, но сей последний вырвался и ушёл из суда. Вслед за ним убежал и Дураченко, уже давно взявшийся за шляпу и только выжидавший конца, дабы бежать с донесением.

— О Mein Gott! — говорил судья, упавая на стул. — Что я стану теперь телать? Вся мой служба самаран! Мой пошёл теперь навек без репутасион...

Вся эта сцена происходила пред глазами протопопа, который смотрел на неё с истинным прискорбием, как верный сын отечества, и наконец сказал, обратясь к Хапилову:

— Ах, Боже мой! Я никогда не думал, Евгений Петрович, чтобы в судах, столь в священных местах, могли происходить такие беспорядки!

— Что делать, отец Пётр? У меня у самого разрывается сердце на части, но не в моей власти помочь этому злу.

— Всё, Евгений Петрович, зависит от выбора чиновников, ибо сказано: *«Премудрость и мысль блага во вратах премудрых: смысленнии не уклоняются от закона Господня»*.

— Ваша правда, отец Пётр! Наши установления все прекрасны. Монархиня начертала их с великою мудростью, но исполнители всякой закон искажают.

— Это прискорбно слышать, не только видеть!

— А между тем я обречён целую жизнь быть этому свидетелем! Каково мне?

— Привычка, Евгений Петрович, может сделать ко всему хладнокровнее, но каково нашему брату подсудимому?

— Конечно, подсудимому тягостно, отец Пётр, но уверяю вас: ещё тягостнее смотреть на страдания других и не иметь возможности помочь. Подавай сколько хочешь мнений, не только их не уважают, но ещё гонят за них.

— Да, я слышал про вашу историю. Ах, Боже мой! Можно ли так насмехаться над правосудием? Вместо того чтобы искать истины, за неё ещё наказывают! После этого что такое наш суд?

— Так-то употребляют во зло, — отвечал Хапилов с сильным негодованием, — самое священнейшее установление! В общем мнении уездный суд есть место низшее, маловажное, но на деле он есть важнейшее из учреждений! Здесь полагается основание делу, сюда приходит народ, который часто не имеет и понятия о существовании высших мест, и тут получает он прямое или превратное мнение о самом правительстве. Боже мой! Пристрастный или глупый судья есть истинный враг государя и отечества, ибо никто более, кроме его, не может поколебать самоё спокойствие народа!

— Вы прекрасно судите, Евгений Петрович!

— Может быть, я и ошибаюсь, но я много толковал с людьми, знающими о сем предмете, даже много читал книг, завезённых сюда покойным Зудою. И самая беседа его была всегда для меня истинным наслаждением. Сколько он сообщил мне самых здравых и совершенно новых для меня идей!

Сей разговор ещё долго длился, но наконец вбежавший в присутствие сторож объявил Хапилову, что за ним присылал начальник со строгим повелением: сейчас же к нему явиться.

XXII. ВИДЕНИЕ

— Так точно! — говорил с бешенством Антон Григорьевич разговаривавшему с ним фельдшеру. — Я всегда знал этого Хапилова как ослушника, как бунтовщика, как негодяя! Удивительная дерзость! В суде, в присутствии, при зеркале вырвать из рук бумагу! Прикажи сейчас позвать его.

Фельдшер передал сие приказание стоявшим в его прихожей казакам, и по возвращении его начальник спросил с нетерпением:

— Ну, чем же всё кончилось?

— А тем, ваше высокоблагородие, что секретарь успел-таки опять выхватить прошение из рук немца.

— Успел? Молодец! Вот служака! Вот настоящий чиновник, какими должны бы быть все! Деятелен, проворен, безкорыстен!

— Особенно, если бы не испивал ещё, — прибавил с усмешкою фельдшер.

— Это пустяки, сущие пустяки! Знаешь пословицу: *пьян да умён...* Однако ж рассказывай скорее. Ну, что ж наконец?

— Да окончилось тем, ваше высокоблагородие, что, вырвавши прошение, секретарь прибежал со всех ног ко мне вместе с Дураченком. И этот предан вашему высокоблагородию как нельзя более.

— Я это знаю! Дураченко чиновник, право, хороший, скромный, с поведением, прилежный. Чего же более? Говорят, что-де туповат, но признаюсь тебе, я терпеть не могу этих сибирских умников. Чёрт ли в них? Хапилов живой пример! Кроме непослушания, непокорности, противоречия другой нет пользы!

— Истинная правда, ваше высокоблагородие!

— Но почему же они не бежали прямо ко мне? Мои двери для хороших чиновников всегда отворены!

— Не посмели, ваше высокоблагородие, беспокоить вас в обеденное время. К тому же секретарь был в небольшом куражике, так оно, изволите знать, как-то неловко к начальнику лезть, а со мною-то ему церемониться нечего. Вот он прибежал, да и поразказал все похождения, да и бумагу-то отдал, чтобы вручить вашему высокоблагородию. Вот-с она!

— Удивительный ты человек! — вскричал начальник, вырвав из рук фельдшера прошение. — Вместо того чтобы давно подать, он толкует околесную. Ну, слава Богу! Я так много думал, как бы забрать совершенно в свои руки этого безграмотного, но упрямого немца, ночи не спал и наконец придумал это превосходное сред-

ство. Разсуди же: каково бы было мне перенести, если бы мой план вдруг разрушился?

— Да, вы изволили уже, ваше высокоблагородие, говорить мне об этом, когда ещё отдавали эту бумагу, чтобы я передал её секретарю. Только я не понимаю, что вы изволите слишком беспокоиться с этим немцом. Приказали ему, да и всё тут.

— Ты судишь, как фельдшер, но я должен действовать, как начальник. Разве ты не видишь, что я окружён мошенниками, доносчиками, ябедниками, которые готовы обнести и оклеветать меня каждую минуту? Я вижу, что этот глупый барон действует несправедливо, подучаемый Хапиловым, но могу ли я приказать ему открыто: так реши? Боже сохрани! Барон имеет кой-какие связи в Иркутске, и на меня написали бы невесть что, но теперь...

Начальник, прикусив губы, махнул значительно головой.

— Справедливо, ваше высокоблагородие! Теперь он с руками и с ногами попал к вам в услужение.

— Скажи же ему, что если хочет остаться на месте, то прекратил бы с протопопом всякое знакомство и не мешался при отобрании от него ответов. Если же, паче чаяния, протопоп вздумает опять отпираться от своих слов, то барон должен приказать составить журнал, что ответы написаны совершенно сходно со словами подсудимаго, и немедленно донести мне формально об его дерзости. Всё ли ты понял?

— Всё, ваше высокоблагородие!

— Ну, поди же, и что скажет он, тотчас меня извести. Я бы мог всё это сказать ему сам, но, признаюсь, мне скучно слушать его тарабарский язык.

Фельдшер вышел, а начальник, по обыкновению придвинув к себе Четьи-Минею и готовясь читать, разсуждал: «Да, это гораздо лучше! Пусть этот бездельник ведёт переговоры, чем мешаться мне самому. Он и отвечать будет, если это откроется. Славное правило: загребать жар чужими руками, и кто его выдумал, был самый мудрый из земнородных! Жаль только, что не всегда оно удаётся! Хотелось было мне погрести жарку руками дьячка, да нет! А было бы весьма хорошо для меня! Он бы женился, а я... Мы бы знали уже, как это дело уладить! Тогда все концы бы в воду. На меня не могло бы быть ни малейшего подозрения, и я был бы совершенно спокоен... Но что делать? С дураком не справиться. Справедливо говорится: с дураком Бог неволен!»

В сие время по предварительному докладу вошёл в кабинет Хапилов. Начальник, вспыхнув, как адское зарево, взглянул на

него такими глазами, в которых изображались вдруг все неистовые страсти: гнев, злоба и бешенство.

— Что вы, сударь, делаете со мною? — возопил он, ударя кулаком по столу.

— Я не знаю за собой никакой вины, — отвечал Хапилов с величайшим уважением.

— Ты не знаешь никакой вины, а между тем связываешься с подсудимым, действуешь с ними за одно, потворствуешь, нарушаешь все установления, все законы...

— Мне кажется, вы получили обо мне совсем неправильные сведения.

— Мне нечего получать, у меня нет наушников! Я сам знаю, где что делается. Я не сплю, я бодрствую день и ночь для блага вверенной мне страны. Я сам умею различать чиновника честного, справедливого, усердного от негодяя, взяточника и ленивца.

— Но все эти названия по сущей справедливости я не могу принять на свой счёт.

— Да, ты не можешь, но я скажу тебе, что ты точно таков и есть. Кто тебе дал право учить протопопа и вырывать бумаги из рук секретаря? Как ты смел это делать в суде, в месте, столь важном и священном?

— Я сделал то, что требовала моя совесть, честь и присяга...

— Честь и присяга! — возопил начальник, выйдя из себя. — Повиновение воле начальства: вот твоя честь и присяга! Тебе, видно, ещё мало, что ты разгуливал по морю! Я не то ещё сделаю. Я дом твой раскатаю по брёвнам! Ты не найдёшь для себя места во всей Камчатке!

— Воля ваша, вы начальник, но я вам скажу решительно: я присягал в верности государыне и не нарушу её ни за какие блага, ни страдания в мире! Делайте со мной, что хотите!

— Бунтовщик, крамольник! — закричал начальник, дрожа, как в лихорадке, от чрезвычайного действия гнева. — Я заставлю тебя повиноваться!

— Когда же я не повиновался? И если высказывал свои мнения по делам, то в таком случае только пользовался правом, данным мне силою закона.

— Вы вечно прикрываетесь законом, а на уме у вас только заговоры и комплоты против начальства, только противоречия, умничанье и неповиновение.

— Вы заблуждаетесь.

— Как? Ты смеешь ещё грубить мне? Подите вон, сударь, вон! Я вижу, что говорить с тобой — значит терять слова. Нет, тут надо принять другие меры!

— Но прежде, кажется, надобно бы выслушать обвиняемого.

— Ни слова более! Вон, вон! Казаки! Выведите его от меня!

Привыкший с детства к глубокому повиновению, Хапилов, не смея более ничего говорить в своё оправдание, отдал начальнику самый почтительный поклон и ушёл из кабинета. Сердце его, огорчённое обидою и несправедливостию, раздиралось на части, и глубокая скорбь изображалась на бледном его лице.

В сие время находился в комнате пред кабинетом притаившийся Сумкин. Несколько подслушанных слов, шум в кабинете и встревоженное лицо Хапилова дали ему верное понятие о происходившем. Как будто бы с некоторым участием, а более для удовлетворения низкому и злему удовольствию, он подошёл на цыпочках к Хапилову и с ужимками сказал ему чуть-чуть слышным голосом:

— Напрасно вы это делаете! Знаете: воля начальства...

Хапилов не дослушал его и не удостоил даже взглядом. Сумкин посмотрел вслед его со злобою змеи и, сделав жест рукою, сказал про себя: «Вот народец! Взял бы этаких всех собрал, да, гм... Жаль, что не моя воля, а то бы...»

— Ба, Сумкин! Ты пришёл весьма кстати, — сказал начальник, отворив дверь из кабинета. — Поди сюда!

— Я пришёл доложить вашему высокоблагородию. Не известно вам, что...

— Прежде выслушай меня, а потом уже говори своё! — перебил начальник, ещё не совершенно успокоившийся после сцены с Хапиловым.

— Виноват, ваше высокоблагородие! Что приказать изволите?

— Ты слышал разговор мой с этим негодяем?

— Как я осмелюсь...

— Ну, полно притворствоваться. Я знаю тебя: твои уши далеко слышат.

— Но только тогда, ваше высокоблагородие, когда есть на это воля начальства.

— Хорошо! Я желаю, чтобы ты слышал этот разговор, и, следовательно, ты уже знаешь, с какою дерзостию, с какою обидою к моему лицу отвечал этот крамольник.

— Волосы дыбом стали у меня, ваше высокоблагородие, не поверите? Как можно быть столь дерзким, столь непокорным!

— Ты видишь: тут слова уже не действуют. Я начальник и, следовательно, должен предупреждать всякое безпокойство. А чего ждать, если так будут презирать власть? Вот что заставляет меня приступить к мерам строгим. Я тебя знал, Сумкин, всегда человеком усердным, кроме только одного случая... Помнишь, в декабре?

— Что делать, ваше высокоблагородие! Тогда проштрафился немного. Вперед таков не буду! *Не помяните грехов...*

— Я и не поминаю их: ты уже их со сторицею вознаградил при следствии, потому-то я и хотел бы поручить тебе...

— Всё рад исполнить, ваше высокоблагородие!

— Тебе, без сомнения, известно, что дело о Теньяве приостановлено. Ябедники перемогли меня, но я ещё слажу с ними! Я не могу выразить тебе, как я рад назначению ревизора, ибо по приезде его, я уверен, правда восторжествует во всём блеске. Между тем нельзя же, однако ж, послаблять ослушникам и бунтовщикам. Так я хочу поручить тебе (тут начальник остановился и приметно обдумывал преднамереваемый приказ)... Вот что, братец! Я сказал уже тебе, что дело Теньявы отложено, поэтому уездный суд должен скоро отправиться обратно в Нижнекамчатск... (при сем слове начальник снова замолчал). Ну, словом, вот что: когда поедет Хапилов, то разве не могут напасть на него разбойники? Нельзя же мне иметь повсюду глаза: я не Бог! Мало ли что может делаться в этакой обширной стране! Могут убивать, грабить... Конечно, жаль человека честного, доброго, но ослушников, непокорных, эту заразу общества, право, весьма полезное истреблять, как говорится, мечом и огнём... Ты понял меня?

— Кажется, понял, ваше высокоблагородие! То есть вы изволите...

— Терпеть я не могу этих «то есть» и ничего не изволю, кроме одного нашего спокойствия и благоденствия Камчатки. Если ты не растерял последнего ума в Куууюхчене, то, кажется, можешь понять, что Хапилов и ревизор...

— Нечего сказать, ваше высокоблагородие! Велика ваша забота о нас, грешных, и Бог убил бы нас громом, кабы мы ни старались исполнять ваших отеческих повелений...

— Ну, хорошо, исполняй их с усердием, каким ты всегда отличался к пользе службы. Оно не будет забыто. Но что же ты хотел мне сказать, когда пришёл?

— Да вот что, ваше высокоблагородие! Я пришёл было вам доложить о здоровье Петра Фёдоровича. Ведь вам известно, что я с ним квартирую вместе: уж насмотрелся таких ужасов, что Господи упаси!

— Что же такое?

— Страшно и пересказывать, ваше высокоблагородие! Притом не худо бы его положить в особую какую-нибудь каморочку, а то...

— Да говори, братец! Что такое?

— Такие казусы рассказывает, ваше высокоблагородие, и все с вашим именем!

— И ты давно не придёшь сказать мне об нём? О вы негодные! Все вы на один покрой! Поди к нему, глупец, беги бегом, зажми ему рот и не пускай к нему ни одной души. Я сейчас приду сам.

Погремушкин, котораго душа сильно была потрясена проповедью Зуды во время камчадальскаго бунта, с тех пор всё задумывался более и более и наконец, услышав подробности страшной истории, случившейся на водах, и верную весть о назначении ревизора, совершенно помешался и приходил время от времени в ужасное бешенство. В припадках сумасшествия, воображая присутствие начальника, изстуженный укорял его самыми страшными словами в разных злодеяниях, в которыя он был вовлечён им; бросался на него с величайшею яростию и бился сам до крови, так что наконец должно было связать ему руки и ноги. Между тем ничего не пил, не ел и высох, как скелет, у котораго остались только страшные, мутные, почти совершенно выкатившиеся глаза и ужасный, нестерпимый скрежет зубов.

В сем положении застал его начальник. Едва показался сей последний, как страшное бешенство овладело помешанным. Он затрясся всем телом и с пеною во рту заскрежетал зубами.

— Злодей! — закричал он таким голосом, от котораго стали дыбом волосы у начальника. — Злодей! Зачем ты пришёл? Губитель! Зачем ты пришёл? Изверг! Зачем ты пришёл? Я тебя растопчу, растерзаю, раздеру адское сердце твоё...

— Пётр Фёдорович — сказал начальник, подойдя к его постели, — ты не узнал меня...

— Я? Тебя не узнал, злодей? Тебя не узнал, убийца? Я не узнал тебя? Нет, кровопийца! Я знаю тебя, знаю слишком хорошо! Ты погубил мою душу и тело, ты ввёл меня в свои богомерзкия дела, ты научил меня лгать, притворствовать, лицемерить, ты очернил мою совесть, ты предал меня адскому огню... Видишь ли эти биллионы духов? Видишь ли, как они жаждут моей души? О злодей! Ты отдал меня в их руки! Ты научил меня презирать веру и законы, ты дал мне адской пример смеяться над всем священным, ты научил меня злодействовать... Я к тебе вступил невинным юношею, а теперь что я? Грешник, лицемер, святоша, убийца! О горе

мне!.. Видишь ли, сколько страшных теней собралось вокруг моей постели! Вот купец Пивоваров, которого мы обвинили, разорили и заморили в тюрьме! Вот...

Начальник задрожал при сем перечислении и, схватив подушку, бросил её на изступлённого и сел на неё, кидая вокруг страшные взоры, выражавшие и решительность злодея, и опасение душегубца. Больной страшно забился, но не мог сбросить гнетущей его тяжести. Несколько минут продолжались судорожные припадки, наконец умирающий в последний раз вскинул ногами и протянулся. Более признаков жизни не было. Любопытно бы взглянуть в сию минуту вовнутрь души жестокого убийцы. Что там происходило? Говорят, в ней была адская тьма с неопределёнными, безобразными видениями теней. Душегубец сам был в сие время почти в изступлении и с ужасом увидел въяве грозную тень отравленной им супруги, которая, бросив на него взор, поражающий, как молния, казалось, глухо прошептала: «Несчастный! Вспомни о душе!» Он не мог перенести сего видения и с трепетом выбежал из комнаты.

Воздух и великолепные виды природы освежили его воображение. Была уже ночь — ночь тёплая, ясная, свежая. Чистое тёмно-голубое небо было усеяно звёздами. Море спокойно и безмолвно дремало в своих берегах. Горы и леса, рисовавшиеся на западе по отливу потухавшей зари, также погружались в тишину и сон. Всё в природе было так мирно, так тихо, так величественно и прекрасно — и посреди этого превосходного создания шло существо, которое было сотворено для его украшения и которое сделалось его безобразием и гибелью!

По приходе домой начальник застал у себя фельдшера, возвратившегося от судьи.

— Ну, что твой Бутер? — спросил он фельдшера довольно спокойным голосом.

— Да что, ваше высокоблагородие, так перетрусился, что даже смешно и жалко смотреть! Только и твердит: «Мой всё сделает для нашальник, лишь бы его не погубить».

— Ну, хорошо! Я и ждал этого. Вот как делается на свете: всегда вместе бывает и радость, и горе. Ты принёс мне добрые вести, а я скажу тебе худыя: наш Пётр Фёдорович скончался.

— Что вы говорите? Ну, дай Бог ему царство небесное! Впрочем, если молвить правду-матку, то как не скажешь: *жила бабушка не мешала, а умерла — не жаль*. Погремушкин, ваше высокоблагородие, был себе на уме!

— Да, он был человек весьма умный и честный.

— Ну, что касается до честности, так это ещё под сомнением.

— Полно шутить, Алексей, — сказал начальник, как бы не при-
мечая продолжающегося дерзкого тона со стороны фельдшера, —
теперь не то время. Вообрази, какие странные вещи совершаются
со мною! Сидя у постели Погремушкина, я дожидался его конца.
Между тем смерклось, в комнате стало довольно темно. Я задумался
и вдруг слышу шорох. Я взглянул, и представь моё изумление...
Но Боже мой, опять она!

— Кто, кто, ваше высокоблагородие? — вскричал суеверный
и трепещущий фельдшер.

— Разве не видишь ты? — сказал шёпотом начальник, уставив
в угол уstraшенные взоры и схватив фельдшера за плечи. — Это
она! Жена моя!

— Я ничего не вижу, ваше высокоблагородие, — говорил фельд-
шер, побелев как полотно и дрожа как лист.

— Слышишь? Опять те же слова: «Убийца. Вспомни о душе!»

— Вот вам Христос, ваше высокоблагородие, хоть мне сейчас
провалиться сквозь землю, ничего не вижу.

— Она опять скрылась! — сказал тихо начальник по некото-
ром молчании, начиная свободнее переводить дух.

— Ваше высокоблагородие, осмеливаюсь вам доложить: не
прикажете ли отслужить панихиду?

Начальник не говорил ни слова, погруженный в глубокое раз-
мышление. Но когда фельдшер повторил своё предложение, он,
вслушавшись в речь его, захохотал.

— Панихиду? Ха, ха, ха! Разве ты в самом деле думаешь, что
мертвецы могут восставать из гробов и приходиться беспокоить
живых своим явлением? Вздор, братец! Это только призрак, обман,
мечта разстроенного воображения, и ваша робость весьма стоит
того, чтобы над нею смеяться в весёлый час. Ха, ха, ха!

— Воля ваша, ваше высокоблагородие, — сказал фельдшер
с большею робостью и запинкою, — я рад бы смеяться вместе
с вами, да не могу: мне всё думается...

— Что тебе думается? — спросил начальник таким голосом,
который означал, что вопрос сделан без всякого участия души,
которая, судя по выражению глаз, неподвижно устремлённых на
одну точку, была уже сильно занята совсем другим предметом.

— Мне думается, — продолжал между тем фельдшер, — что
чуть ли это в самом деле не тень Ольги Павловны. Так ваша
обязанность, ваше высокоблагородие, как вы говорите, отслужить

по ней панихиду. Ведь я, хотя и грешный человек, да исполнял только вашу волю. Вы приказали мне научить Караулиху, чтобы она отравила её, вы велели взвалить эту вину на внучку протопопа. На всё это была ваша воля...

— Что ты говоришь, мошенник? — вскричал начальник, выйдя из задумчивости. — На что была моя воля?

— Да ведь вы, ваше высокоблагородие, изволили...

— Молчать! Клянусь адом, если ты скажешь ещё хотя одно слово, то я прикажу тебя сковать и заморить в тюрьме как убийцу... Но эта ненавистная тень опять!

Начальник не мог докончить речи. Зубы застучали у него друг о друга, и задрожали руки и ноги. Между тем как фельдшер, у которого воображение было разстроено не менее, как и у его наставника в злодеяниях, вскричал с ужасом: «Вижу, вижу!» — и повалился на пол.

— Глупая и странная мечта! — сказал начальник, не переставая владеть собою. — Встань, Алексей! Я слишком погорячился, теперь нам надобно действовать...

— Действуйте, как хотите, — отвечал фельдшер, бледный и трепещущий, вставая с пола, — но я более не слуга вам!

— Что же хочешь ты сделать, сумасшедший?

— Я должен умереть.

— Ты? Умереть?

— Да, умереть, потому что теперь только вижу, что я сделал то, что стоит смерти.

— Безумный, ты губишь себя напрасно!

— Всё равно!

— Остановись! — вскричал начальник, схватив его в изступлении за грудь и как бы страшась, что ещё душа упадёт на его совесть. — Остановись!.. Казаки! Подите сюда! Возьмите его и не выпускайте никуда из дома: он помешался!

— Пустите меня! — кричал фельдшер, вырываясь у них из рук. — О силы небесныя! Сойдите ко мне на помощь!

— Отведите его, — повторил начальник, — и не выпускайте никуда из дома. Вы будете отвечать за его жизнь.

Казаки, несмотря на все усилия помешавшагося, схватили его и увели, а начальник, запершись в кабинете, долго сидел в ужасной думе и наконец, вскочив на ноги, произнёс с некоторым изступлением:

— Чёрт заberi! Что делается вокруг меня! Всё падает и рушится, и я один остаюсь посреди обломков своего здания! Но что ни будет, то и будь: обратной дороги для меня уже нет! Мне одна доро-

га, страшная дорога... в ад! Но покамест ещё живу я, меня ничто ни поколеблет! Буду действовать до последнего вздоха! В вечности мне уже ждать нечего, по крайней мере, здесь проживёшь счастливо, сколько можно. Что робеть? Одною сумасшедшаго я сбыл с рук, теперь надобно подумать о другом. Если эта скотина, воображая, что он скоро умрёт, также вздумает каяться и рассказывать мои тайны. Плохая шутка! Нечего делать, надобно пустить в ход бумагу Караулихи, это будет мне лучшею опорой... Итак, теперь только одна эта ведьма осталась из всей моей свиты... Всё к лучшему: от одной отделаться недолго, только прежде удалось бы докончить с помощью ея мои планы с этою девчонкою... О мучение! Опять эта несносная тень! Опять те же слова!

XXIII. ПОКАЯНИЕ

Мичман и Ивашкин были заключены в одной тюрьме. Это была обширная, грязная и тёмная изба с одним окошком, загороженным железною решеткою. Мичман был прикреплен к стене толстою цепью, Ивашкин сидел на свободе. Но не по степени взводимых на них преступлений было расположено их заключение: злой соперник мичмана, не надеясь погубить его по суду, после получения повеления оставить дело об убийстве Теньявы до приезда ревизора решился уморить его в тюрьме и, всячески стараясь увеличить его страдания, томил голодом и жаждою. Ни молодость, ни крепость сил не спасли бы его от смерти, если бы добрый Ивашкин не был на сей раз его ангелом-хранителем и не облегчал его и душевных, и телесных скорбей. Пользуясь любовью и уважением многих из караульных казаков, Ивашкин делил с ним свой скудный обед и голосом опытного, мудраго старца утверждал ослабевавшаго юношу в необходимости крестной жизни, в уповании на неукоснительную помощь Божию и в предании себя на Его святую волю.

— Эх, Виктор Иванович! — говорил он мичману, — для того мы и созданы на сей свет, чтобы здешним страданием искупить будущее блаженство! Кому хорошо здесь, тому будет худо там: ибо в счастии люди большею частью развращаются и забывают Бога. Посмотрите на меня. Меня люди не только погубили, но и положили на моё лице клеймо безчестия, которое навсегда различило меня с самым драгоценнейшим для человека на земле — с родиною. А за что? Бог судит моим гонителям! Но никогда мой язык не произнёс им страшнаго слова: проклятие; никогда я не

допускал богохульного ропота на свой жребий и всегда благословлял и благословляю дондесь святую десницу, меня карающую (Ивашкин был сослан невинным. Смотри путешествие Крузенштерна)! И какое право имеет один человек роптать, когда миллионы страждут? Если бы можно было прислушаться к гулу, раздающемуся на земле, и обхватить одним взором весь род человеческий... О! Что бы мы услышали и увидели!.. Всеобщий вопль и стенания оглушили бы нас, и страшное зрелище слез и крови поразило, раздробило бы на части наше сердце!

— И всё это благо, и всё добро? — сказал мичман с усмешкою ужаснейшего отчаяния.

— Так, всё это благо и всё добро, ибо жизнь наша не здесь, а там!

— Где ж это *там*?

— Этого не дано знать человеку, потому что не нужно: здесь нам дана вера и надежда.

— Надежда! Ха, ха, ха! Мечта, которою обольщают себя бедняки!

— Но если и обманывает нас иногда надежда земная, то небесная никогда!.. Виктор Иванович! — воскликнул Ивашкин в каком-то священном восторге, схватив мичмана за руку. — Мужайтесь духом: здесь нет счастья, но там... там оно есть. Это говорит мне моё сердце!

— Но моё сердце мне не говорит ничего; оно умерло для всякого счастья, для всякой надежды.

— Не гневите Бога, Виктор Иванович, не предавайтесь отчаянию!

— Да! Я послушался бы вас, если бы вы могли измерять бездну моего несчастья. Вы оклеветаны, согнаны с блестящей дороги, которая вас вела к чести и знатности, изгнаны, обезчещены, заточены, — конечно, это страшное злополучие, но вы не испытали измены, ужасной измены сердца, которое бы вы почитали святылицем, недоступным никакому пороку, измены того человека, которого бы любили более самого себя, которого бы вы считали небесным духом и который бы стал... О Боже!.. Я видел прекрасное существо, которое, может быть, готово было наименовать меня своим сыном, и эта злополучная... О! Для чего ты, Небо, сохраняешь ещё моё пагубное бытие? Возьми его! Возьмите у меня жизнь!

Несчастный упал ниц на скамью и зарыдал горько.

— Виктор Иванович, — сказал Ивашкин с важным видом, — вы богохульствуете!

— Что это значит?

— Вы проклинаете жизнь и, следовательно, оскорбляете Творца, вам её давшаго! Вы не видите Его путей и дерзаете мыслить, что

они не правы! Малодушный! Я испытал не менее твоего. И я любил некогда, и я получал клятвы в верности, скажу ещё более: я имел друга, горячо любимого мною друга, для которого не жалел ни самой жизни моей — и что же? Этот-то друг и погубил меня, и неверная отдала ему свою руку...

— А вы?

— А я благословляю Провидение и несу безропотно ношу скорбей, чтобы успокоиться в могиле!

Мичман взглянул на своего собеседника с чувством невольного уважения. «Великий человек! — подумал он, — и ты в рубище и унижении!»

Разговор прекратился на несколько времени. Оба разговаривавшие, сильно взволнованные мыслями, погрузились в думу, но потом мичман, приметно успокоившийся, сказал:

— Конечно, Аркадий Петрович, когда несчастье прошло, тогда можно уже покоряться судьбе, но бедствие настоящее...

— А разве вы находите настоящее положение моё счастливым? Разве я не в ссылке, не в тюрьме, не в нищете, не обезбещен, не опозорен? И разве я, — произнёс Ивашкин дрожащим голосом, залившись слезами, — разве я не лишился последнего человека, любившего меня на сей земле?

— И за всем тем?..

— И за всем тем благодарю Создателя моего и не ропщу на свой жребий. Здешняя жизнь — мгновение, а тамошняя — вечность!

— Боже Всемогущий! — воскликнул мичман. — Отчего я не имею этой удивительной преданности Твоей воле?

— Молись Ему, Виктор Иванович, молись. Это бездна благодати и милосердия, это отец, который и в те ужасные минуты, когда всё бежит от несчастного, простирает к нему отрадную руку и проливает утешение в его растерзанное сердце. Молись ему, юноша, молись, и я стану также молиться за тебя!

Ивашкин со слезами на глазах произнёс самую пламенную молитву, вылетевшую из глубины его сердца. Мичман был поражён этим зрелищем. Душа его умилилась, и в первый раз по приключении с ним несчастья слёзы полились из его глаз.

— Благодарю тебя, добродетельный человек, — сказал он, сжимая руку Ивашкина, — благодарю. Ты облегчил мою горесть и пролил какой-то целебный бальзам в моё сердце, мне стало теперь легче.

— Благодарите того, Виктор Иванович, от которого вечно истекает благодать и щедрота. Не переставайте прибегать к Нему в час скорби и отчаяния, и вы всегда получите скорую помощь...

— Да! Когда уже не осталось ничего на земле...

— Но для чего вам так думать? Я, конечно, жизнь свою уже прожил, но ваша едва начинается...

— И скоро кончится!

— Но она не должна кончиться. Вы обязаны сберечь её, если не для себя, так для отечества.

— Это не в моей власти, и притом, что такое отечество?

— Священная страна, приют в дни детства и успокоение в старости!

— Пусть будет так, но эта цепь слишком хорошо связала меня и для себя, и для отечества!

— Виктор Иванович! Вы видите: мне предана наша стража. Эти добрые люди сами не могут смотреть равнодушно на ваши страдания. Скажите слово — и вы свободны!

— Как? Вы предлагаете мне бежать? Мне бежать! Куда и зачем?

— Затем...

— Замолчи, старый грешник! — вскричала вбежавшая в тюрьму цыганка. Мичман вздрогнул и отворотился к стене, но Ивашкин сохранил свое непоколебимое спокойствие. — Я всё подслушала, — продолжала она. — Лукавая лисица! Ты не обманешь меня!

— Тебя?

— Я все знаю твои умыслы, и прежде чем ты сманишь моего безпутного сына...

— Боже Великий! — воскликнул мичман голосом величайшей горести.

— А я так скажу тебе, — прервал равнодушно Ивашкин, — что размозжу тебе голову прежде, чем ты назовёшь его в другой раз своим сыном!

— Как?

— Да говори скорее, зачем ты пришла, и не заражай...

— Аркадий Петрович! — произнёс мичман умоляющим голосом, — оставьте её. Может быть, она в самом деле мать моя.

— Может быть! — повторила цыганка укоризненным голосом. — Может быть! Так знай же, безумец, что тот, кому ты писал вчера, спрашивая, отец ли он твой, послал меня сказать тебе, что одни изверги ищут своих родителей только в тех, кто богат и в чести, и презирают тех, которые в нищете и унижении...

— Итак, всё совершилось! — произнёс с отчаянием мичман, схлопнув кулаки и поникнув головою на грудь. — Я погиб!

— Неблагодарный, отступник, изверг! — завопила цыганка. — Я дала тебе жизнь, воспитала, пожертвовала для тебя всем, самую

любовию матери, а ты? Ты подискался подо мною, обезчестил меня, погубил и теперь ещё не хочешь признать меня своею матерью! Да будет же проклят час, в который ты родился на свет! Да будет...

— Пощади! — возопил мичман, повалившись на скамью.

— Если ты точно мать его, — сказал строго Ивашкин, — то ты должна сжалиться над ним!

— Нет, нет для него жалости: она умерла давно в моём сердце! Проклинаю его стократно, проклиная...

— Милосердый Боже! — тихо простонал мичман.

— Так замолчи же, злодейка! — вскричал Ивашкин, схватив цыганку за грудь, бросив ее на пол и зажав ей рот. — Я вижу, что ты не мать его, а фурия!

— Пощадите её, пощадите! — говорил мичман едва слышным голосом.

В это мгновение цыганка, обладавшая неженскою силою, рванулась с необыкновенным усилием, сбросила с себя Ивашкина и с криком «Караул! Разбой! Душат!» кинулась в двери, но едва она успела занести ногу через порог, как грозное страшилище схватило её за горло. Это был полунагой, полуживой, с бледным изсохшим лицом и выставившимися глазами мертвец. Трудно было узнать в нём фельдшера.

— Стой! — завопил он охриплым, болезненным, но пронзительным голосом. — Стой! В эту минуту ты мне всего нужнее.

С напряжением всех сил он вдёрнул её в тюрьму и, не дав опомниться ей от изумления, повергнул её на пол и, став коленом на грудь, произнёс со страшным воплем: «Кайся! Кайся в твоих злодействах!»

Мичман не мог объяснить себе, что такое совершалось пред его глазами: сон или существенное явление, и то глядел на сие, то снова закрывал глаза, как бы желая поверить своё сомнение. Ивашкин также смотрел с изумлением; равным образом и казаки, как караулившие тюрьму, так и прибежавшие вслед за фельдшером, быв поражены сим зрелищем, стояли в безмолвии.

— Кайся! — кричал мертвец. — Виктор Иванович! Мы с этою злодейкою, а не невеста твоя виновны в смерти начальницы. Мы умертвили её и оклеветали невинную...

— Боже мой! Что я слышу? — говорил шёпотом мичман, всё ещё не доверяя сам себе.

— Мы сговорились с начальником на это злодеяние, мы, а не невеста твоя украли донос твой, мы всему злу причиною, мы погубили вас, мы злодеи, убийцы!

Больной не мог более говорить, ослабел и, упав на пол, покатился в ужасных конвульсиях.

— Скажите мне, ради Бога, скажите мне, Аркадий Петрович, — говорил мичман умоляющим голосом, — что это такое? Мечта, сон, видение моей разстроенной души?

— Нет, Виктор Иванович, это не сон, но здесь рука Промысла: вы видите, злодей невольно кается в погублении вас.

— Итак, я обманут, жестоко обманут!

— Мы тебя обманули! — вопиял валявшийся на полу в смертных страданиях фельдшер. — Я твой губитель! Я тебя обнёс, оклеветал неповинного в убийстве, а сам... сделался настоящим убийцею! Ах! Зарежь меня, приколи, растерзай меня скорее... Нет более сил терпеть этих адских мучений!

— Мерзавец! — вскричала с величайшею злобою и изступлением цыганка, отдохнувшая между тем от боли, причинённой фельдшером и кинувшаяся на него с ножом, схваченным ею со стола. — Мерзавец! Я тебя избавлю от этих мучений.

— Держите её! — вскричал Ивашкин и, бросившись к ней, успел схватить её за руку.

Казаки кинулись на помощь и мгновенно обезоружили убийцу.

— Ребята! — сказал Безшабашный, бывший в карауле. — Скрутим на ей руки, чтобы не барахталась, да повёдем к начальнику.

— Вы успеете ещё увести её! — сказал Ивашкин. — Но теперь лучше позовите сюда скорее отца протоиерея. Вы видите, фельдшер издыхает и может умереть без покаяния, грех останется на вас!

Казаки, потолковавши несколько между собою, послали одного из среды себя за протопопом. Между тем больной не преставал кататься по полу, и, когда Ивашкин предложил ему лечь на скамью, разостлавши на неё свой армяк, он с ужасным скрежетом зубов отвечал ему:

— Оставь меня, оставь! Мало мне этого, злодею!

— Видите, Виктор Иванович, — говорил Ивашкин, — как Бог и милосерд, и справедлив! Кто внушил этому несчастному придти к вам с раскаянием, если не тот, кто владеет нашими помышлениями? Я давеча говорил вам: надо ему молиться, и он не замедлит поспешить на помощь! Но отчего же я ещё не вижу следов радости на вашем лице, когда величайшая тягость спала с вашего сердца, и невеста ваша невинна?

— Но я виновен пред нею! Простит ли она меня? Притом эта женщина! О! Если она на самом деле мать моя!

— Нет, она не мать твоя! — прохрипел умирающий фельдшер. — Я знаю её давно... Я был беглый солдат и вместе с нею участвовал некогда в воровствах. Она...

— Околей, дьявол! — завопила цыганка, порываясь из рук казаков, — околей! О кабы я могла вырвать с корнем твой проклятый язык!

— Зажмите ей рот! — вскричал Ивашкин. — Зажмите, вот так, чтобы она не могла слова пикнуть!

Но между тем с больным увеличались припадки, и он не был в состоянии сказать ни одного слова на бесчисленные вопросы мичмана.

— Экая причина, ребята! — говорили казаки. — Смотри, что он умрёт без покаяния! Что это отец протопоп замешкался? Беги-ка ты за ним, Егорка! А вот, слава Богу, идёт!

— Не опоздал ли я? — спросил с нетерпением протопоп.

— Да чуть ли не опоздали, отец Пётр! — сказал Ивашкин. — Впрочем, он уж во всё́м раскаялся. Вот что он при всех нас говорил...

Ивашкин пересказал в кратких словах признание фельдшера, а протопоп с видом величайшаго умиления произнёс:

— Благодарю тебя, Господи Боже Всемилосердый, что ты не попустил погубить невинную сироту! Я твёрдо уверен был, Аркадий Петрович, что Господь рано или поздно откроет ея невинность... Но дайте же мне поскорее заняться этим несчастным... Друзья мои! — сказал он, обратившись к казакам. — Положите его на лавку... Ах, Господи! Как он мучится! Как ужасно сводит его члены и как пена бьёт изо рта! Зажгите-ка эту свечку и поставьте перед образом... Алексей Пантелеич! Я пришёл, любезный, к тебе... Перекрестись, если можешь, и если слышишь меня, то дай знать мне хотя движением руки... Алексей Пантелеевич!

Больной почувствовал призывающий его голос, ещё раз раскрыл глаза и, взглянув на протопопа с видом величайшаго раскаяния, произнёс умирающим голосом: «Отец Пётр! Простите меня!»

Последния слова произнесены были шёпотом. Затем последовало страшное молчание. Ещё раскрылись глаза, потухшие и оставившиеся, и потом закрылись навсегда.

— Он скончался! — сказал протопоп с чувством живейшаго участия. — Господь да простит его согрешения!

После сего, совершив над умершим установленныя молитвы, протопоп сказал казакам, чтобы отнесли его на квартиру, и потом подошёл к мичману, который при приближении его затрепетал, как преступник, не смея поднять на него глаз.

— Что с вами сделалось, Виктор Иванович? — спросил протопоп. — Отчего вы так дрожите? Вы всё ещё больны?

— Нет, здоров, но... я оскорбил вас, оскорбил Марию... Ах, я знаю, что достоин всего вашего гнева!

— Полноте, Виктор Иванович! На что я буду сердиться, когда вы несколько не виноваты? Вас нарочно старались разстроить с Машей! Всё дело в том, что Антон Григорьевич, забыв и совесть, и страх Божий, решился или погубить вас обоих, или жениться на ней...

— Что я слышу?

— И сегодня ещё поутру приходил он ко мне с предложением, что если я хочу спасти Машу от гибели, то отдал бы её за него...

— Злодей!

— Но я сказал ему решительно, что я надеюсь на единую помощь Божию, по слову писания: *не надейтесь ни на князи, ни на сыны человеческия*, что если святой воле Его не угодно будет примирить вас между собою...

— О, мой отец! О, мой друг! — воскликнул мичман. — Если Мария отвергнет раскаивающегося преступника, то я готов умереть у ног ея!

— И, несмотря на то, — сказал хладнокровно Ивашкин, — умрёт в этой тюрьме, не выдав её!

— Так! Я не могу иметь и этого последняго утешения!

— Нет, можете, если вам приятнее обнять вашу невесту, нежели нянчиться с этою подругою (Ивашкин указал на цепь).

— Неужели мне должно бежать, как преступнику! Нет, что бы ни стало со мною, я этого сделать не могу!

— Отец Пётр, — сказал возвратившийся в сие время по отнесении фельдшера Безшабашный, — мы теперь шли мимо дома Горбунова и смотрим, что-то там не ладно совершается: кажись голос, начальника и Марьи Алексеевны.

— Боже милостивый! — воскликнул протопоп, упав без чувств на пол.

— Проклятая цепь! — вскричал мичман с величайшим изступлением. — Теперь ты меня не удержишь!

Он рванул цепь и выдернул её из стены.

— Что вы делаете? — говорил Безшабашный. — Вы хотите бежать, но мы не смеем вас отпустить.

— Пустите меня или...

— Нас стращать нечего: мы не трусова десятка! Изволь-ка убираться на своё место!

— Разбойники! Я размозжу вам всем головы!

— Ребята! — сказал Безшабашный. — Берите его, да свяжем по рукам и по ногам.

— Остановитесь! — вскричал Ивашкин. — Остановитесь! Вы слышали, что он ни в чём не виновен, что его терзают напрасно, что злодей для того только губит его, чтобы отнять у него невесту, и, может быть, в эту минуту совершает ужаснейшее из преступлений... Если вы христиане, вы не должны исполнять волю душегубца... Пустите его!

— Мы дали присягу!

— Вы дали присягу служить верою и правдою государыне, но здесь вы видите явное нарушение всех законов и божеских, и государевых. Вы сами будете отвечать, когда допустите погубить невинность!

— В самом деле, ребята, — сказал Безшабашный, — ведь теперь в доме Горбунова не добро творится! Так и быть: пусть же судит нас Бог и государыня, но не дадим злодею смеяться над сиротою. Пустим его и все пойдём с ним вместе!

— Пойдём, ребята! — вскричали казаки в один голос. — Пойдём! За добро не станут судить нас!

XXIV. ПРИМИРЕНИЕ

Начальник, получив решительный отказ в руке Марии, вышел от протопопа с величайшею яростию, хотя при прощании и утаил её в сердце. «Теперь, — думал он, идучи дорогою, — жребий мой брошен: пусть этот старый хрыч лопнет с досады, а я цели своей достигну! Ни Бог, ни ад не остановят меня в моём намерении, я не жду более милости и презираю всякия муки!»

Мы не будем доканчивать сих страшных размышлений злодея, уже перешедшаго все пределы возможности раскаяния, и скажем только то, что он принял решительное намерение посетить в тот же день Марию.

Положение сей несчастной со стороны содержания не было слишком худо, ибо губитель ея для собственных адских целей старался о ея выздоровлении. Горница, где жила она, была довольно просторна и опрятна, как в порядочном крестьянском доме. Пища доставлялась ей не только здоровая, но и приятная. Самая свобода ея не была совсем стеснена: ей позволялось гулять в огороде, который хотя для приезжаго не представил бы инаго зрелища, кроме скупости тамошней природы, но для жительницы Камчатки был, по крайней мере, не неприятен (в Камчатке родится

картофель, капуста, не вьющаяся, однако ж, в кочни, репа и редька. Хлеб сеют весьма мало и только во внутренних местах по реке Камчатке). Всё это, конечно, не могло возратить Марии ея прежняго здоровья и красоты, однако ж при ея молодости, крепком сложении и особенно при твёрдом уповании на Бога поддержало ея жизнь. Она страдала, но не предавалась отчаянию, и горесть ея, растворённая чувствованием невинности и живую надежду на высшую помощь и лучшую жизнь, если не здесь, так за гробом, придавала ея чертам нечто возвышенное, неземное, ибо счастье сближает нас с землею, а злополучие приближает к Небу. И тот, кто никогда не был несчастлив, заслуживает истинное сожаление!

Мария, пробудившись на самом разсвете, села под окно. Всё покоилось и в природе, и в смутном жилище людей, только чуть-чуть подувал лёгкий утренний ветерок, и море едва плескалось в берега. Небо было чисто. Воздух прозрачен и прохладен. Вдали поднималась заря. Прекрасное, радостное явление утра имело целебное действие на душу Марии, как и всегда бывает с несчастными. Им кажется, что, при всеобщем празднике, воскресении природы, невозможно, чтобы одни они были забыты и определены на мучения. Светлый, прелестный луч надежды блеснул ярко в душе нашей страдальцы, и ей так живо, так ясно представилось могущество Творца, что в умиленном восторге души она залилась слезами и бросилась на колена, обратив молящий взор на лучезарный восток, откуда, казалось ей, вместе со светом лились утешение и отрада.

Действие молитвы всегда благодетельно: Мария целое утро чувствовала себя весьма легко, тем более что при ней не было на сей раз ея ненавистнаго аргуса — Марины, которая в сие время отлучалась от нея, имев продолжительную конференцию с начальником. Злодей и сластолюбец расспрашивал её со всею подробностью о душевном расположении Марии, и цыганка, находя замеченное уже нами выше дьявольское удовольствие подстрекать своего губителя на новыя злодеяния и притом мучить свою невинную соперницу, обманула его. По словам ея, Мария уже начинала охотно слушать рассказы об удовольствиях брачной жизни и о выгоде быть женою человека богатаго и чиновнаго. Гнусная страсть вспыхнула в грешнике. Не откладывая далее своих намерений, злодей пошёл к протопопу. Последствия их свидания уже известны. Цыганка, возвратившись к Марии, начала с адским смехом над нею издеваться.

— Я рада, что ты сегодня не так печальна, как прежде, и не так сердито на меня смотришь. За то и я тебе скажу радостную весть.

Мария, хотя избегала всякого разговора с Мариною, ибо злодейка всегда растворяла его ядом, но обольщённая мечтательными надеждами сердца, бедная, думала, что в настоящих словах Марины уже заключается их исполнение, и с нетерпением спросила её:

— Не узнал ли он, что я невинна?

— Это он, — отвечала цыганка с усмешкою, будто бы не понимая, про кого говорит Мария, — это он давно уже знает!

— О, если это правда, то благодарю тебя, Боже мой! Одного этого я и желала. Теперь что ни будет со мною, я всё снесу терпеливо!

— И я скажу тебе ещё более: он сегодня к тебе придёт...

— Он придёт ко мне? Виктор?

— Какой Виктор! Не про него речь: он сидит в тюрьме и скоро исчахнет в цепях.

Смертная бледность выступила на лице Марии. Цыганка продолжала:

— Речь о начальнике. Ведь я тебе твержу давно, что он от тебя без памяти.

— Перестань! — воскликнула Мария, всплеснув руками. — Если ты веришь чему-нибудь святому, то заклинаю тебя этим — не мучь меня!

— Что за мука быть женою начальника?

— Боже мой, Боже мой!

— Ну, а если не нравится быть его женою, то можешь сделать его любовницею. Правда, когда пройдёт молодость и спадёт красота, то он, без сомнения, тебя бросит, но что ж такое? Не ты первая, не ты и последняя! Я сама была некогда не хуже тебя...

Мария ничего не отвечала, и только самые болезненные вопли вырывались из её души. Язык злобы наконец истоцился. Мария отдохнула. Наступил вечер. Вдруг опять цыганка вбежала к ней с видом фурии и с адскою радостью на глазах сказала:

— Вот, видишь, я правду говорила тебе давеча: он придёт. Вон идёт он! Радуйся!

Но против ожиданий её, Мария не оробела. Отчаяние придало её душе невероятные силы. Спрятав украдкою от цыганки нож в рукаве своего платья, она села подле стола и ожидала своего злодея с величайшим, по-видимому, спокойствием. Он взошёл в горницу и прежде обратился к цыганке.

— Я забыл тебе сказать, — говорил он, — что твой сынок прислал мне письмо, в котором описывает своё происхождение и набивается мне в сыновья. Поди и скажи ему...

Продолжение сего приказа мы знаем.

Цыганка, бросив взор нечеловеческой радости на Марию, вышла из горницы и, остановившись на некоторое время у дверей, прислушивалась с диким удовольствием начавшемуся между Марию и начальником разговору и потом, отходя прочь, сказала с неимоверною злобою:

— Празднуй, злодей! Праздник твой недолог! Теперь пойду потешусь над твоим выродком, а там наступит и твоя очередь!

В продолжение сего между начальником и Марию началась следующая сцена:

— Марья Алексеевна! — сказал начальник строгим голосом. — Вы, чай, знаете, за что вы содержитесь?

— За что бы я ни содержалась, — отвечала Мария с твёрдостью, — но я знаю одно то, что я невинна!

— Хорошо! О невинности твоей поговорим после, но теперь я должен сказать тебе, что если ты имеешь хоть какое-нибудь сердце, то должна чувствовать цену моих благодеяний и быть в разсуждении меня, по крайней мере, благодарною...

— Вам благодарною? — с живостию прервала Мария.

— Да, благодарною! — повторил начальник. — На тебя подан мне ужасный донос, что ты отравила мою жену. Я давно мог бы произвести следствие и осудить тебя, а ты видишь, я что делаю? С собственною своею опасностью я хочу спасти тебя, я медлю, забочусь о твоём содержании, о здоровье, о спокойствии...

— Но было бы гораздо с вашей стороны великодушнее, когда бы вы приказали убить меня одним разом, чем по капле пить мою кровь.

— Так! Неблагодарная! Я знал наперёд, что инаго ожидать от тебя нечего! Хорошо! Я более тебя не стану щадить: предам тебя суду. Пусть же полюбуется твой старый дед, когда тебя выведут на место казни, и когда...

— Но чего вы хотите от меня?

— Ты знаешь, чего я хочу. Я люблю тебя. Если хочешь избавиться от казни, будь моею женою!

— Никогда!

— А казнь?

— На всё готова!

— А думаешь ли ты, что твой дед перенесёт твоё безчестие?

— Я знаю, что он не перенесёт этого, и смерть его падёт на твою душу!

— Э! Так ты такова! Но нет, голубушка, ты не отделаешься от меня, ты моя!

— Отойди, злодей! — вскричала Мария, принимаясь за нож.

— Вздор! Ты должна быть моею!

Мария, отскочив на несколько шагов от губителя, выдернула из рукава нож и, занеся его себе на грудь, сказала ему с величайшею твёрдостью:

— Если ты сделаешь ещё один шаг ко мне, меня не будет!

— Ты решаешься на самоубийство?

— Решаюсь!

— И не боишься вечной муки?

— Ты будешь отвечать за меня!

— Но подумай, что если ты сделаешься моею женою, то будешь пользоваться честью, богатством, довольством. Все моё будет принадлежать тебе, я раскрою пред тобою все мои сокровища, и каждое твоё слово...

— Замолчи, обольститель! Я ненавижу тебя и презираю твои богатства!

— Испытание кончилось! — сказал начальник, вдруг приняв на себя радостный и довольный вид, сев на скамью. — Милая дочь моя! Ты выросла под моим кровом, и ты могла подумать, что я в самом деле стану губить тебя, разлучая с избранным тобою женихом! Нет, ты ещё не знаешь меня, не знаешь, сколько я забочусь о твоём счастье. Всё, что ни случилось с тобою, было сделано по желанию самого твоего жениха. Он хотел испытать твою к нему любовь, твоё постоянство, твою добродетель, и ты прекрасно выдержала это испытание!

— Напрасно ты думаешь обмануть меня этою ложью. Я знаю тебя уже хорошо!

— Но если ты не веришь мне, то согласишься твоему жениху, который...

— Который по твоему приказанию сидит в тюрьме и в цепях!

— Нет!.. который свободен, а теперь же будет у ног твоих.

Начальник отворил дверь в сени и сказал громко:

— Виктор Иванович! Идите, спешите в объятия вашей...

Когда он говорил сие, Мария стояла в недоумении. Злодей, приметив сие, не докончил речи, быстро обернулся к ней, выхватил у ней из рук нож, отбросил его в сторону и, схватив Марию в объятия, вскричал с неистовою радостью:

— Теперь ты моя!

Мария издала ужасный вопль.

— Боже! Защити меня! — вскричала она отчаянным голосом, употребляя слабые и тщетные усилия.

— Нет! — сказал злодей с бешеным смехом. — Теперь никакая сила не вырвет тебя из моих рук! Ты моя!

— Злодей! — вскричал вбежавший в горницу в ярости и бешенстве мичман. — Полно ругаться над невинностью!

Он мощно ухватил начальника за волосы, бросил его на пол и занёс над главою его саблю.

— Виктор, Виктор! — вскричала Мария забывшая в сию минуту ужасного смущения все злодейства начальника, все оскорбления, перенесённые ею от своего жениха, все неприязненные с ним отношения и увлекшаяся одною к нему любовью. — Виктор! Что ты делаешь? Ты губишь себя!

— Ты не знаешь, Мария, — отвечал мичман, оставаясь в том же положении, — всю злобу и гнусность этого душегубца! Он поселил вражду между нами, он оклеветал и очернил тебя предо мною, он хотел погубить тебя: сам велел убить свою жену и своё злодеяние свалил на тебя, дабы принудить тебя следовать его гнусным желаниям, он...

— Всё это известно мне, Виктор, но я всё прощаю ему и умоляю тебя: и ты прости его!

— Мне простить его? Никогда! Нет, конец его настал! Умирай, злодей!

— Остановись! Остановись! — вскричала Мария, бросаясь к мичману и удержав его руку.

— Для чего ты его удерживаешь? — сказал начальник с обыкновенным равнодушием. — Пусть он убьёт своего отца!

— Нет, изверг, ты сам отказался от этого имени и теперь меня не обманешь им!

— Перестаньте, перестаньте, Виктор Иванович! — сказал поспешно вошедший в сию минуту Ивашкин. — Что вы затеяли? Господь с вами! Ужели хотите сделаться убийцею? Боже сохрани вас! Он злодей, но что же и вы будете перед законом, когда убьёте его? И тогда навек вы прощайтесь со своим счастьем!

— Этот изверг уже похитил его у меня. Я оскорбил ангела. — мичман показал на Марию, — и всё кончено!

— Неужели ты думаешь, Виктор, что я могу на тебя сердиться? Я и теперь люблю тебя, как и всегда!

— Как? Ты и теперь всё ещё любишь меня?

— Я никогда и не переставала тебя любить! Я видела, что ты в заблуждении, и об одном просила Бога, чтобы ты узнал мою невинность. Потом же, если бы ты и забыл меня, я всё бы простила, и если бы умерла, то умерла бы, о тебе молясь!

— О, небесное существо! — воскликнул мичман, бросив саблю и упав к ногам Марии. Слёзы потекли ручьём у него из глаз. —

Ангел-хранитель мой! Как ты любишь меня, и как я, легковёрный, не достоин твоей любви!

Между тем освободившийся из рук мичмана злодей проворно вскочил на ноги и бросился к двери, но Ивашкин остановил его.

— Пустите меня! — кричал первый. — Что? Вы хотите меня убить? Вы бунтовщики, крамольники...

— Нет, Антон Григорьевич, мы не бунтовщики и не крамольники, но всё-таки не можем вас отпустить.

— Вы бунтуете против власти, нарушаете законы...

— Это решит высшее начальство, кто из нас: мы или вы более нарушаем законы. Но теперь мы не имеем времени с вами состязаться. Вы должны остаться здесь, пока не придут вас отсюда выручить. Ребята, — сказал Ивашкин, обратившись к казакам, — посадите Антона Григорьевича в этот чулан.

— Как вы смеете, разбойники? Я ваш начальник!

— Знаем, — говорил Безшабашный, — что матушка царица послала вас сюда начальствовать, да вы-то, вишь, задумали другое, а повадился кувшин по воду ходить, так тут ему и голову положить.

— Упрямиться нечего, Антон Григорьевич! — сказал с твёрдостью Ивашкин. — Вы видите: здесь все против вас. Извольте войти в чулан доброй волей, из уважения единственно к вашему званию мы не хотим употребить силы.

— Хорошо, я пойду, но... это будет вам всем дорого стоить!

Ивашкин молча запер за ним дверь, завернул замком и, положив ключ в карман, сказал тихо любовникам, утопавшим между тем в слезах радости и восторга:

— Довольно, довольно! Пора идти! Время дорого! Пользуйтесь им, пока зверь взаперти! Едва приведя в чувство отца протоиерея...

— Разве он болен? — спросила испугавшаяся Мария.

— Был, но я помог ему. Всё это вы узнаете после. Я уговорил его обвенчать вас нынешнею же ночью, и он уже в церкви. Спешите за мною!

— Но что с нами будет потом? — спросил мичман.

— Впереди Бог! Спешите!

XXV. ВЕНЧАНИЕ

Была тёмная ночь. Небо задёрнулось тучами, от времени до времени освещавшимися молнией. Слышался и гром, но отдалённый, глухой, как большею частью бывает в Камчатке. В лесах бушевал ветер. Волны шумели на море. Пользуясь мраком и шумом, молча

пробиралась к церкви торопливая толпа, из которой при одном повороте, по-видимому тайком от прочих, отделился человек и ускользнул в ворота. Дойдя до дверей церкви, толпа разделилась надвое: большая часть пошла скорыми шагами к лесу, остальные вошли в церковь. В ней было и пусто, и мрачно, и безмолвно, только скрипели ставни, потрясаемые ветром, только одна свеча горела перед аналоем, у которого стоял старец, погруженный в глубокую думу. Прекрасный юноша и прелестная девушка бросились в его объятия. Старик прижал их к своей груди, и все трое, не произнеся ни одного слова, вдруг залились слезами. Есть чувствования, для которых язык человеческий и медлителен, и излишен!

Прошли первые минуты свидания. Сердца несколько успокоились. Старец возвёл глаза к небу, благословил детей и начал совершать обряд, при котором не было ни богато убранных и весёлых поезжан (участников свадебного поезда, в основном, со стороны жениха), ни шумной толпы любопытных зрителей. Два только свидетеля присутствовали при венчании: дряхлый восьмидесятилетний трапезник, взглядывавший как житель другого света из тёмного угла, где стоял его прилавок, и печальный Ивашкин, склонившийся на свой посох и, казалось, обдумывавший будущий жребий новобрачных. Обряд кончился. Протопоп ещё раз со слезами на глазах горячо обнял Виктора и Марию, не перестававших также заливаться слезами радости и горя, но потом, как бы исполняя высшаго вдохновения, отёр слёзы и произнёс с важностью пророка:

— Малодушные! О чём мы плачем? Тот, кому повинуются моря, пред кем трепещут горы и небо свивается, яко риза, разве не может защитить нас от нападения червя, буде восхоцет? Идите, дети, куда вам назначит Господь! Спасайтесь от губителя!.. Виктор Иванович! Я тебе вручаю сокровище, которого дороже я ничего не имел и не имею на сей земле. Ты заступишь теперь для нея место отца и матери, береги её, друг мой, она достойна тебя!

— Ея спокойствие есть моё спокойствие, — сказал с жаром супруг Марии, — ея жизнь есть жизнь моя! Никто не может посягнуть на ея безопасность прежде, пока не погрязнет в моей крови: вот обет мой пред алтарем того, кто видит самую глубину моего сердца!

— Да поможет тебе Господь во всех путях твоих! — сказал протопоп с глубочайшим чувством. — А ты, дочь моя, следуй за твоим мужем...

— О, любезный дедушка! — вскричала Мария, задыхаясь от слёз. — Я люблю Виктора, но не имею сил и с вами разстаться!

— Друг мой! Этого требует Провидение, и мы должны покориться его воле! Вам нельзя оставаться здесь ни одной минуты, злодей непременно разлучит вас и погубит обоих. Аркадий Петрович будет вашим хранителем. Ему Камчатка знакома вдоль и поперёк, и, с Божиею помощью, я надеюсь, он успеет скрыть вас в безопасном месте, до времени...

— Думаю, что успею в этом! — сказал Ивашкин, вышедший из задумчивости при произнесении его имени. — Дорогою я рассказывал Виктору Ивановичу, куда я надеюсь их провести, но и то также сказал я, что впереди Бог!

— Да, от него всё зависит! И кто другой, как не он, внушил вам ваше благое намерение?

— Дай Бог только, чтобы оно исполнилось!

— Нет, Аркадий Петрович, — сказал с живостию мичман, — я не могу вас взять в свои проводники: предоставьте нас нашей судьбе!

— Отчего вдруг такая перемена в ваших мыслях?

— Если мы попадёмся в руки преследователей, мы будем отвечать за свой побег, но вы по какой вине будете мучиться?

— Обо мне не беспокойтесь, я давно перестал бояться человеческой власти. Что со мной сделают? Будут терзать этот бедный труп? Пускай! Было время, когда я любил жизнь, а теперь мне всё равно! Скажу вам более и скажу истинную правду: теперь смотреть мне на страдания других гораздо мучительнее, нежели на своё собственное. Если бы было иначе, кто меня притащил бы в Петропавловск, когда я мог бежать туда, куда ворон костей не занасивал? Но я вспомнил Зуду и воротился. Богу не угодно было, чтобы я помог моему старому другу, зато он послал мне другой случай. Я полюбил вас обоих всем сердцем и готов для вас на всё. Пойдёмте! Пора!

— Подумайте!

— Всё обдуманно! Без меня вы не ступите шагу в этой пустыне, а мне она известна, как моя ладонь. Пойдёмте!

— Но если вы делаете благородное дело, спасая нас, то разве с нашей стороны должно пользоваться им к вашему вреду?

— Эх, Виктор Иванович! В этом разочтёмся после!

— В самом деле, — сказал протопоп, — не теряйте, дети, напрасно времени, положитесь на Бога и идите! Благословляю вас от всей души моей! Полно плакать, Машенька, слезами не поможешь! Мужайтесь и крепитесь! Ну, прощайте, прощайте! Бог да благословит вас!

Протопоп взял свечу и, уговаривая Марию, заливавшуюся горькими слезами, подошёл с новобрачными к дверям. Но едва он коснулся к замку, как страшный удар в неё с наружной стороны раздался в пустоте церкви. Все бывшие в ней вздрогнули.

— Кто там ломится? — спросил протопоп.

— Отворяй! — вскричал голос из-за дверей.

— Кому надобность в ночное время быть в церкви?

— Отворяй. Мы скажем, что за надобность!

— Отпирай же, старый хрен, — воскликнул начальник, — не то дверь велю вышибить!

— Зверь на свободе! — сказал тихонько Ивашкин. — Без сомнения, это мошенник Горбунов освободил его. Мне казалось, будто кто-то ускочил в ворота. Так и есть!

— Да, верно он, — подтвердил протопоп, — он и трус, да и предан злодею. Но куда девались прочие казаки?

— Ушли куда глаза глядят, чтобы скрыться до приезда ревизора.

— В последний раз говорю, — снова раздался голос начальника, — отворяй, или дверь сейчас же вылетит вон!

— Вышибай, если имеешь на это право!

— Имею! Здесь скрываются преступники, бунтовщики, разбойники. Выдай мне их, и я уйду в ту же минуту!

— Здесь нет ни бунтовщиков, ни разбойников.

— Послушай, старик. Если ты не выдашь их добровольно и принудишь меня употребить силу, то и сам будешь сидеть в тюрьме вместе с ними!

— Дедушка, милый дедушка! — вскричала Мария. — Выпустите меня. Пусть злодей растерзает меня, но я не допущу, чтобы вы страдали вместе с нами!

— Нет, Мария! — прервал мичман. — Ты должна остаться. Я всему причиною. До меня вы были счастливы, я разрушил ваше счастье, я и должен страдать за сие. Пустите меня!

— Нет, дети мои милые, не пущу вас обоих: вы оба равно любезны мне, и я скорее умру у этого порога, нежели позволю злодею над вами ругаться!

— Что, калуер! — снова раздался за дверью зверской голос начальника. — Ещё ли будешь говорить, что у тебя никого нет в церкви!

— Есть, но это дети мои, а не разбойники, которых ты ищешь!

— Давно ли мичман стал твоим сыном?

— С той минуты, как он стал мужем моей внучки!

— Бунтовщик! Крамольник! — завопил с ужасною яростию начальник, услышав сей ответ. — Нет пощады ни тебе, ни твоим

сообщникам! Ломайте дверь, стреляйте в окна, режьте, губите, жгите изменников!

Железная дверь тяжело застонала под ужасными ударами тирана, заглушая усилившиеся удары грома. Церковь дрожала, и всё здание, казалось, готово было разрушиться.

— Стреляйте! Стреляйте! — раздавались бешеные крики начальника.

— Гасите свечу, — вскричал Ивашкин, — и спрячемся за печь!

— Боже мой, Боже мой! Что с нами будет! — воскликнула Мария.

— Что бы ни было, — говорил мичман, выдернув саблю, — но я дорого продам им нашу свободу.

— Теперь единая надежда нам — Бог! — сказал протопоп.

Едва осаждённые успели спрятаться, как несколько ставней с шумом растворились, ружейные дулы пробили слюду и утавились сквозь железные решетки. Потом послышался шорох взводимых курков, раздалось страшное: «Пали!», и мгновенное пламя, вылетевшее с ужасным треском, осветило тьму церкви, и пули засвистали по ней в разных направлениях. Пальба не утихала. Церковь совершенно наполнилась пороховым дымом, сквозь которого беспрестанно вспыхивало в окнах пламя выстрелов и загоралась молния. Треск усилившейся грозы, учащённые удары тарана, грохот ружей, свист и щёлканье пуль, крик осаждающих и бешеный побудительный рёв разъярённого злодея, сливаясь вместе, изображали нападение не людей, но духов злобы, воздвигших все силы неба и земли на разрушение святого места.

В это время протопоп, не теряя надежды на Бога, читал молитву. Мария дрожала от страха не столько за себя, как за драгоценных сердцу её деда и супруга. Виктор с неустрашимостью молодого воина ожидал мгновения, в которое должно будет начать смертный бой с злодеями. Один Ивашкин, презирая давно жизнь, стоял с величайшим хладнокровием и выискивал в уме средства избавиться от беды не для себя, но для своих несчастливых товарищей. Наконец, как будто что-то вспомнив, с приметною радостью он проворно кинулся из-за печи.

— Куда ты, Бог с тобой! — сказал со страхом протопоп, схватив его за полу. — Ведь тут и шага не ступишь, как тебя злодеи застреляют!

— Пустите, отец Пётр! Здесь ничего не выстоим, надо действовать!

— Если нужно действовать, — прервал мичман, — то скажите, что делать, — я на всё готов!

— Не торопитесь, дойдёт очередь и до вас, а покамест теперь моя.

— Но вас убьют!

— Всё равно!

Говоря сие, Ивашкин выдернул полу из рук протопопа и оставил своих товарищей в страшном ожидании об его участи. От ужаса едва переводя дыхание, они прислушивались робко к его шагам и при каждом выстреле, освещавшем церковь, слышали, казалось, что-то тяжёлое, грянувшее на пол, и говорили с трепетом друг другу: «Это упал он! Уж наверное он!»

Между тем неустрашимый, но всегда осторожный Ивашкин, пробираясь около стены большею частью ползком, добрался до прилавка, за коим притулился старый трапезник, брат памятного в летописях Камчатки удальца Харчина, вместе с сим последним участвовавший в главном камчадалском бунте (1731 года) и потом решившийся загладить свои преступления и временное отступничество повсежизненным служением при церкви.

— Кирилыч! — сказал Ивашкин. — Сидя со сложенными руками, не искупим беды. Пойдём!

— Оставь меня, родимый! Мне инаго делать нечего, кроме как ждать смерти! Погибнет церковь, погибну и я вместе с нею, таков обет мой!

— Я тебе не помешаю сдержать твой обет, но скажи мне только: не известен ли тебе тот ход, который, говорят, прорыли казаки во время камчадалских бунтов, чтобы доставать в острожек воду, и из которого выход потом был проведён сюда, чтобы держать его в секрете?

— Как не известен, батюшка! Ведь я, окаянный, и провёл им бунтовщиков. Вон, в алтаре близ северных дверей, как поднимешь вторую половицу... Только вряд ли не засыпался он землю! Времени, батюшка, прошло много, много! Вот уж как и я при церкви лет более сорока будет! Ах ты Господи!.. Эк! Они, окаянные в двери-то ломаются: словно черти в святое место!

Ивашкин, не дослушивая последних слов трапезника, проворно начал пробираться с тою же осторожностью к своим товарищам.

— Отец Пётр! Я хочу провести ваших детей потаённым ходом.

— Но как вы найдёте его? И я слышал, что есть ход, но где его отыскать, не знаю.

— Я всё уже распросил у Кирилыча!

— Да, ему это известно должно быть лучше моего. Он гораздо прежде меня при здешней церкви. Если найдёте этот ход, то велика милость Божия! Подите же, дети мои милые! Подите скорее! Мешкать нечего! Другой помощи ждать неоткуда!

Между тем как Мария снова начала колебаться, не имея сил ни оставить деда, ни разлучиться с мужем, вдруг раздалась столь

страшные удары в дверь, что петли, по-видимому, не могли уже долее удерживаться на местах.

— Машенька! — вскричал протопоп. — Теперь долго думать нечего: спасайтесь! Ещё несколько минут — и мы все погибли!

— Пожар! Пожар! — закричал в то же время трепещущим голосом старый трапезник, бросаясь из-за прилавка. — Пожар! Отец Пётр! Не прикажете ли ударить в набат? Пожар!

— Слышишь, Машенька? Беги, пока есть время! Теперь я обязан забыть, что я дед ваш, и должен поступать, как служитель церкви. Прощайте! Бей в набат!

Между тем огонь, затлевшийся от выстрелов на холсте, коим были обтянуты стены, разгорался мало-помалу и, наконец вспыхнув, быстро бежал к потолку и страшно осветил дымную церковь. Выстрелы при огне сделались почти неизбежны. Несчастные, не имея более темноты своею защитою, решились на последнее средство: пробежать бегом к назначенному трапезником месту. Они бросились. Дикой вопль их гонителя раздался в окно: «Вон они! Вон! Пали, бей злодеев!» Несколько ружей разом грохнули, пули засвистали, но только одна легко ранила мичмана. Вбежавши в алтарь, несчастные подняли половицу и, взяв несколько зажжённых свеч, пустились в неизвестный путь.

В сие время протопоп, не думая более ни о них, ни о себе, собрал поспешно священные вещи и, выйдя с ними из алтаря, с крестом в руке, отворил церковные двери и с важностию пастыря сказал ломившимся казакам:

— Если вы христиане, то не разрушать должны дом Божий, а спасать: он горит!

— В самом деле, церковь горит! — закричали вбежавшие в неё казаки. — Ребята! Воды, воды! Тушить!

— Пусть горит! — закричал вбежавший также туда начальник. — Прежде ищите беглецов, а потушить успеете. Говори, поп, куда ты их спрятал?

— Антон Григорьевич! — отвечал протопоп, держа пред ним крест. — Вспомните о том, кто был распят на кресте! Этот храм искуплён святою кровию, а вы готовите ему гибель! Забудьте на минуту ваши земные страсти и подумайте о небесном!

Начальник невольно остановился, как бы поражённый изумлением, а протопоп, обратясь потом к казакам, продолжал:

— Дети мои, что стоите? Что медлите? Храм Божий обнимается пламенем! Какого ждете ещё наказания? Кому должно более повиноваться: человеку или Богу? *«Аци хочете и послушаете*

мене, — глаголет Господь, — благая земли снесите, аще же не хотите, ниже послушаете Меня, меч вы пояст!»

— Поп! — вскричал опомнившийся начальник, дрожа от ярости. — Долго ли ты будешь бунтовать моих подчинённых?

— До тех пор, пока ты не перестанешь оскорблять Бога и государыню!

— Вот до чего дошла дерзость! Нет, нет! Или я более не начальник, или я не допущу надо мною ругаться! Возьмите его, берите его!

Но все эти приказания были произнесены напрасно, ибо казаки, частью утрашённые словами протопопа, частью по собственному религиозному расположению, присоединились к толпе народа, ввалившись в церковь для спасения церковной утвари, ибо потушить пожар по причине пропущения благоприятного времени было уже невозможно. В общей суматохе, в дыму, при крике народа и вое набата никто не примечал начальника и никто не слышал его криков. В бешенстве и досаде он побежал уже из церкви, как вдруг кто-то почти насильно остановил его, вскричавши:

— Ваше высокоблагородие! Нашёл!

— Нашёл? Где они, злодеи? Веди их ко мне!

— Нашёл, но ещё не самих, а только лазею, куда они скрылись. Если угодно, извольте идти скорее за мною!

Начальник и достойный его служитель быстро пронеслись, как два злые духа, уже по опустевшей и по обнявшейся пламенем церкви, и первый, обуреваемый неистовою страстию, с адскою яростию на лице, схватив горящий отломок иконостаса, кинулся, как зверь, за своею добычею в раскрытую дверь подземелья. Прислужник его также хотел последовать за ним, но едва занёс ногу, как разгоревшийся иконостас рухнул и придавил изменника своею пламенною массою. Это был Горбунов!

XXVI. ПОБЕГ

В продолжение вышеписанного Виктор, Мария и Ивашкин, чувствуя сырость и духоту подземного хода, употребляли величайшие усилия, чтобы скорее пройти его. Но, к невыразимому огорчению, должны были останавливаться почти на каждом шагу, ибо во многих местах, где земля, слабо удерживаемая гнилыми подпорками, обсыпалась, нельзя было проходить, иначе как сильно наклонившись, а в других местах должно было даже ползти на коленях, и притом с чрезвычайною осторожностью, чтобы не расшевелить страшной громады, угрожавшей сверху падением и смер-

тию. В одном из сих трудных переходов Ивашкин, поскользнувшись на сырой и почти мокрой земле, выронил из рук свечу и оставил себя и своих товарищей в страшной темноте. Тогда положение их сделалось столь ужасным, что у самого Ивашкина невольно встали на голове волосы. Возвратиться назад было нельзя, впереди ничего не было видно. Могли опять встретиться столь же трудные переходы, которые без света совершить было почти невозможно, мог быть выход и вовсе засыпан. Какого спасения можно было надеяться в таком случае? Бежать — некуда, кричать — голос замер бы под землею! Казалось, вместе со свечою погасла надежда, и грозная смерть — быть заживо погребённым в могиле предстала воображению несчастных со всеми своими ужасами. Гробовой холод сильнее повеял со стен, и запах тления проникал кости. Ивашкин издавна думал о смерти, но за всем тем картина мучительной, продолжительной смерти, когда жизнь не отлетает вдруг, как блеск молнии, но вытекает как горящий свинец, пожигая тело каплей за каплею, — картина такой смерти, живо изобразившейся в душе старца, смутила его, особенно за юных товарищей, которым неисповедимая судьба ускорила тёмный и печальный путь тления в то самое время, когда жизнь, полная любви и наслаждений, должна бы встретить их на дороге радости и счастья. Старец скорбел ужасно, неизъяснимо, но насильно утешил кипение мыслей в своей груди и удержал вопль, готовый из неё вырваться, ибо боялся испугать своим отчаянием, впервые закравшимся в его сердце, своих злополучных спутников.

Перемогши себя, он спросил мичмана со всем возможным равнодушием:

— Что нам делать теперь, Виктор Иванович?

— Пойдём ощупью, — отвечал трепещущим голосом мичман, также почувствовавший весь ужас своего положения и также старавшийся скрыть свои чувства от Марии.

— Но что это такое, Аркадий Петрович? — спросила вдруг Мария. — Вдали как будто светлое пятно?

— Да, да, и я вижу это! — сказал мичман.

— Не смею слишком рано радоваться, — отвечал Ивашкин, — но пойдёмте скорее.

— Чем далее мы идём, — говорила Мария, — тем пятно становится явственнее.

— И мне тоже кажется, — подтвердил мичман.

— Теперь и я его вижу! — воскликнул Ивашкин, пройдя ещё несколько шагов. — Слава Господу Богу, теперь мы спасены!

— Но что значит это пятно? — спросил мичман. — Как вы думаете?

— Это свет на конце выхода!

— Но теперь ночь!

— Верно, церковь обнялась пламенем и осветила окрестности.

Догадка Ивашкина оправдалась. Пятно, видимое вдали нашими странниками, точно было отверстие выхода, освещённое заревом пожара. Но, достигнув его, несчастные почувствовали новый ужас: выход был заслонён огромным камнем, коего величайшие усилия их не могли отодвинуть ни на вершок с места, и между тем как они истощали свои силы над этим безуспешным трудом, вдруг послышался им в глуши подземелья глухой топот ног. Они вздрогнули и, оглянувшись с трепетом, увидели в отдалённости огненную точку, быстро к ним приближавшуюся. Новых, последние усилия были употреблены для сдвинутия адского камня, но хладная громада как злодейское сердце была неподвижна.

— Царь Небесный! — воскликнула Мария, упав на руки Виктору. — Теперь мы погибли невозвратно!

— Что это, ребята? — сказал голос сверху отверстия. — Словно под землёю кто вопит?

— Кто бы вы ни были, — вскричала Мария в некотором изступлении, не обращая внимания на знаки Виктора и Ивашкина, — кто бы вы ни были, спасите нас!

— Точно под землею, ребята! — повторил прежний голос. — Да кто там говорит? Живой, так скажи: откуда ты кричишь?

— Слава Богу! — вскричал Ивашкин. — Это голос Безшабашного! Мы здесь, брат Прокопий, спустись, пожалуйста, проворнее, оттащите камень!

Между тем огонь, видневший во мраке хода, увеличился, и фигура бегущаго человека с пламенником в руке означилась явственно.

— Это он! Это он гонится за нами! — повторяла отчаянная Мария.

— Мужайся, Мария! — отвечал мичман, не менее ея отчаянный. — Мы избегли многого, избегнем и этой опасности с Божиею помощью!

— Скорее, брат Прокопий, — говорил Ивашкин, — пожалуйста, скорее! За нами гонятся. Ещё минута — и мы пропали!

— Да где ты говоришь, Аркадий Петрович?

— Здесь! Здесь! Внизу оврага. Видишь ли ту срубленную листовень?

— Ну!

— Она навалена на камень, а камнем загорожен подземный ход, прокопанный сюда из церкви. Понял ли?

— Понял теперь. Смотри, пожалуй, мы и слыхом не слыхали, что есть такая диковина...

— Пожалуйста, поскорее.

— Духом, духом, Аркадий Петрович! Ну, ребята, сбрасывайте дерево, отворачивайте камень!

Едва только заключённые успели выйти из подземелья и едва придвинут был обратно камень, как злодей, стремившийся за ними в погоню, прибежал ко входу и уставил в небольшое отверстие, оставшееся между камнем и входом, ужасное, злостное лицо, освещённое кровавым светом горящаго отломка.

— Изверги! Разбойники! — завопил он, придя ещё тем в большую ярость, что увидел в объятиях мичмана ослабевшую его супругу. — Бунтовщики! Отодвиньте камень! И если хотите прощения, хватайте этих преступников! Они убежали от наказания, нарушили законы, наругались над властью...

— Аркадий Петрович, — спросил равнодушно Безшабашный, — не прикажете ли пришибить его тут? Не докудова ему издеваться над православными!

— Нельзя, Прокопий. Он начальник!

— Да помилуйте, что он за начальник, когда на этакия художества пустился?

— Всё равно! Мы не судьи его! За свои дела он даст ответ государыне, а если мы накажем его, будем сами виновны пред нею. Оставим его своей злобе и безсилию: для него довольно покамест и этой муки! Пойдёмте!

Сказав сие, Ивашкин начал подниматься из оврага на гору, крутую и безлесную, но поросшую травой. Виктор шёл, неся на своих руках Марию. Вслед за ними потянулись и казаки, не обращая внимания на яростные вопли начальника, который, произнося на отходящих ужаснейшия проклятия, скрежетал зубами и, виднеясь во тьме кровавым лицом, уподоблялся разъярившемуся злему духу, порывающемуся на гибель человека, но удерживаемому в известных пределах высшею силою. Чем более выходили из оврага и всходили на гору наши странники, тем делалось светлее зарево пожара и слышнее становился голос колокола.

Наконец, достигнув до вершины горы, они увидели пожар во всём грозном его величии. Церковь пылала кругом, и около ея напрасно мелькали тени людей, ибо помощь их была уже бессильна. Скоро обнялась огнём и колокольня и, обложенная вокруг тучами, пламенела, как светильник возгоревшагося гнева Божия. Она пылала, но голос колокола всё ещё не умолкал: это был уже

не набат, но песнь умирающего, последний голос души, отлетающей с родины. Все из числа группы, стоявшей на горе, зная обет старика, слушали сей звон с мучительной тоскою и с трепетом ожидали падения колокольни, которой основание, как прежде подверженное огню, скоро должно было рушиться. Сия убийственная минута приспела: колокольня видимо пошатнулась, и звон сделался беспорядочным. Казалось, руки, производившие его, поражённые страхом смерти, затрепетали. Колокольня начала склоняться более и более, звон делался чаще и чаще, наконец колокол умолк и колокольня рухнула. Все сняли шапки и перекрестились.

— Ну, бедный старик! — сказали казаки в один голос. — Отзвонил! Дай Бог царство небесное! Говорили, что, связавшись в молодости с бунтовщиками, он-де сам зажигал эту церковь, но, верно, Господь сжалятся над ним и простит его душу!

— О, если, — вскрикнула Мария, — и дед мой погиб!

— Нет, он жив, — сказал подошедший к толпе в сию минуту казак. — Я нарочно смотрел из лесу на пожар. Из церкви всё почти вытаскали и все вышли, кроме одного бедного трапезника, а ему сколько ни кричали — не сошёл, звонит себе, да и только...

— Ну, Виктор Иванович, — прервал Ивашкин, — пора отправляться далее. Соберитесь с силами, Марья Алексеевна! Если Господь сможет отойти дальше, то там отдохнёте.

— Я готова! — сказала Мария, став бодро на ноги, хотя приметно было, что она делала это с крайним напряжением, преодолевая слабость тела силою духа.

Снова отделившись от казаков, уговорившихся перейти к пустыням Тигиля, трое странников — Виктор, Мария и Ивашкин — пошли к востоку, пробираясь через леса и горы. Вся ночь прошла в побеге. Утро застало их в сильном изнеможении, особенно Марию. Склонясь на колена к Виктору, она едва слышным голосом прошептала:

— Друг мой! Я чувствую, что не могу далее идти. Оставь меня здесь — и спасайся!

— Мария! Тебя оставить? Тебя оставить, милая Мария? — воскликнул Виктор, задыхаясь от слёз.

— Что ж делать, милый друг мой! Мне не суждено здесь наслаждаться счастьем. Оставь меня и беги от гонителей. По крайней мере, я не буду чувствовать пред моим концом этой ужасной мысли, что я была причиною твоей гибели!

— А я разве могу умереть спокойно, оставя тебя в этой пустыне на произвол смерти? Нет, Мария! Я сто крат умру сам прежде,

нежели смерть коснётся твоего чела! И я уже клялся в этом пред алтарём того, кого обмануть смертный не может!

— О, милый мой! О, безценный Виктор! Ты напрасно давал эту клятву: она губит тебя, но меня спасти не может. Я слышу, как уже смертная слабость разливается по моим членам и как жизнь погасает...

— Боже Всемогущий! — воскликнул отчаянный Виктор. — Она умирает!

В эту самую минуту раздалась внедалеке за лесом ружейные выстрелы и смятенные крики, по-видимому обороняющихся.

— Виктор Иванович! — вскричал прибежавший из леса Ивашкин, ходивший за хворостом. — Поспешим на помощь: разбойники напали на проезжих.

— Нельзя мне, Мария моя умирает!

— Поди, друг мой! — прошептала Мария, приходя в чувство. — Неравно злодеи убьют их, на тебе останется грех, что ты не помог им!

— Но ты как останешься, Мария?

— Мне легче!

Выстрелы зачастили, крик усилился: «Разбой! Грабят! Бьют!»

— Беги, беги, Виктор! Помоги несчастным! — вскричала Мария.

Виктор, не медля более, выхватил из ножен саблю и кинулся вместе с Ивашкиным. Выбежав из леса, они увидели, что бились шестеро сидевших на лошадях и что четверо из них, по-видимому разбойники, прикрытые личинами, нападали на двоих, которые хоть и храбро оборонялись, но, обагрённые кровию, приметно начинали ослабевать, между тем как злодеи, видевшие их изнеможение, увеличивали ярость натиска. Появление помощников внезапно переменяло судьбу битвы. Мичман одним разом свалил одного из разбойников с лошади, в то же время как Ивашкин ошеломил другого дубиною по голове. Остальные два ударили по лошадям и кинулись бежать, Виктор и Ивашкин, схватив ружья убитых разбойников и вскочив на лошадей их, кинулись вслед за бегущими. Один из сих последних, проворный и ловкий, скоро скрылся из виду, пролетев стрелою по чаще леса, а другой, маленький, тощий мужичишко, по-видимому ослепнувший от страха как заяц, набежал на ветви посохшаго дерева и, наклонившись под них, попал пучком своей огромной косы на сук и, соскользнув с бежавшаго коня, повис, как новый Авессалом, между небом и землёю. Увидев сие, мичман в порыве запальчивости приложился к ружью и хотел было отправить мошенника к его товарищам, но Ивашкин остановил его.

— Стойте, Виктор Иванович, посмотрим, что это за человек. Сдаётся мне что-то знакомое!

— Батюшки! Простите, взмилуйтесь надо мною окаянным! — вопил повисший на суку разбойник.

— Так и есть! Это Сумкин! Что это, Антроп Спиридонович! Уж разбойничать, брат, пустился?

— Лукавый попутал меня, грешника!

— А я так думаю, что ты, брат, всякаго лукаваго сам спутаешь!

— Простите, помилуйте, отцы родные! Ей Богу, ни в чём не виноват: начальник-злодей велел мне убить Хапилова!

— А ты и послушался!

— Что мне делать? Отцы родные! Разсудите сами: моё дело подначальное, могу ли я послушаться?

— Вот, Виктор Иванович, здешния понятия о повиновении! Велят осудить, убить, ограбить — на всё готовы!

— Как же быть иначе, батюшка Аркадий Петрович? Могу ли я противу начальника рот разевать? Да ведь он меня отдаст под суд, так я с голоду пропаду, да и кости-то мои изгниют прежде, чем окончится дело.

— Всё так, но лучше пусть бы изгнили твои кости под судом, чем ходить на разбой. Ты обязан слушаться начальника, но помнить и то, что есть государыня, которая вознаградила бы твоё невинное страдание.

— Ох, отец ты мой родной! Где же нам разсуждать так? Кабы мы были учёные, а то ведь мы люди тёмные, неведущие! Прости ты меня, батюшка Аркадий Петрович! Сжался ты надо мною! Сними ты меня, родимый! Нет моченьки более!

— Сжалился бы я над тобою, но скажи мне прежде: для чего ты не хотел сжалиться над бедным Зудюю и думал еще терзать его, когда несчастный старик, спасший вам жизнь, был уже при смерти?

— Не поминай ты этого, батюшка! Заблуждение, родимый, заблуждени! Кто не падал в жизни своей, и апостол говорит: *«Вижу ин закон...»*

— Антон Григорьевич, — прервал строго Ивашкин, — вас всех научил говорить текстами, и я тебе скажу также текстом: *«Нет милости не творящему милости!»* Оставайся здесь, покамест твой наставник придёт освободить тебя!

При отходе Ивашкина Сумкин закричал столь ужасным голосом, что добрый старик решил было его снять, но опять, вспомнив скотскую жестокость сего мошенника над его другом, сжал

сердце и поспешил от него скорыми шагами. Голос, теряясь в глуши леса, умолкал, умолкал и замолк.

Между тем Виктор был уже с Мариною, которая, хотя по удивительному великодушию своему и убедила его оставить её и спешить на помощь, не могла не почувствовать болезненного опасения при его уходе и ощутила самую живую радость при его возвращении. Залившись слезами, она прижала Виктора к своей груди, и, казалось, жизнь, сжалившись над прекрасным творением, возвратилась к нему с прежнею полнотою. Действие ли радости, свежесть ли утра и несколько минут отдохновения, только Мария почувствовала себя гораздо лучше. В сие время возвратился и Ивашкин вместе с Хапиловым, перевязывавшим во время преследования разбойников свои раны. Хапилов выразил свою благодарность мичману самым живым образом и, будучи добр и чувствителен, просил Виктора уговорить Ивашкина позволить ему спасти своего злодея Сумкина.

Несмотря на убеждения мичмана, Ивашкин противился сему, говоря в опровержение:

— Помилуйте! Что щадить злодея, который сам отроду никого не щадил и всегда хвастался своею жестокостию? Ведь не мы его повесили: он сам набежал на виселицу!

Но когда и Мария присоединила свои просьбы, то Ивашкин, любя её, как ангела, не противился более.

— Ну, делайте, Евгений Петрович, что хотите, только подольше не отпускайте его, мошенника, дабы мы могли далее уехать!

— Слава Богу! — сказал мичман, — что теперь нам можно уже не уйти, а уехать!

— Вот как, — присовокупила Мария с чувством, исполненным глубокой веры, — Бог скоро награждает наши добрые дела! Если бы ты, Виктор, не поспешил на помощь к Евгению Петровичу, то теперь должны бы мы были идти пешком почти с неизбежною опасностью попасться в руки нашего врага.

Распрощавшись наконец с Хапиловым, наделившим Виктора и Ивашкина порохом, пулями и пищею, наши странники отправились далее. Мария села вместе с Виктором.

XXVII. ПОГИБЕЛЬ

— Расскажите мне, Аркадий Петрович, подробнее, — сказал Виктор, едучи лесом, упиравшимся в небо, — куда вы намерены нас провести? Тогда хоть вы мне и рассказывали, но, признаюсь, быв в сильном волнении духа, я худо понял.

— Вот, видите: если ехать, — отвечал Ивашкин, — известными дорогами, нас тотчас догонят, а потому мне и хочется проехать этими горами к морю. Там, насупротив Топоркова острова, в страшной глуши и в горах живёт мой старинный знакомый камчадал Тонач. Он давно сказывал мне, что недалеко от его жилья, на берегу моря, есть пещера, в которой один может защищаться против целой толпы и которую кроме его никто не знает. Я сам хотел уйти туда, чтобы скрыться от злобы людей. О! Этот мир так суетен и так печален в глазах моих!

Виктор, не спрашивая более, совершенно предоставил свою судьбу своему опытному путеводителю. Много лесов и гор переехали они. Ивашкин, знавший совершенно сии места, умел выбирать для проезда дорогу если не совсем удобную, то по крайней мере, не самую трудную. Объехав большой круг, к вечеру въехали странники на вершину высокой горы, проходившей по берегу моря, откуда к востоку раскрылся океан во всём своем безпредельном величии, а к западу раскинулись шатры высочайших сопек.

Ивашкин, окинув глазами сию великолепную картину, внимательно посмотрел на шатер Авачинской, из которого густой чёрный дым, выходя неизмеримым столбом и упираясь в небо, явственно означался на лазоревом фоне заката.

— Что-то, — сказал Ивашкин, покачав головой, — этот дым больно чёрен и высок, это не предвещает добраго!

— Правда твоя, бачка! — сказал подошедший к нему камчадал, по обыкновению своему не сделав никакого предварительного приветствия.

— Ба! Это ты, Тонач! Как ты сюда попал? А мы к тебе ехали.

— Хорошо, хорошо, бачка! Я рад гостям, особенно старым приятелям.

— А, верно, сам в гости собрался?

— Нет, бачка! Я поехал промышлять тюленей да вздумал взойти прежде посмотреть на горелую сопку: какова? Нынче, бачка, что-то гамулы сильно развозились, вон оногдась (недавно, на днях) так всколыхалось море, что мой товарищ Брюнча и теперь ловит тюленей за хвост на дне у Изменнаго камня...

— Ну что же, — спросил Ивашкин, — как тебе кажется?

— Худо, бачка! Надобно пообождать здесь несколько, а то, храни Бог, волнами захлещет. Пойти вытащить байдару на берег да привязать покрепче.

— А это кто плывёт? Ещё три байдары.

— А это, кажись, Чакач со своими детьми! Вишь, бачка, и они тоже вытаскивают байдары на берег. Да, теперь на воде страшно! Только и здесь, бачка, нельзя оставаться.

— Отчего так?

— А слышишь, как земля звенит под копытами лошадей? Тут, верно, пустое место, и буде зашевелятся гамулы, то как раз обрушится!

— Тонач заметил дельно! — сказал Ивашкин, обратившись к мичману. — Камчадалы по духу знают, где опасность. Поедемте далее, Виктор Иванович!

— От чего же эта пустота? — спросил Виктор.

— Вы видите, что окружающие горы почти все имеют вид огнедышущих. Мудрено ли, что горн их простирался и под этою горою. Таких мест, где примечается в земле пустота, в здешней стране весьма много.

Съехав с пустаго места, странники сошли с лошадей и опять обратили взоры на горелую сопку, из коей дым валил всё гуще и гуще, разстилаясь чёрною полоскою по движению ветра и закрывая багровое солнце, как бы подёрнутое гневом на Вселенную. По мере как вечерел день, начинало показываться в густоте дыма столба красное пламя, прорывавшееся змееобразными чертами. Но в то самое время, как Виктор и Ивашкин смотрели с тайным трепетом на сие грозное предвестие ужаснейшаго из явлений природы, Мария нечаянно встретила глазами предмет, ещё более поразивший ужасом её сердце. В конце долины из глубины леса выезжала толпа всадников, кои, казалось, приметя на горе наших беглецов, кинулись к ним во весь скак.

— Виктор! Кто это? — сказала Мария с ужасом на лице.

— Не знаю, моя милая! — отвечал мичман, также ужаснувшийся. — Но если это и погоня, то ещё мы постоим за себя. Теперь у нас есть по надёжному товарищу (он потряс ружьём)!

— Да, это точно погоня! — подтвердил Ивашкин, молча всматривавшийся до того в приближавшуюся толпу. — Я узнаю и начальника. Вон, видите, порывается наперёд всех. Видно, что адское нетерпение пожигает его душу!

— Но кто ж освободил его?

— Разве думаете вы, что один только Горбунов готов был искупить себе прощение ценою измены? Он изменил товарищам, мог изменить и другой!

— Но не понимаю, как они могли напасть на наш след?

— Весьма просто! Догадываетесь ли, кто трясется позади всех?

— Кажется, это мерзавец Сумкин!

— Так теперь вы видите, что я недаром хотел его оставить на виселице. Если бы он висел на ней, то не показал бы дороги злодею!

— Но как он мог это сделать?

— Ему стоило только указать первое место, где вас увидел, а тут уж камчадалы хоть кого выследят!

— Что ж нам делать теперь?

— Надеяться на Провидение! — отвечал старец со спокойною важною.

— Великий Боже! — воскликнула Мария, с ужасом наблюдавшая над преследователями. — Злодеи уже поднимаются на гору!

— Спасёт или нет нас Провидение, — сказал мичман в некотором изступлении, — но злодей, нас преследующий, падёт первый!

Положение сих несчастных было самое беспомощное. Побег на суше был невозможен, ибо дальнейший путь по горе пересекался ужасными рытвинами, а падь была покрыта тундрою. Тут и там можно было пробираться только самою тихою и осторожною ездою. Пуститься в море значило броситься на верную смерть, потому что признаки близкаго землетрясения, слишком хорошо затверженные камчадалами, были не подвержены сомнению. Но между тем как злополучные странники колебались в выборе средств, толпа, преследующая их, поднялась на гору и скакала вдоль по вершине во всю прыть, предводительствуемая бешеным злодеем. Мичман взвёл курок и, несмотря на убеждения Марии и увещания Ивашкина, стоял с поднятым ружьём, ожидая приближения начальника. Увидев сие грозное положение своего противника, злодей осадил вдруг лошадь саженьях в двадцати от своих жертв и также приложившись к ружью, вскричал с адскою яростию:

— Сдайся, или смерть!

— Смерть! — вскричал ужасным голосом мичман, прицелясь в изверга.

Оба они сделали одинаковое движение, и оставалось одно мгновение, чтобы свершиться величайшему из преступлений. Мария была почти без чувств, Ивашкин смотрел с ужасом, видя тщету своих слов, толпа, окружавшая злодея, также стояла в изумлении и бездействии, невольно сопровождающем единоборство. Наконец замки щелкнули, и что ж? По странной игре случая или по воле высшего существа, взирающего всегда отеческим оком на наши заблуждения, как бы то ни было, ружья обоих соперников дали вспышку. Казалось, и бездушное вещество устршилось ужаснаго дела, для котораго оно было избрано, но сердцу человеческому

в час ярости нет ничего страшного! Курки опять были взведены, опять насыпан порох на полку, опять ружья пришли в убийственное направление, но уже сама природа возстала против нарушения ея законов: ужасный, невообразимый удар пролетел под землю. Гора дрогнула в основании, всё дышавшее на ней встрепетало. И во всеобщем коловороте Вселенная человека ожидает не более как та же смерть, которую он вкушает иногда на мягком и спокойном ложе, но, несмотря на то, общее смятение, общий трепет природы, когда мнится, гнев Божий грядёт на преступную обитель человека и дух ярости его сокрушает грешную землю, в сии минуты человек содрогается, трепещет, замирает несравненно сильнее, нежели пред самую кончину в обыкновенное течение мира. Тогда как бы спадает мгновенно с глаз его завеса греха, сокрывавшаго от него истинное его отношение к Творцу, и величие Всемогущаго, равно и ничтожество пред ним виновной твари открывается во всей поразительной ясности. Вероятно, сие самое действие имел страшный глагол природы и на сражавшихся. Оба они опустили ружья и, казалось, забыли свою злобу. Однако ж едва устанилась земля, как опять ненависть вспыхнула и в сердцах, опять ружья были направлены, и вторичный сильнейший удар потряхнул гору с непостижимою силою, мгновенно низвергнул ея вершину в пустое недра, и глубокая пропасть разделила отца с сыном, готовых навести взаимно по смертельному удару. Густое облако пыли задёрнуло обе стороны пропасти и скрыло друг от друга противников. Между тем удары увеличились, и когда ветер пронёс пыль, пред глазами бывших на горе открылось зрелище вместе страшное и великолепное. Возмущённый в ложе своём океан с неизъяснимым рёвом и шумом то взбегал кипящими горами на сушу, то опять убегал на великое расстояние от берега и обнажал подводныя скалы, искони сокрытыя от пытливаго взора.

— Какое страшное зрелище! — говорил Ивашкин, глядя с ужасом на возмущение океана. — Смотрите: вон Три Брата (скалы, высунувшиеся из воды) едва теперь показываются из воды, а ведь они в обыкновенное время сажен на пятьдесят выше моря.

При новом ударе набежавший на землю океан опять схлынул и скрылся от взоров, снова обнажив подводные утёсы. Потом ещё раз то же повторилось явление. Казалось, взбунтовавшаяся бездна хочет ниспровергнуть свои границы и залить навсегда возвышающуюся над ней сушу.

Во всё продолжение этого страшного явления гора, на которой спасались от потопления и гонимые, и гонители, колыхалась как

волна, наводя неизъяснимый ужас на сердце. Вся окрестность была также в грозном движении: горы и леса волновались как море с глухим необъятным гулом, как падение многих рек. Нет слов, нет кисти, чтобы живо представить эту картину. Вся природа: и океан, и земля были в содрогании, в трепете, в ужасе. Это было, может быть, хотя и слабое, но верное подобие того страшного дня, когда погаснет солнце, померкнет луна, спадут звёзды с неба и силы небесныя поколеблются.

Но скорее могла успокоиться вся необъятная природа, нежели утихнуть ненависть и буйная страсть в сердце злодея. Видя, что землетрясение кончилось, губитель опять начал преследование.

— Казаки! — закричал он. — Долой с лошадей, обходи пропасть, лови мошенников!

— Попробуйте, злодеи! — кричал отчаянный мичман. — Каждый, кто отважится ступить на гору, заплатит за это жизнью!

— Послушайте, Виктор Иванович! — сказал Ивашкин. — Вы видели, что сам Бог предохраняет вас от преступления. Не искушайте более его благости!

— Разве вы хотите опять отдаться в руки злодея? Для чего же было и бежать нам?

— Нет, я не хочу отдаться ему, но теперь есть средство спастись и без пролития крови. Вы видите, что злодеям нельзя иначе напасть на нас, как только с этой стороны, между тем как мы тотчас можем достигнуть моря.

— И что ж тогда?

— Возьмём байдары и отдадимся на произвол Бога. Вы уже знаете, что Марья Алексеевна умеет ездить в байдарках, да и мне не учиться этому.

— Ах, Виктор! — вскричала Мария. — Не думай более, решайся: время дорого!

— Я на всё готов и думаю не о себе, а только о твоём спасении...

— Если так, то пойдём скорее! Пусть же поглотит нас море, по крайней мере, мы умрём вместе!

— Шевелитесь проворнее, изверги! — раздался вдали дикой рёв начальника. — Я вас всех перемерю в тюрьме, если упустите бунтовщиков!

Но как ни ярился злодей и как ни спешили его подчинённые, наши странники успели между тем достигнуть моря, ибо преследователи не могли прямо сойти на берег по причине почти перпендикулярного отвала горы на большое расстояние и должны были прежде спуститься на противоположную сторону и потом

уже подняться на вершину, где спасались гонимые. В сие время, достигнув берега, Виктор и Ивашкин проворно отвязали байдары, о которых нужно было Ивашкину сказать добрым камчадалам, притом давнишним его знакомым, только несколько слов, обещая впоследствии щедрое вознаграждение и представля опасность своего положения. Наконец байдары были спущены на море, бегущие сели — Виктор с Мариюю, Ивашкин один. Ветер дул с берега, волны стремились в море, и лёгкие челноки помчались как стрела по пенившимся их хребтам. Тогда прибежал на берег начальник.

— Разбойники! Злодеи! — закричал он в величайшем бешенстве на камчадалов, — как вы смели подать помощь бунтовщикам? Всех вас перевешаю!

Вслед за ним сбежались и казаки.

— Спихивайте байдары, — вопил начальник, — садитесь проворнее, гонитесь за мошенниками. Ловите, стреляйте, если не останутся, бейте их, топите, губите разбойников!

Между тем ветер, разыгрываясь более и более, подул с ужасною силою. Валы заходили горами, и убегающие челноки скрылись во глубине.

«Ха, ха, ха!» — раздался в сие мгновение дикой хохот на обвалившейся горе. Изумлённая толпа взглянула наверх. Там, на высунувшемся из обвалу камне, стояла цыганка, освещенная, как фурия, красным пламенем гаснувшей зари, с развевавшимися по ветру волосами.

— Ха, ха, ха! — кричала она с адскою радостью, указывая на исчезнувшие челноки. — Поздравляю, злодей: ты погубил своего сына!

— Что ты вопишь, злодейка? — вскричал начальник, вполонину разслушав крик цыганки, мешавшийся с шумом ветра.

— Поздравляю тебя, злодей, с радостью: ты убил жену, а теперь погубил сына!

— Замолчи, фурия, или я пришибу твой проклятый язык!

— Бей, но знай: это точно сын твой! Вот тебе доказательство (она бросила узелок)! Тут его рубашка, в которой я его украла у вас, тут его крест, который ты надел на него, снявши с себя, тут его ладанка, в которой вложена записка собственной твоей руки о его рождении...

Начальник схватил узелок, с нетерпением разорвал ладанку и с ужасом прочитал свою записку.

— Злодейка! Для чего ты не сказала мне это прежде?

— Изверг! Ты погубил мою молодость, ты убил мою жизнь. Я дала клятву отомстить тебе и сдержала её! Теперь веселись, если

можешь, сыноубийца! Вон твой сын! Вон погибает в волнах! Вон челнок опрокинулся, и твой сын, борясь со смертью, проклинает тебя, мучитель!

— Фурия! Замолчи! — возопил обезумевший преступник, ударив её из ружья.

Пуля просвистала мимо, и цыганка с новою злостию начала мучить его своею адскою речью, но он уже не мог слушать её. Бурные, тяжкия мысли потоком хлынули на его душу.

— Друзья мои! — кричал он, не помня сам себя. — Спасите меня от сыноубийства! Бегите, воротите его, возвратите мне сына!

В это время бежавшие челноки опять показались на поверхности валов, чуть-чуть чернеясь в отдалённости.

— Он ещё жив! — завопил терзающийся грешник. — Он ещё жив! Летите, воротите его! Горе мне, если я погублю его!

Несколько казаков проворно сели в оставшиеся байдары и бросились в море, отважно презирая жизнь и только думая о том, как бы исполнить волю своего начальника, сколько он ни был не достоин сего имени. Но чем они больше старались догнать бегущих, тем более сии последние употребляли усилий от них удалиться. Буря и ночь наконец поглотили их, и гибель несчастных совершилась: посланные воротились с этой вестию.

— Так он погиб! — вскричал начальник, разодрав на себе одежду. — Сын мой погиб от руки моей!... И вон, вон в облаках... Видите ли? Это тень жены моей!.. О как взор её пробивает мою душу и рвёт сердце! Слышите ли, как хохочет ад надо мною (в это время был слышен хохот цыганки)? Видите ли, как духи злобы стремятся на меня... О, скорее! Разорвите на части моё тело... Разступись земля и сокрой меня от мучений!

(Закалывается и упадает.)

...Лето сменилось зимою, зима летом. Опять наступила зима, и снова возвратилось лето. Боже мой! Как удивителен, непостижим этот вечный, несовратимый ход природы, стирающий, как пыль, на пути своём жалкия поколения людей. В течение века измират всё, жившее при начале его. И если иногда остаются на лице всей земли два-три человека, перешагнувшие за грань другого столетия, то что жизнь их? Неутолимая скорбь изгнанника, блуждающего в чуждой пустыне, безконечный ропот страдальца, горящего на развалинах родного пепелища! Настоящее поколение для них чуждо: одинокая душа летит в прошедшее, тщетно силится вызвать оттуда погибшие лики и, утомлённая, жаждет успокоения

в могиле. Да, столетие для целого поколения людей — есть предел непроходимый, и — ужасная картина! — всё младое, всё прекрасное, всё милое, всё дышавшее геройством и славою, всё блиставшее знанием и мудростью, всё гордившееся блеском величия и могущества — все, от царя до последнего раба его, встретившие первый день столетия, лежат в последний распостёртые в гробах, преданные смерти и тлению! Такова судьба целых поколений, а чтобы измениться одному человеку — много ли надобно? И между тем природа течёт безмолвно и несократимо, совершая свои роковыя круговращения!

Таким образом, в два года, протекшие со времени происшествий, нами описанных, с лицами, действующими в нашей повести, случилось весьма многое. Самая смерть не забыла собрать своей дани.

Три новые креста чернелись близ одинокаго дерева, осенявшаго славную могилу Клерка. Над одним из сих памятников, рано поутру в ясный летний день стоял человек довольно высокаго роста, кроткой и важной физиономии, погруженный в глубокую думу.

— Бедная Ольга! — сказал он наконец, тяжело вздохнувши, — когда я смотрел на тебя во дни юности, в то время, когда ты, исполненная жизни, была и мила и прекрасна, мог ли я тогда думать, могла ли вкрасться в ум мой эта страшная мысль, что пройдёт несколько лет, и я буду поспирать твой прах, заброшенный в дикую пустыню? Вот что сделали с нами люди!

Незнакомец слова умолк. Казалось, думы его становились мрачнее и мрачнее, ибо черты лица его, постепенно изменяясь, приняли выражение величайшей скорби. По некоторым от времени до времени вырывавшимся словам можно было заключить, что сердце его было исполнено страшнаго ожесточения против людей, но, несмотря на сие, это был человек, самый расположенный ко благу других, свойство, давно подмеченное в так называемых мизантропах. Ревизуя Камчатку (нужно ли объяснять, что это был ожидаемый ревизор?), он не старался отличиться пред начальством преувеличением своих изысканий в открытии злоупотреблений, но, напротив, стараясь смягчить преступления виновных, поставил начальство на настоящую точку зрения, с которой надлежало их разсматривать как следствия невежества и превратных понятий. Дело Тенявы было главное, на которое ревизор обратил своё внимание. Признание Сумкина, показания казаков, слышавших покаяние фельдшера, отзывы приказных, бывших свидетелями раскаяния дьячка, наконец, удостоверение Хапилова — были достаточным основанием к оправданию мичмана и протопопа. Следствие было представлено в Иркутск, а до

разсмотрения онаго и до приезда новаго начальника ревизор должен был управлять Камчаткою. Время управления его было общим праздником сей страны. Наконец настал день его отъезда, и, посещая часто драгоценную для него могилу, он пришёл пролить все послѣднія слёзы и сказать незабвенному праху вечное прости. Размышления его были прерваны приближением Хапилова.

— Василий Михайлович! — сказал сей послѣдній, придя нарочно для того, чтобы помешать мрачной меланхолии ревизора, любившаго часто предаваться мечтанию и тоске, разрушавшей видимо его слабое здоровье. — Василий Михайлович! Начинается ветер с земли, и капитан спешит отправляться...

— Это вы, Евгений Петрович! — отвечал ревизор, как бы проснувшись от усыпления. — А я замечтался здесь. Прошедшее так столпилось в душе и все минувшія огорчения так живо представились уму над этою могилою!

— Что делать? Горесть есть общий жребий людей!

— Меня терзает не моя участь. О прошедшем бедствии уже сетовать нечего, но та мысль, что люди, долженствующие быть агнцами, обратились в тигров! Вот перед нашими глазами чья могила? Адскій дух, получившій власть над подобными себе, мог ли бы управлять с большею лютостию?

— Но злые необходимы в мире. Если бы не было их, мы не знали цены добродетельным. Если бы не было Антона Григорьевича, Камчатка не могла бы чувствовать в полной мере выгод добраго управления, какими пользовалась она во время пребывания вашего...

— Я исполнял свой долг, и об этом ни слова! Но не лучше ли было бы, если бы все начальники думали только о выполнении своих обязанностей, о благе страны, вверенной им от престола?

— Василий Михайлович! Вам известно: я много терпел от Антона Григорьевича и безукоризненно могу говорить об нём всё. Но я должен сказать, что и во время его управления много было сделано полезнаго: города получили лучшее наружное устройство, исправлены дороги, и там, где вовсе не возможно было проезжать, проложены пути весьма удобные, в присутственных местах водворена чистота, порядок, устройство...

— Я не осуждаю этого. Это прекрасно и необходимо. Но главнейшее дело всякаго начальника — благо народа, облегчение его нужд, призрение сирот, защита невинному и наказание виновному, вообще — кротость, снисходительность, человеколюбие, правосудие...

— Но чтобы всё это выполнить и не падать — надобно много иметь силы в душе!

— Антон Григорьевич имел её довольно, но, к несчастью, он обратил её не на добро. Человек злой и глупый ещё не опасен. Он легко падает сам в яму, приготовляемую для других, но умный и злой!.. О как трудно избирать людей для управления вдали от правительственного взора!

— Но теперь жребий Камчатки, слава Богу, переменился: нынешний начальник, как кажется, человек умный и добродетельный...

— Да, правительство, бдительно заботящееся о благе здешней страны, нарочно избрало его, дабы залечить прежние раны. Он давно известен своею справедливостию, умом и усердием...

— Жаль, что глаза мои не увидят уже благоденствия моей родины!

— Не жалейте! Наше отечество — вся Россия, и благоденствие самой отдалённой от Камчатки области должно вас столько же занимать, как и родины! В Иркутске вам принадлежит лучшее поприще, и с вашим умом и честностию, я надеюсь, вы проложите себе прекрасную дорогу... Однако ж мы заговорились. Ветер крепчает, и в самом деле нам пора отправляться... Что же наши спутники? Ивашкин не едет?

— Нет! Он уж свыкся с Камчаткою и не хочет её оставить. В первые минуты по объявлении ему прощения он порывался было мыслями на родину, но потом сказал сам себе: «Что я мыслю, безумный? Для чего мне возвращаться туда? Чтобы видеть могилы моих друзей и родных? Печальное утешение! Нет, время уже прошло, и теперь, где лягут мои кости, всё равно!» После этого он твёрдо решился остаться здесь и отвергнул все убеждения Виктора Ивановича и Марьи Алексеевны.

— А правда ли, что они берут с собою безумного дьячка?

— Они это делают из сожаления к нему. Когда он был не в своём уме, и тогда был человек совершенно пропащий, а теперь, помешавшись, должен здесь погибнуть с голода...

— Вот следствие пустаго мудрования! Толкуя о вещах, не постижимых для разума, человек может попасть только на две дороги: или сойти с ума, как Шайдуров, или подвергнуть сомнению и попортить всё священное... О какое было бы счастье, если бы наше отечество, принимая просвещение от запада, могло отделять для себя одно только полезное и не допускать на русскую землю этого проклятого вольнодумства!

— По моему мнению, вольнодумство есть то же, что злодеяние...

— И одно из величайших! Грабитель, разбойник, убийца наносит вред частный, причиняет зло одному или только нескольким

лицам, а вольнодумец, подкапывая основание веры и престола, погубляет целое царство. И между тем...

— Часто наслаждается и славой, и честью, всеми выгодами жизни, как, например, какой-нибудь Вольтер?

— А разбойник бежит в леса и, влача жизнь в нищете, в бедствии, в страхе, погибает наконец на эшафоте, или гибнет без места, подобно цыганке!

В сие время показались вдали Виктор и Мария, шедшие также на кладбище. На лицах их была написана печаль, но не скорбь, ибо жребий их переменился, а к утрате, понесённой ими, сердца их уже начали привыкать. Мичман остановился при могилах отца и матери. Мария подошла к третьей: тут лежал ея дед.

— Мария! — сказал мичман, смотря на лившиеся из глаз ея слёзы. — Ты оплакиваешь того, кто провёл жизнь добродетельно, умер как христианин на руках твоих и кого в вечности ожидает блаженство праведных, а я?.. Вообрази, как должно раздираться моё сердце, когда я смотрю на эту могилу! О Боже мой! Это был мой отец, несчастный отец... убийца моей матери!

— Виктор! Божие милосердие неизмеримо: ты знаешь, что разбойник, умерший на кресте...

Виктор не отвечал ни слова. Он не плакал, но сердце его было стеснено ужасно.

— Успокойся, Виктор. Если наш отец был более виновен перед кем, то пред нашею матерью, а этот ангел, верно, простил его и, может быть, у престола Всевышняго молит сам о спасении его души...

— О, друг мой! — воскликнул мичман, прижав Марию к своей груди. — Как ты умеешь облегчать моё сердце!.. Да, мать моя была ангел на земле, и она точно простила ему... Прости, прости ему, — повторял Виктор, залившись слезами и став на колена над могилою начальницы, — прости ему, небесный дух моей матери!

Раздался пушечный выстрел: это был сигнал с корабля, готовящегося к выходу из гавани. Мичман отёр слёзы и, подняв руки к небу, сказал с глубочайшим чувством:

— Там увидимся!

В сие время ревизор и Хапилов, скрывшиеся за деревьями, дабы не мешать изливаюнию чувствования Виктора и Марии, услышав выстрел, также вышли из лесу и вместе с ними пошли к гавани. На берегу стоял Ивашкин, с глубокою печалию смотря на приготавлиющийся корабль. Мичман и Мария кинулись в его объятия и залились слезами. Старик сам плакал, как ребёнок, но был непреклонен к их убеждениям.

— Аркадий Петрович! — говорил мичман. — Мы вам всем обязаны. Вы освободили нас из темницы, дали средство спастись от гонения и были нашим ангелом-хранителем во всё время нашего странствования. Без вашей опытной помощи, без вашего знакомства с дикими обитателями Анадыра, занесённые бурейю на его бесплодный и дикой берег, как бы мы могли спастись от неизбежной гибели? Словом, наша жизнь, наше счастье — всё ваше, и чем же мы вознаградим вас за это? Убедитесь нашими слезами! Вы заступите нам место наших родителей, мы употребим все усилия, все средства, всё достояние, чтобы успокоить вашу старость, чтобы усладить последние дни вашей жизни...

— Согласитесь, — присовокупила Мария, почти рыдая, — пожалуйста, согласитесь, Аркадий Петрович! У вас здесь нет никого. Мы заменим вам родных, друзей, мы будем вашими детьми, самыми нежными детьми...

— Полноте, перестаньте, дети мои! — говорил старик, задыхаясь от слёз. — Ехать с вами мне уже нельзя. Эта пора прошла давно, и темница моя сроднилась со мною. Так не отягчайте моей разлуки с вами, вы видите, я сам плачу, как дитя!

Ещё раздался сигнал с корабля. Ивашкин вырвался из объятий Виктора и Марии и пошёл скорыми шагами по берегу с намерением взобраться на прибрежный холм с восточной стороны. Между тем корабль, распустив паруса, выступил из Петропавловской гавани и, пересекая волны, быстро понёсся по протяжению губы Авачинской. Виктор и Мария, стоя на палубе, не сводили глаз с рокового холма, где стоял старец, подпершийся на посох и освещённый утренним солнцем. Несколько раз они махали платком, старик отвечал наклонением головы. Но холм всё более и более тонул в отдалённости, фигура стоявшего на нём человека, теряясь постепенно, едва уже сохраняла своё очертание, потом слилась в одну чёрную точку, наконец, совершенно смешалась с синевой воздуха и исчезла навсегда! Не так ли исчезает и память людей в глубине времени?

Завершают рубрику «Камчатская историческая библиотека» публикации автора, который её некогда открывал в первом выпуске «Вопросов...» (с. 104—149), — известного камчатского общественного деятеля и учёного второй половины 1910-х — начала 1920-х гг. А. А. Пурина. Первая часть воспроизводимых ниже его воспоминаний была опубликована в вышедшем в Праге основном русскими эмигрантами журнале «Вольная Сибирь» № 2 за 1927 г., вторая — в № 6—7 этого же издания за 1929 г.

А. А. ПУРИН

В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ В ОХОТСКО-КАМЧАТСКОМ И ЧУКОТСКО-АНАДЫРСКОМ КРАЕ (1917—1918 гг.)

Пурин Александр Антонович родился в 1885 г. в г. Валк (Лифляндия) в бедной крестьянской семье. Трудиться начал в десятилетнем возрасте после смерти родителей. Окончил Санкт-Петербургский электротехнический институт, назначен метеорологом в Петропавловск, куда прибыл в июне 1910 г. В 1915—1918 гг. заведовал Петропавловской сейсмической станцией. Проявил склонность к научной работе, занимался изучением извержений вулканов и землетрясений, печатался в местной газете «Камчатский листок», редактировал газету «Камчатский вестник». Видный камчатский администратор и общественный деятель, стоял у истоков местного самоуправления. В 1917 г., после падения монархии, избран членом Камчатского областного комитета, затем стал его председателем. Летом 1919 г. назначен заведующим гидрометеорологической частью Владивостокской морской обсерватории. В 1922 г. — член Особого совещания по культурно-экономической помощи населению Камчатки при Временном приамурском правительстве, затем руководитель канцелярии последнего начальника Камчатской области досоветского периода генерала П. М. Иванова-Мумжиева. 2 ноября 1922 г. покинул Петропавловск в преддверии занятия его красными партизанами. В эмиграции жил в Китае (Циндао, Шанхай), являлся активным деятелем сибирского областничества, представителем совета уполномоченных организаций Автономной Сибири в Циндао, был членом Бюро по делам российских эмигрантов. Автор ряда научных работ, инициатор издания юбилейного сборника в память 200-летия со дня основания Петропавловска. Арестован в Китае в июне 1952 г., доставлен в СССР, находился под следствием в Хабаровском управлении МГБ по обвинению в антисоветской деятельности. 10 августа 1952 г. умер в тюремной больнице. Похоронен на городском кладбище в Хабаровске.

Реабилитирован в 1999 г. по инициативе В. П. Пустовита, тогда директора Центра документации новейшей истории Камчатской области. Более подробные сведения о А. А. Пурине приведены в девятом выпуске «Вопросов...» на с. 474—477.

Часть 1

Этапы тех событий, кои переживал наш Крайний Северо-Восток в дни великой российской революции, заслуживает некоторого освещения, тем более что в этом направлении не сделано пока никаких попыток.

В настоящем очерке я имею в виду дать усиленную характеристику этим событиям, живым участником и свидетелем которых я являлся, подкрепляя изложенное уцелевшими при бегстве от большевиков документами. Моя цель: быть кратким, беспристрастным и искренним во всём том, что не изгладилось пока из памяти и что прошло незаметно для других.

Однако прежде чем говорить по существу вопроса, я полагаю не бесполезным предпослать несколько слов о прошлой жизни Камчатки, которая в историческом и духовном своём развитии делится на несколько периодов.

Первый период с 1695 по 1773 г. — период кровавый. С одной стороны завоеватели-казаки и вольные люди — купцы, с другой — наивные дети природы — инородцы ведут постоянную и неравную борьбу. Преследуя материальные выгоды, завоеватели выжимают последние соки у инородцев — вот почему и до настоящего времени с именем «русский» связывается здесь представление об ужасном страдании и горе.

Второй период обнимает время с 1773 по 1855 г. Это период то культурного развития, то рабского унижения, в зависимости от лиц, стоявших во главе управления краем. Если правителем был человек просвещённый, строились школы, больницы, церкви, насаждалось земледелие, скотоводство, отношение к инородцам как к людям добрым и наивным было гуманное, жизнь входила в нормальное русло, восстания прекращались. Но что насаживал один, то другой без угрызения совести уничтожал и разрушал. Несмотря, однако, на это инородцы к России привязывались и доказали свою преданность в 1854 г., когда горсть русских моряков и камчадалов под командой адмирала Завойко отразили нападение на порт Петропавловск соединённой англо-французской эскадры. В этот момент, момент наибольшего культурного развития Камчатки, центр управления переносится в Николаевск-на-Амуре, и интересы правительства сосредотачиваются на Приамурском и Уссурийском крае, а Камчатка, на которую было затрачено много энергии, труда и материальных средств, погружается в полувековой сон, обращая свои взоры то к Америке, то к Японии, то к России.

С 1910 г. жизнь Камчатки вновь начинает биться усиленным темпом. Она выделяется в самостоятельную единицу — Камчатскую область, с территорией, превышающей Германию и Францию, взятых вместе. Единственной её сухопутной границей, отделяющей её от Якутской области, служит Становой хребет, с востока же, севера и юга она граничит с Ледовитым океаном, Беринговым морем, Тихим океаном и Охотским морем. В административном отношении область была разделена на шесть уездов: Охотский, Гижигинский, Петропавловский, Анадырский, Чукотский и Командорский. Во главе уездов стояли уездные начальники, объединявшие в своём лице власть административную, полицейскую и общественную. В Охотске, Гижиге и Петропавловске действовали поселковые управления, сельское население управлялось на основании особой инструкции, утверждённой приамурским генерал-губернатором 25 мая 1914 г. Все правительственные, общественные и культурно-просветительные учреждения содержались за счёт казны.

При незначительной части русских и иностранцев область населена инородцами монгольской расы и тюркского племени: алеутами, айвуанцами-коряками, тунгусами, юкагирами, якутами, поээками, камчадалами и потомками бывших завоевателей Камчатки — казаками.

В 1916 г. в области насчитывалось до двухсот населённых пунктов, в коих проживало свыше тридцати шести тысяч человек. Помимо этого населения в область наезжает ежегодно на рыбные промыслы до двадцати тысяч японских и пяти тысяч русских рабочих. Значительная часть последних нередко остаётся в крае зимовать и хищничать в богатых ценным зверем заповедниках и золотоносных районах, представляя чрезвычайно вредный для края элемент.

Инородцы делятся на оседлых и кочевых. Первые живут небольшими поселениями, вторые ведут бродячий образ жизни и с табунами своих оленей перекочёвывают с места на место. Большинство населения давно исповедует православную веру, однако в крае имеется немало и таких инородцев, которые не знают ни православной веры, ни русской речи, говорят на разных непонятных друг для друга наречиях и только смутно сознают свою принадлежность к России. Являясь первыми засельщиками Крайнего Северо-Востока, некоторые племена, например чукчи, не считают себя покорёнными, но добровольно признавшими над собою власть «белого царя», которому они ежегодно отправляли подарок в виде ясака.

Свыше двухсот лет тому назад русские вольные люди в своём поступательном движении овладели Камчаткой, обложили инородцев данью, заняли все удобные для сельского хозяйства, рыболовства и звероловства места и стали с тех пор над ними господствовать. Здесь, на далёкой окраине, каждый эксплуатировал и теперь эксплуатирует инородцев. На беспросветное существование, обнищание и вымирание инородцев никто не обращал внимания. В недавнем прошлом голод доводил их нередко до того, что, например, в 1890 г. якуты питались сосновой корой и мясом палого скота. В 1906—1907 гг. ламуты и юкагиры убивали свои семьи и питались их мясом. Население Чукотского полуострова в годы голода питалось мясом околевших собак, ремнями, кожей, кусками одежды и даже экскрементами людей. (В 1926 г. в Чукотско-Анадырском крае был сильный голод, вновь повлекший за собою людоедство.)

Тунгусы и теперь питаются мясом белки и лисицы, и нет ничего удивительного, когда изголодавшееся население Нижнеколымска встречает хищническую шхуну с крестным ходом, ибо она везёт муку, порох, свинец, чай, ситец — весь несложный, но жизненно необходимый ассортимент товаров, которые вымениваются на ценную пушнину. У кого пушнины нет, тот отдаёт в заклад отбросам Америки жён и дочерей, коих выбрасывают на ближайшей стоянке, как ненужный инвентарь.

Не имея своих посевных полей, своих заводов и фабрик, своей фабрично-заводской промышленности, не имея ничего, кроме неисчерпаемых даров природы, Камчатская область, в частности Анадырский, Чукотский и Колымский край, получают всё необходимое из Америки и Японии из третьих, а иногда и из десятых рук. И Владивосток лишь в некоторых случаях является посредником, взимающим за это комиссионную плату. Все областные доходы до сих пор поступали во Владивостокское казначейство и шли на нужды соседних областей, на долю Камчатской области перепали крохи, далеко не достаточные для удовлетворения её минимальных потребностей, с чем постоянно боролись власти.

Основой экономического благополучия населения являются охота, рыболовство и оленеводство. Разработка богатейших золотосодержащих районов находится в зачаточном состоянии и производится исключительно хищниками. Продукты охоты почти полностью продаются, давая населению средства на приобретение всего необходимого для жизни. Рыбная ловля имеет меньшее промышленное значение, так как продукты рыболовства идут на собственное

пропитание населения и главным образом на прокорм ездовых собак. Ещё меньшее значение имеет оленеводство. Оленеводы Крайнего Северо-Востока совершенно не знают промышленной эксплуатации своих табунов, и на сторону сбывается лишь незначительное количество оленьих шкур в виде меховой одежды и обуви. Нельзя не упомянуть ещё о скотоводстве и огородничестве. Значение этих отраслей сельского хозяйства хотя и второстепенно, однако эти занятия, несомненно, имеют будущность. Сейчас на Камчатке нельзя себе представить жителя деревни, не занимающегося охотой и рыбной ловлей, и, наоборот, большинство сельских жителей не имеют ни одной скотины и ни одной сажени огорода. Доходность среднего обывателя определяется в несколько тысяч рублей в год, но встречаются охотники, зарабатывающие в сезон (за три месяца) до десяти тысяч рублей.

До революции, когда жизнь на Камчатке была несравненно лучше, чем теперь, оказывалось трудным привлечь достаточный и удовлетворительный контингент служащих, несмотря на высокие оклады и привилегию службы. Создавшиеся в последние годы условия вызвали отлив интеллигентных работников, в результате чего многие учреждения совершенно закрылись. Даже в Петропавловском уезде на протяжении многих сотен вёрст нет ни одного ветеринара. Между тем, казалось бы, что для населения, имеющего свыше двухсот тысяч оленей, ветеринарная помощь была бы очень нужна. Казалось бы, что и работа агронома была бы полезна, хотя бы в долине реки Камчатки, посылавшей когда-то продукты земледельческой культуры на выставки. В Гижигинском уезде нет ни одной действующей школы, нет даже фельдшерского пункта. Ещё хуже обстоит дело в Чукотском и Анадырском уездах. Телеграфные линии и радиостанции частью развалились, частью разрушены, единственная на область Петропавловская лечебница прозябает, продовольственные склады разграблены. Пользуясь всеобщей разрухой, иностранцы беспрепятственно разрабатывают золотые прииски и создают торговые фактории, осторожно, но верно осуществляя политику мирного завоевания Крайнего Северо-Востока.

Я не ошибусь, если скажу, что инородцы сейчас больше тянутся к Америке, чем к России. Первая доставляет им хотя бы продукты, вторая кроме горького прошлого и ещё более горького настоящего инородцам ничего не дала. Те же инородцы, которые бывают на Аляске и видят жизнь своих сородичей, во многом отличную от своей, нередко переезжают на новую родину. Чукчи

забывают первые шаги русской культуры, и многие из них свободно говорят по-английски. Нужны немедленные меры, чтобы остановить эту тягу инородцев на Аляску...

1917 г.

Первые известия о революции были получены в Петропавловске через Охотск 1 марта, днём. Вести эти носили крайне неопределённый характер, почему я (автор в то время являлся военным цензором) вынужден был телеграммы задержать и сообщить их содержание в Главную военно-цензурную комиссию. В ту же ночь штаб военного округа предписал мне пропускать всё беспрепятственно. Во все последующие дни и ночи радиотелеграф был буквально завален распоряжениями и информацией из Петрограда, адресованными не существовавшим в крае учреждениям и органам местного самоуправления. Все эти распоряжения доставлялись губернатору, которого вновь образовавшаяся в центре власть старалась обходить. На следующий же день исполняющий должность губернатора А. Г. Чаплинский опубликовал все информации и манифест об отречении от престола государя императора.

4 марта в Петропавловском соборе был отслужен молебен, после которого губернатор обратился к присутствующим с речью, призывая объединиться вокруг Временного правительства и помочь ему материальными средствами, столь необходимыми для продолжения героической борьбы с Западом. Население горячо откликнулось на этот призыв. Несли деньги, золото, серебро, пушнину, золотые изделия, несли ордена, медные и золотые кресты, кольца, браслеты. Каждый отдавал, что мог, для спасения Родины.

В первые дни подъём был необычайный. Всем хотелось верить в лучшее будущее, однако все чувствовали себя как-то неловко, особенно после известия об аресте царской семьи. Казалось, что в свободном государстве, при наличии бескровной революции, не должны иметь место никакие насилия.

В Камчатской области не было ни политических партий, ни политических заключённых. Нескольким лицам, мирно проживавшим здесь на правах ссыльнопоселенцев, была объявлена правительственная амнистия, и освобождено из тюрьмы двое лиц, отбывавших наказание по приговору суда за незначительные проступки.

Управление областью по-прежнему оставалось в руках губернатора, по почину которого было созвано общее собрание граждан для выбора комитета общественной безопасности. На первом же

собрании по адресу областной администрации раздалось несколько голосов, что им здесь не место. Выпады эти не оказали ожидаемого воздействия на слушателей, так как население сжилося с властью, знало её положительные и отрицательные стороны и никогда ничего дурного от неё не видело. Впоследствии оказалось, что выступавшие лица вскрыли опечатанные склады спиртных напитков и под влиянием последних сочли себя за политически пострадавших. Один из вновь выплывших политических деятелей, по уверению помощника начальника уезда, года три тому назад сидел в Вологодской тюрьме за кражу хомутов; вскоре с Камчатки он выехал и впоследствии занимал в Хабаровске видный пост советского комиссара.

8 марта был избран комитет общественной безопасности. В состав его вошли: член окружного суда К. А. Емельянов, начальник почтово-телеграфной конторы Н. А. Королевич, местные жители В. И. Артюхин, Н. Н. Селиванов, Удалов, агент Добровольного флота Н. Д. Голубецкий, чиновник окружного суда Ганцев, доверенный фирмы «Чурин и К°» Дьяконов, бухгалтер Дубовицкий, областной агроном И. Д. Добровольский, инспектор училищ П. Я. Суслык, заведующий сейсмической и радиотелеграфной станциями А. А. Пурин и бывший член Второй Государственной Думы социал-демократической фракции И. Ф. Голованов. По сформировании комитета таковой принял звание областного, о чём было донесено правительству и сообщено по области.

Комитет занялся исключительно хозяйственными вопросами края. Весь административный аппарат оставался в руках прежней власти, и никаких разногласий между нами не возникало. Многим из нас казалось, что до созыва Учредительного собрания никакой ломки быть не должно. Наша задача должна была состоять в подготовке для законодательного учреждения законопроектов о местном самоуправлении, но в этом мы ошиблись. Ближайшие события свалили на наши плечи всю тяжесть управления областью.

Несмотря на то, что комитет был избран почти единогласно, всем населением города, из числа лучших её людей, по адресу его с первых же дней стали раздаваться нарекания, так как он не мог потворствовать противозаконным требованиям отдельных лиц, у которых в прошлые годы была конфискована хищнически упромышленная в заповедных местах пушнина и орудия лова. Лица эти по приговору суда отбыли уже наказание и требовали теперь компенсации в виде возвращения оружия, зачисленных в доход казны денег и т. п. На предложение коми-

тета обратиться в суд отвечали отказом и угрозой рассчитаться. Это не обещало ничего хорошего.

Ввиду вызывающего поведения отдельных лиц начальником гарнизона ротмистром Иеропес ещё 6 марта было выпущено объявление с призывом к порядку и спокойствию. В объявлении говорилось, что правопорядок будет поддерживаться силой оружия. Лояльность команды и коренных жителей области давало, видимую опору власти.

С упразднением института жандармской полиции Камчатская жандармская команда подлежала расформированию, поэтому было возбуждено ходатайство о переименовании её в местную команду, каковое ходатайство правительством было удовлетворено. Порядок службы и личный состав команды остался прежний. Многие из членов её в качестве добровольцев вскоре отправились на театр военных действий, многие погибли в июньских боях на Западном фронте. В конце марта правительство предложило заменить губернатора выборным комиссаром и ввести повсюду демократические органы местного самоуправления. А. Г. Чаплинский вышел в отставку. Взамен его был избран областным комиссаром К. А. Емельянов, помощником его И. Д. Добровольский, председателем комитета А. А. Пурин.

Известия о государственном перевороте почти одновременно сделались и достоянием области. Иностранческое население отнеслось к ним безразлично, но приезжий элемент и переселенцы истолковывали события по-своему и по-своему же стали «углублять революцию».

Так, в селении Палана были собраны и публично растоптаны все царские портреты. В Наяхане иеромонах Алексей объявил себя пожизненным защитником, ходатаем и представителем иностранцев пред правительством, на каковой пост он будто бы был избран пятью тысячами коряков. Этот же самый иеромонах долгое время безобразничал в Гижигинском уезде, не подчиняясь ни духовной, ни светской власти, и причинял всем массу хлопот. Оседлое население постоянно на него жаловалось. То он выгонял из церкви не угодивших ему лиц, то отказывался хоронить бывшего сельского старосту, труп которого в продолжение двух недель оставался без погребения, пока шла переписка. Подобного рода поступками и неподчинением архиепископу он довёл до того, что областной комиссар и комитет вынуждены были отдать приказ об аресте и высылке иеромонаха Алексея во Владивосток в распоряжение духовной власти, что, к великой радости населения, и было сделано.

На посту Ново-Мариинском с момента переворота был взят под контроль, а затем и арестован уездный начальник г. Царегородцев. В конце июня в сопровождении толпы хищников человек в семьдесят он был доставлен в Петропавловск как государственный преступник, где потребовали публичного над ним суда. По рассмотрении прокурором многих томов обвинительного материала, оказалось, что вся вина г. Царегородцева заключалась в том, что в дореволюционные годы он запрещал хищникам и спекулянтам спаивать и обирать инородцев и хищничать в пределах стовёрстной полосы. По освобождении из-под опеки разбойничьей шайки последняя начала угрожать самосудом комитету и Царегородцеву. Не встречая поддержки со стороны воинской части и граждан города, толпа выехала искать правосудия во Владивосток. За время своего пребывания во власти самочинного анадырского «Народного совета» г. Царегородцев подвергался бесконечным оскорблениям, унижениям и обыскам вплоть до раздевания. Анадырские хищники во главе с Кашириновым весь март и апрель заваливали «доблестного Родзянку» телеграммами самого нелепого содержания, не считаясь с областной властью, с которой первое время даже не желали сноситься. Эта самая группа в декабре 1916 г. посылала верноподданнические телеграммы государю императору и министрам с жалобами на Царегородцева, обвиняя последнего в политической неблагонадёжности и в неуважении к портрету наследника, вблизи которого была подвешена шкурка белого песка. Эти жалобы вызвали расследование, которое так и не было закончено.

Охотский уездный начальник был отстранён в конце марта, и власть автоматически перешла в руки уездного комитета и комиссара Панова, избранного из числа горнорабочих. Последний, хотя и был малограмотен, но всё же долгое время поддерживал порядок и авторитет власти. В начале июня в Охотск прибыло много новых лиц, которые посеяли вражду между горожанами и инородцами. Первые лишили вторых земельных прав и продовольствия и совершенно не желали считаться с нуждами и чаяниями инородческого населения. Инородцы в свою очередь стали настойчиво требовать отвода речных рыболовных участков и допущения их представителей в Охотский уездный комитет. Нас беспрерывно запрашивали: «Какие меры приняты правительством и областной властью для защиты интересов тысячных инородцев, и почему приезжий элемент пользуется большими преимуществами, чем исконные хозяева края?» Антагонизм с каждым днём усиливался и привёл в конце концов к образованию инородческой управы

на новом устье в пяти верстах от Охотска. Таким образом, в одном городе образовались две власти, не признавшие друг друга.

Для урегулирования взаимоотношений и разрешения назревших вопросов в середине июня в Охотск выехал областной комиссар Емельянов. Однако приезд его только ухудшил положение. Он не учёл момента и настроений. Недурной оратор, юрист по образованию, он имел неосторожность выступать на митингах с демагогическими речами, результатом чего явилось образование нового учреждения, именовавшегося «Охотским горным коллективом», и захват оборудованных золотоносных приисков Кольцова и Фогельмана вблизи Охотска. Владельцы приисков присылали ряд телеграфных жалоб на областного комиссара, разлагающе действовавшего на рабочих. Но что могла сделать общественная власть за две тысячи вёрст? Были посланы телеграммы господину Емельянову с требованием вернуться в Петропавловск, было разъяснено, что никаких национализаций и отчуждений быть не может, предлагалось захватчиков привлечь к ответственности. Прииска как будто вернули, над владельцами их учредили контроль, но вскоре они были вновь захвачены коллективом, и уже безвозвратно. Областной комитет отнёсся к действиям областного комиссара слишком строго и потребовал от Временного правительства замены его другим лицом.

События в крае стали быстро развиваться, и не было средств удержать их стремительного натиска. Примерно в это же время в Петропавловске взбунтовалась Камчатская казачья команда, потребовавшая упразднения казачества и увольнения казаков от службы. Казаки заявляли, что они не прочь нести службу государству, если они нужны как военная сила, но отбывать таковую при данных условиях они более не в силах. Заместитель областного комиссара вынужден был отдать приказ о роспуске казаков.

Нельзя не отметить, что с нуждами камчатских казаков до сих пор никто не считался. Их нередко призывали со школьной скамьи, отрывали от семей, где иногда имелся только один мужчина, что приводило к полному разорению и обеднению казачьих семейств. Военной службе они не обучались и несли обязанности полицейских, вахтёров и вестовых. К присяге их не приводили. Служба их не обеспечивала. Получая от казны крайне неаккуратно по восьми рублей в месяц, казаки должны были иметь свою одежду, обмундирование, пищу и содержать на это и свои семьи, что при дороговизне камчатской жизни заставляло их влачить полуголодное существование. Камчатские казаки всегда являлись

посмешищем и ни в ком не встречали сочувствия. Об их существовании давно забыло Министерство внутренних дел, к которому они были причислены. Бесправное отношение начальствующих давно приводило казаков в отчаяние. Служба их продолжалась до полного *изношения*. Отпускали их домой стариками, не способными к труду, без всяких средств, и нередко доканчивали они свои дни в самодельной землянке, питаясь подаянными односельчан.

Временное правительство отнеслось безразлично к донесениям областного комиссара о казаках, хотя последние и просили перечислить их в милицию со всеми правами и привилегиями, ей присвоенными. В Петрограде в это время не думали о тревожном положении на Крайнем Северо-Востоке. Там издавали порою несуразнейшие акты. Как на курьёз законодательного творчества укажу на следующий пример. В один из майских дней по телеграфу был получен закон «О введении в Командорском уезде управления тайонами». Составители закона или не знали, что такое «тайон», или же не имели никакого понятия о Командорском уезде, состоящем из островов Беринга и Медный. Закон этот ни в каком случае не мог быть приложен к жизни, так как всё население островов поголовно грамотно, давно живёт оседло и даже в дореволюционные годы имело сельское управление. Тайонами в 1917 г. управлялись лишь редкие кочевые племена Крайнего Севера. Подобное же распоряжение было получено в июле. Центральное правительство признало необходимым временно закрыть все границы и распространило это на Камчатскую область. Для осуществления подобного мероприятия потребовалось бы несколько сот охранных кораблей и сотни тысяч войск. Ни того, ни другого на Камчатке не было. Переписка по этому вопросу длилась с неделю, и наконец распоряжение было отменено. Всё это указывает, что у центра не было ни знаний, ни административного опыта в деле управления окраинами.

В середине апреля в г. Петропавловске был созван уездный съезд для разрешения вопросов рыболовства и охоты. Основанием для этого послужило ультимативное требование населения долины реки Камчатки закрыть рыбоконсервные заводы Демби и Бирича в Усть-Камчатске, благодаря которым население долины из года в год терпит голодовки, так как рыба весьма интенсивно вылавливается в устье реки. Одиннадцать сельских обществ неоднократно ходатайствовали пред областной и краевой властью о закрытии заводов и посылали даже делегатов к приамурскому генерал-губернатору, но вместо обещанного удовлетворения ходатайств

оказалось, что Министерство земледелия соглашалось продлить контракты с арендаторами, не считаясь совершенно с интересами жителей. Население ответило на это обещанием снести заводы и отстаивать свои интересы силой оружия. Областной комитет предостерег население от необдуманного шага и сумел рядом тактических мероприятий внести успокоение в уезде. Хотя вопрос этот правительством и не был окончательно разрешён, однако население вполне соглашалось с доводами областного комитета. Мы искренно хотели помочь населению уезда и избавить его от хищнической эксплуатации и голодовок и работали в этом направлении не покладая рук, и население, быть может, впервые, почувствовало, что интересы его близки тем, кто волей или неволей был призван к власти в эти первые дни Февральской революции...

С открытием навигации на Камчатке появилось много новых лиц, среди коих был случайно и член партии эсеров К. П. Лавров. Вскоре «углубление революции» здесь пошло более быстрым темпом. Лица, не имевшие до сих пор понятия о политических партиях и никогда не читавшие даже газет, стали говорить, что только социалисты могут дать народу настоящую свободу. Вновь прибывшие лица много говорили, ещё больше обещали и потворствовали толпе, которую областной комитет, быть может плохо, но всё же сдерживал от противозаконных поступков. Проехав по долине реки Камчатки и побывав на Командорских островах, Лавров повсюду бичевал сохранившиеся старорежимные порядки и очаровал население. Вскоре он сделался одним из наиболее популярных в крае людей.

Условия нашей работы в это время были особенно тяжелы. Мы работали в напряжённой атмосфере, переносили незаслуженные оскорбления и угрозы. На одном из общих собраний мы просили произвести перевыборы областного комитета, но предложение было отвергнуто. Различными группировками составу областного комитета было выражено полное доверие и вынесено постановление о созыве областного съезда, каковому мы и должны были передать полноту общественной власти в крае.

С 20 июля по 8 августа в г. Петропавловске происходили заседания первого камчатского областного съезда, на котором присутствовало сорок шесть представителей от населения всей области. В работах съезда принимали участие представители различных ведомств и специально командированные краевым комиссаром Русановым, Министерством земледелия и государственных имуществ и другими учреждениями лица. Перед открытием съезда по просьбе большинства съехавшихся делегатов был отслушен

молебн, затем были оглашены многочисленные приветственные телеграммы и выступало много лиц с приветствиями. Все подчёркивали, что съезд должен быть беспартийным, что вполне отвечало настроениям делегатов. Председателем съезда был избран К. П. Лавров, товарищами председателя А. А. Пурин и Ф. М. Коршунов, секретарями И. Ф. Голованов и В. П. Леонтьев. Съезд разбился на ряд комиссий, и работы его лучше всего свидетельствуют о том, что он хотел сделать, чтобы пробудить нашу далёкую, забытую Богом и людьми окраину от многовековой спячки...

Во время работ областного съезда до сведения последнего дошло, что в Приамурском крае распространяются тревожащие общественное мнение ложные слухи о положении общественных дел на Камчатке. Эти слухи упорно распространяли выехавшие во Владивосток анархисты из группы Каширина и отправленные туда по мобилизации военнообязанные. Надо заметить, что до июня 1917 г. в Камчатской области мобилизации не было. Это давало возможность всем, желающим избавиться от военной службы тем или иным способом, пробираться на Камчатку и скрываться здесь от призыва. В дни свобод из разных мест вынырнули военнообязанные, преимущественно хищники и мелкие торговцы, и внезапно объявленная правительством мобилизация застала их врасплох.

Некоторые успели вновь удрать в тайгу, но большинство было призвано и отправлено во Владивосток в распоряжение воинского начальника. Было бесконечно много попыток освободиться от военной службы, и комитет по отсрочкам осаждался призванными. На почве отказа в отсрочке возникало немало недоразумений, но при наличии дисциплинированной местной команды никаких эксцессов не произошло. Были нарекания на команду, были угрозы и требования отправить «бывших жандармов» на фронт защищать революцию, но правительство категорически в этом отказало, и призванные успокоились.

8 августа в зал заседания съезда явился Каширинов-Каширин, только что прибывший из Владивостока, и просил вне очереди выслушать его заявления и документы, привезённые им из Владивостока от совета рабочих и солдатских депутатов. Съезд ходатайство Каширина удовлетворил, и председателем был оглашён нижеприводимый документ.

«Выписка из протокола № 65 заседания исполнительного комитета Владивостокского совета рабочих и солдатских депутатов 24 июля 1917 г. Председатель Михайлов. Секретарь Илговская.

Слушали: 1. Доклад тов. Илговской о положении дела на Камчатке.

Всё остаётся так, как было до переворота. Свободы до сих пор ещё фактически нет. Во главе стоят бывшие чиновники губернатора, которые, скрываясь от посылки в войска, отбывают свой военный долг в числе чинов жандармской команды, которая и держит в руках всю камчатскую жизнь, не давая реформировать её на новых началах свободы. До сих пор идут там полным темпом злоупотребления по службе. Делегат Камчатки просит, чтобы семь чиновников, которые теперь правят на Камчатке, были смещены и заменены комиссарами. Обращались к приамурскому краевому комиссару Русанову о назначении комиссаров, но ответил отказом, потому комитет безопасности Петропавловска просит ввиду своей полной беспомощности совет рабочих и солдатских депутатов г. Владивостока принять меры и ввести новый строй. Кроме того, просит прислать людей, которые бы объяснили все события русской жизни после переворота 1-го марта.

Постановили:

1. Составить комиссию из представителей членов исполнительного комитета, судебной власти и административной, двоих от совета рабочих и солдатских депутатов, одного от совета крестьянских депутатов, одного от областного комитета, одного от областного комиссара, одного от судебной власти.

2. Отозвать через Русанова следующих лиц: Клочкова (бывшего чиновника особых поручений при губернаторе), Ковальчука (тоже), Морозова (служащего по полиции), Леха (начальника уезда), Барыкина (чиновника областного правления), Кадышевского (прокурора окружного суда), Дьяконова (доверенного фирмы Чурина), Пименова (уездного комиссара).

3. Отозвать через командующего войсками Камчатскую и Сахалинскую пешие жандармские команды, заменив их местными казаками.

4. Передать в военную комиссию вопрос об отозвании призванных камчадалов (камчадалы призваны не были. Призыву подверглись лишь приезжие с материка. — *Авт.*), находящихся в Шкотове. Этот вопрос необходимо выяснить к 30 июля, так как комиссия, вероятно, выедет 31 июля.

От исполнительного комитета избраны в комиссию тов. Новицкий, причём военной комиссии поручить избрать одного от военного крыла.

Подлинный подписали: председатель *Михайлов*, секретарь *Илговская*.

По существу оглашённого документа открылись прения. Все были возмущены вмешательством посторонней организации в дела Камчатской области, и члены съезда высказывались за то, что в случае появления самозванной комиссии арестовать её и выслать во Владивосток. После подробного обсуждения вопроса и выслушанных заявлений гр. Каширинова и разъяснений представителя краевого комиссара Русанова — А. А. Борисоглебского, областного комиссара Емельянова и председателя областного комитета Пурина съезд единогласно пришёл к заключению, что население области ни через съезд, или областной комитет, или другие какие-либо общественные организации области никому не давало полномочий делегата области в совет солдатских и рабочих депутатов во Владивостоке или в какие-либо другие революционные или общественные организации Приамурского края. Что лицо, давшее сведения о Камчатской области от имени населения её в исполнительном комитете совета рабочих и солдатских депутатов во Владивостоке, полномочий делегата области не имело и могло выступать в данной организации как частное лицо.

В то же время из предъявленного съезду документа видно, что в исполнительном комитете совета рабочих и солдатских депутатов в г. Владивостоке давал сведения «делегат Камчатки». В этом съезд усматривает самозванство и узурпацию прав населения. Далее съезд усматривает, что лицо, дававшее сведения о положении общественности и свободы в Камчатской области исполнительному комитету совета рабочих и солдатских депутатов во Владивостоке, ввело означенное учреждение своим тенденциозным освещением и сообщением ложных фактов в заблуждение.

По существу вышеуказанного постановления съезд не может не высказать следующее:

а) съезд полагает, что каждая область имеет неотъемлемое право внутреннего самоопределения, и признать за населением Камчатской области, что только ему принадлежит право устройства своей общественной жизни внутри своей области, сообразно его бытовым и хозяйственным интересам;

б) съезд полагает, что только органы общественной власти Камчатской области, созданные самим населением, могут внутри её вести общественные дела и что этого права по отношению к Камчатской области лишены органы общественного управления других областей. Органы общественного управления Камчатской области не стоят в подчинённом отношении к органам общественного управления других областей. Органы общественного управления

Камчатской области могут быть контролируемы и учитываемы или центральными государственными учреждениями, или центральными краевыми учреждениями;

в) съезд утверждает, что население Камчатской области в полном объёме пользуется гражданскими свободами и достаточно ясно представляет смысл и значение происшедшего государственного переворота и на пути свободного устройства своей общественной жизни и защиты своих жизненных интересов не встречает препятствий ни со стороны контрреволюционных сил, ни со стороны каких-либо других сил, которые мешали бы его свободному проявлению инициативы. Съезд констатирует, что в Камчатской области организованного или в форме отдельных выступлений контрреволюционного движения не было и нет, что же касается единоличных случаев контрреволюционных поступков отдельных лиц, то по отношению к ним и со стороны областного комитета, и со стороны съезда были приняты самые решительные меры, вплоть до выселения виновных лиц из области.

Съезд подтверждает своё решение, что руководство в делах общественной самодеятельности населения Камчатской области, впредь до введения земских учреждений, принадлежит всецело Камчатскому областному комитету, организованному из представителей всех волостей области, а на местах — волостным комитетам. Государственный надзор за закономерностью действий области осуществляется чрез областного комиссара и его помощника, избранных на съезде и утверждённых Временным правительством;

г) съезд указывает, что показателем гражданской и общественной зрелости населения Камчатки является самый факт съезда представителей всего оседлого населения Камчатской области и его решения, касающиеся всех сторон общественной и хозяйственной жизни всей Камчатки;

д) съезд выражает своё негодование тем из граждан Камчатской области, которые своим односторонним и тенденциозным освещением общественности на Камчатке ввели в заблуждение исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов во Владивостоке и тем дали основание означенному исполнительному комитету вмешаться во внутренний ход общественной жизни нашей области и тем самым умалить гражданское достоинство населения Камчатской области.

Далее съезд, выслушав подробные прения о личности гр. Каширинова и разъяснения представителей краевой и областной власти, принимает единогласно следующую резолюцию:

«Съезд, выслушав подробные прения делегатов съезда и заявления представителя краевого комиссара Русанова о действиях гр. Каширинова и находя, что он своим освещением положения Камчатской области ввёл в заблуждение исполнительный комитет депутатов г. Владивостока, что прежняя Каширинова деятельность как яркого выразителя идей Союза русского народа кроет в себе много преступного, и главное, что настоящая деятельность Каширинова проникнута всецело поступками анархического и контрреволюционного порядка, о чём свидетельствует целый ряд заявлений граждан, живущих с ним в одном крае, — нашёл необходимым подвергнуть гр. Каширинова чрез прокурора Петропавловского окружного суда личному аресту впредь до выяснения этого дела следственной комиссией».

Это решение съезда было сообщено совету рабочих и солдатских депутатов во Владивосток, куда также выслан и Каширин.

Перед самым окончанием работ съезда от краевого комиссара Русанова была получена телеграмма о командировании на краевой съезд в г. Хабаровск представителей области. На этом съезде должны были рассматриваться задачи Приамурского края ближайшего момента. От Камчатской области на съезд были командированы член областного комитета И. Д. Добровольский, областной комиссар К. П. Лавров, делегат областного съезда Г. Брагин и областной горный инженер С. Д. Оводенко.

Такой же съезд созывал в Хабаровске и краевой совет рабочих и солдатских депутатов. На этот съезд выехал от местной команды её представитель Олейник.

Одновременно съездом была отправлена во Владивосток нижеприводимая телеграмма: «Владивосток. Совету рабочих и солдатских депутатов. Копии: краевому комиссару Русанову, Приморскому областному комитету, совету крестьянских депутатов. Заседающий в Петропавловске первый камчатский областной съезд представителей населения области уведомляет вас, что представители полицейской власти от должностей устранены, частью призваны в войска, частью выехали. По отношению к оставшимся съезд принял меры устранения их влияния на ход общественной жизни в области, вплоть до выселения, причём вынесено решение съезда о недопустимости занятия представителями старой полицейской власти общественных должностей. Съезд в течение двадцатидневных своих занятий разработал новые формы общественного управления области на самых широких демократических началах с действительным осуществлением народовластия, о введении

в области земства и городе Петропавловске городского самоуправления. Решения съезда сообщены правительству, городское самоуправление уже вводится по телеграмме правительства. Съезд избрал новых областного комиссара и его помощника, кандидаты представлены на утверждение правительства. Областным комиссаром избран заведующий статистико-экономическими обследованиями пушных промыслов в области, член партии социалистов-революционеров и активный работник в рядах этой партии с 1905 г., за что не раз отбывавший тюрьму и ссылку, Константин Прокопьевич Лавров. Помощником областного комиссара избран бывший член Второй Государственной Думы социал-демократической фракции, отбывший за принадлежность к этой фракции каторжные работы, Иван Фёдорович Голованов. Съезд организовал новый областной комитет из представителей всех волостей области. Председателем областного комитета избран председатель прежнего состава Александр Антонович Пурин. Съезд постановил реорганизовать областную канцелярию сообразно требованиям общественного управления. Съезд принял решение по всем вопросам общественного и экономического значения для области. Делегаты съезда выезжают в город Хабаровск на краевое совещание, вместе с ними едут делегаты от областного комитета и от г. Петропавловска. Обо всём делегаты области изложат лично совету рабочих и солдатских депутатов и другим общественным организациям».

После закрытия съезда представителей от населения Камчатской области край зажил мирной спокойной жизнью, ибо все классы населения были удовлетворены решениями съезда. Решения съезда были отпечатаны и представлены правительству, пред которым одновременно было возбуждено ходатайство об издании различных законодательных актов, касающихся, главным образом, хозяйственно-экономической жизни Крайнего Северо-Востока. Политикой мы интересовались мало. Мы с душевным трепетом ожидали созыва Учредительного собрания и верили, что это высокое учреждение установит государственный строй, отвечающий праву свободного человека и гражданина. Мы верили Временному правительству и беспрекословно подчинялись и поддерживали его во всех начинаниях.

На конструкцию общегосударственной власти население смотрело вполне здраво. Оно говорило, что не может быть у власти отдельных групп или лиц, а должна быть власть всего народа, ибо каждый из нас, являясь носителем этой власти, делает часть работы и несёт часть ответственности пред родиной. Власть народная

есть власть несокрушимая, есть власть высшего порядка, и организовать такую власть могло бы лишь Учредительное собрание, к которому все деятельно готовились.

1 сентября делегация выехала в г. Хабаровск на совещание по вопросам, связанным с управлением Дальнего Востока. Вместе с делегацией выехал и председатель областной продовольственной управы член окружного суда П. С. Пржевуский, в задачу которого входило обеспечить область продовольствием, что к концу ноября он блестяще выполнил.

Созываемое Русановым в конце октября совещание не состоялось и было отложено до ноября. В это время в Приамурском крае как раз вводилось земство и одновременно усиливались власть и влияние советов.

Выяснив пред краевой властью все насущные, затрагиваемые жизнью и переживаемым моментом вопросы относительно Камчатской области, делегация принуждена была возвратиться с ноябрьским пароходом в Петропавловск, так как рейс был последним в навигацию.

В это время в Камчатской области происходили выборы члена Всероссийского Учредительного собрания. Камчатской области было предоставлено одно место. Из намеченных кандидатов (Лавров, Голованов, Пурин) большинство голосов получил К. П. Лавров. Передав обязанности областного комиссара И. Ф. Голованову, Лавров через неделю выехал во Владивосток.

Следует заметить, что с последним рейсом на пароходе «Томск» в Петропавловск наехало много тайных и явных «ревнителей» советвласти, а также прибыл неизвестно кем отправленный из Красноярска воинский отряд в триста человек, состоящий, главным образом, из уголовного «хищнического» элемента. Отряд этот потребовал, чтобы местная команда была отправлена на фронт, а прибывшие ратники запаса займут их место в тылу. Антагонизм между местной командой и прибывшими запасными достиг высшего напряжения. Мы ежечасно ожидали кровавой развязки и, чтобы не допустить до этого, постановили 75 % запасных демобилизовать, половину команды отправить во Владивосток, а оставшуюся часть запасных влить в состав местной команды. Это всех удовлетворяло, но зато от дисциплинированной части вскоре осталось одно воспоминание.

После отхода последнего парохода ко мне обратился один из чинов команды, бывший делегат Олейник, с вопросом, как я смотрю на образование в Петропавловске совета солдатских и рабочих

депутатов, так как во всей России власть уже давно перешла к советам. Я высказался отрицательно, указал, что рабочих фактически в Петропавловске нет и что областной комитет и областной комиссар, как избранные областным съездом, не могут сложить своих полномочий до нового съезда. Ведь население не признаёт никакой новой власти, кроме власти, организованной по указаниям Всероссийского Учредительного собрания. Точно так же смотрели и остальные члены областного комитета.

В середине декабря нам стало известно, что в местной команде образовался совет солдатских и рабочих депутатов под председательством И. Е. Ларина. Совет сразу же вступил в борьбу с областным комитетом, избранным на первом областном съезде. Несмотря на то, что на стороне комитета было население, борьба была неравная, так как в России и на Дальнем Востоке уже всё было в руках советов и Петропавловский совдеп получал одну телеграмму за другой, поддерживающие его и натравливающие одну часть населения на другую. Многим чувствовалось, что сделать ничего нельзя и мы переживаем лишь отголоски событий, развернувшихся в России. Но всё же областной комитет без боя не уступал ни одной пяди. Тяжело было ещё и потому, что часть членов комитета определённо шла за советами.

Положение было напряжённое. Петропавловский совдеп наглед с каждым днём. Нам предъявлялись сметы об отпуске крупных сумм на содержание совдепа, мы отказывали в отпуске денег. От нас требовали назначения члена совдепской комиссии для производства учётов продуктов и запасов ценностей у населения, мы запрещали производство подобных учётов. От нас требовали постановления о национализации рыбоконсервных заводов Демби, Бирича, Грушецкого и других, мы категорически воспротивились открытому грабежу. Совдеп начал вести непосредственную переписку с Лениным, который перевёл по телеграфу на имя Ларина десять тысяч рублей и предложил ему немедленно организовать красную гвардию. Нас уже центр больше не признавал, и на просьбы открыть кредиты на содержание школ и медицинских пунктов получались лаконические ответы: «Производите беспощадное обложение имущих классов». Между тем служащие различных правительственных учреждений области требовали жалованья, какое без открытия кредитов казначейство выплачивать не могло. Были сделаны попытки сообщить Совнаркому, что в Камчатской области имущих классов нет, что все областные доходы поступают во Владивостокское казначейство, но и на это получались

ответы с предложением изыскивать средства на месте, путём национализации.

Почти все члены областного комитета предпринимали различные меры, чтобы столкнуться с местным совдепом, не раздирать Камчатку, как разодрана вся наша Родина, но никаких результатов от этого не получилось.

На 1 января 1918 г. совдеп назначил митинг в Народном доме: это было первое открытое выступление против власти.

1918 г.

На митинге совдепа 1 января 1918 г. совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя высшей властью в г. Петропавловске. На этом же митинге было высказано, что областной комитет имеет буржуазное направление и что члены его кроме пули и верёвки ничего другого не заслуживают. На митинге пытались выступать защитники идеи народовластия, которые доказывали, что областной комитет очень далёк от буржуазного направления, но ответом служил призыв главарей совдепа к пластовне (резне. — *Ред.*) и к расправе с комитетом. Мы видели, что возможно кровопролитие, подобно материке. Пришлось сделать уступку и допустить двух представителей совдепа в областной комитет. Началась трудная работа комитета, появились представители ближайших селений и заявили, чтобы представители совдепа оставили комитет, так как в нём имеются выборные представители от областного съезда. Было заметно то напряжённое состояние, которое неминуемо несло с собою столкновение. Чтобы избежать этого, областной комитет заявил представителям населения, что он не допустит влияния представителей совдепа в устройстве жизни Камчатки.

Под давлением совдепа исполняющий должность областного комиссара И. Ф. Голованов сложил с себя звание комиссара Временного правительства и передал свои обязанности областному комитету, который принял на себя полноту власти в области.

5 января областной комитет, обсудив постановление Петропавловского совдепа, принял решение, сущность коего сводится к нижеследующему:

1. Камчатский областной комитет, организованный в г. Петропавловске на областном съезде представителей края 20 июля 1917 г. и составленный из крестьян, казаков, инородцев, рабочих и горожан и опирающийся лишь на истинно демократические силы страны, являлся до сих пор единственным высшим органом

общественно-политической власти в Камчатской области и намерен оставаться таковым же и впредь, пока полномочия эти не будут сняты с него населением на съезде 1918 г.

2. Комитет не допустит, чтобы законоположения, декреты и различного рода постановления, издаваемые ныне Советом народных комиссаров, проводились в Камчатской области в жизнь, раз они не соответствуют условиям местной жизни, тем более что народы Камчатки имеют неотъемлемое право самоопределения сообразно их бытовым и хозяйственным интересам.

3. На правах народовластия областной комитет твёрдо и неуклонно проводит в жизнь всё, что способствует улучшению условий жизни и быта местного населения, не считаясь порою с потерявшими жизненность законоположениями. Но вместе с тем областной комитет проникнут глубоким уважением к закону, охраняющему неприкосновенность личности, жилища, свободу слова, печати, справедливого и равного для всех граждан суда.

4. Областной комитет утверждает, что вошедшие в резолюцию совета рабочих и солдатских депутатов от 1 января 1918 г. пожелания в значительной части уже осуществлены. Проведение же предложений первого камчатского областного съезда во всей их полноте последует с введением в области земских учреждений.

5. В видах поддержания дружественных отношений с соседними державами и проживающими в области представителями и гражданами этих держав и удовлетворения их законных просьб и требований, к выполнению коих русский народ связан рядом международных договоров, до сих пор принадлежало губернатору, а затем областному комиссару, носителю высшей власти в крае, поэтому всякое вмешательство каких бы то ни было организаций в дела внешней политики безусловно недопустимо, ибо это может вызвать весьма нежелательные последствия. По причине изложенного областной комитет признаёт необходимым сохранить функции и должность областного комиссара, являющегося единственным представителем законной всероссийской государственной власти.

По причине изложенного областной комитет предлагает Петропавловскому совету солдатских и рабочих депутатов:

1. Не нарушать работы областного комитета и влить в состав такового своего представителя.

2. Оказать своё содействие к охране ценнейших в мире морских и рыбных богатств и пушных ценностей, истребляемых вопреки воли населения.

3. Оказать поддержку к осуществлению на местах постановлений областного комитета по всем отраслям народной жизни.

4. Охранять всеми зависящими от совета мерами неприкосновенность личности и жилищ и способствовать водворению прочного порядка, единой власти на местах и созыву Всероссийского Учредительного собрания.

5. Областной комитет считает себя вправе смещать тех должностных лиц, кои окажутся опасными и вредными делу укрепления основ народовластия».

Чтобы положить конец различным слухам, распускаемым по области и городу, и выявить настроение, 6 января 1918 г. было созвано соединённое заседание Камчатского областного комитета, городской думы и Петропавловского совдепа под моим председательством. Повестка дня состояла из двух пунктов: 1) оглашение резолюции Камчатского областного комитета и Петропавловской городской думы по существу постановления Петропавловского совдепа от 1 января и 2) о предстоящем созыве Сибирского учредительного собрания и о признании власти Сибирской областной думы, образовавшейся в г. Томске.

После оглашения вышеупомянутых резолюций по существу их открылись прения.

Представители совдепа заявили, что резолюция Петропавловской городской думы вполне приемлема для совета и отвечает тому, к чему стремится совет в своём постановлении от 1 января. Что же касается резолюции областного комитета, она нигде не упоминает о признании существующей в Петрограде центральной власти рабочего и крестьянского правительства в лице его Совета народных комиссаров и в крае Дальневосточного комитета советов. Областной комитет в резолюции своей обходит этот вопрос. Кроме того, областной комитет нигде не указывает, что он признаёт Петропавловский совет рабочих и солдатских депутатов высшей властью в городе. С таким постановлением областного комитета совет в корне не согласен, и если соединённое заседание примет резолюцию областного комитета, то Петропавловский совет рабочих и солдатских депутатов всё-таки останется при своём мнении и будет проводить то, что он выразил в своей резолюции.

Во время заседания страсти до того разгорелись, что приверженцы совдепа и члены команды с криками: «Покажем им, как идти против советов, товарищи, бери оружие!» — стали толпой выходить из зала заседания и направляться в казарму за вооружением. Мы не могли повлиять на благоразумие серой толпы, и если

бы не вмешательство Олейника — члена совдепа, прошедшего во Владивостоке коммунистические агитаторские курсы, быть может, все члены комитета и несочувствующие большевикам лица были перебиты в этот знаменательный вечер. Когда страсти поулеглись, Петропавловским совдепом была предложена следующая резолюция:

«По обсуждении вопроса об отношении к моменту и резолюции Петропавловского совета рабочих и солдатских депутатов соединённое заседание демократических организаций Камчатского областного комитета, Петропавловской городской думы и совета рабочих и солдатских депутатов постановило: а) принимая во внимание, что в настоящее время в России существует власть рабочего и крестьянского правительства в лице его Совета народных комиссаров, соединённое заседание признаёт только такую власть, опирающуюся на широкие массы пролетариата и революционной демократии, и в крае Дальневосточный краевой комитет советов и заявляет, что только такое правительство, опирающееся на широкие трудовые массы пролетариата и беднейшего крестьянства, может спасти революцию и довести страну до Учредительного собрания и б) неуклонно будет проводить в жизнь все декреты, постановления и распоряжения такого правительства. Вместе с сим соединённое заседание признаёт высшей властью в области Камчатский областной комитет, сосредотачивающий в составе своём совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, а на местах советы, волостные и сельские комитеты. Институт комиссаров, учреждённый сверженным правительством, упраздняется. Функции комиссара возлагаются на комитеты».

Открытым голосованием эта резолюция была принята большинством.

По вопросу о признании Сибирской областной думы и делегировании в состав её представителей Камчатской области собрание постановило выяснить задачи и цели областной думы и затем рассмотреть этот вопрос в особом совещании представителей общественных организаций.

Состоявшееся 6 января соединённое заседание вполне определило настроения горожан и стремления совдепа, и вынесенное этим собранием постановление не являлось для областного комитета обязательным, ибо он являлся ответственным не перед отдельными группировками, а перед избравшим его населением области. Через два дня в комитет поступили запросы от различных волостей области с просьбой разъяснить, насколько верны

распространяемые слухи о захвате власти в Петропавловске советом рабочих и солдатских депутатов. Для выяснения этого вопроса приезжали в Петропавловск и специально уполномоченные волостями лица, поэтому областной комитет должен был так или иначе вывить своё отношение к указанному постановлению.

На заседании своём 8 января областной комитет принял следующее постановление:

«1. Считать резолюцию Камчатского областного комитета от 6 января 1918 г. единственным и окончательным ответом на предъявленные советом рабочих и солдатских депутатов г. Петропавловска запросы.

2. В соответствии с этим резолюцию соединённого заседания областного комитета, Петропавловской городской думы и совета солдатских и рабочих депутатов принять к сведению.

3. Все постановления Камчатского областного комитета являются окончательными и подлежат пересмотру лишь по постановлению того же комитета.

4. О настоящем постановлении довести до сведения населения г. Петропавловска и Камчатской области путём соответствующих объявлений.

5. Предложить организациям г. Петропавловска вносить свои постановления и резолюции на обсуждение областного комитета обычным порядком».

После объявления этой резолюции было восстановлено временное равновесие, возвращён к своей должности исполняющий должность областного комиссара И. Ф. Голованов и введена в рамки законности городская дума и прочие общественные организации края.

8 января областным комитетом была получена телеграмма об открытии Всероссийского Учредительного собрания в Петрограде. Комитетом была послана Лаврову телеграмма с просьбой поставить нас в известность о ходе событий в России, так как до нас дошли сведения о разгроме Учредительного собрания и о начавшейся гражданской войне в Петрограде и других местах государства.

При необычайно тяжёлых условиях протекала наша работа. Не получая указаний из центра, мы всё время питались какими-то жалкими отрывками, присылавшимися от различных организаций, то из Москвы, то из Харькова, то из Томска. Порою казалось, что государства Российского как такового более не существует. Взамен его повсюду образовывались областные правительства, вступавшие в беспощадную борьбу с совдепами. Петропавловский

совдеп как будто изменился и перестал претендовать на захват власти в области. Он разграничил свои функции с городской думой и явился для нас совершенно частной организацией, но постепенно совдеп овладевал настроением горожан. В конце концов мы вынуждены были пойти на уступки и в начале февраля санкционировать совместно с областным комиссаром думское постановление от 4-го января 1918 г.

Наше постановление заключалось в следующем:

«Считаясь с течением российской революции, областной комитет объявляет:

1. Высшей административной властью в пределах Камчатской области — Камчатский областной комитет.

2. В г. Петропавловске — совет рабочих и солдатских депутатов.

3. В волостях и селениях — волостные и сельские комитеты.

Все эти организации, объединяющиеся вокруг Камчатского областного комитета, ответственны за свои действия пред последним и присылают ему свои постановления для сведения, а в необходимых случаях на утверждение. Петропавловский совдеп и городская дума разграничивают свои функции. В случае разногласия между сими общественными учреждениями окончательное решение по тем или иным вопросам принадлежит областному комитету».

Под давлением совдепа областной комиссар Голованов окончательно отказался от своих обязанностей и вошёл в состав комитета на правах члена его. После кратковременного затишья совдеп вновь стал нападать на комитет и всячески тормозить его работу. От нас требовали категорического признания советской власти в России и осуществления изданных этой властью декретов. В этих начинаниях поддерживал Петропавловский совдеп и краевой Совет народных комиссаров во главе с Краснощёковым. Оставшимися верными идее народовластия членами комитета было устроено ряд частных секретных заседаний. На этих заседаниях определилось, что необходимы решительные шаги в борьбе с большевиками, которые уже вынесли решение о нашем аресте. Решено было, дабы не создавать красной гвардии и одним ударом покончить с совдепом, арестовать его, не признавать вообще власти захватчиков, в лице совдепов, и впредь до образования в России или до создания в Сибири твёрдой антисоветской власти объявить Камчатку автономной. Правда, это, быть может, было и необдуманно, и нецелесообразно, но это была борьба не на жизнь, а на смерть с совдепами. Президиуму комитета были предоставлены чрезвычайные полномочия. Из юристов была составлена небольшая комиссия для выработки

акта об автономии, был выработан проект приказа о введении военного положения в г. Петропавловске и назначены соответствующие должностные лица, кои должны были принять власть в городе в случае ареста комитета.

Как раз в это время была получена от члена Учредительного собрания от Камчатской области Лаврова телеграмма о разгоне Учредительного собрания. Это было первое достоверное известие о положении дел в России.

17 марта 1918 г. ко всем организациям и гражданам Камчатской области было выпущено нижеприводимое объявление:

«Камчатским областным комитетом только что получена от находящегося в г. Владивостоке члена Учредительного собрания от Камчатской области К. П. Лаврова следующая телеграмма:

“Всероссийское Учредительное собрание успело издать законы о земле, о федеративном государственном устройстве и о мире. Дальнейшая работа его была прервана вооружённой силой со стороны Совета народных комиссаров.

Учредительное собрание постановило: считать свои работы приостановленными и принять все меры к тому, чтобы прерванные штыками были возобновлены в обстановке, достойной для выражителя народной воли.

По призыву своего председателя в день, указанный им, Учредительное собрание вновь соберётся, чтобы продолжать свою работу.

Всероссийское Учредительное собрание, выражая непреклонную волю народа к немедленному прекращению войны и заключению справедливого всеобщего мира, обращается к союзным с Россией державам с предложением приступить к совместному определению точных условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов, дабы представить эти условия от имени всей коалиции государствам, ведущим с Российской республикой и её союзниками войну.

Именем народов, государство Российское составляющих, Всероссийское Учредительное собрание постановляет: государство Российское провозглашается Российской демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области её, установленные федеральной конституцией в пределах суверенитета.

Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется.

Все находящиеся в пределах Российской республики земли со всеми их недрами, лесами и водами составляют народное достояние.

Распоряжение всей землёй, недрами, лесами и водами принадлежит республике в лице её центральных органов и органов местного самоуправления на основаниях, установленных законом.

Самоуправляющиеся на государственно-правовых началах области Российской республики осуществляют свои земельные права на основании закона и в согласии с федеральной конституцией.

Опираясь на вооружённую силу, Совет народных комиссаров разогнал Учредительное собрание, объявил себя единственной властью в стране, приступил к ведению сепаратных мирных переговоров с Германией и её союзниками. По всей стране возгорелась гражданская война, и ныне не прекращающаяся. Учредительное собрание не в силах прекратить её. На защиту Учредительного собрания встали земские и городские самоуправления, как органы широкого народовластия. Их позиция: вся власть в центре — Учредительному собранию, на местах — земским и городским самоуправлениям. Позиция Совета народных комиссаров: вся власть — советам, в центре — Совету народных комиссаров. Последний не признаёт всеобщего избирательного права.

Учредительное собрание принимает все меры и усилия прекратить братоубийственную войну, которую вызвал и продолжает Совет народных комиссаров. В состоянии войны находятся области: Украина, Дон, Кавказ, Туркестан, Область войска Уральского и некоторые местности Сибири, Финляндия и Прибалтийский край.

В центре России и в столицах анархия, жестокие репрессии и расстрелы; грабежи, голод, озлобление доведены до крайности, тюрьмы переполнены, фабрики и заводы частью закрыты, частью закрываются от безработицы. Железные дороги останавливаются. Начинается ожесточённая борьба на земельной почве.

Такова мрачная картина и положение России внутри. К этому присоединяется ещё одно из величайших преступлений, предающих Россию: сепаратный мир, заключённый Советом народных комиссаров с Германией.

Совет народных комиссаров резко отмежевался от наших союзников и встал к ним во враждебное отношение и в конце концов заключил сепаратный мир с Германией на самых тяжёлых и неслыханных условиях для России. Вот они: Финляндия от России отделилась. От России отходит весь Прибалтийский край и Польша. Украина объявлена самостоятельным государством и временно находится под протекторатом Австрии. Часть Бессарабии отходит к Румынии, которая заключает мир с Германией. Россия немедленно заключает с Украинской народной республикой мир.

Украина и Финляндия незамедлительно очищаются от русских войск и красной гвардии. Россия обязана обеспечить Турции возвращение ей восточных Анатолийских провинций и областей Ардагана, Карса и Батума. Армения получает самоуправление под контролем Турции. Одесса обеспечивается как порт Украины. Последняя заключает договор с Германией и с Австрией, по которому обязалась доставлять им хлеб, взамен получать товары и изделия Германии.

Россия обязалась восстановить торговый договор 1905 г. ещё на более тяжёлых для себя условиях. Руду, лес и хлеб Россия обязана направлять только в центральные империи, последние беспошлинно ввозят в Россию свои фабрикаты.

Все живые силы страны не признают такого позорного сепаратного мира и заявляют свою верность союзникам. Настаивает на таком мире только одна партия большевиков. Такой мир ещё более усугубляет тяжёлое состояние страны и довёл её до агонии. Столица из Петрограда перенесена в Москву. Посольства оставили Петроград. Японский и американский посланники следуют на Дальний Восток. Наш край живёт под страхом оккупации. Происходит ожесточённая гражданская бойня в Благовещенске и между Читой и Маньчжурией. Из центра сведения доходят не проверенные, весьма тревожные. Во Владивостоке спокойно. О последующем сообщу. *Лавров*".

Гор. Петропавловск, 17 марта 1918 г. Председатель Камчатского областного комитета *А. Пурин*, городской голова г. Петропавловска *Голубецкий*».

На следующий день от *К. П. Лаврова* была получена вторая телеграмма о высадке международного десанта во Владивостоке. Это ускорило ход событий и на Камчатке. Как раз в это время происходил волостной съезд в с. Завойко, где были и представители областного комитета, и городской думы. Съезд этот потребовал закрытия совдепской газеты и роспуска совдепа. Совдеп в свою очередь мобилизовал все свои силы. 19 марта стало известно, что совдеп готовится силой оружия захватить власть и расправиться с антисоветским населением города. Чтобы не допустить «*Варфоломеевской ночи*», областной комитет выехал вечером в селение Сырогласка (так в тексте. — *Ред.*), куда прибыли из разных мест вооружённые люди для защиты комитета. Около двух часов ночи было принято решение о необходимости объявить Камчатку автономной впредь до образования антибольшевистской власти в Сибири, и решено через два часа выступить для ареста совдепа. Все эти мероприятия были встречены населением сочувственно. Как

это всегда бывает, и в нашей среде оказались предатели. К моменту выступления вооружённые жители не решились «проливать крови и арестовывать совдеп», который готов был подчиниться всему; население, помимо комитета, вынесло решение о сепаратных переговорах с совдепом. Около шести-семи часов утра вооружённые антибольшевистские отряды постановили командировать меня и городского голову в город для ведения переговоров с большевиками. Вместе с нами должны были пойти трое приезжих камчадалов.

Совдепу было послано извещение, что если кто-либо из делегации будет тронут, то ответственными за это будут все находящиеся на Камчатке русские. Каждому из нас было ясно, что выступление это теперь грозит уже не совету, а интеллигенции.

По прибытии в Петропавловск мы явились в помещение местной команды, где заседал совдеп. Солдат здесь не было, и, как позднее оказалось, — большинство их попряталось и совершенно не желало выступать против вооружённых жителей. Вскоре собрались члены совдепа и много публики. Я изложил цель нашего прихода и требование населения, которое заключалось в следующем:

1) ни население области, ни областной комитет не могут признать власти советов и требуют, чтобы совдеп немедленно был расформирован, а переведённые ему Лениным деньги полностью внесены обратно в местное казначейство. Красная гвардия должна быть сейчас же распущена, газета закрыта;

2) население не может признать власти Совета народных комиссаров, продающих родину и предающих русский народ в новое рабство, а потому Камчатская область впредь до образования сибирской антисоветской власти объявляется автономной и полнота власти в крае переходит к областному комитету как единственному правомочному выразителю воли народной;

3) всякая попытка со стороны совдепа отстаивать свои права будет подавлена силой оружия. Население ждёт нашего возвращения.

На эти требования председатель и члены совдепа заявили, что они готовы сложить свои полномочия и выступать против населения не желают, но так как они избраны горожанами, то сегодня же ими будет собран митинг и окончательно разрешён этот вопрос.

В толпе начались обычные выкрики и угрозы. Члены делегации растерялись. Я оказался унесённым толпой в командную кухню, где председатель совдепа и несколько солдат решали судьбу моей жизни. Холодное дуло нагана касалось моего виска, но товарищи, по-видимому, не решались меня прикончить, так как в то время я был популярен среди населения области и произведённое надо

мною насилие было бы достаточным предлогом, чтобы разделаться и с совдепом, и с хищниками, уничтожавшими в заповедных местах природные богатства Камчатки. К тому же в шести верстах от города находились члены комитета и отряд. Такие же отряды находились в пути и из других волостей.

Совдеп также отправил своих агентов к собравшимся в селеции Сырогласка вооружённым жителям и обещал сложить полномочия, если на это согласятся горожане. Члены совдепа утверждали, что за власть они не держатся и что виновниками выступления являются члены областного комитета. 20 марта в три часа дня в Народном доме состоялся большой митинг. Мне, как и остальным членам комитета, пришлось выступать перед толпой друзей и недругов и пережить много тяжёлых минут. Порою казалось, что тебя разорвут, но нужно было заявить ясно и определённо о непризнании советской власти. Хотелось ещё раз убедить собравшихся не верить большевикам и общими усилиями спасти от заразы хотя бы Крайний Северо-Восток России. Но из этого ничего не вышло, и окончательное разрешение вопроса перенесено на 21 марта, на соединённое заседание Камчатского областного комитета, Петропавловской городской думы, Петропавловского совета рабочих и солдатских депутатов, представителей населения и общественных организаций, на котором после продолжительных прений была принята следующая резолюция: «Приказ № 1 Камчатского областного комитета об объявлении Камчатской области автономной постановлением настоящего соединённого заседания отменяется».

С отменой указа об автономии Крайнего Северо-Востока и приказа № 1 о роспуске советов и красной гвардии был решён вопрос о возможности дальнейшей работы областного комитета, который вскоре переименовал себя в областной совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Я и часть членов комитета сложили свои полномочия, часть осталась. Областной совет составил из приезжего элемента, среди которых были лица с тёмным прошлым, и стал диктовать свою волю области. Комиссарами ведомств в большинстве случаев были назначены лица малограмотные и не имеющие никакого понятия о долге и чести и об ответственности их пред родиной. Окружной суд и ряд других учреждений были закрыты либо переформированы на советский лад. Надо мною и моими единомышленниками было назначено следствие.

Во главе чрезвычайной следственной комиссии по контрреволюционной деятельности членов областного комитета встали лица

безграмотные (Попов, Киселёв и другие) и с уголовным прошлым, которые предъявляли нам самые несуразнейшие обвинения, вроде того, что мы хотели продать Камчатку Японии и уже получили за это пять миллионов иен.

Указ об автономии и приказ № 1 были изъяты из дел областного комитета и приобщены к следственному производству, и документы эти пропали во Владивостоке (при свержении власти советов), куда всё следственное производство было увезено в конце мая 1918 г.

Несмотря на неоднократные требования, я не являлся в следственную комиссию и никаких сведений не давал. То же делали и другие мои соратники. Следственная комиссия раз заглянула к нам на квартиру, но после того, как она задумала над нами поиздеваться, мы её выгнали. Обещали прислать красногвардейцев и арестовать нас. Мы заявили, что живыми в руки не дадимся и в каждого, кто задумает приблизиться к дому, будем стрелять. Совдеп чувствовал себя настолько слабо, что ничего не мог поделать и ждал помощи из Владивостока, по прибытии каковой должен был состояться над нами суд.

Нам были предъявлены следующие обвинения:

1) в непризнании власти Совета народных комиссаров и советов и в организации вооруженного восстания населения против этой власти;

2) в попытке отделиться от России и продать северную окраину Японии, для каковой цели было организовано временное областное правительство;

3) в призыве населения встать на защиту Всероссийского Учредительного собрания, составленного из буржуазных классов;

4) в стремлении связаться с Сибирским автономным правительством и Сибирской областной думой и признать её власть в Камчатской области.

Петропавловский совдеп много старался, чтобы исказить наши намерения, и добился в конце концов того, что ряд общественных деятелей Камчатки был объявлен «врагами народа» и вне закона...

Чего же, собственно, добивался областной комитет или те члены его, которые задумали, разработали и, наконец, попытались осуществить автономию Севера? Явились ли мы с определённой программой обновления и очищения нашей окраины и можно ли было одобрить эту программу?

В дни гибели государства нельзя оставаться безучастным зрителем и мириться со всеми последствиями, поэтому, осуществляя автономию, мы прежде всего думали о России как целом.

Первейшей нашей задачей являлось освобождение окраины от коммунистов и советов, уничтожавших семью, школу, церковь, всю ту многовековую культуру, которой жила Русь столетиями. Второй задачей нашей являлось восстановление тех учреждений, кои действовали в области до октября 1917 г., причём введение волостных земских учреждений в области и городского самоуправления в Охотске и Гижиге являлось задачей дня. Все подготовительные работы в этом направлении уже были в значительной части своей выполнены. С момента введения означенных учреждений предполагалось созвать областное земское собрание, которому и должна была быть передана полнота власти. Диктовалось это следующими соображениями:

1) богатейшая окраина, находясь под напором иностранцев, не видела на себе российской заботы и не могла даже видеть признаков проявления этой заботы в ближайшее время;

2) являясь богатой страной с издавна установившимися торгово-промышленными сношениями с соседними странами, при соответствующей постановке областного хозяйства могла бы не только самостоятельно развиваться в культурно-экономическом отношении, но и отдавать значительную часть своих доходов соседним областям, освобождённым от большевистской власти;

3) областная власть, лишённая средств и прав, оторванная от центра, была вынуждена силою обстоятельств прибегать подчас к незаконным действиям и, строго говоря, представляла собою пародию власти.

Чтобы устранить все имевшие место несуразности и безболезненно разрешить основной вопрос о судьбе Камчатской области с наибольшей пользой для государственных и местных интересов, требовалось: во-первых, устранить обстоятельства, препятствующие установлению порядка и законности, во-вторых, образование соответствующей областной власти и, в-третьих, определённое установление пространства прав этой власти на заведывание и распоряжение естественными ресурсами области, говоря проще, положить в основу принцип финансово-экономической самостоятельности Камчатской области впредь до того момента, пока появится общегосударственная или краевая всеми признанная национальная власть.

С освобождением от большевиков соседних областей предполагалось совместными силами создать краевую центральную власть, которая отнюдь не должна была быть бюрократической. Каждая область должна была стоять непосредственно пред центральной властью как крупный живой организм. Связывающим

звеном, с одной стороны, являлся бы представитель центра во главе областного правительства, с другой — очень самостоятельное областное земство. В каждой области легко и безболезненно можно было бы строго разграничить общегосударственные дела от местных, а такое разграничение нужно как воздух, как свет, ибо каждая область имеет свои особенности. До настоящего времени всё сосредотачивалось в министерствах, в которых задышалась Россия. Сибирская власть должна была освободиться от вопросов внутреннего управления, просвещения, благочиния, земледелия, промышленности, местного хозяйства и т. д. Всё это предполагалось передать областным правительствам. В руках верховной власти должны были остаться: вся военная сила, финансы, денежная система, кредит, железные дороги, почта, телеграф, суд, контроль и прочее. Законодательство должно было создать прочную связь центра с областями, так как все мелочи перешли бы к областям, а только общие и крупные законы вырабатывались бы не чиновниками, а лучшими силами областей и входили бы в силу с утверждения их центром. При такой конструкции центральной власти предполагалось освободить её от бюрократической опеки и связать государственные интересы с интересами разношёрстного населения. Первейшей обязанностью центра являлась бы забота о России и освобождении её от коммунистов.

Так мыслили мы себе государство будущего, и во имя этого мы вступили в борьбу.

С образованием областного совета последний разослал по области нижеприводимую циркулярную телеграмму: «Комиссары Временного правительства упразднены. Полнота власти на местах передана советам рабочих, крестьянских, батрацких депутатов. В состав советов не должны входить цензовые элементы, буржуазия, купцы, также бывшие полицейские чины и состоявшие в Союзе Михаила Архангела. Где нет организаций от общих собраний граждан, выберите советы, причём правом голоса цензовые элементы не пользуются, голосуют только рабочие, крестьяне, батраки, инородцы-крестьяне, вообще все трудящиеся граждане, продающие свой труд. Количественный состав уездных городских советов определяется пятнадцать человек, волостных — пять, причём совет уездный и уездного города должен быть общий, равным пропорциональным представительством от волостных, городских, рабоче-крестьянских организаций советов. Уездные советы административно подчиняются Камчатскому областному совету, действуя сообразно декретам, постановлениям как центральной, так

краевой и областной власти. Средства будут отпускаться только на указанное число членов. Содержание получают равно президиум и члены: семейные 400, холостые 300 рублей, лишь в том случае, если они отдают всё время советской работе. Отношение к судебным властям в настоящее время не определено до прихода парохода. Окружные суды упраздняются. К мировому судье надлежит делегировать от уездного совдепа двух представителей с правом решающего голоса впредь до организации народного суда. Милиция избирается всеми гражданами, содержание сообщается дополнительно по утверждению общей сметы в Петропавловске. Продовольственные комитеты работают под контролем совдепа, подчиняются им. Признающие власть Временного правительства отстраняются от занимаемых должностей, считаются контрреволюционерами, предаются народному революционному трибуналу. Покупки, продажи, сделки землей, недвижимостью прекращены. Городским и уездным совдепам предписывается установить наблюдение за нотариусами при несоблюдении настоящего декрета. Имущие классы облагаются налогами в пользу совдепа по его усмотрению, не внося расстройств в торговлю. Поступающим суммам от налогов вести строгий учёт. При обложении налогами нужно руководствоваться действительной потребностью сметы расходов и доходов городского и уездного хозяйства и тех учреждений, кои перешли в ведение совдепа. Точные нормы обложения будут сообщены дополнительно по получении декрета. Все привилегии особых преимуществ службы декретом отменены. В организованный на приисках Фогельмана совет горнорабочих (в Охотске. — *Ред.*) желательно, чтобы вошли все горнорабочие ближайших мелких приисков Охотска, иностранные подданные в совет не входят. Содержание членов совета на приисках должно ложиться за счёт предпринимателей-хозяев. От совета горнорабочих должны входить представители в уездный пропорционально представительству от других единиц. 235. Предоблсовдепа *Ларин*».

В середине 1917 г. фирмы «Стахеев» и «Люри» из Николаевска отправили в Охотский уезд несколько золоторазведывательных партий. Партийные разведки производились также по рекам Тунгуске и Иня, но за отсутствием там золота работы были прекращены. Прибывшие в уезд лица оказались не трудолюбивыми, а элементом, праздношатающимся и гуляющим. Не пожелав заняться другим делом, они в конце концов все сгруппировались в Охотске, где прииски Фогельмана, Тютрюмова и другие были захвачены приехавшими посланцами Николаевского совдепа и где

работали теперь на началах коллективности. После перехода власти к совдепам я получил письмо, характеризующее положение дел в Охотске. Привожу из него выдержки:

«Боже мой, что здесь творится. Золото добывает каждый сам себе, золото пропивает каждый сам своё. Выгонка самосадки рисовой и мучной кругом приисков дело открытое. Рис приобретали на золото, конечно, от японцев, куда оно уплывает десятками фунтов. На приисках чисто административные полицейские функции исполняет горный коллектив, который за проступки: драки, воровство и т. п. — расправляется коротко “дать полсотни или сотню горячих” — и секут виновного прямо до полусмерти. Указанный суд только один, других наказаний почти нет, разве кроме большого штрафа золотом, каковой виновный не может внести, почему также подвергается порке. Это суд коллектива в отдельности над рабочими, но бывает, что общее собрание горнорабочих таким же образом судит и наказывает и самый коллектив за что-либо неправильно содеянное. Это так самоуправляются на приисках. В городе же есть совет и комитет, творящие тоже что-то неладное. В продовольственном комитете явная для всех растрата тысяч восемь-десять, которую, а также на жалованье себе, сотнями раскладывают на продукты, и потребитель отдувается за всех. Торгующим Бушуевой, Черкасскому и другим ввиду того, что у них продукты дешевле, после проверки счетов торговать не дают, делают обыски, и вообще творится невозможное. Учётов, ревизии, конечно, нет. В уездном совдепе люди малограмотные в большинстве, устраивают свои дела посредством общих так называемых “народных сходок”, куда сознательный элемент и не ходит и где берут вверх несколько крикунов, вечно гуляющих и пьянствующих. Общее впечатление таково: никто не подчиняется ни центральному правительству, ни областной власти, говоря, что теперь “власть на местах”. Конечно, это всё распространяется и по уезду, где тоже бродят нежелательные слухи. Около отдельных крикунов группируются враги всякого благоустройства и сторонники анархизма. Чтобы прекратить всё это, если вы вернётесь к власти, необходимо прислать в Охотск начальника милиции из офицеров, человека энергичного, с отрядом человек в пятьдесят, ибо только этим путём можно было бы удержать разнуздавшиеся страсти людские, а также прекратить сбыт золота в Японию, которое уходит туда за спирт. Ведь новая жизнь сама не сделается, надо же, наконец, устраивать порядок государственный. Раз решили положительно вопрос о введении на Камчатке земства, торопитесь же к этой организованности,

шлите материалы для знакомства населения, что такое земство, ведь крестьяне этого не знают, их не знакомили. К тому же летом им не до науки, они заняты рыбой, зимою же от нечего делать их можно занять беседами и постепенно приготовить к новым формам сознательного общественно-государственного управления. Пока не поздно, действуйте и чаще напоминайте о себе. Сейчас в наших местностях бороться со всем разлагающим, что начинает сильно проявляться, становится уже трудно. Самое главное, необходима борьба с выгонкой самосадки, торговлей спиртом и спаиванием тунгусов. В состоянии опьянения честный трудовой народ легко поддаётся влиянию публики, шатающейся без определённых целей и стремлений, развращающей его всесторонне. Возьмите наше глухое село. Под влиянием слухов, весьма достоверных, что Охотск не признаёт областного совдепа и центра, и болтовни анархически настроенных лиц крестьяне отказываются выполнять какие бы то ни было общественные повинности. Я лично, как материально зависимый от общества, думаю, что в будущем не сумею угодить толпе, капризы которой ежечасны, и думаю, что придётся отсюда скоро выезжать...»

Точно в таком же положении находились Анадырский и Гижигинский уезды, где произвол свил прочное гнездо. На Петропавловский уезд, хотя и распространялась власть советов, его население считалось с таковой постольку, поскольку она была для них выгодной. Никакого влияния на ход жизни совдеп здесь оказать не мог, и единственно, чем он отравлял существование аборигенов края, — это различного рода налогами, коих, впрочем, мало платили, агитацией против интеллигенции, духовенства и зажиточных классов. В волостях в большинстве случаев оставались комитеты, созданные в 1917 г.

Часть 2

В конце мая 1918 г., председатель областного совдепа Ларин и члены «Чрезвычайной следственной комиссии по контрреволюционным делам» выехали в Хабаровск для доклада Дальневосточному Совету народных комиссаров о положении дел на Севере. До нас доходили сведения, что совдеп будет настаивать на применении к автономистам высшей меры наказания, и чтобы таковое в назидание другим было приведено в исполнение в Петропавловске. Это должно было случиться с приходом красного военного корабля, на котором должен был прибыть военный суд.

Между тем события продолжали развиваться. Глухим эхом приходили с материка известия, что там не всё благополучно. В радиотелеграммах сообщалось, что завоеванию пролетариата угрожают контрреволюция, буржуазия и чехословаки. Местный совдеп всё чаще и чаще устраивал митинги, призывал к организованности, увеличивал число красногвардейцев, реквизирует оружие, вооружался сам и вооружил своих единомышленников.

Но вот неожиданно случилось событие, сыгравшее решающую роль в камчатской жизни. В двадцатых числах июня в Японии был задержан русский пароход, следовавший с продуктами на Камчатку. В это время рыболовный сезон был уже в разгаре, однако в крае совершенно не было соли, что влекло за собою огромные убытки как для населения, так и для промышленных предприятий.

25 июня в адрес городской думы была получена телеграмма: «Арестован ли совдеп? В противном случае соль не будет выпущена. Российский консул *Лебедев*».

Так как городская дума была большевиками разогнана, радиотелеграмма была доставлена совдепу, который её скрыл от населения. Копия телеграммы была вручена мне как бывшему председателю областного комитета, которому в 1917 г. население области доверило защиту своих интересов. 27 июня состоялся многолюдный митинг совдепа, на котором говорилось о провокации, о контрреволюции, о защите советской власти, о предательстве японцев, и из всех речей можно было заключить, что совдеп что-то скрывает и боится, чтобы население не узнало правду.

Одним из присутствующих на митинге, который был посвящён в суть дела, был поднят вопрос о продуктах. Выступавшее лицо пыталось убедить толпу, что она ошибочно надеется на Дальсовнарком, что нельзя закрывать глаза перед надвигающейся опасностью быть без продуктов, что нечего искать крамолы там, где она пустой звук, что нельзя обрекать промысла и жителей на гибель, но ему не дали говорить. Ответом на это послужил призыв к расправе с контрреволюционерами и к защите советской власти. Вместо того чтобы заявить публично, что члены совета признают для себя невозможным оставаться далее во главе области, они приняли резолюцию просить Дальсовнарком выслать триста тысяч пудов соли, послали ему привет и проклятие белогвардейцам. После этого стало ясно, что члены совдепа не откажутся добровольно от власти, которой они тешились, как дети.

Как совдеп ни скрывал истинного положения дел, население проведало о задержке парохода с продуктами. Ко мне обратились

некоторые инородцы от волостей с вопросом: действительно ли имеется такая телеграмма? Я подтвердил документально факт её получения.

27 июня у меня собрались некоторые из бывших общественных деятелей и представителей селений на совещание о создавшемся положении для области. Совещание носило секретный характер и приняло решение выступить против советов активно, в каком-то направлении, и были начаты работы.

В первых числах июля нам стало известно о перевороте во Владивостоке и об образовании правительства автономной Сибири, ближайшей задачей которого являлась борьба с большевиками и освобождение Сибири от коммунистического ига. Ознакомившись с декларацией правительства, мы признали её отвечающей интересам и чаяниям населения, и именем этого правительства решили освободить Камчатскую область от большевиков.

11 июля около десяти часов вечера ко мне прибыл на шлюпках отряд повстанцев от волостей и начали собираться посвящённые в сущность дела горожане. Прилегающая к радиостанции местность была оцеплена, телеграфное и телефонное сношение с городом и окрестностями прервано. В город направились отдельные разведчики. В двенадцать часов ночи было открыто заседание революционного штаба, который единогласно постановил передать полноту государственной и общественной власти в крае областному комитету, избранному съездом всего населения области в 1917 г. Начальником отряда и комендантом города был назначен поручик Токаревский.

Через каждые полчаса мы получали точную информацию о положении дел в городе. Там всё было спокойно, никто не полагал и не ожидал никаких выступлений. Население мирно спало, советские деятели и красногвардейцы частью спали, частью пьянствовали. К двум часам ночи наш отряд состоял из тридцати шести человек, у многих не было пока оружия, но зато все мы были спаяны единой волей, единой верой в правоту своего дела, единой любовью к своей оплётанной и поруганной несчастной родине, и это давало нам возможность черпать силы и надеяться на успех.

Ряд лиц, которые обещали принять участие в перевороте, не надеясь на успех, не явились, но тем не менее мы решили выступить в два часа ночи и произвести арест областного, городского советов, красногвардейцев и всех сочувствующих им.

На востоке чуть занималась заря. Моросил мелкий дождичек, когда мы двинулись в путь. Отряд разбился на две группы, осто-

рожно подходил к намеченным зданиям, оцеплял их, разоружал одного за другим активных работников совдепа и отдельных красноармейцев, и отобранным оружием и снаряжением вооружались теперь уже мы. В три часа ночи было оцеплено здание военного комиссариата и казарма красногвардейцев, где не было даже часовых. Начальник отряда в сопровождении трёх повстанцев вошёл в помещение и произвёл страшнейший переполох. Всё оружие было выдано без сопротивления, а красноармейцы присоединены к арестованным. Многих трясла лихорадка, многие спрашивали конвой, что с ними сделают. К пяти часам утра арестованных было свыше ста человек, для конвоирования которых пришлось отрядить половину нашего отряда. Подвигаясь вперёд без единого выстрела, мне около шести часов утра пришлось наткнуться на чисто житейскую сценку. В одном из домов председатель продовольственного комитета, члены совдепа и различных организаций спокойно сражались в карты. Стол был уставлен батареей бутылок. Без труда все были разоружены и присоединены к остальным. В общем, за ночь мы так привыкли разоружать своих противников, что один человек входил свободно к десяти вооружённым красноармейцам, направлял на кого-нибудь из них револьвер, отбирал оружие и выгонял к остальным. Товарищи никак не ожидали подобной дерзости и беспрекословно повиновались отдаваемым распоряжениям.

От топота ног и с наступлением утра пробуждались горожане и пугливо выглядывали из дверей. Многие нас приветствовали, многие брали винчестера и присоединялись к нам.

К семи часам утра все арестованные были доставлены в зал высшего начального училища. В городе то там, то здесь появились национальные флаги, и многие, не зная о том, что произошло под покровом ночи, были поражены случившимся. Ни с той, ни с другой стороны не было сделано ни одного выстрела, не было ни одной жертвы. Отобранное оружие исчислялось сотнями. Часть его впоследствии была выслана во Владивосток для вооружения войск Сибирского правительства.

За отсутствием арестного помещения для столь большого числа задержанных, революционный штаб после отеческого внушения освободил почти восемьдесят процентов арестованных. Многие из них проклинали совет, втравивший их в невыгодную сделку, многие просили зачислить их в отряд милиции или команду, обещающая верой и правдой служить родине и народу. Все активные деятели были заключены под стражу, и власть с семи часов утра

12 июля 1918 г. по старому стилю перешла к Камчатскому областному комитету.

В девять часов утра было выпущено следующее объявление:

«Граждане Камчатской области! Советская власть довела Камчатскую область до того, что она не имеет ни денег, ни хлеба, ни соли. Нет пароходов — этого важного жизненного нерво-промысла. Постановления областного съезда, клонившиеся к благу всего трудового народа, попораны. Нет свободы слова, печати, личности, жилищ. Нет ни власти, ни законности. Произвол и насилие властвует над всем. Большевики предали Россию и Сибирь в руки немецкого империализма. Большевики погубили завоевания великой российской революции. Восставшие народы сбросили власть большевиков в Западной и Средней Сибири и создали автономное Сибирское правительство, в состав которого вошли социалисты революционеры, демократы и народные социалисты. Советская власть на Камчатке в лице областного совета, приведя страну в затруднительное положение и не умея из него выйти, усилиями местных жителей лишена полномочий.

Власть в Камчатской области принята областным комитетом, избранным на съезде в 1917 г., и городской думой, как законными носителями демократической власти, и в ближайшее время будет передана коренному населению Камчатской области, как наиболее заинтересованному в жизни окраины. Неуклонно и твёрдо пойдут эти учреждения по пути революционной законности, к праву и справедливости в измученной стране.

Будьте, рабочие, крестьяне, казаки, туземные племена и все классы населения, — гражданами! Будьте едины в своём стремлении к спасению Родины и Камчатки!

Председатель Камчатского областного комитета *А. Пурин*, товарищ его *П. Сусляк*».

С переходом власти к областному комитету необходимо было восстановить деятельность учреждений, существующих в крае до большевиков, и разрешить ряд вопросов местного характера. Чрезвычайно сложно было и международное положение окраины, так как у берегов Камчатки плавали японские военные суда, высаживавшие десанты в селениях и выяснявшие здесь количество большевиков. Президиум областного комитета издал ряд распоряжений, впоследствии одобренных комитетом. В полдень 12 июля было назначено заседание наличных членов областного комитета, городской думы и представителей ведомств. На заседание были допущены представители населения и общественных организаций.

О свержении советской власти население области было извещено следующей телеграммой: «Волей коренного Камчатского населения советская власть в Камчатской области и городе Петропавловске свергнута. В управление окраиной вступил областной комитет, избранный съездом в 1917 г. В Петропавловске восстановлена городская дума созыва 1917 г. Предлагается всюду восстановить органы управления, действовавшие до захвата власти большевиками, всех активных деятелей советвласти и лиц, стремящихся к анархии и неподчинению, задерживать и выселять из пределов области. В Петропавловске открылся съезд представителей ближайших волостей, который объявил диктатуру коренного населения Камчатки и полноту исполнительной власти передал до съезда комитету. Область находится в безвыходном положении: нет денег, хлеба, соли, продуктов. Областной комитет напрягает чрезвычайные усилия поднять экономическое благосостояние края. В конце июля созывается второй областной съезд. Постановлением волостных съездов высылаются во Владивосток без права возвращения в Камчатскую область свыше пятнадцати лиц большевиков. Пароход “Адмирал Завойко” идёт во Владивосток для получения инструкций от Сибирского правительства, оттуда зайдёт в Охотск и в пункты западного побережья. На днях придут крейсера “Беринг” и “Лейтенант Дыдымов”, которые должны содействовать перевозке делегатов и доставке продуктов. В Тигильской и Хайрюзовской волостях нет хлеба, будет выслан. У красногвардейцев отобрано и отбирается много оружия. Получены известия, что задержанный в Хакодате с продуктами пароход теперь будет выпущен. В городе образцовый порядок».

В ответ на эту информацию была получена масса телеграмм. Приветствия поступали не только от оседлого населения, но даже от кочующих инородцев, которые также успели испытать «прелести» коммунистического рая. Повсюду население радостно приняло весть о перевороте и тем или иным путём старалось это подчеркнуть. Из многих волостей, в том числе от кочевых ламут, прибывали в Петропавловск делегаты и благодарили членов областного комитета за восстановление правопорядка и законности в крае. Они говорили, что был момент колебаний, за кем идти: за областным комитетом или советами. Первый обещал провести в крае демократические органы управления — земство, вторые представляли полную свободу самоуправления и критиковали непригодность земских учреждений, обещали новые порядки, но вместо этих порядков к власти пробрались известные в крае мошенники,

которые, ничего не делая, учили этому же людей. Вместо одного губернатора появилось десять министров. Воры и прохвосты стали диктовать правила и постановления, призывать людей к трезвости, пьянствуя без просыпу день и ночь.

Присмотревшись к советам, население поняло, за кем идти, поняло, кто враг и кто друг народа. Нас уверяли, что отныне население не станет признавать никакой другой власти, кроме власти, образованной самим народом на предстоящем областном съезде.

17 июля областным комитетом была отправлена в адрес Сибирского правительства следующая телеграмма:

«Население Камчатской области, свергнув и арестовав советы, шлёт приветствие Временному правительству и пожелания скорейшего свержения власти большевиков во всей Сибири и осуществления всех намеченных правительством мероприятий, клонящихся к установлению правопорядка, законности и гражданских свобод. В Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае власть принята областным комитетом, избранным на областном съезде в 1917 г. Власть комитета признана всем населением и окончательно укрепилась».

С арестом активных деятелей советов возник вопрос, что с ними делать. Держать их под арестом не было никакого смысла — это требовало, во-первых, значительного расхода, а во-вторых, вызывало нежелательные нарекания и слухи. Кроме того, не было у нас и достаточно людей для охраны арестного помещения. Прокурор окружного суда г. Кадашевский не находил достаточных улик для привлечения их к уголовной ответственности. Он неоднократно требовал от меня освобождения арестованных и в результате привлёк меня как председателя комитета к уголовной ответственности за свержение советской власти. Областной комитет был чрезвычайно возмущён таким поступком и не видел иного выхода, как распустить окружной суд, в каковом духе и было вынесено постановление. Это был незаконнейший акт, но выхода не было. В тот момент, когда вся Россия начинала борьбу с коммунистами, прокурор Камчатского окружного суда г. Кадашевский вместо того, чтобы помочь восстанавливать государственный порядок, всячески подрывал авторитет власти и всячески подыгрывался к большевикам. Окружной суд всё-таки распущен не был, но между административной краевой властью и прокурором суда до того были натянуты отношения, что стоило многих трудов не допустить ареста и высылки прокурора. Суд весьма неохотно начал свою работу и никакого участия в устройстве жизни области не

принимал. Исключение составляют два члена суда и два секретаря, кои приняли деятельное участие в работах областного комитета, за что и вынуждены были в конце концов оставить службу в суде. Прокурор несколько раз посещал арестованных и заявлял им, что он не находит в их действиях ничего противозаконного, что им неоднократно отдавалось распоряжение об освобождении их из-под ареста, но что распоряжениям его областной комитет не подчиняется.

Когда о действиях прокурора стало известно населению области, оно категорически потребовало, чтобы окружной суд был с Камчатки убран. По существу население было право. Окружной суд был создан здесь искусственно и прозябал от ничегонеделания. За шесть лет он разобрал не более пяти-шести подсудных ему дел. Ведь Камчатка сама по себе замечательнейшая в мире страна. До 1911 г. здесь не было случая, чтобы кто-нибудь что-нибудь украл. Само учреждение окружного суда на Камчатке можно объяснить недоразумением. При рассмотрении этого вопроса в Государственной Думе министром юстиции указывалось, что на Камчатке проживает более трёхсот тысяч человек, на деле цифра эта увеличена в десять раз. В то же время такие населённые пункты, как Сахалинская область и г. Николаевск, в действительности нуждались в окружном суде, но такового там не было. В конце концов мы доказали правительству беспечность окружного суда на Камчатке, и таковой был переведён в Николаевск-на-Амуре, о чём будет сказано ниже.

С приходом пароходов из Владивостока в Петропавловск понаехало много разных тёмных лиц, которые явно не пожелали признавать местных порядков. На улицах появились пьяные, начинались дебоши и драки, велась открытая пропаганда в пользу коммунистов. Для прекращения этого комендантом города Петропавловска было издано обязательное постановление, смысл коего сводился к следующему:

1) никто из пассажиров не смел выносить с собою на берег огнестрельное оружие и спиртные напитки;

2) воспрещалось ходить по улицам города толпами и группой более трёх человек;

3) воспрещалась всякая пропаганда и критика распоряжений, исходящих как от Сибирского правительства, так и от Камчатского областного комитета и учреждений, ему подчинённых;

4) виновные в нарушении настоящего постановления подвергались аресту и высылке из пределов Камчатской области.

Чтобы распоряжение это в действительности осуществлялось, все члены комитета вошли в состав местной команды на правах рядового бойца. Днём шла энергичная деловая работа в канцеляриях, ночью по очереди несли мы караульную службу. Это было тяжёлое время. В городе начиналось брожение, многие предпринимали меры к освобождению арестованных. Комендант ответил на это рядом арестов и обысков, во время которых был найден приводимый ниже документ:

«Письмо из Владивостока от председателя Камчатского областного совета И. Е. Ларина члену совета и комиссару юстиции Шиманчику.

Товарищ, крепитесь. Скоро, наверное, и мы приедем. Как уже я писал, Владивосток взят чехословаками в один день при помощи десанта с крейсеров. Как больно было смотреть на улицу: высыпали все толстобрюхие с весёлыми лицами. Пока хотя на воле. Выручайте нас. Нас не должны задержать, так как комитет областной избран по четырёхчленной формуле и ещё при Временном правительстве в июле прошлого года, так и пишете. Телеграфируйте. В случае если окрепнет власть правительства автономной Сибири, шлите уполномочие в состав её, оно будет полезно пока. Не знаю, а может быть, ещё и меня арестуют и товарищей не выпустят. За что про что... Вот так попали из огня да в полымя. В чужой похлёбке расхлёбывай. Управляйте благоразумно, не делайте осложнений. Крепко и стойко держитесь до второго съезда Камчатки. Мы не самозванцы, а посланники народа, избраны по четырёхчленной формуле. Делайте чаще собрания и разъясняйте народу правду. Организуйте вокруг себя крепче массы. Отсюда никакой поддержки не ожидайте, кроме плохого. Ну, так действуйте честно, прямо, благоразумно и энергично. Не дайте возможности выступить реакции. Ваш *И. Л.*

Товарищ Шиманчик, чтобы ни случилось, какое бы ни образовалось правительство, шлите мне уполномочие в это правительство. Из телеграмм увидите сами: пока всё ещё неопределённо. Ради Бога, примите самые энергичные меры к недопущению и у нас этой заразы. Всеми силами старайтесь удержаться, не дайте восторжествовать реакции. Говорят, к нам пошлют эмиссара, для чего, я удивляюсь: опять: “губернаторы”. Красную армию здесь всю разоружили. Совет арестовали. Переворот произвели чехословаки при помощи десанта китайского, английского и японского. Американцы держали себя нейтрально. Есть жертвы, но не так много. Ради Бога, выручайте нас. Не давайте много воли распро-

странять, будоражить население приехавшим на “Завойко” реакционерам. *И. Ларин*».

В первое время после переворота нельзя было думать об отдыхе. Принимавшее участие в перевороте население начало разъезжаться, а отряд милиции был настолько малочислен, что его не хватало для караульной службы. Правда, было много желающих поступить в отряд милиции, но в состав его принимались лишь лучшие и надёжнейшие люди из местных горожан и уроженцев Камчатки. Личное присутствие и днём, и ночью вызывалось необходимостью момента и желанием не допустить произвола, так как среди чинов отряда было несколько горячих голов, которые во что бы то ни стало хотели разделаться с некоторыми членами совдепа.

Благодаря своевременным принятым мерам никаких насилий над арестованными произведено не было. Постановлением чрезвычайного съезда ближайших волостей все активные деятели совдепа были выселены во Владивосток и лишены права обратного въезда в Камчатскую область.

Гораздо больше хлопот причиняли нам прибывавшие из Владивостока на Камчатку пароходы Добровольного флота. На кораблях этих по-прежнему действовали судовые советы, которые держали себя весьма вызывающе по отношению к местным властям. Пьяные матросы толпами болтались ночью на улицах, кричали и безобразничали. На заявление патруля не нарушать тишину отвечали дерзостями и руганью. Чтобы положить предел этому, начались поголовные аресты всех лиц, безобразничавших в городе. Председатели судовых комитетов являлись к коменданту и требовали освобождения задержанных. С ними поступали так же. Всех этих лиц предполагалось выселить из области во Владивосток на ближайшем правительственном пароходе. Однако скоро арестованные матросы и кочегары опомнились, и начались просьбы об освобождении. По ходатайству капитанов судов задержанные были наконец освобождены и доставлены на корабли под условием немедленного расформирования судовых советов, что фактически и было выполнено. Кроме того, виновники бесчинств в административном порядке были подвергнуты денежному штрафу. Эти мероприятия имели самое благодетельное последствие — с нашими обязательными постановлениями стали считаться не только местные люди, но и проезжающие. Жизнь вскоре вошла в нормальную колею, и областной комитет приступил к созидательной работе.

15 июля в селении Завойко был созван чрезвычайный волостной съезд с участием соседних волостей, делегатов Командорского и Охотского уездов и представителей от Петропавловска. Считая свою задачу выполненной, областной комитет предложил съезду принять полноту власти в области впредь до созыва краевого съезда представителей от всей области. Это своё решение областной комитет основывал на том, что коренное население более всего заинтересовано порядком в крае, и если оно таковой желает установить, то и должно принять соответствующие меры.

По обсуждении этого вопроса чрезвычайный завойкинский волостной съезд 16 июля 1918 г. принял следующее решение:

«Чрезвычайный завойкинский волостной съезд совместно с представителями Командорского и Охотского уездов и Петропавловской городской думы, созданный для обсуждения вопроса о создании временного управления областью в связи со свержением советской власти, обсудив всесторонне этот вопрос и принимая во внимание исключительную важность и спешность его разрешения, а также считаясь с особенностями камчатской жизни, постановил:

1) объявить для всей Камчатки диктатуру местного населения области в лице завойкинского волостного съезда впредь до созыва Камчатского областного съезда делегатов от волостей, который должен быть созван в самое ближайшее время;

2) всю полноту исполнительной власти съезд передаёт Камчатскому областному комитету состава, избранного на съезде делегатов от всей Камчатки в 1917 г.;

3) о настоящем постановлении довести до сведения Временного Сибирского правительства и всех волостей Камчатской области и просить их подтвердить завойкинскому съезду и областному комитету своё согласие на принятие такой исключительной, но совершенно вынужденной обстоятельствами момента меры, клонящейся к поддержанию порядка, спокойного течения трудовой жизни и восстановления поправных прав коренного населения Камчатки.

Председатель съезда *Рязанцев*, товарищ его *П. Крупенин*, секретарь *В. Алексеев*».

Это постановление было распространено по области, и отовсюду получены подтверждения. Таким образом, работа областного комитета начала протекать при полной и солидарной поддержке всего населения, которое во многих пунктах задерживало беспокойный анархически настроенный элемент и выселяло таковой из области во Владивосток для дальнейшего выселения по месту

рождения. Это оказало огромное воздействие на всех приезжих и вновь переселившихся. Но главная заслуга населения состоит в том, что подобным сознательным отношением к порядку и водворению спокойствия в крае оно избавило Камчатскую область от оккупации её Японией, которая ни в каком случае не допустила бы влияния коммунистов на Камчатке. Повсюду, где население относилось к образованию русской власти безразлично или враждебно, мы видим иностранные десанты, а такие области, как Сахалинская, оказались оккупированными, и здесь уничтожено всё то, что намекало на самоуправление, и край управляется иностранцами.

Со свержением советской власти и водворением порядка в крае, чему способствовало само население, необходимо было перейти к нормальной работе, необходимо было позаботиться о средствах и продовольствии для населения области. В казначействе и в кассах специального сборщика в уездах не было никаких средств. Между тем предстояли весьма крупные расходы. Не было даже денег для уплаты жалованья служащим.

Обсудив этот вопрос, областной комитет обратился к населению со следующим воззванием:

«Граждане Камчатской области! Власть, разорившая Россию и доведшая её до нищеты, свергнута, и в настоящее время нужно приняться за воссоздание всего разрушенного. Необходимо употребить всю энергию, ещё не иссякшую, при том кошмаре, который пришлось пережить. Власть, заслужившая презрение и недоверие, заставила всех граждан выбрать из государственного казначейства все свои сбережения, и касса государственного казначейства пуста. В настоящее время начинается творческое строительство, требующее энергии и денег. Несите же, граждане, доверчиво скопленные сбережения в государственное казначейство и тем помогите воссоздать разрушенное. Государство вступает на путь экономического развития, и мы должны ему доверить свои сбережения и тем выполнить свой священный гражданский долг!»

Ко дню свержения власти советов в казначействе оставалось около шестнадцати тысяч рублей, после опубликования выше приведённого воззвания население стало вносить деньги в казначейство, и в ближайшие же дни мы располагали средствами свыше чем двести тысяч рублей. Это указывает, что население вполне доверяло вновь образовавшейся власти и охотно старалось власть эту поддержать.

С восстановлением деятельности Петропавловской городской думы она обратилась к населению со следующим воззванием:

«Граждане! Волей Камчатского коренного населения советская власть у нас здесь свергнута. Законные органы власти приступили к сложной и ответственной работе по созданию прочного, справедливого правопорядка и обеспечению личной и имущественной безопасности всех граждан. Городская управа вступила в исполнение своих обязанностей. Не предрешая впредь от своего имени разрешения насущных вопросов, а также экономических нужд города, она в первую очередь принимает на себя заботы о скорейшем проведении выборов нового состава городской думы, вручив вашим избранникам всю полноту власти для проведения экономических сторон жизни города на благо и пользу всех граждан.

На состоявшемся на днях общем собрании граждан-домовладельцев вынесено было единогласно пожелание о введении в нашем городе упрощённого городского самоуправления, цель и задачи которого сводятся к облегчению материальных задач города, которое будет лежать меньшим бременем для нашего малонаселённого, малоразвитого в промышленном и торговом значении уголка.

Городская дума со своей стороны, вполне разделяя это пожелание граждан, приступит в ближайшем времени к выборному производству нового общественного самоуправления на упрощённых началах, сохраняя при этом выборное производство на самых широких демократических началах, данных нам революцией. *Городская управа*».

Не получая никаких сведений от Сибирского правительства по различным вопросам управления северо-восточной окраиной, областной комитет вынужден был действовать самостоятельно на началах автономии, руководствуясь основными государственными законами и положениями, изданными Временным правительством по 24 октября 1917 г. Вопросы местного характера разрешались и регулировались журнальными постановлениями комитета, принимавшими силу закона с момента их опубликования. Возникшая было мысль восстановить должность областного комиссара Временного правительства отпала, так как Лавров сложил свои полномочия с выбором его в Учредительное собрание и находился во Владивостоке, а заместитель его, бывший член Второй Государственной Думы И. Ф. Голованов, состоял членом областного совдепа, и чрезвычайным съездом волостей ему было выражено недоверие. В этом случае, по моему мнению, съезд поступил опрометчиво и необдуманно. Интеллигентные работники, входившие в состав совдепа, являлись сдерживающим элементом и всячески старались умиротворить разбушевавшиеся страсти.

С восстановлением правопорядка областной комитет приступил к осуществлению мероприятий, намеченных первым камчатским областным съездом в 1917 г., и к разрешению целого ряда вопросов, имевших существенное значение для края. Хотя большевизм и не свил себе прочного гнезда в крае, но всё же жизнь была выбита из нормальной колеи, отсутствовал однообразный аппарат управления, и ряд учреждений бездействовал. Не было учителей, медицинского персонала, учебных пособий, медикаментов, продуктов. В заповедных местах появилось много хищников, русских и иностранцев. Шхуны разных национальностей свободно хищничали на побережьях, и охотники высаживались даже на Командорских островах и у мыса Лопатка, где началось беспощадное уничтожение морских котов и бобров — этих ценнейших в мире животных, сохранившихся пока что только в Камчатской области.

Отовсюду получались самые печальные вести и просьбы выслать продукты. В некоторых местностях население не видело уже хлеба по два месяца и питалось сушёной рыбой — юколой.

К довершению всего у берегов Камчатки появились японские военные суда и ползли зловещие слухи о неизбежной оккупации края Японией. Этим воспользовались ревнители советовластия, и началась агитация уже в пользу комитета.

Отсутствие людей с административным опытом, отсутствие средств и оторванность от центральных управлений Сибирского правительства чрезвычайно затрудняли нашу работу и приводили нас порою к ошибочным и неправильным решениям, в которых нас впоследствии несправедливо обвиняли и критиковали. Но что ж поделать, с верой в лучшее будущее своей родины мы восстанавливали одну из частичек России — Камчатскую область так, как умели, памятуя, что, когда наступит день подсчёта, когда спросят каждого русского человека, что он сделал для родины, — мы смогли бы дать ответ на этот вопрос.

За период времени с 12 июля по 31 декабря 1918 г. областным комитетом были проведены следующие мероприятия:

1) возобновлены работы особой комиссии по введению земских учреждений в Камчатской области. Председателем комиссии был назначен председатель Петропавловской городской думы. В состав комиссии были привлечены юристы, начальники учреждений и представители от местного населения. Комиссия собрала весьма ценный статистический материал, но земство в области ввести не удалось по причинам, о коих будет сказано ниже;

2) для установления однообразного управления в волостных и сельских местностях области разработана и издана временная инструкция об устройстве волостных и сельских обществ Камчатской области, на основании каковой инструкции население должно было управляться до введения земских учреждений. Впоследствии эта инструкция была отменена Советом министров Омского правительства, но фактически этой инструкцией управляется население до сих пор. Своеобразные условия жизни Севера не могут быть приложены к существующим общегосударственным положениям. К устройству местной жизни окраин приходится подходить весьма осторожно, что и было сделано областным комитетом, составленным из лиц, хорошо знающих край;

3) для борьбы с возросшей преступностью введён институт волостных судов, действующих на основании основных государственных законов. Волостной суд составлялся из трёх лиц, избираемых волостным съездом. Судьи являлись несменяемыми. Второй инстанцией являлся мировой судья уезда, третьей — окружной суд;

4) отменено постановление бывшего областного совета о пошлине, наложенной советом на вывозимую из Камчатской области пушнину. Против членов совета, взыскавших эту пошлину и не сдавших собранных сумм в казначейство, возбуждено уголовное преследование;

5) взысканный областным советом с каждого гражданина Камчатской области десятирублёвый налог на просветительные надобности зачислен в доход казны на нужды народного образования. Областным комитетом было обращено особенное внимание на постановку народного образования в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае, и заведование этой частью было поручено товарищу председателя областного комитета П. Я. Сусляку — неугоминому работнику на nive народной (убит в 1922 г. из личной мести офицером из отряда полковника Бочкарёва). К моменту свержения советской власти в Камчатской области состояло одно высшее и двадцать одно низшее начальное училище, из них половина бездействовала за отсутствием учителей. Вместо 51 000 рублей, отпускавшихся на нужды народного образования до сих пор, областной комитет утвердил смету заведывающего училищами в 513 650 рублей, причём население обязалось доставлять для школ безвозмездно дрова и оказывать помощь в перевозке школьного инвентаря. П. Я. Сусляк был командирован во Владивосток с докладом Сибирскому правительству, где смета эта была также утверждена, и с поручением подыскать соответствующий штат учителей. Результаты

этой поездки были весьма плодотворны. Удалось закупить учебники, учебные пособия, пригласить педагогический персонал — многих лиц с высшим образованием, и к началу учебного года в Камчатской области действовало четыре высших и шестьдесят низших начальных училищ. Кроме того, по просьбе инородцев было открыто в Охотске инородческое училище для якутов и в Петропавловском уезде одно передвижное училище среди кочующих ламут. Последние, проведая о широкой культурной работе, осуществляемой областным комитетом, прислали двух делегатов-ламутов с заявлением, что они хотят учить своих детей. На предложение поместить ребят в интернат при училище ответили опасением, что они будут скучать, но главная причина заключалась в том, что одного из ламут, когда-то давно учившегося в русской школе, наказали (ударили линейкой). Правда, это было лет пятнадцать тому назад, но случай этот передаётся из семьи в семью, и ламуты с тех пор избегают помещать ребят в школу. Было бы грешно не удовлетворить просьбу ламут, тем более что они предложили весьма подходящий проект. Ламуты предоставляли отдельную юрту под школу, в которой мог бы жить учитель и куда должны были приходиться ученики. При перекочёвках табунов оленей школа-юрта перекочёвывает также. Был найден учитель, и такая школа открыта, но этот учитель оказался малоподходящим и не оправдал возлагавшихся на него поручений.

Ольским учителем г. Варреп с разрешения областного комитета была открыта инородческая школа в стойбище коряк вблизи Пенжинской бухты. Благодаря необычайной энергии и добросовестности этого учителя там дело пошло очень хорошо. В этих инородческих школах преподавался русский язык, арифметика и Закон Божий.

Одновременно был восстановлен закрывшийся из-за отсутствия средств единственный в крае инородческий приют-ясли, основанный епископом Нестором в бухте барона Корфа. На содержание этого приюта были переданы доставленные начальником научной экспедиции В. К. Арсеньевым две тысячи рублей и отпущены из продовольственной управы потребные продукты. Во главе этого приюта встал протоиерей Кох (юрист по образованию).

Областной комитет в деле народного образования не хотел останавливаться на полумерах. Был выдвинут проект открытия среднеучебного заведения в Петропавловске и проект постройки ряда школьных зданий, но судьбе угодно было решить иначе. Комитету в начале 1919 г. пришлось прекратить свою деятельность, однако

Омское правительство признало необходимым продолжить начинания областного комитета, и на школьное строительство в области на первое пятилетие было ассигновано десять миллионов рублей;

6) восстановлено действие касс специального сборщика в уездах. По особым ходатайствам Петропавловского казначейства кассы уездов пополнены денежной наличностью, доставленной из государственного банка Сибирского правительства.

7) по поручению Сибирского правительства рассмотрение и утверждение расходных смет по всем ведомствам Камчатской области передано временно областному комитету. В силу этого под председательством податного инспектора была образована специальная финансовая комиссия, в которой все сметы подвергались тщательному рассмотрению и вносились затем с заключением комиссии на утверждение областного комитета. Копии смет представлялись правительству. Не предусмотренные сметами расходы производились в каждом отдельном случае с особого разрешения комитета;

8) особым постановлением областного комитета петропавловскому городскому самоуправлению и органам местного самоуправления в крае были переданы только хозяйственные функции, вся же административно-политическая власть оставлена в исключительном ведении областного комитета. Административные обязанности в уездах и волостях возложены на председателей комитетов, кои действовали по указаниям областного комитета. С восстановлением института уездных комиссаров и начальников уездной милиции на эти должности были назначены известные и популярные в крае лица. Многие из них были назначены по просьбе населения;

9) приступлено к изысканию и постройке шоссейной дороги от Петропавловска на Тигиль (1 000 верст) и от Начик к реке Камчатке (700 верст), для каковых работ прибыла специальная дорожная партия Приамурского переселенческого управления. До этого времени на Камчатке не было совершенно ездовых дорог, что препятствовало колонизации края и использованию его естественных богатств внутри страны;

10) гидротехнической партией Приамурского переселенческого управления приступлено к обследованию водных источников, осушке болот, постройке колодцев в сельских местностях и к обследованию огородничества;

11) приступлено к изучению способов использования всех ресурсов окраины и к устройству на местах существующего населения.

Во главе этой научной экспедиции Приамурского переселенческого управления стоял известный знаток инородческого населения В. К. Арсеньев;

12) особой экспедицией под начальством ихтиолога Павленко приступлено к обследованию рыбных промыслов Камчатской области. Одновременно начаты работы по съёмке морского побережья с измерением расстояний между рыбалками, статистическим и общим обследованием промысловой охоты и рыболовства. Эти работы производились по особым ходатайствам члена Учредительного собрания К. П. Лаврова за счёт Бюро экономических обследований Дальнего Востока;

13) выехавшими в мае 1918 г. во Владивосток уполномоченными по снабжению Камчатской области продовольствием И. Д. Добровольским, Г. Г. Подпругиным и А. Д. Батуриным в чрезвычайно тяжёлых условиях приходилось проводить продовольственную кампанию. Несмотря на огромные запасы пушнины, подлежащей реализации, средств было недостаточно. Ввиду этого делегация при содействии члена Учредительного собрания К. П. Лаврова сумела выхлопотать правительственную ссуду и снабдить Камчатскую область продовольствием и предметами первой необходимости в такой мере, в какой она никогда не снабжалась раньше и навряд ли когда-нибудь будет снабжена в будущем. Население даже самых отдалённых уголков получило всё, что являлось необходимым для жизни, по самым умеренным ценам. По прошествии шести месяцев делегация вернулась в Петропавловск, блестяще выполнив возложенную на неё задачу;

14) по особому ходатайству областного комитета Приамурского переселенческого управления изъявило согласие: а) помочь населению в деле приобретения различных предметов, необходимых для развития огородничества, скотоводства, пчеловодства и существующих промыслов, а также в нарождении отсутствующей на Камчатке кустарной промышленности; б) в устройстве больниц и приёмных покоев; в) в снаряжении специального глазного отряда в целях борьбы с трахомой, который должен был работать на Камчатке два-три года подряд, и г) в устройстве приюта для сирот.

С весны 1919 г. в Петропавловске предполагалось открыть отдел переселенческого управления, в котором будут объединены все перчисленные мероприятия, причём переселенческое управление имело в виду в каждом отдельном случае согласовать свои работы с желаниями и нуждами местного населения в лице его полномочного представителя — Камчатского областного комитета;

15) по распоряжению Совета народных комиссаров телеграфная связь между Камчатской областью и территорией Сибирского правительства была прервана в Хабаровске. Областной комитет возбудил ходатайство пред японским правительством об открытии таковой связи через Японию, каковое ходатайство и было удовлетворено, что являлось крайне важным не только для правительственных сношений, но и для коммерческих;

16) вследствие настоятельных требований областного комитета к установленным пароходным рейсам между Владивостоком и Камчаткой было добавлено восемь дополнительных рейсов, благодаря чему рыбные продукты области были вывезены почти полностью и промышленники избавлены от грозившего им разорения;

17) ввиду отсутствия в пяти уездах мировых судей по ходатайству областного комитета Петропавловский окружной суд постановил возложить временное исполнение обязанностей мирового судьи Петропавловско-Командорского и Чукотско-Анадырского уездов в полном объёме на члена Петропавловского окружного суда К. А. Емельянова. На гижигинского мирового судью были возложены дела по Охотскому уезду. Правосудие отправлялось именем Временного правительства;

18) постановлениями областного комитета в г. Петропавловске был организован Камчатский народный театр, в задачу которого входили культурно-просветительные цели, и приняты меры к восстановлению и созданию Камчатского музея. На эти надобности ассигнованы большие средства из специальных сумм областного правления;

19) для прекращения вывоза золота за границу из Охотского и Чукотско-Анадырского края хищническая добыча такового русскими гражданами не преследовалась при условии, что всё добытое золото будет сдано по справедливой оценке или в местное казначейство, либо в продовольственную управу. Постановление это противоречило закону и как бы легализировало хищничество, но зато оно дало возможность сберечь не один пуд этого ценного металла, который сплавлялся до сих пор на шхуны в обмен на продукты и спирт и уходил за границу. Хищники-золотоискатели опасались раньше вносить добытое ими в запретных районах золото в казну, так как от них отбирали различные сведения, а затем привлекали к ответственности за хищничество и сажали в тюрьмы. В силу этого всё золото десятками пудов из года в год продавалось японцам и американцам за бесценок либо выменивалось на спирт. С изданием указанного постановления в наши кассы

стало поступать в большом количестве золото, взамен которого хищники получали всё, что им требовалось. Одновременно областным комитетом был разработан проект штатов горной милиции, предполагалось открыть в Охотске и на Чукотском полуострове особые кассы для скупки золота и иных ценных металлов, в обмен на которые можно было бы выдавать кредитные билеты или продукты из продовольственных складов.

На право занятия горным промыслом было выдано значительное количество разрешений русским подданным. Поступало в областной комитет также много ходатайств иностранных фирм и компаний американских и японских о разрешении им горнопромышленности в Чукотско-Анадырском крае, причём эти компании обязывались ставить дело широко, что, несомненно, оживило бы край. Однако областной комитет избегал сдавать концессии и направил эти ходатайства на разрешение Сибирского правительства;

20) образовано бюро по созыву второго камчатского областного съезда, на которое возложена работа по подготовке и разработке материалов по вопросам, подлежащим разрешению съездом;

21) рассмотрен вопрос о камчатских казаках и об удовлетворении их жалованьем и пайковым довольствием, которое они не получали около года. Кредит на выдачу жалованья и пайкового довольствия ассигнован областным комитетом по смете Министерства внутренних дел, причём казакам предложено поступить на службу в отряды областной милиции;

22) в районы реки Большой (западный берег Камчатки) прибыл топографический отряд в составе пяти топографов, естественника и чертёжника для обследования реки. Эта экспедиция была снаряжена за счёт акционерного общества «Грушецкий и К°»;

23) рассмотрен ряд прошений о возврате денег, оружия, пушины, конфискованных у разных лиц во время запуска на соболя согласно закону 9 июля 1912 г. Все конфискации признаны правильными, и в удовлетворении ходатайств отказано, что вызвало неудовольствие среди бывших хищников;

24) разработаны и утверждены новые оклады содержания служащим правительственных и общественных учреждений Камчатской области. Ставки низших служащих были значительно увеличены, высших уменьшены. Омским правительством эти ставки были впоследствии значительно повышены;

25) для заведывания сельскохозяйственными делами области образован особый совет в составе агронома И. Д. Добровольского, агронома Л. А. Кривцова, членов областного комитета Н. П. Болтенко,

Г. Н. Попова и Т. И. Новограбленова. В своей деятельности совет должен руководствоваться утверждённой департаментом земледелия инструкцией;

26) вследствие появления в разных пунктах области подозрительных праздношатающихся лиц, не имеющих никакой связи с краем, областным комитетом поручено начальникам милиции, а где таковых нет, председателям сельских комитетов или заведующим милицейской частью по принадлежности, производить проверку документов всех прибывающих в Камчатскую область. В наиболее населённых пунктах ввести домовые книги. Лиц без документов и определённых занятий не допускать к высадке с пароходов и возвращать их во Владивосток на том же пароходе. Это распоряжение было также опубликовано во владивостокских газетах;

27) отменено штемпелевание кредитных билетов Государственного казначейства, а также облигации займа свободы и военных займов, каковые билеты имеют хождение наравне со штемпелёванными в пределах Камчатской области;

28) введён попутный сбор на вывозимые из г. Петропавловска рыбные продукты в размере 15 копеек с пуда. Означенный сбор поступает в специальный фонд городской управы и предназначен на расходы по благоустройству города Петропавловска;

29) утверждена программа работ второго камчатского областного съезда. Делегатов съезда постановлено удовлетворять суточными в размере десять рублей в день;

30) ввиду полного отсутствия медицинского персонала в области (одна лечебница на пять коек в г. Петропавловске и пятнадцать фельдшерских пунктов) поручено врачебному инспектору подыскать штат врачей и фельдшеров и поднять на должную высоту медицинскую часть края. По рассмотрении представленных врачебным инспектором двух смет областной комитет утвердил сокращённую смету, согласно которой было открыто свыше сорока фельдшерских пунктов и пять больниц земского типа. Кроме средств на содержание врачебного персонала, за счёт продовольственных кредитов было заготовлено большое количество медикаментов, так как таковых совершенно не имелось. Для оборудования больниц врачебному инспектору были переданы кровати, бельё, полотно и прочие материалы из запасов бывшей местной команды, а также лаборатория.

Одновременно в видах экономии средств на врачебного инспектора было возложено и заведывание ветеринарной частью области;

31) вследствие злоупотреблений на Командорских островах для производства расследований командирована специальная комиссия в составе члена комитета, представителя окружного суда и продовольственной управы. Результатом расследования явилось смещение с должности и перевод с острова ряда лиц, служивших там много лет. Интересно отметить, что учитель в течение учебного года занимался всего сорок дней, и школа фактически бездействовала. Одновременно такие же мероприятия пришлось предпринять и в других пунктах области, а для прекращения хищничества на Карагинском острове учредить должность эmissара со штатом милиции;

32) рассмотрен вопрос об организации областной милиции. По соглашению с волостями, отряд областной милиции составляется из коренных жителей Камчатской области и из казаков как наиболее заинтересованных в благополучии своего края. Существующий отряд постановлением областного комитета расформирован, и взамен его утверждён новый штат гражданской милиции, в состав которого от каждой волости прибыли лучшие люди. Вновь образованный отряд находился в Петропавловске, отдельные части его командировались в те пункты, куда это признавалось необходимым. В своей жизни милиция руководствовалась уставом гарнизонной и внутренней службы и временным положением о милиции. Чины милиции за свои проступки несли ответственность, во-первых, по военным законам, а во-вторых, были ответственны пред пославшей их волостью. Срок службы был установлен шестимесячный, причём волость обеспечивала посланных и их семьи всем необходимым по справедливой развёрстке между всем населением волости. Областной комитет предоставлял милиционерам обмундирование, вооружение, квартиру, стол и определённый оклад содержания. Ввиду материальной обеспеченности и хороших условий службы желающих вступить в отряд было много, но туда принимались лишь наиболее надёжные и стойкие люди. С упразднением комендатуры и отъездом начальника гарнизона на театр военных действий во главе отряда стали уроженцы Камчатки. Милиция в политической жизни не принимала никакого участия, и обязанности её заключались в охране государственного порядка и в несении караульной службы.

Для несения охранной службы в г. Петропавловске была организована гражданская милиция на началах добровольчества из местных домовладельцев и лиц, стремящихся к поддержанию порядка.

Областная милиция привлекалась к охране города лишь в исключительных случаях как военная сила и находилась в непосредственном подчинении и распоряжении областного комитета;

33) для борьбы с пьянством и спаиванием инородческого населения запрещена в области продажа спиртных и одурманивающих напитков. Это распоряжение распространено и на пароходы Добровольного флота, совершающие рейсы в пределах Камчатской области. За тайную продажу напитков виновные привлекались к судебной ответственности по 29-й статье Уложения о наказаниях в редакции Временного правительства (штраф до 10 000 рублей или тюремное заключение до трёх месяцев). К мировому судье ежедневно стали поступать протоколы, и касса казначейства работала довольно успешно, так как милиция почти ежедневно задерживала появлявшихся в нетрезвом виде лиц;

34) по докладу камчатского податного инспектора областной комитет постановил поддержать его ходатайство пред Амурской казённой палатой об учреждении податных инспекций в Охотске и в Анадыре и о назначении трёх помощников податного инспектора для разъездов по области, что должно было увеличить доходность казны в несколько раз. Вместе с тем областной комитет признал необходимым упростить как формы декларации, так и способы взыскания налогов применительно к условиям местной жизни. Для скорейшего проведения этих мероприятий податному инспектору разрешено было выехать во Владивосток для личного доклада Амурской казённой палате;

35) воспрещено производство ремонтных работ различными ведомствами без предварительного рассмотрения техническим отделом и утверждения областным комитетом ремонтных смет. Мелкие хозяйственные работы разрешено производить порядком, указанным в законе, и при согласии областной квартирной комиссии;

36) впредь до установления связи с надлежащими учреждениями Сибирского правительства при областном комитете образован отдел Приамурского почтово-телеграфного округа для заведывания почтово-телеграфною частью края;

37) с введением повышенных окладов содержания и установлением восьмичасового рабочего дня некоторыми членами областного комитета при посещении ими правительственных учреждений обнаружено недобросовестное отношение служащих к своим обязанностям. Для устранения этого постановлением областного комитета уволены со службы и смещены на низшие должности ряд служащих в различных правительственных учреждениях.

Начальникам учреждений приказано требовать от подчинённых им лиц сознательного и аккуратного отношения к своим обязанностям и доносить обо всех недоразумениях. Начальствующих лиц, не могущих своим авторитетом воздействовать на своих подчинённых, постановлено устранять как неспособных вести самостоятельное и ответственное дело. Служащих правительственных учреждений, не исполняющих требований службы, увольнять без прошений как вредный для государственного дела элемент. Комитетам служащих категорически воспрещено вмешиваться в административный распорядок службы;

38) по рассмотрении вопроса о существующей вблизи г. Петропавловска колонии прокажённых постановлено возбудить пред правительством ходатайство об официальном признании существующей колонии прокажённых со всеми служебными преимуществами, присвоенными как заведующему врачу, так и низшему медицинскому персоналу. Вместе с тем признано необходимым открыть особый выселок для прокажённых в Охотском уезде и изыскать средства для возведения соответствующих построек, так как совершенно недопустимо пребывание больных на свободе и в населённых пунктах среди здорового населения. Ввиду отсутствия в законе указаний о принудительной изоляции больных проказою просить правительство издать таковой закон для Камчатской области в срочном порядке. Предложить врачебному инспектору Камчатской области производить принудительную изоляцию прокажённых теперь же, прибегая в случаях отказа к содействию милиции. На содержание колонии отпустить потребные кредиты из земских сумм;

39) рассмотрен протест группы граждан и общественных организаций по поводу ареста вернувшихся из Владивостока членов бывшего совдепа, получивших разрешение на право возвращения от Приморской областной земской управы и члена Учредительного собрания от Камчатской области К. П. Лаврова. По обсуждении этого вопроса областной комитет признал аресты правильными и постановил указать подписавшим протест, что деятельность правительственных учреждений и должностных лиц, ответственных за свои действия только перед областным комитетом, который во всём даст отчёт населению на предстоящем областном съезде, не подлежит суждению граждан и профессиональных организаций. Признать действия коменданта и начальника милиции правильными. Задержанных заключить под стражу и выслать вторично на первом отходящем пароходе, объявив им, что в случае

вторичного возвращения с ними будет поступлено по указанию коренного населения как с государственными преступниками. Указать Приморской областной земской управе и члену Учредительного собрания от Камчатской области К. П. Лаврову, находящимся во Владивостоке, — не вмешиваться в административные распоряжки Камчатского областного комитета. Протест передать начальнику милиции для производства расследования и привлечения инициаторов его к ответственности;

40) по рассмотрении доклада старшего дорожного техника Приамурского переселенческого управления и смет расходов, потребных на устройство дорог в Камчатской области в 1919 г., областной комитет признал необходимым произвести намеченные работы и поддержать ходатайство производителя работ в полном объёме. Помимо постройки дорог, по смете испрашивались средства на исправление косы (мола), отделяющей бухту от гавани в г. Петропавловске;

41) для заведывания продовольственными складами и продовольственным делом в уездах учреждены должности заведывающих продовольственными районами: Охотским, Гижигинским, Чукотским, Анадырским, Восточно- и Западно-Камчатскими. Лица, назначенные на эти должности, непосредственно подчинены областной продовольственной управе и действуют на основании особой инструкции;

42) для удовлетворения нужд инородческого населения и управления ими в Охотском крае вблизи г. Охотска на новом устье учреждены инородческая управа, инородческий продовольственный склад и школа. Инородческая управа составляется и управляется на точном основании положения об инородцах (закон 1912 г.).

31 июля в порт Петропавловск прибыл японский крейсер «Мусашикан», который всё время плавал вдоль берегов Камчатской области и выяснял в прибрежных пунктах настроение населения и число большевиков в сельских местностях. Для выяснения причин захода в порт я командировал на крейсер чиновника особых поручений, однако тотчас по прибытии командир крейсера в сопровождении адъютанта и нескольких офицеров сделали мне как председателю комитета визит.

Представители японского правительства прежде всего заинтересовались структурой власти и задали мне вопрос: «Нет ли в области и в городе большевиков?» Я разъяснил, что советская власть на Камчатскую область распространялась с конца марта до 12 июля и что волей и усилием местного населения край освобождён от

большевиков 12 июля, причём все активные деятели советовласти и весь анархически настроенный элемент арестован и выслан из области во Владивосток в распоряжение русских властей, причём высланным воспрещено возвращаться назад. В управление областью вступил Камчатский областной комитет, избранный областным съездом представителей населения в июле 1917 г., который стоит во главе края до настоящего времени и будет, по-видимому, переизбран на предстоящем областном съезде в конце августа. В состав областного комитета не входило и не входит ни одного большевика. Члены областного комитета в своих должностях были утверждены Временным всероссийским правительством в сентябре 1917 г. В основу управления краем положены все действовавшие до 24 октября 1917 г. законоположения и международные договоры, местные же вопросы разрешаются временно особыми постановлениями областного комитета.

Выслушав меня, командир крейсера встал, чему последовали и все присутствующие при свидании, и от имени правительства Японии выразил чувство радости и удовлетворения, что северные окраины России освободились от произвола большевиков с помощью самого населения, чего, к сожалению, не сделано на материке. Командир крейсера просил передать привет населению Камчатки от имени своего правительства и народа и выразил надежду, что между японским и русским народом с восстановлением всероссийского правительства установятся союзные дружеские отношения к достижению блага и счастья обеих наций.

Отвечая на приветствие командира, я благодарил его от имени Сибирского правительства, этого единственного связывающего всех нас в данное время звена, и от имени населения Камчатской области, которое в свою очередь радо гостям и приветствует их по старинному русскому обычаю. Камчатская область, примыкая к Японии, давно уже сдружилась с японскими гражданами, имеющими здесь свои рыбалки и торговые фактории, и обе народности живут в мире и в полном согласии, и можно быть уверенным, что эта дружба будет укрепляться и расти. Население Камчатской области не забыло великую услугу Японии, оказанную нашей беззащитной окраине в конце июля 1914 г., когда германские крейсера из Циндао направились на Камчатку. Население хорошо помнит дни эвакуации Петропавловска вглубь страны, помнит и то, что японское правительство приняло тогда меры к недопущению в наши воды немецких военных судов, благодаря чему Япония оказалась в войне с Германией и присоединилась к России против

общего врага. Этот первый шаг сближения сделан, и мы глубоко убеждены, что дружба наша будет крепнуть и перейдёт в прочный союз, как только русский народ избавится от своих поработителей-большевиков.

Из дальнейшей многочасовой беседы выяснилось, что крейсер послан японским правительством для охраны русских берегов от хищников. Командир крейсера интересовался вопросами местного управления, отношением японских подданных к русским, состоянием продовольствия в крае, особенно же его интересовал вопрос охраны рыбных и морских богатств Камчатки, а также пушных промыслов на Командорских островах, каковая охрана по договору между Россией, Англией, Америкой и Японией возлагалась на первую. От имени японского правительства командир крейсера предлагал мне всяческое содействие в деле охраны и снабжения населения продовольствием.

Говоря о политическом положении России, командир крейсера указал, что в Японии имеются сведения о том, что вопрос о вмешательстве во внутренние дела России и создании нового Восточного фронта союзниками решён в положительном смысле.

Я обратил внимание командира крейсера на полный порядок и законность, установившуюся в Камчатской области, и указал на огромную работу, осуществляемую областным комитетом. Охрана морских и пушных богатств области поставлена лучше, чем она была в дореволюционные годы. На многие рыбалки, где тесно переплетаются интересы местного населения, приезжих русских и японских граждан, были командированы представители областного комитета, милиции, имелся рыболовный надзор, совместная работа которых вносила известную стройность и порядок. Всякие злоупотребления пресекались безотлагательно, и все недоразумения разрешались на месте. Пароход «Адмирал Завойко» — единственный корабль, имевшийся в распоряжении областного комитета, в двадцатых числах июля послан до Караги и на Командорские острова, откуда он должен зайти в Японию и во Владивосток и на обратном пути быть на Сахалине и обойти всё западное побережье Камчатской области. На этом корабле с особыми поручениями выехал товарищ (заместитель. — *Ред.*) председателя областного комитета П. Я. Сусляк. По пути своего следования корабль несёт охранную службу промыслов и береговой территории, для каковой цели он и был построен, имеет два орудия и небольшой отряд областной милиции. Как корабль, так и отряд находятся в полном распоряжении товарища председателя областного коми-

тета, который действует на точном основании закона и существующих конвенций. Донесения от него поступают ежедневно по радио, и никаких хищников в море пока не замечено. Кроме того, областным комитетом получены из Владивостока от Сибирского правительства телеграммы, что для охраны морских богатств Камчатской области уже вышли посыльное судно «Якут», крейсера «Командор Беринг» и «Лейтенант Дыдымов», которые должны прибыть в ближайшее время. Таким образом, в этом вопросе помощь Японии отпадает, хотя областной комитет и очень благодарит за внимательное отношение к нуждам и интересам окраины. Что касается разрешительных свидетельств на право рыбного промысла, то с таковыми в действительности было несколько случаев недоразумений. Областной комитет не признал законными разрешения, выданные советскими учреждениями, и все рыбопромышленники были обязаны получить новые разрешения либо от Управления государственных имуществ Сибирского правительства, либо от областного комитета. В числе лиц, имевших советские разрешительные свидетельства, было несколько явных хищников. Им запрещена ловля рыбы, но, по полученным донесениям, они этому не подчинились, поэтому уже приняты меры к конфискации принадлежащих им неводов и рыбных продуктов, и окончательное разрешение их дела передано Управлению государственных имуществ во Владивостоке.

Что касается продовольствия, то областной комитет не скрывает, что во многих пунктах нет даже хлеба. Однако нами получены от уполномоченных продовольственной организации утешительные сведения, что отправленная с Камчатки пушнина продана во Владивостоке за сумму свыше семисот тысяч рублей. Кроме того, правительством отпущена ссуда свыше одного миллиона, что даст возможность обеспечить область на два года всеми запасами продовольственных продуктов. Часть их уже выслана. И в этом деле мы вынуждены только поблагодарить японское правительство за внимание к инородческому населению, которое в действительности при большевиках могло бы вымереть с голоду.

Командир крейсера счёл своим долгом отметить тот радужный приём, какой они встретили по всей Камчатке, и он вынес самое хорошее впечатление. В Японии о Камчатке имелось совсем другое представление. Побывав в разных местах области и наконец в Петропавловске, он убедился лично, что здешние власти и народ любят свою родину, стремятся к порядку и миру, который в России давно нарушен большевиками. Обо всём виденном и слышанном

он сегодня же донесёт своему правительству, а по возвращении в Токио доложит лично.

В заключение командир крейсера довёл до моего сведения, что около Кичиги японский пароход «Кохо-мару» сел на подводный камень и что им были отправлены на помощь пароходы. Я высказал своё сожаление о случившемся и заявил, что оказать какую-либо помощь в спасение корабля областной комитет не может, так как у него нет абсолютно никаких спасательных средств. По прибытии русских судов в Петропавловск один из кораблей будет также отправлен к месту катастрофы.

На следующий день мною, городским головою и некоторыми членами областного комитета и чинами областной администрации был сделан ответный визит на крейсер, где мы были очень радушно приняты. Мы выясняли причины занятия Владивостока иностранными войсками и только что полученное известие о высадке десанта японских войск в Николаевске. Невольно напрашивался вопрос: неужели то же самое будет и с Петропавловском?

После довольно продолжительной беседы командир крейсера обратился ко мне за разрешением взять воду для крейсера и разрешить команде корабля осмотреть город, каковые просьбы были удовлетворены. Областной комитет и городское самоуправление назначили специальных лиц, которые показывали все исторические памятники города и давали разъяснения по интересующим вопросам.

3 августа областным комитетом был устроен завтрак для офицеров крейсера и иллюзион для команды. 4 августа командир крейсера вновь посетил меня и сообщил, что сегодня он уходит в Усть-Камчатск, куда прибывает из Японии назначенный в Петропавловск императорский консул, ибо японское правительство решило открыть консульство ещё в 1915 г., но всё как-то задерживалось. Дней через десять он вернётся, и по полученному от правительства распоряжению крейсер вернётся в Японию. Пользуясь случаем, командир крейсера просил передать членам областного комитета, городской управе и чинам администрации от себя, господ офицеров и команды глубокую благодарность за гостеприимство и радужный приём.

В середине августа в Петропавловске открылось японское консульство, и крейсер некоторое время оставался здесь, поддерживая с областной властью самые лучшие взаимоотношения. Такие же отношения установились между японским консулом и областным комитетом. Во главе консульства стоял г. Огата, двенадцать лет проживавший в Приамурском крае и хорошо изучивший русскую жизнь. Он много помог нам в борьбе с хищничеством

и пьянством. По просьбе областного комитета им было возбуждено ходатайство пред японским правительством о невыпуске из японских портов спиртных напитков в Камчатскую область, благодаря чему пьянство на рыбалках значительно сократилось. Точно так же японское консульство принимало решительные меры к прекращению беззакония со стороны японских подданных, а когда таковые пресекались распоряжением местных властей, то консульство не оказывало на областную власть никакого давления.

Так, например, по распоряжению областного комитета было арестовано трое японских подданных за произведённые ими бесчинства на одной из рыбалок. До рассмотрения этого дела судом арестованные содержались под стражей. Следствие затянулось и могло быть окончено не ранее года, поэтому суд постановил отпустить виновных под залог в десять тысяч рублей, каковая сумма и была внесена японскими коммерсантами в местное казначейство, и арестованные освобождены. Из разговоров по этому вопросу с представителем консульства выяснилось, что консульство вполне одобряет решительные меры областной власти в деле восстановления правопорядка и возражать против законных распоряжений не может.

15 августа крейсер «Мусаши-кан» отправился в Японию, и в пределах Камчатской области не оставалось никаких вооружённых иностранных сил.

Следует отметить, что хорошие взаимоотношения, установившиеся между областным комитетом и японским консульством, не давали покоя большевикам. Пророчество их об оккупации Камчатки не исполнилось, поэтому против меня, городского головы и членов областного комитета был пущен дикий и нелепый слух, что якобы в секретном заседании областного комитета мы постановили продать Японию за двадцать миллионов иен Камчатскую область и что сделка эта уже оформлена, получены с крейсера даже деньги. Многие этот слух принимали за чистую монету и никак не хотели понять, что не продавать Камчатку, а строить её собирается областной комитет, чтобы от строительства Севера перейти к созиданию новой России, свободной России, где всем будет житья хорошо и тепло.

А теперь представим образец научного, вернее, научно-популярного творчества А. А. Пурина. Краткий очерк «О землетрясениях на Камчатке и их регистрация» издан в 1917 г. в Петропавловске в типографии М. М. Пономарёва накануне великих революционных потрясений в виде отдельной брошюры. Некогда она находилась в собрании первого камчатского библиографа

П. С. Маловечкина, затем принадлежала известному исследователю Северо-Востока России М. А. Сергееву, позже хранилась в библиотеке Акционерного Камчатского общества.

А. А. ПУРИН

О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ НА КАМЧАТКЕ И ИХ РЕГИСТРАЦИЯ

17 января 1917 г. на Камчатке ощущалось землетрясение во много раз сильнее Мессинского.
Из газет

В периодической печати довольно часто появляются заметки о землетрясениях на Камчатке. Сведения эти иногда преувеличены, но тем не менее в основе их лежат неоспоримые факты, ибо Камчатка — единственная область в России, в которой не угасла ещё вулканическая деятельность, сопряжённая с колебаниями весьма своеобразного характера.

В этой отдалённой и забытой Богом и людьми окраине на сотни вёрст тянутся цепи гор, составляющих продолжение восточно-азиатской гряды. Некоторые из них достигают высоты 16 000 фут и отличаются от соседей своих конусовидными формами, часто дымят, полны недосыгаемого величия и недоступны исследователю.

Хороши эти сопки и при свете ясного дня, и в лучах заходящего солнца, когда полоса второго розового заката окаймляет и раскаляет их белоснежные вершины, а опаловые струйки дыма тают на горизонте.

Из ныне действующих камчатских вулканов наиболее замечательны: Ключевская сопка (лежит на пересечении Аляскинско-Алеутской и Курильско-Камчатской вулканических дуг), Толбачинская, Кизимен, Большой и Малый Семячик, Жупановская, Уткинская и вблизи Петропавловска — Авачинская и Мутновская. Из потухших — Кроноцкая, Крестовская, Опальская, Козельская, Коряцкая и Ичинская.

В большинстве случаев сопки эти (насчитывается их до сорока) состоят из нагромождённых друг над другом массивов и грудов базальтовой лавы.

В огромных расщелинах и потухших кратерах образовались озёра, имеющие, по отзывам очевидцев, свои приливы и отливы.

Склоны горы усеяны обломками пемзы, серы, кусками шлаков, пещерами, ледниками, оврагами, бесчисленными провалами, впадинами, пустотами и неровностями, образующими порою естественные тоннели и жерла огромнейших размеров и глубины.

С горных хребтов в бесконечную даль видны такие же холмы и сопки, а в стороне — безпредельная синева океана.

В равнинах и тундрах бурлят сотни горячих и холодных источников и кипящих ключей. Наиболее известны из них по целебным свойствам своим Малкинские серные ключи, Паратунские, Голыгинские, Явинские, Апачинские, Начикинские, Жупановские, Шемячинские, Банные, Козыревские и Укинские.

Как горы, так и ключи почти не исследованы.

Старожилы утверждают, что на глазах их многие сопки изменили форму свою: конусовидные макушки пообрушились и взамен их появились новые кратера, начали работать давно потухшие и потухли действующие.

Имеются также указания, что в некоторых местах Камчатки из-под земли появляется газ, отличающийся ядови... (часть текста при наборе пропущена. — *Ред.*) ...мер, между Толбачиками и Ключами обнаружена усеянная костями животных сопка. Камчадалы рассказывают, что бьёт здесь ручей и рядом с ним вьётся небольшая струя улетучивающихся газов, удушливые свойства которых не дают подойти к расщелине. Из литературы известно, что многие вулканы выбрасывают ядовитые облака газов, но о химическом составе их известно немного. Даже облако, опустившееся на Мартинику из кратера Мон-Пеле и уничтожившее мгновенно 30 000 человек, не удалось подвергнуть анализу. Предположение, что из вулканов выбрасывается водяной пар, в последнее время опровергнуто. Новейшие исследования показывают, что в вулканах водяного пара совершенно нет, его желтоватый цвет и опаловый отблеск, когда он расплывается в воздух, также свидетельствуют о том же. Всюду, где удавалось уловить такие пары и исследовать их, в них находили: азот, хлор, водород и аммиак. Таковы, очевидно, и свойства паров, выбрасываемых камчатскими сопками.

Довольно часто в разных местах полуострова ощущается дрожание домов, грохот и раскачиваются лампы, лампадки, гремит посуда. Слышен иногда и подземный гул, напоминающий стрельбу из орудий либо грозный рокот моря.

Вызывается это близкими или отдалёнными землетрясениями, которых петропавловские сейсмографы за первый год существования записали более семидесяти. Колебания эти весьма разнообразны

и оригинальны. Продолжаются они иногда недолго, достигают значительной силы, иногда же тянутся целыми днями подряд, соответствуют периоду морских волн и производят впечатление, что будто земля дышит. Явления эти обнаруживаются во многих местах земного шара.

Регулярными наблюдениями за работой камчатских сопок до сих пор почти не занимались, и в жизни края сохранились лишь воспоминания о таких событиях, кои сопровождались бедствиями. Первые сведения относятся к 1729 г.

Наиболее деятельной считается Ключевская сопка. Дымит она постоянно, часто меняет кратер свой и по нескольку раз в год выбрасывает пепел, следы которого видны за сотни вёрст. Подземный огонь показывается человеку в течение длительного времени и виден иногда в течение нескольких дней, а то и по целым годам.

Значительные извержения Ключевской сопки происходили в 1729, 1737, 1762, 1790, 1796, 1829, 1853, 1864, 1878 и 1882 гг. и сопровождались сильными колебаниями почвы и потоками лавы. 18 февраля 1854 г. Ключевская сопка на время потухла, а вместо нея заработал давно потухший сосед Севелюч. Сопровождалось это сильным треском и выпадением огромной массы пепла.

Крашенинников, описывая извержение Ключевской сопки 25 сентября 1737 г., говорит, что длилось оно с неделю с чрезвычайной силой. Гора казалась раскалённым камнем, и сквозь разщелины ея со страшным шумом стекали огненные реки, был слышен гром, треск и дрожание. Конец извержения сопровождался тучами пепла. После этого 23 октября в седьмом часу вечера ощущалось сильное трясение, от которого «попадали многия камчатския жилища, а у церкви звонили колокола». Это трясение с перерывами тянулось до весны 1738 г., «однако гораздо легче прежняго».

Об извержении Авачинской сопки 6 октября 1737 г. тот же автор пишет: «В третьем часу пополуночи началось трясение и с четверть часа продолжалось так сильно, что многия камчатския юрты обвалились и балаганы попадали. Между тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг взлилась на берега вода сажени на три в вышину, которая, ни мало не стояв, сбегала в море и удалася от берегов на знатное расстояние. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежняго, но при отлитии столь далеко она сбегала, что море видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе на дне морском между первым и вторым Курильским островом каменные горы, которыя до того никогда не виданы, хотя трясение и наводнение случалось и прежде.

С четверть часа после того спустя последовали валы ужасного и несравненного трясения, а при том влилась вода на берег в вышину сажень на тридцать, которая по-прежнему, ни мало не стояв, сбежала в море и вскоре стала в берегах своих, колеблясь долгое время. Перед каждым трясением был слышен под землёй страшный грохот и стенание. От сего наводнения тамошние жители совсем разорились, а многие скончали бедственно живот свой. В некоторых местах луга холмами и поля морскими заливами сделались».

Последующее извержение Авачи в 1828 г. сопровождалось выпадением пепла и сильным колебанием почвы, отчего в некоторых селениях разрушило дома, а на юго-западном склоне сопки появились потоки лавы. Об извержениях Авачи в 1855, 1878, 1881 и 1894 гг. сохранилось мало воспоминаний.

Последнее извержение Авачинской сопки произошло в сентябре 1909 г. и сопровождалось выпадением пепла, огненным заревом над сопкой, раскалёнными потоками лавы, стекавшей в сторону Петропавловска, и долетавшим до города гулом.

У Слюнина мы также находим характерное описание камчатских землетрясений, например: «Землетрясение, начавшееся 16 ноября 1851 г. и кончившееся 25 января 1852 г., ощущалось на протяжении 700 вёрст. В пять часов утра в Тауйске слышен был подземный гул, повторившийся несколько раз подряд. Потом последовали подземные удары, от которых деревья колебались, человек едва мог держаться на ногах, в некоторых домах упали трубы и треснули печи, землянки около Ямска разрушились, земля в тундрах около Сиглана дала трещины от одного до двух аршин ширины и до полутора сажени длины. Лёд в реках Сигланы, Малкачан совершенно изломало, вода стала мутной. Сильные сотрясения почвы повторялись 16-го числа четыре раза, а потом возобновились через двадцать три дня».

Ряд исследователей, да и все мы, обыватели Петропавловска, считаем Коряцкую сопку потухшей, фактически же она очень жизненна.

В записной книжке неизвестного автора «О наблюдениях за погодой с 19 января 1901 г. по 17 июля 1902 г.», в которой с большой любовью и аккуратностью по три раза в день отмечались давление воздуха, температура, облачность, осадки, землетрясения и все местные особенности, имеются, между прочим, также заметки о деятельности Коряцкой сопки, а именно: «С 9 по 13 июля 1901 г. очень сильно горит Коряцкая сопка. 14 и 15 июля утихает. 16 июля

1901 г. в 11 часов вечера землетрясение. 23 августа 1901 г. Коряцкая сопка сильно горит и гремит, вроде пушечных выстрелов, затем подземный гул и колебание почвы. 22 января 1902 г. в 11 часов 45 минут дня землетрясение». К сожалению, на этом наблюдения за сопкой прерываются и вновь не возобновлялись.

Из селения Завойко хорошо видно, что одна из разщелин Коряцкой сопки постоянно выбрасывает пар. Это также заметно и со стороны Петропавловска в ясную тихую погоду.

Сопка эта, по отзывам некоторых геологов, довольно опасна.

Заслуживает также внимания сопка Штубеля вблизи Лопатки. С незапамятных времён считалась она потухшей. Но вот 17 марта 1906 г. около 9 часов вечера наступила непроглядная тьма, начался непрерывный гром, молния и выпадение «божьяго песка» (вулканический песок, пепел, железняк и прочее). Анализ произведён профессором Петроградского горного института Карминским.

Через два часа гроза утихла, а от Лопатки до Толбачика вся местность покрылась песком на высоту до одного аршина (у Лопатки), до четверти аршина (в Петропавловске), а далее (в Толбачике) — пеплом.

Из крайне разрозненных источников, сохранившихся в Петропавловске, видно, что здесь ощущались значительныя землетрясения в 1900 г.: 16 и 29 октября, 12 ноября и 13 декабря. В 1901 г.: 10 марта, 17 августа, 4 и 27 сентября и 6 октября. Кроме того, с 21 по 23 июля 1901 г. Коряцкая сопка извергала лаву. В 1902 г. — 16 января, 11 марта, 12 мая, 3 июня и 29 августа. В 1903 г.: 5 февраля (с 5 часов 27 минут дня до 6 часов вечера с небольшими перерывами) и 24 июля. В 1905 г.: 3, 11, 20 и 25 декабря. В 1906 г.: 27 января, 9 февраля, 8, 14 и 17 октября. В 1907 г.: 16 февраля, 14 марта (выпал пепел), 2 мая, 5 августа (обвалились утёсы и поломаны дымовыя трубы), 10 и 22 сентября и 15 ноября. В июне 1913 г. и 7 января 1914 г. ощущалось сильное трясение почвы, от которого остановились часы, раскачивались лампы, трещали постройки. 18 июля 1915 г. около 11 часов утра ощущалось то же. 16 декабря 1916 г. в 8 часов 55 минут вечера во время урагана замечены три подземных толчка, коими поломаны трубы в некоторых домах в Петропавловске, а в колонии прокажённых разрушен дом сестры милосердия.

Наконец, 17 января 1917 г. сейсмографы Пулковской обсерватории отметили чрезвычайно сильное землетрясение, очаг которого определён на Камчатке.

регистраціи макросейсмических землетрясеній.

Мнѣ не разъ удавалось подмѣчать, что предвѣстникомъ наступающаго ненастья служить рѣзкое увеличеніе количества паровъ выбрасываемыхъ Мутновской и Авачинской сопками, отсутствие же таковыхъ болѣе или менѣе продолжительное время вызываетъ колебанія почвы. Конечно, все это необходимо провѣрить также въ другихъ мѣстахъ, и собрать возможно больше наблюдательнаго материала за дѣятельностью Камчатскихъ сопкокъ, отмѣчая хотя бы раза два въ день количество и цвѣтъ паровъ, появленіе лавы, огня, пепла, состояніе погоды и всѣ особенности, сопутствующія землетрясеніями.

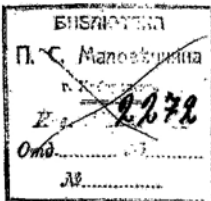
А. Пуринъ.

А. А. Пуринъ

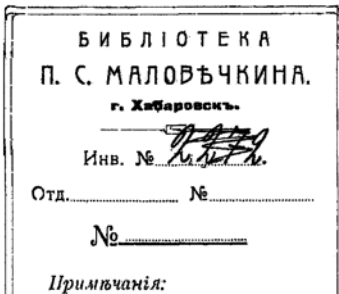
О землетрясеніяхъ на Камчаткѣ и ихъ регистрація.

(Краткій очеркъ).

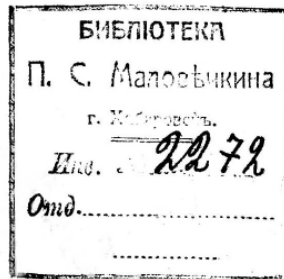
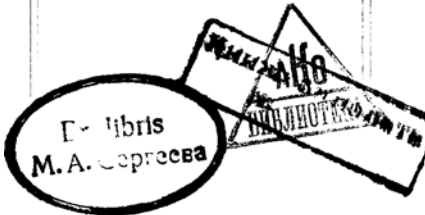

Г. Петропавловскъ на Камчаткѣ.

Типографія М. М. Пономарева. 1917.

Мих Сергеев

Страницы брошюры А. А. Пурина

Петропавловские сейсмографы также в 1 час 36 минут дня записали очень сильное колебание почвы, но никто из обывателей города этого не ощущал, ибо колебания носили здесь медленный волнообразный характер. Максимальное отклонение пера на сейсмограмме — 124 миллиметра, затем сдвинуло магниты, выбросило перья. Приборы вскоре приведены в исправность и продолжали записи всего 5 часов 12 минут. Отдельные колебания отмечены вечером и ночью. Надо полагать, что неожиданно появившаяся вдоль берега трещина в льдине, которую при тихой погоде стало относить, вызвана подземной волной. Это землетрясение особенно характерно ощущалось в селении Ключевском (вблизи Ключевской сопки), отдельные колебания так сильно, что многих укачивало, как на море. Продолжалось оно там до пяти минут, причём колебалась мебель и кровати, пробудились спящие, останавливались часы, разрушались дымовые трубы. Деревья издавали своеобразный шелест, люди в испуге выбегали на улицу, матери схватывали детей, некоторые падали на колени и молились. Коровы и собаки выказывали сильное беспокойство, стаи птиц снимались с деревьев и парили в воздухе. То же самое наблюдалось в разных других пунктах Камчатки. Старожилы ничего подобного не помнят. Отдельные слабые толчки ощущались в разных местах Камчатки 18, 19, 20 января, а ночью 22 января — сильный толчок.

С середины декабря 1916 г. петропавловцам удаётся наблюдать, как Мутновская сопка выбрасывает огромные столбы желтоватого пара, а иногда и дым. Сопка эта считалась бездеятельной, но в последнее время она пробуждается к жизни.

Чем же объяснить все те явления, кои приходят к нам из недр Земли? Геология учит, что примерно на глубине тридцати двух километров в расплавленном состоянии находится магма, которая и питает вулканы при извержениях. За слоем магмы температура настолько высока, что вещества там быть не может, и на этой глубине всё представляется в газообразном состоянии и так сильно сжато, что газ этот обладает свойствами твёрдого тела. Естественно, что всякое незначительное изменение внутри Земли должно неминуемо отразиться и на её поверхности. Явления эти ощущаются нами и носят название землетрясений.

В зависимости от причин их возникновения, они делятся на: 1) вулканические, вызванные внезапными взрывами вблизи вулканов, 2) обвальные, когда в подземных пустотах происходят обвалы, и 3) тектонические, когда происходит внезапное смещение горных пород вследствие кражеобразовательных процессов.

Место нарушения равновесия называется очагом, а ближайшая к нему точка земной поверхности — эпицентром. Первые два класса землетрясений довольно редки, поэтому они имеют лишь местное значение и ощущаются на небольшом расстоянии. Огромное же большинство землетрясений вулканического происхождения, причём они чрезвычайно разрушительны и опасны. Когда очаг его лежит глубоко, то землетрясение на поверхности земли охватывает большую область. В этом случае колебание почвы ощущается на значительном расстоянии, а чувствительные сейсмографы могут отметить такое землетрясение в любом пункте земного шара.

Тектонические землетрясения происходят внутри земли от постоянного охлаждения и сокращения земного шара. В осадочных горных породах получают при этом сдвиги, смещения, сбросы, образуются складчатости, находящиеся в сильном натяжении. Явления эти тесно связаны с горообразованием и наблюдаются вблизи больших морских глубин.

В горных странах, какую является и Камчатка, всегда можно ожидать наибольших упругих натяжения различных слоёв земли. Через некоторые промежутки времени равновесие таких слоёв делается очень неустойчивым, и достаточно тогда самого незначительного внешнего влияния, чтобы предел упругости был перейдён и произошло бы внезапное смещение одних слоёв по отношению к другим. В этот момент и верхние слои земли также будут выведены из равновесия и придут в состояние движения.

Наблюдения показывают, что колебания вдоль земли распространяются по тем же законам, как и по спокойной поверхности воды, если в неё бросить камень, то есть после первых волн приходят вторые, третьи и т. д. Точно так же после первых же толчков земля не успокаивается, а за первыми волнами с различными скоростями приходит много других волн, длинных и коротких, быстрых и медленных, которые создают весьма запутанную картину движения земли. Наконец, последними приходят чрезвычайно длинные (до шестидесяти трёх километров) поверхностные волны, обтекающие земной шар в 3 часа 8 минут 51 секунду.

Современная задача науки и состоит в том, чтобы отделить все эти волны одну от другой, определить их характер, свойства, период, амплитуду, происхождение и т. д.

В последние годы выдвинуто много вопросов о времени возникновения землетрясений и их повторяемости. Конечно, это задача будущего, но и ныне имеются указания, что землетрясения чаще

осенью и зимою, чем весною и летом, чаще ночью, чем днём, и что имеют они связь с разными метеорологическими элементами. Подходят к этому разными путями, например, изучают записи сейсмографов, определяют медленные смещения одних горных пород по отношению к другим, изучают изменение и режим горячих источников, ведут статистику повторяемости землетрясений в одной и той же местности.

Если не предсказывать, то, по крайней мере, наметить пределы времени, между которыми следует ожидать наступление крупной катастрофы, можно и теперь.

Сейсмографические явления разделяются на микросейсмические и макросейсмические. Первые не ощущаются людьми. Приходят они издалека и могут быть записаны лишь сейсмографами. Так, Пулковская станция (вблизи Петрограда) отмечает землетрясение из Камчатки, Японии, Америки. Приборы эти очень чувствительны, и от них не ускользает перемещение почвы порядка $1/10\ 000$ миллиметра. Достигается это при помощи горизонтального маятника.

Мы знаем, что при внезапном толчке почва и всё, находящееся на ней, перемещается. Чтобы обнаружить это, надо иметь какую-либо неподвижную точку, относительно которой и станет заметно перемещение. Такой точкой является центр качания маятника. В первый момент, когда земля начинает своё движение, груз маятника по инерции остаётся неподвижным, статив же, а вместе с ним и ось вращения увлекаются в движение вместе с поверхностью земли. Стержень маятника поворачивается на некоторый угол, пропорциональный смещению почвы, и по величине этого угла можно вычислить и самоё перемещение. Потом маятник начинает совершать собственные колебания, которые, слагаясь с движением земли, дают сложную запись. Чтобы движения маятника возможно меньше искажало запись землетрясения, которое одно и представляет интерес, прибегают к искусственному магнитному затуханию маятника, основанному на токах Фуко. Колебания маятника при помощи особого аппарата отмечаются на обтянутом закопчённой бумагой цилиндре, который имеет непрерывное вращательное и наступательное движение вокруг и вдоль своей оси так, что запись получается всегда на свежей поверхности бумаги. Нормальное увеличение маятника на Петропавловской станции равно $4^{1/2}$, то есть при внезапном смещении почвы конец пишущаго пера совершает перемещение в $4^{1/2}$ раза больше, чем сама почва. Район действия станции — пятьсот километров, и главная задача

ея состоит в записи близких землетрясений. Приборы эти имеют свои недостатки. Например, не могут отмечать быстрых колебаний с периодом в $\frac{1}{4}$ секунды и негодны для записи сильных землетрясений.

Макросейсмические колебания ощущаются всеми и сопровождаются иногда изменением рельефа почвы, разрушениями и гибелью людей. Сила их оценивается отзывчивостью наблюдателя на основании впечатлений по шкале Росси-Фореля: 1. Землетрясения, ощущаемые только сейсмографами. 2. Кое-кем из людей, пребывающих в покое. 3. Большинством людей, пребывающих в покое. 4. Людьми в движении и физической деятельности. 5. Всеми. Колебание мебели и кроватей. Звон домашних колокольчиков. 6. Пробуждение всех спящих. Звон колокольчиков. Остановка часов с маятником. Шелест деревьев. Испуг. 7. Опрокидывание предметов. Звон больших колоколов. Ужас. 8. Образование трещин в стенах. Разрушение дымовых труб. Всеобщая паника и бегство. 9. Разрушение отдельных частей здания или целых построек. 10. Всеобщее разрушение. Трещины в коре земной, обвалы, оползни и проч.

На Петропавловской станции для оценки сильных землетрясений изготовлена шкала параллелипипедов шириною $3\frac{1}{2}$, толщиной 2 сантиметра и вышиною в 100, в 50, в 25, в 12 и в 6 сантиметров. Установлены они вблизи сейсмографов в двух взаимно перпендикулярных плоскостях. При внезапном сильном толчке параллелипипеды должны упасть, и по устойчивости их можно чисто математическим путём определить направление и силу толчка. Такую оценку, однако, нельзя назвать точной. Быть может, с течением времени будут выработаны менее чувствительные приборы для регистрации макросейсмических землетрясений.

Мне не раз удавалось подмечать, что предвестником наступающего ненастья служит резкое увеличение количества паров, выбрасываемых Мутновской и Авачинской сопками, отсутствие же таких более или менее продолжительное время вызывает колебания почвы. Конечно, всё это необходимо проверить также в других местах и собрать возможно больше наблюдательного материала за деятельностью камчатских сопкок, отмечая хотя бы раза два в день количество и цвет паров, появление лавы, огня, пепла, состояние погоды и все особенности, сопутствующие землетрясениям.

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

А. Ф. ПАСЕЧНИК

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОЙ ОХРАНЫ НА КАМЧАТКЕ В ПЕРИОД С ЯНВАРЯ 1920 ПО ОКТЯБРЬ 1921 г.

В конце 1919 г. вооружённые силы адмирала А. В. Колчака были окончательно разгромлены, что привело к изменению политической ситуации на Дальнем Востоке. На территориях, ранее подконтрольных «Верховному правителю России», происходило упразднение колчаковских структур власти. В Петропавловске-на-Камчатке антиколчаковский переворот произошёл 10 января 1920 г., в результате чего от власти были отстранены управляющий Камчатской областью Н. Н. Червлянский и другие представители прежней администрации. Ранее свержение колчаковской администрации произошло в Анадыре (арестованы уездный управляющий И. М. Громов, начальник милиции Д. Д. Струков и другие) и в Охотске.

Высшим органом власти в Петропавловске-на-Камчатке стал Временный военно-революционный комитет (ВВРК), возглавляемый П. С. Маловечкиным. В областном центре на следующий день после прихода к власти комитета состоялось его первое заседание. Здесь было принято решение о временном сохранении аппарата управления Камчатской областью (казначейство, продовольственная управа, почта, радиостанция, областное управление) и поставлено оставить во главе области ВВРК. В его состав вошли В. В. Барвинский, А. М. Бычков, Н. И. Елисеев, П. С. Маловечкин, Г. Г. Рудых, И. Ф. Черепанов, Ф. Гладюк, Сосновский, Н. Г. Ерошенко. Председателем комитета был избран П. С. Маловечкин, его товарищем — Н. И. Елисеев, а секретарём — В. В. Барвинский [1, с. 31—32]. Комендантом города Петропавловска выбрали А. М. Бычкова, а обязанности по управлению петропавловской милицией возложили на Н. П. Фролова [1, с. 32—33; 2, л. 1]. ВВРК также рекомендовал городскому самоуправлению согласовывать с ним все распоряжения по делам милиции [3, л. 1]. В воззвании комитета к населению Камчатки предлагалось признать его (до созыва областного съезда) высшим областным органом власти [3, л. 1], который будет поддерживать демократический порядок и спокойствие, а также

«охранять достояние граждан, как русских подданных, так и иностранцев» [4, л. 1]. В воззвании также предлагалось отстранять от власти представителей колчаковской администрации и лиц, поддерживающих старую власть [5, л. 3].

В Петропавловске были арестованы бывший управляющий областью Н. Н. Червлянский, бывшие начальники милиции В. У. Закржевский и А. А. Морозов, убиты несколько офицеров Петропавловского гарнизона, уволены сотрудники колчаковской милиции и другие. Трагические события произошли в Анадыре, где уездный революционный комитет объявил об установлении советской власти и начал проводить национализацию торговых предприятий. По приказу ревкома были расстреляны бывший уездный управляющий И. М. Громов, его секретарь Толстихин, мировой судья Суздаев и другие. Следствием этих экстремистских действий стал переворот, который 31 января 1920 г. организовали коммерсанты Анадыря. В результате были расстреляны члены Анадырского ревкома во главе с председателем М. С. Мандриковым [6, с. 407]. Управляющий Чукотским уездом Д. Хренов избежал ареста, ему удалось покинуть Анадырь и добраться до Аляски [7, с. 148].

ВВРК проводил активную работу по организации съезда представителей населения Камчатской области, необходимость созыва которого обуславливалась разрешением вопросов по организации власти в новых условиях [5, л. 3]. Однако отсутствие нормального транспортного сообщения не позволило представителям Анадырского, Чукотского, Гижигинского и Охотского уездов принять участие в его работе. Делегаты (присутствовало 26 чел., семеро из них являлись членами ревкома) представляли интересы только населения Петропавловского уезда. Работа первого уездного съезда советов проходила в период с 12 марта по 7 апреля 1920 г. На съезде был избран высший орган власти в области — Камчатский областной совет рабочих, крестьянских и иностранных депутатов трудового народа и сформирован его исполнительный комитет. В его состав вошли П. С. Маловечкин (председатель), В. И. Ольгин, И. Ф. Черепанов, И. Е. Ларин, все члены РКП(б) и В. И. Слободчиков. Исполнительная власть в области передавалась местному совету народных комиссаров, который состоял из комиссариатов (народной охраны, здравоохранения, просвещения, юстиции, почты и телеграфа) и отделов (счётно-финансового, административного и контрольного) [8, с. 36—37].

Делегаты заслушали доклад политической секции «О бывших чинах милиции: Закржевском, Крупенине и Морозове» и рассмотрели

их деятельность. Результатом стало решение о том, что в отношении В. Закржевского необходимо отменить домашний арест и перевести его в арестный дом. В. Крупенина следовало «препроводить с арестом из села Ключи в Усть-Камчатск», а затем доставить его в Петропавловск (в арестный дом). А. Морозов из-за короткого пребывания в должности начальника милиции был признан «в меньшей степени виновным, чем предыдущие лица», однако продолжал содержаться в арестном доме [9, л. 249—250].

Особенно остро на съезде стоял вопрос об организации структуры, обеспечивающей охрану общественного порядка. Анализ выступлений делегатов позволяет выделить основные подходы участников к вопросу о необходимости создания народной охраны на Камчатке, её структуре, численности и задачах. Делегат от Мономаховской волости В. И. Ольгин отмечал, что милиция в области крайне необходима для борьбы с пьянством, нелегальной торговлей и контрабандой. Представитель Усть-Камчатской волости Орлянский высказывался за организацию милиции для охраны заповедников. Делегат от населения Большерецкой волости П. А. Сторожевский указывал на необходимость создания волостной милиции, которая будет обеспечивать порядок, а также охранять летом рыболовные участки от браконьерства. Делегат особо подчёркивал, что милиция должна состоять из местных жителей и быть под контролем местной власти [9, л. 79—81].

Представитель Мономаховской волости М. И. Попов предлагал создать милицейские посты только в тех пунктах, в которые наиболее часто заходят русские и иностранные суда (Петропавловск, Усть-Камчатск, Мономахово, бухта Корфа и другие). Милицейские посты, по его мнению, должны были действовать только в летнее время. Создание постоянных штатов милиции в остальных волостях М. И. Попов считал нежелательным. В ярком выступлении делегата от Паланской волости И. И. Гапановича милиция отождествлялась с полицией. Она была необходима только для поддержания порядка в Петропавловске. На остальной территории Камчатской области И. И. Гапанович предлагал, в качестве альтернативы, организовать различные виды надзора (рыбный, пушной, лесной и прочие) [9, л. 81—83].

Особый интерес представляют выступления делегатов, рассматривавших деятельность милиции исключительно как карательную и активно выступавших против её создания. На отсутствии необходимости организации милиции настаивал делегат от Тигильской волости П. И. Юшин. Он отмечал, что тамошнее население

само себя охраняет и следит за порядком. Категорически против создания милиции в Паратунской волости выступил Г. И. Тюменцев. Он утверждал, что необходимо только составить инструкцию о том, как организовать охрану общественного порядка в волости. Делегат П. С. Смирнов считал нецелесообразным создание милиции в Большерецкой волости. В своём выступлении по данному вопросу он утверждал, что содержание штатных работников обойдётся очень дорого, и особо акцентировал внимание на том, что возникающие в волости «недоразумения» всегда справедливо разрешались без участия посторонних. Такую же позицию занял делегат от Хайрюзовской волости К. И. Кеверман. Он отмечал, что охрану жизни и имущества должны осуществлять сами жители волости, а также высказывался категорически против наёмной охраны [9, л. 80—82].

Завершающим итогом этих споров стала резолюция «О народной охране», принятая 17 марта 1920 г. большинством голосов делегатов съезда. В ней указывалось, что организация народной охраны, выработка для неё инструкций, материальное обеспечение народной охраны, а также право назначения и смещения её начальников поручались областному исполнительному комитету. Согласно резолюции:

во-первых, официально утверждалась правоохранительная структура на Северо-Востоке России. Штат народной охраны был следующим: *Петропавловский уезд* — 35 чел. (комиссар, его помощник, три старших и 30 младших чинов охраны); *Анадырский и Гижигинский уезды* — по 5 чел. (комиссар, секретарь, три младших чина охраны); *Охотский уезд* — 16 чел. (комиссар, его помощник, секретарь, три старших и 10 младших чинов охраны); *Чукотский уезд* — 4 чел. (комиссар и три младших чина охраны). Кроме того, в каждом уезде предполагалось создать добровольную охрану из местных жителей. В Охотском уезде планировалось организовать горную охрану на золотых приисках, а в Чукотском — собрать для охраны морского зверя специальные отряды из местных жителей [9, л. 87об.—88];

во-вторых, комплектование народной охраны осуществлялось исключительно по классовому признаку. Главным условием её формирования стало следующее требование к личному составу: «...товарищи охранники должны подбираться исключительно из сторонников советской власти, никаких отступлений в этом не должно быть, только при таких условиях народная охрана будет являться настоящей защитой прав трудового народа». Таким

образом, основными кандидатами на службу стали демобилизованные бойцы Красной Армии [9, л. 87—88];

в-третьих, на народную охрану как на единственное вооружённое формирование на территории губернии были возложены широкие полномочия. Это — защита существующей власти, выполнение контрразведывательных и таможенных обязанностей, борьба с уголовной преступностью и другие. Причём особо подчеркивалось что внимание должно быть сосредоточено на борьбе со спекуляцией, незаконной торговлей, контрабандой, браконьерством и на охране рыболовных участков [9, л. 85—87].

Особое место в резолюции съезда уделялось обеспечению народной охраны транспортными средствами в наиболее отдалённых уездах Северо-Востока России. В силу местных условий Чукотского уезда в распоряжении комиссара народной охраны должны были постоянно находиться «два потяга собак», служащих «средством передвижения комиссару, уездному фельдшеру и чинам охраны между различными пунктами уезда как для собрания статистических и других сведений, а также для предупреждения и пресечения различных правонарушений». Для эффективной борьбы с браконьерством планировалось передать в распоряжение народной охраны три судна, закрепив за каждым из них определённый район. Одно судно должно находиться в водах Чукотского уезда, другое — совершать рейсы от Анадыря до Петропавловска с заходом на Командоры и остров Карагинский, а третье постоянно находиться в Охотском море [9, л. 88—89].

Начальником народной охраны был единогласно избран Н. П. Фролов, а его помощником — А. М. Бычков, за которого проголосовало десять делегатов (три против и четыре воздержались) [9, л. 89]. Оба являлись сторонниками советской власти. Приказы и распоряжения начальника народной охраны предавались широкой огласке путём опубликования в областной газете «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета». В соответствии с решением Петропавловского уездного съезда, Камчатский областной военно-революционный комитет 19 марта 1920 г. принял постановление № 967 «Об избрании Н. П. Фролова комиссаром народной охраны Петропавловского уезда» и постановление № 969 «О переименовании Петропавловской уездной милиции в комиссариат народной охраны» [10].

Руководствуясь резолюцией «О народной охране», принятой на первом съезде советов Петропавловского уезда, Камчатский областной исполнительный комитет приступил к организации

народной охраны, но, учитывая практически полное безвластие в уездах, отсутствие связи с местами и неудовлетворительное состояние транспорта, её аппарат был сформирован только в пределах Петропавловского уезда. В июле 1920 г. численность сотрудников Петропавловской народной охраны составляла 42 чел. (комиссар, его помощник, секретарь, бухгалтер, столоначальник, два канцелярских служащих 1-го и один 2-го разряда, три старших и 30 младших народных охранников, сторож) [11, л. 2]. На основании обязательного постановления облисполкома № 13 от 27 октября 1920 г. начальник народной охраны Петропавловского уезда назначался и начальником охраны по Камчатской области [12].

Следует особо отметить, что в период работы первого съезда советов Петропавловского уезда политическая обстановка на Дальнем Востоке резко изменилась. В начале апреля 1920 г. японские войска разгромили вооружённые силы Временного правительства Дальнего Востока. В этих условиях правительство РСФСР, чтобы не допустить прямого военного конфликта с Японией, решило воздержаться от официального восстановления советской власти на Дальнем Востоке и создать на этой территории «буферное» государство — Дальневосточную республику (ДВР). ДВР образована 6 апреля 1920 г. на первом учредительном съезде полномочных представителей населения Прибайкалья, проходившем в городе Верхнеудинске. Это государственное образование представляет собой уникальное явление, не имеющее аналогов в истории российской государственности. ДВР объединила территорию от Байкала до Тихого океана. В её состав вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области, а также полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. В республике была принята собственная конституция, здесь существовала многопартийная система и сохранялась частная собственность, была утверждена государственная символика. Советская власть официально на территорию ДВР не распространялась. При формировании органов охраны правопорядка в ДВР активно использовался буржуазно-демократический и советский опыт [13, с. 70, 72, 74].

Правовую основу организации милиции ДВР составляли «Временное положение о народной милиции ДВР» (утверждено правительством республики 8 февраля 1921 г.), «Закон о милиции ДВР» (принят Народным собранием ДВР 8 сентября 1921 г.) и «Положение о народной милиции ДВР», окончательно утверждённое правительством ДВР 8 сентября 1921 г. Милиция являлась

исполнительным органом государственной власти и находилась в двойном подчинении — министерства внутренних дел республики и местных органов самоуправления. Задачи милиции заключались в охране общественной безопасности и защите «всех и каждого от насилия, обид и самоуправства» [14, с. 14].

Основу комплектования народной милиции составлял демократический принцип, при котором социально-классовая принадлежность кандидатов не являлась определяющим критерием отбора при приёме на службу. В милицию ДВР зачисляли старых «спецов», служивших ещё в царской армии. Следует отметить, что в республике существовали различные вооружённые формирования, которые (напрямую или косвенно) участвовали в укреплении правопорядка. Так, подразделения Народно-революционной армии (НРА) наряду с выполнением своих непосредственных задач несли службу по охране общественного порядка. Внутренние и пограничные войска ДВР привлекались для сбора налогов, борьбы со спекуляцией, дезертирством и бандитизмом. Для обуздания политической преступности была создана государственная политическая охрана (ГПО). Однако политическая преступность была тесно связана с уголовной, поэтому ГПО вынуждена была вести борьбу с мародёрством, контрабандой, взяточничеством, хищениями и другими видами преступлений.

Камчатская область занимала особое место в ДВР — это была самая значительная по территории, малонаселённая и экономически отсталая часть Дальнего Востока. Область также являлась самой отдалённой дальневосточной территорией, которая после закрытия навигации в течение восьми-девяти месяцев оставалась в полной изоляции. Так как Камчатская область входила в состав Приморской земской управы, то облисполком должен был работать по приморскому законодательству [1, с. 63—65]. В Петропавловске были отменены выборы в городской Совет и назначены выборы в городскую Думу, распущен революционный трибунал, амнистированы члены Камчатского областного комитета и представители «колчаковской» администрации, допущена большая свобода частного капитала, революционный комитет отказался от национализации рыболовных участков.

С целью образования на Камчатке структур Приморской земской управы (земств) Временное правительство Дальнего Востока направило в Петропавловский уезд уполномоченного. Им стал Назар Васильевич Кочергин, которому были предоставлены права по проведению внутренней и внешней политики, а также право

«иметь в своём распоряжении местную милицию, которая обязана выполнять все его законные требования». Для оказания силовой поддержки уполномоченному Приморское правительство планировало организовать и отправить в Петропавловск отряд полицейской охраны Камчатки. Численность отряда определялась от 100 до 200 чел., большинство из которых служили в царской армии. Полномочия Н. В. Кочергина были признаны Петропавловской городской Думой (ПГД), однако исполком, находившийся под контролем просоветски настроенных лиц, признать их отказался. Такое решение было мотивировано тем, что власть в области должна принадлежать исполнительному комитету, избранному на первом уездном съезде советов. Кроме того, между уполномоченным Временного правительства Дальнего Востока и исполкомом возник конфликт по поводу подчинённости народной охраны. Это означало решение вопроса о фактической власти на Камчатке, так как других вооружённых формирований здесь не существовало. Окончательно вопрос о подчинённости народной охраны был решён на третьем камчатском областном съезде, состоявшемся в октябре 1920 г.

Основной задачей этого съезда стала организация единой системы управления на Камчатке, «чтобы область представляла собой единое целое, чтобы каждый уезд, волость, селение точно выполняли постановления и проводили политику, которую проводит областной комитет». Показательным для съезда было то, что к началу его работы произошло реальное объединение областей ДВР в единое государственное образование, а также создано центральное правительство в Чите. Камчатский областной съезд официально признал ДВР и принял решение о назначении своим представителем в Читу П. Ф. Федорца [6, с. 408].

На съезд прибыло двадцать делегатов, представлявших население Петропавловского, Анадырского и Гижигинского уездов. Был избран высший орган власти в области — областной исполком, а также решено сохранить на территории области существовавшую форму управления в виде областного, уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов, а в городах — городских самоуправлений. Делегаты в подавляющем большинстве выступили против организации земств на Камчатке и отклонили требование Временного правительства — Приморской земской управы о введении этой формы управления. В качестве причин отказа от земства делегаты указывали на обширность области, «незначительность оседлого населения, на которое лягут все тяготы по

содержанию земского аппарата, и отсутствие работников», разбросанность селений и волостных единиц, отсутствие путей сообщения с дальними районами и собственных средств, на которые нужно содержать земский аппарат, неясность и неоправданность политики Приморской земской управы по отношению к Камчатке [15, с. 115]. Особо отмечалось также отрицательное отношение к земству со стороны населения, которое видело в нём «реакционную затею» и привыкло к комитетному управлению [16, л. 13, 22].

Участники съезда выступили и против инициативы Временного правительства Дальнего Востока отправить на Камчатку отряд милиции (рота охраны Камчатки). Соответствующая резолюция была направлена председателю правительства. В ней отмечалось, что «трёхлетняя практика революции показала, что всякая пришедшая с материка посторонняя сила, являясь органами самочинных кровавых выступлений, и ничего другого не давала» [16, л. 10]. Делегаты указывали на то, что содержание этого вооружённого формирования «ляжет на область тяжким бременем». Кроме того, нецелесообразность отправки отряда обосновывалась спокойной обстановкой на Камчатке, наличием достаточного штата народной охраны в области, отсутствием материальной поддержки со стороны Временного правительства Дальнего Востока, а также возможными осложнениями с Японией, военные корабли которой находились в Авачинской губе. Съезд не только подтвердил резолюцию «О народной охране» от 17 марта 1920 г., но и решил подчинить милицию Камчатскому облисполкому.

Важно обратить внимание на то, что, в силу отдалённости, отсутствия связи, постоянных политических кризисов в Приморье, внешней угрозы со стороны Японии, Временное правительство Дальнего Востока не могло реально влиять на ситуацию в области. Показательным является следующий пример. 1 ноября 1920 г. Н. В. Кочергин провозгласил манифест о роспуске облисполкома, который «находился под контролем большевиков и не соответствовал демократическим принципам». Но исполком отказался подчиниться ему. Более того, уполномоченный Временного правительства Дальнего Востока по Петропавловскому уезду был обвинён в халатности, а его заместитель Ф. Ф. Куклярский — в незаконном хранении стрихнина. Власть в области окончательно перешла к пробольшевистскому исполкому [17, с. 122].

На основании постановления правительства ДВР от 29 ноября 1920 г. № 952 облисполком реорганизовался в Областной народно-революционный комитет (ОНРК), а уездные, волостные, сельские

исполкомы — в уезные, волостные и сельские нарревкомы [1, с. 77—78]. Народно-революционный комитет «проводит в жизнь все постановления и распоряжения высшей власти, принимает меры к поднятию области в культурном и хозяйственном отношении, руководит деятельностью городских, волостных и сельских органов власти, охраняет демократический порядок в области и ведёт борьбу с преступностью, назначает и утверждает областных ответственных работников» [18]. В течение декабря 1920 — января 1921 г. нарревкомы были организованы в Анадырском и Гижигинском, а с открытием навигации — в Командорском и Чукотском уездах. Следует особо отметить, что Камчатская область была единственной территорией Дальнего Востока, которая вошла в состав РСФСР в марте 1921 г. Однако из-за невозможности установления здесь советской власти территория управлялась по законам ДВР.

В период с января 1920 по октябрь 1921 г. народная охрана (милиция) являлась единственным вооружённым подразделением на территории Камчатской области, поэтому её деятельность осуществлялась по широкому кругу направлений. В соответствии с постановлением Временного правительства Дальнего Востока утверждён отдел государственной охраны, на который возлагались обязанности, ранее принадлежавшие контрразведке, военному контролю и чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с преступностью. В Камчатской области на местный комиссариат народной охраны возлагалось выполнение обязанностей ГПО, которые в центральных областях России являлись функциями ВЧК [19, с. 31]. Примером такой деятельности может служить нейтрализация сотрудниками народной охраны антисоветской группы в составе И. И. Гапановича, А. И. Бабкина-Байкалова, Е. И. Кумпана, М. И. Попова и других. В июне 1921 г. заговорщики забаррикадировались в одном из домов Петропавловска и угрожали открыть стрельбу по японскому крейсеру, находившемуся в Авачинской губе. Этими действиями они пытались спровоцировать японцев на вооружённое выступление против ОНРК. Сотрудники народной охраны блокировали заговорщиков и вели с ними длительные переговоры, итогом которых стала их сдача [19, с. 34].

В августе 1921 г. отряд народной охраны с помощью ополченцев не допустил высадку в Петропавловске белогвардейцев, прибывших на судне «Магнит» из Владивостока [6, с. 516; 20, с. 122].

На народную охрану возлагалось исполнение обязательного постановления Военно-революционного комитета № 41 от 2 марта 1920 г., в соответствии с которым на территории Камчатской

области запрещался развозной торг, который «приносил жителям Камчатки большой вред, благодаря спекуляциям коммерсантов». Народные охранники проверяли у тех разрешение на ввоз товаров, промысловое свидетельство, прейскурант цен и расценки товаров. При отсутствии необходимых документов следовала конфискация товара. В соответствии с постановлением ОНРК № 19 от 17 апреля 1921 г. народные охранники в трёхдневный срок собирали налоги с торгующих фирм, кооперативных организаций, скупщиков пушнины [21]. Контроль соблюдения постановления № 52 от 18 августа 1921 г. «О порядке распределения квартир в государственных зданиях всех ведомств, находящихся в Камчатской области» также возлагался на народную охрану.

Важным направлением деятельности народной охраны Северо-Востока России являлось противодействие пьянству и незаконной торговле спиртными напитками. Приказ комиссара народной охраны Петропавловского уезда № 35 от 6 июня 1920 г. обязывал старших охранников и дежурных по городу неуклонно следить за появлением пьяных лиц и на всех них каждый раз составлять протоколы для привлечения к уголовной ответственности [22, л. 28].

Согласно постановлению ПГД от 13 июля 1920 г. в Петропавловске запрещалась продажа спирта и появление в пьяном виде на улицах, собраниях и в других общественных местах. Владельцам домов вменялось в обязанность немедленно сообщать в комиссариат народной охраны о случаях продажи спиртных напитков в помещениях. К ответственности должны были привлекаться также лица, задержанные в пьяном виде и отказавшиеся сообщить, где они приобрели спиртные напитки [23].

В соответствии с обязательным постановлением ОНРК № 18 от 2 апреля 1921 г. «О запрещении ввоза в Камчатскую область спиртных напитков и борьбе с пьянством» за изготовление и сбыт самогона, пива, браги, сули устанавливалась ответственность в виде денежного штрафа от 50 до 1 000 руб. или лишение свободы на срок от четырёх месяцев до одного года и четырёх месяцев [24]. За появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения накладывался штраф от 20 до 300 руб. или следовало лишение свободы на срок до трёх месяцев. Исполнение обязательного постановления возлагалось на сотрудников народной охраны, обязанных привлекать к ответственности нарушителей данного постановления. На основании вышеуказанного документа начальником народной охраны был издан приказ № 2 от 10 мая

1921 г., который обязывал сотрудников «всех появляющихся лиц в пьяном виде в публичном месте препровождать в арестный дом с составлением протоколов для привлечения к ответственности» [25]. Сведения о подобных происшествиях печатались в разделе «Хроника» местной газеты «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета». Не существовало исключений и для сотрудников охраны правопорядка, нарушивших обязательные постановления. В соответствии с приказом ОНРК № 22 от 29 августа 1921 г. был уволен без права получения заштатного пособия помощник начальника областной милиции Александр Николаевич Пересыпкин [19, с. 35; 26]. Основанием для увольнения стало его появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения. За «неоднократное пьянство» были также уволены со службы младшие охранники Давлетгореев и Гилизантинов, а младшему охраннику Мусалимову был объявлен строгий выговор.

Особой проблемой для сотрудников народной охраны явилась борьба с контрабандной торговлей спиртными напитками. Контрабандный спирт на прибывавших пароходах ввозили приезжавшие на рыбалки иностранные рабочие, а также моряки и грузчики. Например, за первый в навигацию 1920 г. на Командоры рейс парохода Добровольного флота «Томск» с островов была вывезена в обмен на спирт половина «упромышленной пушнины» [27]. В мае 1921 г. на остров Беринга прибыл японский крейсер «Ивами», команда которого продавала спиртные напитки, и «через несколько часов население острова было нетрезво». В июне 1920 г. комиссар народной охраны при проверке «Томска» обнаружил ящики со спиртом, коньяком и водкой, принадлежавшие корейской грузовой артели. В июле 1921 г. сотрудниками народной охраны в ходе таможенного досмотра парохода Добровольного флота «Сишан» было конфисковано пять пудовых банок спирта, 645 штук «старичков», 13 бутылок коньяка, две полубутылки английской горькой, 26 бутылок столовой и 236 бутылок обыкновенной водки. Для подсчёта количества конфискованного спиртного ОНРК образовал специальную комиссию. В её состав вошли заведующий лечебницей Ч. К. Щипчинский, председатель Трудового союза И. Ларичев, начальник народной охраны Н. Фролов, начальник рабоче-крестьянской инспекции М. Савченко-Славский. В качестве понятых были приглашены граждане Барановский, Самсонов и Игрушечкин [28]. Комиссия решила оставить для медицинских целей спирт, 13 бутылок коньяка, две полубутылки английской

горькой водки, оставшийся спирт денатурировать, то есть сделать негодным к внутреннему употреблению, а водку в количестве 261 бутылки — уничтожить. Денатурированный спирт, оставленный для медицинских целей, был слит в бидоны, опечатан и сдан на хранение начальнику народной охраны, который выдавал его в городскую лечебницу [28].

В газете «Известия Камчатского областного исполнительного народно-революционного комитета» № 31 от 29 июня 1921 г. целый раздел назывался «О конфискованных на пароходе “Сишан” спиртных напитках». Тем не менее конфисковывалась лишь незначительная часть от общего количества контрабандного спирта, потому что пароходы разгружались в нескольких пунктах, где таможенная служба отсутствовала, а сил народной охраны было крайне недостаточно.

Кроме того, нелегальной торговле спиртом способствовало иностранное экономическое влияние в регионе. Например, на территории от бухты Корфа до Чукотского полуострова и побережья Северного Ледовитого океана постоянно находились 10—12 американских китобойных судов, 6—10 шхун охотников на моржей и 50—60 мелких торгующих шхун. Они активно торговали контрабандным спиртом и скупали у населения пушнину, моржовую кость, оленью кожу и прочее.

Центром торговли контрабандным спиртом являлись и японские рыбалки, где каждый рабочий привозил «не менее десяти бутылок спирта, на которые выменивал пушнину. Сам же хозяин привозил до ста бутылок. Осенью, возвратившись в Японию, каждый из них обязательно имеет медведя, одну-две лисицы, несколько десятков белок» [29, л. 38]. На охотских золотых приисках торговля спиртом и скупка золота была фактически бесконтрольной.

Наряду с вышеперечисленными задачами народная охрана контролировала санитарное состояние города и соблюдение правил противопожарной безопасности. Сотрудники привлекали к ответственности граждан за «слив нечистот в Култушное озеро», «невывод собак из города и держание их на привязи около ключа питьевой воды», «ропуск лошадей по городу», «выброс во двор горящей и тлеющей золы» и другие административные правонарушения [19, с. 32; 22, л. 29—30].

Таким образом, в 1920—1921 гг. в Камчатской области был сформирован штат народной охраны (милиции), ставшей неотъемлемой частью государственного аппарата управления. Народная

охрана, как единственное вооружённое формирование в области, выполняла многофункциональные задачи, была сформирована по классовому принципу и являлась вооружённой опорой исполнительного комитета.

В мае 1921 г. политическое положение в Приморье изменилось в очередной раз, в результате чего установилась власть прояпонского Приамурского правительства, возглавляемого братьями С. Д. и Н. Д. Меркуловыми [17, с. 122]. В июне 1921 г. Приамурским правительством было объявлено, что Камчатка и Охотское побережье рассматриваются как его территория и подчиняются его власти. В новых условиях начальник областной милиции издал приказ «Об укреплении дисциплины», а петропавловская организация РКП(б) приняла решение, согласно которому все члены и кандидаты в члены партии в случае чрезвычайных обстоятельств обязаны были явиться в распоряжение начальника народной охраны.

На заседании ОНРК 27 июля 1921 г. было принято решение, что «если прибудет экспедиционный вооружённый отряд с целью захвата власти, то комитет вынужден будет прибегнуть к оружию против захватчиков, посягнувших на законную власть». В сентябре 1921 г. Приамурское правительство направило на Северо-Восток России экспедиционный отряд под командованием Валериана Ивановича Бочкарёва.

В Петропавловске силы ОНРК были слишком незначительны, поэтому его члены и личный состав милиции покинули город и перешли к партизанской борьбе. После занятия Охотска (3 октября 1921 г.) и Петропавловска (28 октября 1921 г.) В. И. Бочкарёв объявил, что Охотско-Камчатский край является «очищенным от большевизма». На этой территории народно-революционные органы власти были свергнуты, и началось восстановление ранее существовавших органов управления.

Источники

1. За власть Советов. Из истории борьбы за установление советской власти в Камчатской области (1920—1922 гг.): документы и материалы. — Владивосток, 1967. — 183 с.
2. Государственный архив Камчатского края (ГАКК), ф. 10г, д. 4.
3. Там же, д. 5.
4. Там же, д. 2.
5. Там же, д. 3.

6. Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны // История Дальнего Востока России. — Владивосток: Дальнаука, 2003. — 632 с.
7. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — С. 104—149.
8. За власть Советов на Камчатке в 1917—1920 гг. — Комсомольск-на-Амуре, 1958. — 105 с.
9. Камчатский краевой объединённый музей (ККОМ). — ГИ 6346.
10. Известия Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — 27 марта. — № 62.
11. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, ф. Р-1382, оп. 1, д. 41.
12. Известия Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — 21 нояб. — № 237.
13. *Худяков П. П.* Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью в 1920-е гг. — Хабаровск, 2002. — 239 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. — Б. м., 1921. — № 2.
15. *Камардина Н. В.* Третий областной съезд Камчатки (1920 г.): поиск стабильности // «О Камчатке: её пределах и состоянии...» Материалы XXIX Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — С. 113—116.
16. ГАКК, ф. 80, оп. 1, д. 1.
17. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой. Петропавловск-Камчатский, 2000. — 207 с.
18. Известия Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — 12 дек. — № 240.
19. *Пирагис А. П.* От нагана до компьютера: история камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — 272 с.
20. *Бакалейников П. С.* Становление камчатской милиции (1918—1922 гг.) // История социалистического строительства на Камчатке. — Владивосток, 1979. — С. 119—123.
21. Известия Камчатского областного народно-революционного комитета. — 1921. — 17 апр. — № 19.
22. ГАКК, ф. П-800, оп. 1, д. 76.
23. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — 20 июля. — № 151.
24. Известия Камчатского областного народно-революционного комитета. — 1921. — 4 апр. — № 18.
25. Там же. — 15 мая. — № 23.
26. Там же. — 30 авг. — № 42.
27. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — 24 июля. — № 155.
28. Известия Камчатского областного народно-революционного комитета. — 1921. — 29 июня. — № 31.
29. Государственный архив Хабаровского края, ф. П-44, оп. 1, д. 414.

ПЕТРОПАВЛОВСК. Год 1933-й

4 января объявлено, что по решению ЦК ВКП(б) в течение начавшегося 1933 г. будет проведена чистка членов партии, то есть состоится «боевая проверка партийных рядов». Это действие основывалось на решениях XVI партконференции, состоявшейся в апреле 1929 г., о необходимости периодических «перетрясок» с целью «улучшения социального состава и поднятия политического и морального уровня парторганизаций на местах и партии в целом». Первая общая чистка прошла по предложению самого В. И. Ленина ещё в 1921 г., когда «партия сплывала свои ряды», вторая — генеральная — в 1929 г., при начале «развёрнутого социалистического наступления по всему фронту», а третья намечена на первый год борьбы за вторую пятилетку, то есть на 1933-й. В этот же день вечером секретари ячеек совещались по этому поводу в организационно-инструкторском отделе обкома ВКП(б).

5 января во всех комсомольских первичках состоялся «политбой» по итогам второй окружной комсомольской конференции. Так, совхозная ячейка «дралась» с аковской. «К семи вечера к АКОграду колонной, с бодрой песней пришли комсомольцы совхоза под руководством т. Абрамова, лучшего пропагандиста, заслужившего первую премию за умелую постановку учёбы в ячейке. Аковцы тоже не подкачали. Пропагандист т. Тарабыкин обеспечил стопроцентную явку, и бой был ожесточённый. Не оставлено без ответа ни одного вопроса. Совхоз взял первенство». А совпартшкола «побила» педагогический техникум, хотя и его учащиеся показали хорошую подготовку. Зато связисты, долженствующие сражаться с портом, явились не все, объяснив это занятостью большинства комсомольцев на производстве.

Камчатка отрапортовала в краевой центр — Хабаровск о выполнении контрольного задания по реализации займа «Четвёртый завершающий». По данным на 1 января, оформлено облигаций на 2 670 тыс. руб., что составило 100,4 % от плана. На долю Петропавловска пришлось 840 тыс. руб., или 105 %.

Магазин № 8 горинтегралсоюза перешёл на двухсменную работу: с девяти утра до десяти вечера.

В шесть вечера в окружке ВКП(б) на ул. Ленинской, 3 открылась вечерняя совпартшкола. Установлены следующие дни учёбы каждого месяца: 2, 5, 9, 11, 15, 17, 19, 23, 25 и 29-й.

6 января Горместхоз продолжал медленно сооружать два дома на улицах Таможенной и Никольской. Из-за отсутствия инженерно-технических специалистов за стройкой надзирали случайные люди. Они не могли грамотно составить план работ, что вызывало постоянные заминки. Так, снимали с работы пильщиков и посылали их на лесозаготовки, в то время как плотники простаивали без досок. Доставлявшиеся с портовой кошки брёвна обтёсывались, а не распиливались, причём часть материала обращалась в щепу, тогда как можно было бы делать горбыли. Строители жили крайне скученно в грязных землянках с дымищими печами. Из-за отсутствия кладовой для хлеба они теряли время в очереди в общем распределителе.

Радиоредакция «Камчатской правды» желала купить пианино. Возможных продавцов просили обращаться к «товарищу Пяткову».

7 января состоялся очередной партийный день с открытыми собраниями и разговорами о подготовке к предстоящей чистке.

Городская библиотека сменила расписание выходных дней. Теперь они предшествовали общегородским.

Проживавший в АКОграде в юрте № 13 некто Смирнов известил о пропаже Джека — кобеля немецкой овчарки, десяти месяцев от роду, «волчьей масти», с ошейником на красной подкладке. Нашедшему обещано вознаграждение, утаившему — преследование.

Контора Дальзаготпушнины желала продать лошадь.

9 января (день памяти жертв кровавого царизма, расстрела рабочей демонстрации в Петербурге в 1905 г.) прошло общее собрание бывших партизан и красногвардейцев. Среди прочего там разгласялось и о предстоящей чистке.

10 января в восемь вечера занималась литературная группа при газете «Камчатская правда». Её актив составляли Пчелинский, Позигун, Смирнов, Ольхов, Поспелов, Иванов, Коптелов, Скрипко, Сотников. Участвовать могли и все желающие.

Стало известно о скором введении в СССР единой паспортной системы с обязательной пропиской по месту жительства. Это намеревались сделать до конца начавшегося года, для чего, а также для общего руководства милицией образовывалось Главное управление Рабоче-Крестьянской милиции при ОГПУ СССР. Паспорта вводились для лучшего учёта населения городов, рабочих посёлков, новостроек и разгрузки их «от не связанных с производством и работой в учреждениях или школах, не занятых общественно-полезным трудом лиц, кроме пенсионеров, а также в целях очист-

ки от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов».

11 января — очередной день партучёбы. Её новая форма — «ударная однодневная школа», ставящая задачу «быстрейшей проработки наиболее боевых вопросов и максимальный охват всех трудящихся», — придумана с учётом камчатских условий, а именно хронического опоздания газет и литературы с «материка», с одной стороны, а с другой — «перенасыщения» ими сразу после прибытия очередного парохода. «Однодневка» давала возможность наиболее быстро довести важнейшие решения партии и правительства до сознания каждого партийца, комсомольца, рядового труженика.

Постановлением горсовета (председатель С. И. Русаков, секретарь Ф. Л. Слободчиков) определены нормы отпуска электроэнергии. Госучреждениям полагались 10—15, магазинам и жилью — 8—12, а вот школам — почему-то всего 5—10 ватт на один квадратный метр площади.

Горинтегралсоюз уведомил, что передовики производства могут получить «по ударным книжкам» ещё по 10 % к полагавшимся им продуктам. Нормы снабжения на январь для второй категории (в кг): 20 муки, 0,8 макаронных изделий, 1,8 крупы разной, 1 сахара. Кроме этого, причитались (в г): 50 кирпичного чая, 250 махорки, 208 хозяйственного мыла, а также кусок туалетного, одна банка рыбных консервов, 116 папирос и коробка спичек.

Раборк Петров, он же пожарный, анонимно покритиковал начальника пожарной команды (брендмейстера) АКО С. Н. Пестрово, «крайне хозяйственного человека», отправлявшего подчинённых «на грабёж окрестных учреждений и населения», приказывая тащить всё, что подвернётся под руку или попадёт на глаза: в первую очередь дрова, сено. Вечером, по его словам, brave пожарные делились ощущениями: «Меня мужики чуть не избили. Еле ушёл! — Тебя чуть, а меня по спине огрели. — Собака — главная помеха. Срывают, окаянные, снабжение. Все штаны порвали. — Да, тяжёлая наша работа пожарная, жизнью, можно сказать, рискуешь!» Не желавшим заниматься этим доставались взыскания и самая неблагодарная работа. «И приходится покоряться. Из честности, мол, шубы не сошьёшь». Критика аукнулась раборку весьма сурово. Он был обвинён в том, что «обесчестил» всю команду, а её администрация начала делать всё, чтобы избавиться от смутьяна. 24 января его уволили «как пьяницу и дезорганизатора», а также распорядились немедленно выселить из

жилья. 28 января притесняемый за правду писал в газету: «Товарищи редакция! Спасите меня от преждевременной смерти! Начальник пожарной охраны Пестрово буквально издевается надо мною с тех пор, как установил моё авторство заметки о нём... Натравил на меня своих подхалимов... выселяет из квартиры и публично грозит заморить голодом, не дав нигде ходу. Мало этого, он подпоил своего верного помощника Сахарова, и тот произвёл два раза покушение на мою жизнь подлым способом (залил мне глаза спиртом и бросился с ножом). Нападки и издевательства надо мною всё усиливаются. Я, как ваш рабкор, прошу защиты, иначе в ближайшее время буду затравлен подхалимами Пестрово». Забегая вперёд, скажем, что защита нашлась, а брендмейстер вскоре угодил под суд.

15 января из-за отчаянного холода прекратила операции сберкасса № 21/611: перемёрзло паровое отопление. Сотрудники не могли держать перья в пальцах. Холод царил и в Красном уголке барачков Совторгфлота. Никакой «культурной работы» здесь не велось, несмотря на то что ряд грузчиков демонстрировал тягу к разумному времяпрепровождению. По вечерам бараки были погружены во мрак: в каждом имелась лишь одна лампочка, не дававшая возможности ни читать, ни писать. Приходилось развлекаться доступными способами: курить, ругаться, травить похабные анекдоты, резаться в карты при свете огарков. Вот тебе и весь отдых.

16 января в семь вечера в зале заседаний облисполкома открылся расширенный комсомольский пленум. С докладом о новом районировании Дальневосточного края и задачах комсомола выступил заведующий орготделом обкома ВКП(б) С. И. Кузовников. «Будем драться за превращение Камчатки в “валютный цех” края. Разрешим проблему овощно-огородных и зерновых культур, добудем мясо, жиры своими собственными силами. Освободим край от дорогостоящего завоза продуктов питания на Камчатку!»

Горсовет обязал всех своих членов и кандидатов подать заявления о желании работать в одной из секций, а также сообщить домашний и служебный адреса. Напоминалось, что при горсовете действуют секции: коммунальная, здравоохранения, рабочекрестьянской инспекции, народного образования, финансово-бюджетная, кооперативная, военная и связи.

Ксения Ивановна Дюндина известила, что аннулирует доверенность, выданную ею Степану Ивановичу Можерину на получение почтового перевода в три сотни рублей.

Жителю улицы дома № 43 на улице Таможенной требовалась домашняя работница с оплатой «по соглашению».

18 января проведён рейд по проверке выполнения недавнего постановления ЦИК и Совнаркома «Об увольнении за прогул без уважительных причин» (от 15 ноября 1932 г.). В нём, в частности, говорилось: «Установить, что в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин работник подлежит увольнению... с лишением его права пользования выданными ему, как работнику данного предприятия или учреждения, продовольственными и промтоварными карточками, а также с лишением права пользования квартирой в домах данного предприятия или учреждения». Первыми обследовали связистов. Здесь выявлено существенное улучшение: если в первом квартале прошлого года четырнадцать нарушителей нагуляли в общей сложности двадцать два дня, то в последнем — четыре человека пропустили четыре же дня. Наиболее активно гуляли некто Косыгин и Макаренко. «В отношении Косыгина сделан строгий выговор с предупреждением, поскольку он за последнее время начал исправляться. Макаренко уже уволен, как намеренно сделавший шестидневный прогул с целью уйти с предприятия. Сейчас он, по слухам, работает в детсаду... Относительно социального происхождения прогульщиков известно лишь, что Косыгин мелкий собственник, а остальные — рабочие и служащие». Причины прогулов: в большинстве стояние в очередях, задержка на охоте, в отпуске и, наконец, неизбежная винная лавка. Лучше дела обстояли в Совторгфлоте. Здесь особенно злостных нарушителей не было, большинство «гульнуло» по одному разу, а с января «в связи с постановлением» пропуски совершенно прекратились. До «постановления» меры к нарушителям принимались почти исключительно административные, сейчас же всё больше по профсоюзной линии: выговоры, исключения. Так, 17 января изгнан из профсоюза за прогул и пьянку старшина бригады грузчиков Астафьев.

Объявлено, что 10 февраля лётчик Водопьянов и бортмеханик Сергин вылетают из Москвы в Петропавловск. Весь путь в оба конца герои-авиаторы намеревались преодолеть за тринадцать суток. Позже стало известно, что их самолёт попал в аварию.

Электростанция утеряла резьбомер. Нашедшего ценный инструмент просили вернуть за вознаграждение.

19 января Камчатское научно-техническое общество в клубе слушало доклад заместителя директора КО ТИРХ М. А. Фортунатова «Рыбы Камчатки и её рыбное хозяйство».

Попутно отчиталась о проделанной работе морская станция Государственного гидрологического института. Впервые в практике учреждений, входивших в сеть центральных научно-исследовательских институтов Москвы и Ленинграда, станция провела камеральную обработку на месте, в Петропавловске. Этот опыт признан вполне удачным. Руководитель станции К. А. Виноградов сообщил, что осенью прошлого года при наличии одного вёсельного вельбота в Авачинской губе было сделано более тридцати сборов бентоса, шестьдесят сборов планктона и взято более двухсот проб морской воды с различных глубин для химического анализа. В итоге намечена «схема распределения жизни» в губе и получен интересный материал по её гидрологии и гидрохимии. Большой интерес представила находка в Петропавловском ковше вредителя деревянных портовых сооружений — рачка-древоточца. Изучению его биологии и выработке мер борьбы с ним станция намеревалась уделить особое внимание.

20 января транспортно-складская контора АКО открыла автомобильное сообщение между зданием облисполкома и совхозом с остановками: аптека, столовая № 1—3, пожарное депо АКО, главная контора общества, переселенческий барак, совхоз. Плата — рубль с человека в один конец, бесплатно — до пятнадцати килограммов багажа. Начало движения по маршруту в восемь утра, окончание — в десять вечера. Контора принимала заказы на выполнение разных работ, например, на пилку и колку дров по восемь рубликов за «куб».

21 января вечером в клубе прошло траурное заседание, посвящённое девятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

22 января состоялось общегородское партсобрание. На повестке дня: международное положение Советского Союза.

23 января заработал клуб Осоавиахима. Бывшая церковь не могла вместить всех желающих. Секретарь общества открыл собрание призывами к укреплению обороноспособности страны и овладению новой техникой. В кратком сообщении «Об очередных задачах на основе решений третьего пленума Центрального совета Осоавиахима» докладчик коснулся общих недочётов оборонной работы вообще и в частности заострил внимание на Камчатке. Он остановился на роли профсоюзов и комсомола, а также на просветительской работе. Без всякого нажима, исключительно «под давлением создавшегося общего настроения», в зале стали раздаваться вызовы на построение своего, камчатского самолёта. Один рабочий-транспортник тут же дал сотню и вызвал всех при-

сутствующих на такую же сумму. Деньги посыпались на стол: каждый вносил, сколько мог. В течение нескольких минут собрали наличными 825 и по записи 950 рублей. Бывшие красные партизаны добавили ещё четыре сотни.

25 января по инициативе культпропа обкома ВЛКСМ начались коллективные просмотры кинокартин. Приглашались группы в составе не менее пятнадцати человек, при этом им полагалась половинная скидка. Заявки надо было сдавать в отдел за три дня до намеченного показа.

26 января начался конкурс на лучшую городскую школу партийного просвещения. Те вступали в него по желанию слушателей. Участники конкурса должны были добиться полного охвата индивидуальными договорами на производстве с конкретными обязательствами каждого учащегося так, «чтобы к концу конкурса иметь право на получение книжки ударника». Установлены премии: переходящее Красное знамя, ленинская библиотечка стоимостью 75 руб., радиоустановка, путёвка на учёбу, годовые подписки журналов «Большевик» и «Пропагандист». Премировались как школы в целом, так отдельные ячейки и слушатели.

27 января Камчатское научно-техническое общество, собравшееся в кабинете председателя облисполкома, слушало доклад доктора Н. П. Савенко «Проблема Восточной Арктики».

Магазин ОГИЗ-Книгоцентра искал нарту с каюром для отправки в село Пенжино книг и канцелярских принадлежностей с оплатой по соглашению.

Ячейка ОСО мехмастерских АКО единогласно решила, что все без исключения рабочие подпишутся на билеты 7-й Всесоюзной лотереи Осоавиахима на сумму в размере 5 % месячного заработка.

Один из городских пионеров сформулировал, возможно, что с помощью старших товарищей, что такое пионерская организация. Из его слов следовало, что её «нужно рассматривать как политическую организацию детей, в которой под руководством коммунистической партии и комсомола происходит освобождение ребят от капиталистических пережитков», где те «получают воспитание в духе интернационализма», а на основах коммунистического воспитания куются «стойкие волей большевики».

28 января озвучены планы городского коммунального и жилищного строительства на начавшийся год. На 2 400 тыс. руб. намечено возвести четыре жилых деревянных дома, коммунальную гостиницу, терапевтический корпус горбольницы на сорок коек, баню с пропускной способностью пятьдесят человек в час, прачечную,

способную отстирать тонну сухого белья в день. На всё это требовалось 4 985 кубов леса, 600 бочек цемента, 50 тонн извести, 220 тыс. штук кирпича. Часть средств предполагалось потратить на оборудование и котлы для прачечной и бани. Для выполнения заявленного за один летний сезон требовалось до четырёхсот работников. Пока же в городе имелось 1 000 кубометров ветлового леса, 50 тонн цемента, 25 тонн рельсов и 20 тонн овса для лошадей. Последних насчитывалось всего пятнадцать. Остро не хватало кровельного железа, извести, гвоздей, краски, стекла и прочего. Недостающее требовалось выписать через краевой коммунальный отдел «с материка». Следовало срочно готовить заявку на рабочие руки, для чего выделить вербовщиков или поручить это одной из краевых организаций. Несвоевременное представление планов, смет и чертежей по опыту прошлого года могло привести к тому, что Госбанк мог закрыть выделенные кредиты.

Объявлены публичные торги на выморочное и государственное имущество, «в составе которого имеются: брюки, пиджаки, юбки, бельё и обувь (дамская и мужская) и предметы домашнего обихода, как-то: скатерти, салфетки, шкатулки». К торгам допускалось только трудовое население.

29 января ночью по неизвестной причине загорелся барак-общежитие совпартшколы. Пламя быстро охватило низенькую постройку. Буквально в одном белье совпартшкольцы едва-едва успели выскочить на мороз. Все их вещи и спальные принадлежности сгорели дотла. На помощь пришли бойцы-пограничники, которые, не считаясь с опасностью, работая в душливом дыму, быстро локализовали огонь. Но успела сгореть жилая часть барака. Свыше пятидесяти слушателей в разгар зимней стужи остались без крова и одежды.

30 января опубликованы результаты общественного рейда в городской детсад. По сравнению с прошлой осенью дела здесь улучшились. Новая заведующая, вступившая в должность в прошедшем сентябре, добилась ремонта помещения, укомплектования штата. Имелся запас продуктов и дров, приведены в порядок финансы. Но, конечно, нашлись и недостатки, вроде: «голые стены, на которых лишь изредка развешены без должного подбора работы ребятишек, создают впечатление какой-то казёнщины и неуютности. Видно, что ребёнок не чувствует воспитательного влияния обстановки». Вешалки для полотенец находились в коридоре. Самих полотенец насчитали лишь восемнадцать при наличии шестидесяти трёх детишек. «Не успевают высыхать», —

оправдывалась заведующая. Не имелось в достаточном количестве мешков, где хранилось личное имущество детей (о привычных ныне отдельных шкафчиках пока только мечтали). Мёртвый час не предусматривался: не было спального помещения и кроваток. Три кровати на всякий случай стояли в канцелярии. «Это для тех ребятишек, которые устают или ознобятся. Надо полежать». Воспитательница Василенко пожаловалась на отсутствие методических материалов: «Иногда прямо не знаешь, чем занять ребятишек. Опыт небольшой, человека, который руководил бы работой, нет, вот и работаешь вслепую». «Проходим в общую комнату для игр. Комната пуста и темна, неуютна, совершенно не подходит для игр и развлечений. Здесь раньше стояло пианино, проводились игры под музыку. Теперь пианино взяла радиостудия. Ребятишки собрались в другой комнате, большой и светлой. Наше появление встречается коллективным “Здравствуйте!” У них идёт митинг, посвящённый годовщине смерти Ленина. Румяный бутузик стоит на трибуне, сделанной из двух кубиков, и серьёзно декламирует что-то. Потом ребятишки поют хором. Вид у них хороший, здоровый. На вопросы большинство отвечает бойко. Группа детишек начинает заниматься гимнастикой. Мы уходим в канцелярию, провожаемые взглядами сотен внимательных глазок». Питание поставлено хорошо, но раскладки продуктов на день нет. «Существует лишь тетрадка, в которую заносятся выданные продукты без учёта наличия детей и меню обеда и завтрака, таким примерно образом: крупы три килограмма, мяса 1 700, сахару 800 граммов и т. д. Завтрак: лепёшки на масле, обед — суп с мясом, каша с печёнкой».

4 февраля президиум горсовета установил величину ежедневного сбора на базарной площади и в других местах для поддержания чистоты: для колхозников и единоличников, торгующих с воза, — 1 руб., с рук и лотков — 20 коп., с головы крупного скота — 1 руб., мелкого — 50 коп. Прочие лица, торговавшие на рынке с рук и лотков, платили по рублю, вне рынка — с рук и лотков по два, а с тележек и возов — по пятёрке. От уплаты сбора освобождались продававшие с рук птицу, яйца, молочные продукты, подержанные вещи собственного домашнего обихода, а также лица, уплачивавшие аренду за место на рынке.

Рабочие стройбазы АКО, Авиастрога и Горместхоза (всего сто семнадцать) внесли 3 695 руб. на сооружение ледокола «Вторая пятилетка» и вызывали последовать их примеру коллективы мехмастерской АКО, стройтехуправления и Петропавловского совхоза.

6 февраля в 12.30 дан старт командно-индивидуальному лыжному пятикилометровому забегу. Из девяти участвовавших первое место заняла команда управления погранотряда, показавшая лучшее время — 21 минуту 20 секунд. В индивидуальных соревнованиях быстрее всех оказались пограничники Гордиенко и Семин, милиционер Смешков и работник АКО Карев.

Рыбное управление АКО вместе с профсоюзом отправило на нартах на рыбные промыслы и заводы двадцать два новых радиоприёмника.

8 февраля Петропавловский совхоз АКО пожелал приобрести три колокола диаметром не менее пятнадцати сантиметров.

Бюро обкома ВКП(б), учитывая, «что радио является могучим рычагом культуры», решило довести количество радиоточек в городе к 1 мая до тысячи, а также установить десять постоянных мощных репродукторов на площадях и улицах.

11 февраля из Хабаровска пришло сообщение о введении правительственным постановлением «в ознаменование вступления во вторую пятилетку» особых дней отдыха: 23 февраля, 8 марта, 17 марта, 6 июля, 1 августа и 14 октября.

Агроном А. Копачелли призвал петропавловцев собирать печную золу — ценное удобрение: «Каждый килограмм — для повышения урожайности социалистических полей!» Он напоминал, что каждый кубометр сожжённых дров в среднем даёт около двадцати пяти килограммов золы.

Служащие городских детских яслей внесли на постройку ледокола «Вторая пятилетка» 90 руб. и вызвали ясли погранотряда, ясли и детсад АКО, городской детсад и горбольницу.

Просвещенцы, откликнувшись на беду сгоревшей совпартшколы, собрали в фонд помощи погорельцам 1 186 руб.

В шесть вечера в культпропе обкома ВКП(б) состоялось общегородское собрание студентов-заочников. Присутствовали Ковальчук, Константинов, Выборнов, Евпак, Зайцев, Богданов и Смирнов, заочники, служившие в погранполку. Прошла заключительная конференция «по первой теме, введение во вторую тему “Теория строительства социализма”», поговорили и о дальнейшей работе.

12 февраля кандидатская политшкола горинтегралсоюза, обсудив условия конкурса на лучшую постановку марксистско-ленинского воспитания, включилась в это состязание и вызвала на сопереживание политшколу при транспортно-складской конторе АКО.

В АКО действовала целая партсеть, включавшая три кандидатские школы, одну для женделегаток и школу ленинизма с общим

числом сто пятьдесят слушателей. Комсомольская сеть охватывала две «нормальные» школы с пятьюдесятью слушателями. Кроме этого, распахнули двери три ликпункта для рабочих с обязательным политчасом. Выпущен специальный номер стенгазеты «За ленинскую политучёбу».

Общее собрание коллектива Совторгфлота, обсудив вопрос о сборе средств на самолёт «Страховик», постановило отчислить на это дело однодневный заработок.

Известный в городе активист Г. П. Сычѳв, по специальности радист, озвучил недостатки городского радиоузла: «Перестал вещать Хабаровск, и город больше месяца находится без трансляции. Уж не будем говорить о том, что не слышат все рыбные промыслы, колхозы, совхозы западного и восточного побережья Камчатки, а даже и рядом с Петропавловском о радиовещании имеют представление, лишь как о “громкомолчании”. Передача местной радиогазеты зачастую страдает отсутствием музыкального оформления. В радиогазете ещё нет боевой, мобилизующей массу на выполнение промфинплана информации».

«Камчатская правда» сообщила о «бедствующих шести семьях казаков разнообразных специальностей», трудившихся в стройтехуправлении АКО. Их поместили в старый ветхий дом. «С потолка через щели сыплется песок, сквозь стены дует ветер. Форточек в доме нет, и рабочие страдают от духоты. Спят казаки на общих нарах, обедают на грязном глиняном полу. Отопление — две голландки и железные печки, как те, так и другие отчаянно дымят. Обед приготовить на этих печках почти невозможно. С казаками не ведѳтся никакой культурной работы, да и свет по вечерам слишком тускл, чтобы чем-нибудь заниматься. Дровами также обеспечены плохо. Казаки требуют внимания профессиональной и партийной организаций и сносных условий жизни, наравне с русскими рабочими (странные какие-то казаки получают, вроде бы как не русские? Но об этом попозже. — С. Г.)».

14 февраля в помещении райинтегралсоюза заработали счетоводные курсы. На них записались пятнадцать слушателей, по окончании намеревавшихся отправиться в колхозы области.

15 февраля состоялось общее собрание корейской политшколы, на котором обсуждалось участие в проводимом комсомолом конкурсе. Постановили принять деятельное участие, взяв одиннадцать конкретных обязательств.

По решению горсовета от 25 января началась перерегистрация всех животных, рабочего и прочего скота, а также собак.

Из Мильковского района на предстоящий 24-го числа колхозный базар в Петропавловск отправились пять нарт, вёзших мясо, лук, крахмал и ягоду. Бригада охотника Нечаева из Среднекамчатска организовала убой дичи для базара. Готовились к отъезду Елизовский и Красноармейский колхозы, обещавшие доставить продуктов минимум на пять тысяч рублей. «Значительным тормозом для базара явились последние пурги». Областная сберкасса намеревалась организовать на базаре справочный стол по займам, который на месте будет проверять выигрыши и оплачивать их. Областная Рабоче-Крестьянская инспекция собиралась наладить приём жалоб от колхозников.

Введены в действие новые телеграфные тарифы. Одно «городское» слово теперь расценивалось в 7 коп. для частного и 5 коп. для обобществлённого сектора, а для районных и иногородних клиентов — соответственно 20 и 15 коп. за слово в обычной депеше, 60 и 45 коп. — в срочной и 1 р. 20 коп. и 90 коп. — в «молнии».

16 февраля. Лозунг дня: «Ярость масс на прогульщика, пьяницу, дезорганизатора». По всем предприятиям и учреждениям шла работа по разъяснению постановления правительства о борьбе с прогулами. Но, несмотря на это, некоторые администраторы его грубо нарушали. Так, сапожника Каляева уволили из товарной базы АКО за двухдневный прогул, но тут же приняли на работу в Горместхоз. Не обошлось и без перегибов. Сотрудник Совторгфлота Пилькевич жаловался, что за полтора года не имел ни одного нарушения и считался аккуратным работником. «Судите сами, как мне было обидно увидеть 2 февраля своё имя на доске прогульщика. Когда я пошёл выяснять, в чём дело, то оказалось, что меня не записали, когда я работал на воскресенье 30 января, и я опозорен исключительно из-за неправильного учёта. А факт моей работы на ударнике может подтвердить техник Рожков, под чьим руководством я работал. На мои заявления профорганизация никак не реагирует. Моя фамилия красуется на чёрной доске... Можно ли безнаказанно порочить человека, и именно сейчас, когда вопросу борьбы с прогулами уделяется такое большое внимание?»

Выявились недостатки и в использовании наглядной агитации. Прошлой осенью с последним пароходом в адрес управления снабжения АКО пришли плакаты «Итоги первой пятилетки» и «Намётки второй пятилетки». Снабженцы решили, что плакаты попали к ним по ошибке, и отправили их в магазин. Нуждающиеся в бумаге для оклейки стен обыватели чрезвычайно обрадовались и быст-

ро раскупили большие красивые плакаты, продававшиеся по двугривенному. А клубы и месткомы вынуждены были рисовать агитационные материалы от руки, с трудом отыскивая нужные цифры.

Камчатское отделение ТИРХ сообщило, что к нему прибилась ездовая собака с цепью. Потерявшего просили обращаться к Нефёдову в дом на Ленинской, 36.

18 февраля аптека № 45 объявила о наличии в продаже оксикрина, секаровской жидкости, морской капусты, уродонала, пэн-экс-пеллера, порошка от тараканов, клопов и блох, а также мыльного порошка для бритья. Аптека работала с девяти утра до восьми вечера, «кроме общих выходных дней».

Административно-хозяйственное управление АКО назначило на семь вечера 19-го числа собрание уполномоченных домов и квартир общества «по ряду коммунально-бытовых вопросов». Тем домовладениям, «кои до сих пор ещё не выбрали уполномоченных, надлежит не позднее сего дня провести выборы».

20 февраля введены новые заготовительные цены на пушнину. Полярный волк оценён в 65, лесной — в 60, степной — в 45, выдра — в 100, горностай — в 5,5, лисица красная — в 55, крестовка — в 150, медведь бурый — в 125, песец белый — в 80 руб. Дороже всех стоил соболь — 450 руб., а за зайца-беляка и евражку давали всего 80 и 70 коп. соответственно.

Областной инспектор труда Шахназаров, обращаясь к руководителям всех предприятий и учреждений Петропавловска, заключил, что «всё чаще наблюдаются случаи переманивания сотрудников одних учреждений другими. Особенно часты случаи переманивания счётных работников на вечерние и аккордные работы в ущерб их основной работе». Он потребовал в течение пяти суток расторгнуть соглашения с работниками учёта других организаций, а в дальнейшем счётный персонал на работу по совмещению без ведома инспекции труда не принимать.

22 февраля начальник Петропавловского гарнизона Н. С. Киселёв отдал приказ о проведении 23-го числа парада подчинённых ему частей по случаю пятнадцатой годовщины Красной Армии. Место действия — Култучное озеро. Форма одежды караульная: в шинелях и кожаных сапогах. Начальствующий состав прибывал к месту в пешем строю, за исключением артиллерийского дивизиона, станковые пулемёты — на лыжных установках.

23 февраля проведено показательное тактическое учение обронных отрядов. «Удивительно, как влияет форма на дисциплину.

Едва только белые маскхалаты покрыли разномастные пиджаки, полушубки и пальто, настроение осовцев резко изменилось. Сразу чётче стали построения, увереннее движения, стало видно, что эти бойцы, придя в казарму, будут передовиками.

— По два стройся! — раздаётся команда командиров рот.

Быстро выравнивается и застывает двойная цепочка бойцов. Командир батальона кратко объясняет бойцам предстоящую задачу, быстро раздаются лыжи, противогазы, ружья... Мы выступаем по направлению к исходному пункту — деревне Халактырке.

Раннее утро. Пасмурное небо постепенно начинает светлеть. Быстро подвигаемся вперёд, проходим совхоз, там уже суетятся санитары и обозные, укладывая в повозки припасы и снаряжение. Мы проходим мимо и углубляемся в тундру. На исходном пункте бойцы закусывают, отдыхают, настроение бодрое, несмотря на тяжёлый переход. Оживлённо обсуждается план предстоящего сражения, слышится смех, возня, восклицания. Часть отряда расположилась на Халактырском озере. Прибывают связные от них, то и дело возвращаются со сведениями разведчики. Наконец противник обнаружен, и батальон начинает наступление. Впереди осторожно пробирается передовое охранение, почти незаметное в своих белых халатах, за ним движутся главные силы. На правом фланге, где находится третья рота, уже, очевидно, кипит бой: слышны холостые выстрелы винтовок. Начинаем двигаться форсированным маршем, то и дело приводя пленных, захваченных разведкой (впрочем, выясняется, что наших тоже забрали порядочно). Едва только передовое охранение замечает противника, как нас начинают обстреливать с высот. Неприятельские позиции уже близко.

— В боевой порядок развернись! — раздаётся команда комроты, передаваемая немедленно командирам взводов.

Колонны взводов рассыпаются и двигаются дальше. Дошли до опушки леса. Перед нами голое пространство с мелкими прикрытиями кустов, а за ним высота, с которой нас поливают ружейным и пулемётным огнём. Нечего и говорить, позиция противником выбрана удачно, но взять сопку всё же надо.

— Пулемёты, огонь!

“Пулемёты” начинают оглушительно трещать, под их прикрытием бойцы с криками “Ура!” бросаются и занимают неприятельские позиции. До рукопашного боя дело не доходит, так как подаётся сигнал отбоя. С шумом и смехом недавние противники сбиваются в кучу, обсуждая перипетии боя. Затем роты строятся

и уходят домой, как раз вовремя, потому что, не доходя до города, нас догоняет со свистом и воем пурга».

Разбор учения показал, что наряду со многими достижениями имеются и недостатки: слабая физическая подготовка отдельных участников, некоторые не умеют как следует маскироваться, мала инициатива командного состава. Всё это следует изжить на повторных манёврах и учениях, после чего отряды ОСО станут «действительным резервом нашей победоносной армии».

24 февраля бушевала пурга. Назначенный колхозный базар-ярмарка не состоялся. Селяне из районов, застигнутые в пути сильнейшим снежным бураном, добраться до города не смогли, с опозданием прибыли из близлежащих деревень. Их продукция раскупалась нарасхват, при этом на базарной площади царили беспорядок и давка. «Милиция красноречиво отсутствовала, если не считать случая организованного налёта на колхозные возы милицейской столовой. Таким образом, орган, наблюдающий за соблюдением законности и порядка, сам предводительствовал в беспорядке и дезорганизовал рынок».

Зато состоялась товарищеская встреча между командами шахматистов АКО и города. Играли на десяти досках. На первых трёх — лучшие шахматисты Зуев, Белоногов, Кормушин (АКО) и Зорин, Новограбленов, Щипков (город). Матч закончился вничью (5 : 5).

В переулке Лаперуза, несмотря на зиму, образовалась лужа: потёк давно не ремонтировавшийся водопровод, вода нашла место для выхода прямёхонько в кухню и столовую Совторгфлота. Потоп устранили, но опасность того, что столовая вновь «поплывёт» весной, с началом таяния снега, оставалась весьма высокой.

Поползли слухи, что окрсберкасса, ещё в 1930 г. выдавшая «велосипедные обязательства», двухколёсных коней уже получила, но достались они не держателям обязательств, а тем, кто «находился поближе». Сберкасса оправдывалась, что на самом деле этого не было, а в задержке всецело виноват Владивосток. Высказывались предположения, что «подобная “аккуратность” вряд ли послужит стимулом к охотному приобретению всяких обязательств со стороны масс в будущем».

25 февраля состоялось очередное занятие в корейской политшколе. Сначала подвели итоги проведённых бесед и работ среди рыбаков и лесорубов. Те восприняли их серьёзно и просили делать регулярно, а также устраивать постановки на корейском языке, так как русский большинству непонятен. По докладу «руководы», то есть руководителя школы, «О производстве товаров ширпотреба

(из решений сентябрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)» было задано два десятка вопросов и выступили четверо. Решили выделить для проведения бесед на эту тему среди корейцев на Моховую Кима Хун Гири и Хэгая Ген Себи, к грузчикам транспортно-складской конторы АКО — Цоя Чан При и Надежду Пак и к корейцам — Веру и Анну Ким.

За «рвачество» и отказ от работы уволен и снят с промтоварного и продовольственного снабжения киномеханик и афишёр агентства Госкино Личкун, не так давно объявивший себя ударником. «Своё ударничество он понял как предлог сорвать побольше денег, кроме этого, он отказался выполнить свою прямую работу — исполнение афиш».

Слушатель вечернего рабфака при педтехникуме, организованного владивостокским Дальрыбвтузом, сообщил, что тот находится в критическом положении: ни на первом, ни на втором курсе нет учебников. Кроме этого, отсутствует преподаватель обществоведения — одной из важнейших подготовительных дисциплин. Студенты уже начали разбегаться. Обращаясь к культпропу обкома партии, он просил выделить преподавателя и «не допустить развала нужного дела».

1 марта областной совет физкультуры объявил детский спортивный праздник. В программе — лыжные соревнования, «вольные движения», военизированные игры и прочее. Цель праздника: «втягивание детской и пионерской массы в физкультурное движение».

Городской детсад «Имени 8 Марта» объявил себя ударным и вызвал на соревнование детсад АКО.

3 марта портоуправление получило официальные сведения о выходе парохода Совторгфлота «Смоленск» из Владивостока в Петропавловск, намеченном на 15 марта. Пароход уже встал под погрузку. На 5 марта Совторгфлот назначил аукционную продажу смёток цемента массой в одну тонну, невостребованного Горместхозом.

7 марта на Култучном озере прошли соревнования по бегу на лыжах на десять километров. Участвовали двенадцать команд спортивного общества «Динамо» и шесть профсоюзных. Старт дан в 11.50. Лучшие результаты показала команда «Динамо» № 5 — 42 минуты 38 секунд. В индивидуальных соревнованиях быстрее всех был Г. Личкун — 37 минут 25 секунд. Последняя команда отправилась в забег в 15.30. Соревнования привлекли большое количество публики, с интересом следившей за лыжниками.

8 марта на вечере в межсоюзном клубе, посвящённом Международному дню работницы, всем желающим попасть сюда не хватило места. И зал, и фойе заполняла весёлая, яркая, говорливая толпа женщин-делегаток. В массе разноцветных косынок и блузок тонули редкие тёмные пятна пиджаков и кепок гостей-мужчин. В фойе действовала выставка женского рукоделия. Массу зрителей привлекли экспонаты, сработанные руками делегаток для аукциона в пользу детяслей. Вечер открыла женорг обкома ВКП(б) Макарова, поприветствовавшая собравшихся и в немногих словах охарактеризовавшая трудности, ещё стоявшие на пути раскрепощения женщин. Избран почётный президиум в составе товарищей Сталина, Молотова, Крупской, Клары Цеткин и Эрнста Тельмана, недавно арестованного вождя германских коммунистов. Избрание встречено дружными аплодисментами. Затем собравшихся приветствовали представители обкома ВКП(б) и ВЛКСМ, горсовета, прокуратуры и других организаций.

С докладом о 23-й годовщине международного женского движения выступила инструктор по пропаганде культпропа обкома партии Р. И. Либерс. «Настоящая годовщина, — заявила она, — проходит под знаком углубления экономического кризиса в странах капитала и крупнейших побед строящегося социализма в СССР. Между трудом и капиталом происходит жестокая борьба, и в этой борьбе женщина занимает не последнее место. Двойной гнёт — на производстве и в семье — революционизирует женщину Запада и выдвигает её в первые ряды организаторов и руководителей стачек и демонстраций. Растёт участие женщины в антивоенной деятельности и общей работе коммунистических партий». А в это время, по её словам, женщина Советского Союза борется на производственном фронте за построение социализма. Её роль на производстве, в колхозе и общественных организациях с каждым днём становится всё более и более значимой. Однако это не должно никого успокаивать: «В частности, у нас, на Камчатке, имеется ряд прорывов и невыполнений наших производственных планов. В деле ликвидации их женщина должна занять подобающее место... Необходимо потребовать от партийных и профсоюзных организаций усиления внимания к женработе. В деле военизации женщины также должна идти наравне с мужчиной!»

Зал взорвался аплодисментами и звуками духового оркестра. На трибуну одна за другой поднимаются ударницы женработы, рапортующие о своих достижениях. Алексеева из АКО доложила об успехах в области военизации, колхозница из «Амурского партизана»

Шеплякова поведала подругам о перевыполнении промфинплана. За ними последовали ударницы базы Моховой и курсантки совпартшколы. То и дело звуками оркестра и аплодисментами зал приветствовал ударниц строительства, военизации и учёбы. Их премированием завершилась торжественная часть вечера.

10 марта камчатцы узнали из сообщения, пришедшего из Верхнеудинска, о том, что состояние здоровья потерпевшего аварию лётчика Водопьянова теперь вполне удовлетворительное. Ему разрешено ходить по комнате. В первых числах марта герой в сопровождении жены и брата намеревался ехать в Москву. По мнению врачей, катастрофа должна была пройти для него почти бесследно.

Горбиблиотека начала перерегистрацию книг и просила читателей сдать таковые не позднее 12 марта.

11 марта в семь вечера в межсоюзном клубе собрался городской партактив. Слушали доклад «Карл Маркс и социалистическое строительство» по случаю пятидесятилетия со дня смерти (14 марта 1883 г.) основателя марксизма. Выделены докладчики по коллективам, после доклада их ждали в фойе для получения тезисов.

12 марта опубликовано письмо наркома земледелия СССР Я. А. Яковлева (Эпштейна). В стране начинался «Поход за культурное земледелие». «Комсомол, начав поход против сорняков, взял на себя почин в очень большом деле. Сорняки свели на нет в прошлом году значительную часть урожая на Северном Кавказе, Украине, Нижней Волге и ряде других краёв... Начав поход... комсомол начал поход за культурное земледелие...»

Слушатель жаловался на неустройства на курсах киномехаников: холод в помещении, неясность с будущим трудоустройством, отсутствие нужной аппаратуры. Высказывались и претензии в адрес заведующего Колоколова, который, по мнению слушателя, не соответствовал своему назначению. «В кинотехнике он понимает очень мало, но обладает большим самомнением. Урезал программу по электротехнике и киномеханике — главнейшим дисциплинам курсов, на экзаменах сбивает учащихся с толку, задавая вопросы, которых нет в программе, на практических занятиях даёт свои указания, ничего не понимая в деле. Всё это создаёт у курсантов впечатление несерьёзности курсов, начинаются разговоры об уходе». Да, вот ещё что: у Колоколова на все просьбы всегда имелся лишь один ответ: «Захочешь есть, так улица есть».

16 марта из Москвы сообщили, что освоено производство патронов к американским ружьям системы «Винчестер». До сих пор их привозили из-за границы. В текущем году предполагалось

прекратить этот импорт и обеспечить потребность охотников Крайнего Севера патронами собственного производства. По сведениям Комитета Севера, уже началась их отгрузка в Якутию и Дальневосточный край.

За неоднократные прогулы и опоздания уволены с работы в райинтегралсоюзе некто Федакова-Клочкова и Галактионов. Со дня увольнения их лишили промтоварного и продовольственного снабжения. За отказ выйти на работу «по рваческим мотивам в момент наибольшего напряжения цеха, мобилизовавшегося на выполнение срочных заказов», уволен и исключён из членов союза, а также снят с довольствия рабочий типографии Мерлин.

Потерялся боров белой масти. Приметы: порванные уши и хвост. Нашедшего просили сообщить в редакцию «Камчатской правды». Зато спустя четыре дня нашёлся поросёнок-кабанчик, и тоже белый, приблудившийся к дому на улице Ленинской, 15. Об этом сообщил доктор К. К. Смитт. (Его участь оказалась трагической: 4 мая он был арестован, обвинён в причастности к «Автономной Камчатке» и приговорён к расстрелу.)

Горкомхоз объявил, что при нём организована городская строительная контора «Горстрой». По всем вопросам капитального жилищно-коммунального строительства теперь следовало обращаться туда по адресу: улица Таможенная, 21а (новый дом).

17 марта из Владивостока на Петропавловск с полутора тысячами тонн груза и шестью сотнями пассажиров отправился пароход Совторгфлота «Смоленск».

18 марта — День Парижской коммуны. Согласно определению В. И. Ленина, «советская власть есть второй всемирно-исторический шаг и этап диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская коммуна». Празднество решено превратить в кампанию за организованный рост рядов МОПР, усиление организации, действенной помощи заграничным узникам капитала.

В семь вечера в Красном уголке Союза связи открылась первая областная конференция связистов. На повестке дня: отчёт оргбюро, состояние и перспективы развития связи в Камчатской области, выборы.

Опубликована выписка из протокола заседания президиума горсовета. «Слушали: о рубке леса по склонам окружающих гор. Постановили: в целях сохранения... категорически воспретить рубку леса и всякого мелкого кустарника по склонам Петровской, Мишенной и Никольской гор. Объявить указанные горы заповедной территорией для сохранения лесных насаждений. Органам

милиции и лесной стражи усилить надзор за выполнением настоящего постановления и виновных в нарушении привлекать к ответственности».

Городская амбулатория объявила, что все посетители должны предъявлять в регистратуре удостоверения, что они являются «активно застрахованными» или членами семей застрахованных. С прочих намеревались взимать за врачебный приём по три рубля. Сельчанам следовало иметь удостоверения от правлений колхозов, единоличникам — от сельсоветов.

19 марта выездная сессия народного суда 1-го участка в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело по обвинению граждан С. М. Мокрецова, двадцати одного года от роду, и А. С. Лещёва, двадцати двух лет, оба беспартийные, рабочие мехмастерской стройтехуправления АКО. Следствие установило, что во время пьянки 17 февраля обвиняемые повздорили с пришедшим кузнецом К., набросились на него и стали зверски избивать. Это продолжалось довольно долго, в ход были пущены нож, ноги в грубых сапогах и лом. В результате побоев и потери крови от ножевых ран пострадавший сразу умер. «Под выходной день в здании старой конторы АКО в комнате холостяков происходила выпивка. На кровати и за столом сидели Шустов, Тимошенко, Мокрецов, Лещёв и другие. По всему зданию, разгороженному дощатыми переборками на комнаты и комнатухи, разносились крики, пение и звон стаканов. Для вящего комфорта Мокрецов написал на клочке бумаги “Без доклада не входить” и вывесил её на дверях. Это мероприятие вызвало дружное одобрение всех собутыльников. Поэтому, когда вошёл “без доклада” молотобоец... недолго думая, Мокрецов ударил... в ухо. Тот вспылил, ударом кулака свалил его с ног и прижал к кровати. На крики Мокрецова вбежал в доску пьяный Лещёв и, схватив лом, ударил им... по голове. К. свалился. Началось зверское избиение. К. били ломом, ножом, железной ручкой. Крики его разносились по всему дому. В коридоре столпилось много обитателей, жадно приникших к щелям комнатухи и наблюдавших интересное зрелище... К. избивали больше получаса. Наконец его, израненного и окровавленного, выбросили в коридор, напоследок огрев ломом по спине. Собрав последние силы, он вбежал в соседнюю комнату, свалился на кровать и умер... Все только наблюдали, охали, но никто не вбежал в комнату, не разнял дерущихся, не вызвал милицию». Суд установил факт зверского убийства и приговорил обвиняемых к десятилетнему сроку лишения свободы с поражением в правах на

пять лет и высылкой из пределов Камчатской области также на пять лет.

20 марта суд рассматривал дело по обвинению начальника пожарной охраны Пестрово. Установлено, что строительство пожарного депо и помещения для команды производилось под его руководством «чисто анархическим путём». Никаких планов, смет, проектов не составлялось, заготовка сена, дров и прочих материалов шла «хищническими методами», а именно воровством у населения и учреждений. Имея право самостоятельного найма и увольнения, брандмейстер злоупотреблял им, избавляясь от неугодных лиц. Только за 1931 г. в административном порядке были изгнаны тридцать два человека, и лишь двое — по собственному желанию. Когда известный нам рабкор осветил в газете «методы работы» Пестрово, то был выгнан под надуманным предлогом. Обвиняемый признал себя виновным лишь в отношении развала профсоюзной работы. Но свидетельские показания полностью подтвердили факты, перечисленные в обвинительном заключении. На основании этого суд приговорил его к лишению свободы на два года без поражения в правах.

22 марта завершился приём заявок от горожан, хозяйственных организаций и учреждений, желавших обзавестись сенокосными угодьями в пригородной зоне.

26 марта опубликовано обязательное постановление горсовета об урегулировании уличного движения. Для предупреждения несчастных случаев воспрещалась быстрая езда на лошадях, собаках и машинах по улице Ленинской, за исключением пожарных тревог, когда та допускалась со своевременным предупреждением сиреной, окликающими шоферов или возниц. «Быстрота езды определена не более семи-восьми километров в час». Домовладельцам вменялось в обязанность расчистить примыкавшую часть Ленинской на ширину не менее пяти метров, чтобы вполне гарантировать беспрепятственный разъезд встречных подвод и проходившей публики. Не допускалось устройство горок для катания на лыжах и санках с переулков на Ленинскую. За нарушение налагался штраф до ста рублей или назначались принудработы до месяца.

28 марта все учреждения, организации, предприятия и домохозяева, в адрес которых на «Смоленске» прибыли пассажиры, обязывались к 29 марта представить в облздрав их списки с отметкой о проведённой в бане санитарной обработке. Для этого облздрав выдал специальные талоны и намеревался сверить списки прошедших баню и перечень, представленный администрацией

парохода. Так намеревались пресечь завоз с «материка» всевозможной заразы.

31 марта горсовет изучал ходатайство Горкомхоза об урегулировании купли-продажи частновладельческих домов. Выяснилось, что «несмотря на категорическое воспреещение о покупке учреждениями, хозорганизациями и общественным сектором частновладельческих домов, всё же некоторые организации производят покупку и тем самым перекачивают средства в частный сектор». Решили категорически запретить приобретение жилья у частных. Купленное же после издания постановления Далькрайисполкома от 21 ноября 1932 г. и не оформленное в Горкомхозе и нотариате изъять и передать Горкомхозу.

6 апреля гражданам, занимавшим квартиры Домтреста, имевшим ордера, выданные в 1932 г., и без них, в пятидневный срок до 10 апреля предложено зайти в правление за получением новых ордеров на 1933 г. Не явившихся намеревались выселять в административном порядке.

Выявлено, что табельщик мехмастерских АКО, коему поручено распределение продовольственных карточек, занимается подлогом документов — добавляет своим знакомым несуществующих детей и выдаёт на них карточки.

8 апреля стало известно, что по решению Всесоюзного арктического института в текущем году в Петропавловске организуется его отделение, ставящее задачей производство исследований и экспедиций в Дальневосточной Арктике. На указанные работы намечалось отпустить полтора миллиона рублей.

Горместхоз выделил на расширение электростанции 125 тыс. руб. Сруб заложили в феврале, но вскоре дело встало — закончились материалы. Электростанция находилась «накануне катастрофы»: её двигатель не ремонтировался четыре года. Со дня на день ждали аварии и полного обесточивания города.

9 апреля так называемая «партизанская комиссия» просила зайти к секретарю и оформить личные дела не прошедших проверку Г. И. Тюменцева, К. Я. Соловьёва, Т. Н. Шевцова, Ф. Н. Мокшина, П. И. Васильева, М. П. Борисенко, Л. П. Корень, П. С. Постникова, П. Д. Офицерова и некоего Черноногова.

17 апреля в народном суде шёл процесс над работниками горинтегралсоюза Починком, Самохваловым, Рыбачуком и Богайцевым. Их обвиняли в «злостной бесхозяйственности», принёсшей кооперации значительные убытки. Суть дела заключалась в том, что ещё в декабре 1931 г. сюда доставили тридцать две бочки (почти

полторы тонны) кетовой икры для рабочего снабжения. Их поставили в подвал, а сверху засыпали корнеплодами. Лишь в июле 1932 г. при инвентаризации икру случайно обнаружили пришедшей в негодность. Стоимость пропавшего — 8 954 руб. «Рабочая общественность города ждёт от суда сурового воздействия на срывщиков снабжения». И она его дождалась: два виновника получили два и три года лишения свободы, два — годовые исправительно-трудовые работы с отчислением 15 % зарплаты.

18 апреля отдельные лица забили тревогу по поводу удручающего состояния городского музея: из отдельного учреждения пару лет назад он стал кучей предметов, хаотически сваленных в одном из помещений здания обкома ВКП(б). Ценные экспонаты превратились «в игрушки совпартшкольцев, на которых они раскатываются верхом по коридору обкома». Спрашивали, «оправдывает ли те задачи, которые ставим мы перед нашими музеями, наш Петропавловский музей, находясь в таком состоянии? Нет, не оправдывает. Необходимо предоставить помещение под музей и принять меры к сохранению от дальнейшей порчи имущества. Без этого музей погибнет безвозвратно».

Бывший партизан, ныне начальник облдортранса А. И. Зимин, узнавший, что в краевом центре — Хабаровске по случаю пятнадцатой годовщины Октябрьской революции заложен памятник в честь героев гражданской войны — «Дом коммуны партизан», призвал: «Нам, партизанам и красногвардейцам, находящимся на Камчатке, пережившим все невзгоды гражданской войны, нельзя остаться в стороне... Нужно сейчас же через свою партизанскую комиссию организовать сбор средств в фонд строительства памятника».

20 апреля обком комсомола объявил конкурс на лучшую массовую кампанию по распространению барельефа генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева, установив районные, коллективные и индивидуальные премии. «Каждый комсомолец, пионер, школьник должен иметь барельеф... Кампания по реализации барельефа должна носить исключительно массовый характер и, несомненно, вызовет со стороны комсомольцев Камчатской области большой подъём и активное участие в этой работе». Инициатором этого, странного по современным меркам, мероприятия стал Тифлисский шефский совет общества смычки города с деревней.

Книголюб Захлебный, обладавший уникальной библиотекой в пять тысяч томов, намереваясь покинуть город, предложил приобрести своё собрание городской библиотеке. Та с радостью согласилась уплатить названную сумму, совсем не рассчитывая на

получение такого количества книг с «материка». Дело осталось за малым — привезти их из АКОграда. Заведующая обратилась в Горместхоз с просьбой дать ей лошадь с телегой. Но наступил выходной, лошади не нашлось, и когда заведующая отправилась на розыски, то нашла конюшню на замке да пустой Горместхоз. Тем временем книголюб заколотил свои тома в ящики и был таков.

22 апреля опубликованы итоги оплаты областным управлением сберкасс выигрышей по облигациям займов с 14 марта по 8 апреля. Общая сумма составила 6 218 руб., в том числе по займу «Третий решающий год пятилетки» — 4 302, по займу «Пятилетка в четыре года» — 1 541 и по рыночному займу 1932 г. — 375 руб. А вообще-то советскому кредиту исполнилось десять лет. Первый «хлебный» заём был выпущен в 1922 г. суммой десять миллионов пудов ржи. Первый денежный заём составил сто миллионов рублей, а через десять лет заём четвёртого завершающего года пятилетки выпущен на сумму аж в 3 200 миллионов. Займы являлись важными доходными источниками госбюджета, составляя в 1932 г. его семнадцатую часть. «Трудящиеся Советского Союза — подлинные хозяева страны — не только ведут грандиозную социалистическую стройку, но и финансируют её».

24 апреля женделегатское собрание АКО изучило вопрос об участии в рыбной путине женщин и создало ударную бригаду «Имени первого года второй пятилетки» из двадцати работниц, готовую по первому зову выступить на борьбу за план путины. Каждая делегатка обязалась сшить по пятьдесят пар рукавиц для обеспечения рыбной путины. Время поджимало: ещё 18 апреля в воротах Авачинской губы бригада опытного лова КО ТИРХ добыла первых гонцов сельди весеннего хода.

Милиция пояснила, как следует поступать при обнаружении потерянных вещей: немедленно заявить и сдать найденное в управление; в случае, если владелец не отзовётся в течение шести месяцев, вещи переходят в собственность государства; бесхозное имущество также становится его собственностью. Нарушение перечисленного выше влекло уголовную ответственность.

25 апреля прибыл японский фрахтованный пароход «Гензанмару», следовавший в Корф. Всем завербовавшимся на тамошние угольные копи предлагалось явиться в горное управление АКО с документами о расчёте с последнего места работы.

Между прочим, демобилизованный красноармеец В. Гес, завербовавшийся в АКО для работы в Корфе, жаловался на своё незавидное положение. Он должен был получать во время переезда

по двести граммов хлеба в сутки сверх нормы, но когда на пароходе обратился к управляющему разработками Клыкову с просьбой выдать паёк, тот отказал. «Записал мою фамилию и выгнал из каюты. На Корф меня не пустили и отправили без продуктов в Петропавловск. Здесь я не могу получить ни суточных, ни подъёмных, так как надо узнать, почему я вернулся с Корфа. Директор рыбного управления Морозов при мне разорвал моё заявление и сказал: “Вы от меня ничего не получите, идите, откуда пришли!” Я без денег, без одежды и квартиры. Где же конец этому издевательству?»

26 апреля возмутились рабочие АКО, жившие в здании старой конторы. Они регулярно платили за электроэнергию по семь рублей с лампочки, но её выключили ещё 8 апреля, так как стройтехуправление не рассчиталось за ремонт линии. Между тем в плату за освещение была включена и стоимость ремонта. «Куда же, в таком случае, девались собранные деньги?» — задавались законным вопросом труженики.

3 мая состоялось очередное судебное заседание, на сей раз над виновниками «безобразий в деле общественного питания». Суд установил, что завстоловой № 1—3 Павлов и его помощник Матвеев «потворствовали расхищению продуктов, халатно следили за расходом их служащими. Обеды в столовой инженерно-технических работников отпускались посторонним лицам, без карточек. Хлеб хранился в антисанитарных условиях, портился крысами. Сахар, предназначенный для буфета, шёл на потребу сотрудников столовой». Первый схлопотал пять лет лишения свободы, второй — три года. Досталось и председателю месткома Леухину, который «знал обо всех этих безобразиях, но молчал, так как сам был грешен в том, что, будучи кассиром, отпускал своим знакомым обеды без карточек». Он приговорён к исправительно-трудовым работам на год.

5 мая (в День печати) газета «Камчатская правда» сообщила подписчикам, что приём подписки и доставка газеты адресатам передаются газетному бюро Союзпечати, что при областной конторе связи.

8 мая опубликовано первое объявление о спектакле настоящего, профессионального Камчатского областного рабочего театра (КОРТ). Его открытие рассматривалось как «новая победа советской Камчатки — впервые на северо-восточной окраине СССР начал постоянно работать театр». Собирались давать пьесу «Страх» в девяти картинах. «Автор Афиногенов, режиссёр Н. Заботин.

Начало ровно в девять часов вечера». Исполнилась мечта истинных театралов, до этого довольствовавшихся «продукцией» двух любительских драмкружков (украинского и русского), работавших при межсоюзном клубе. Те хоть и брались за дело с энтузиазмом, пытаясь овладеть азами сценического искусства, но не имели квалифицированного руководства. Да и условия у них были весьма суровые: «во время постановок участники дрожат от холода и на другой день теряют голос. Бутафории нет никакой, костюмов также. Иногда вместо поповской ризы приходится надевать шинель без хлястика. Вазелину для смывки грима нет, и актёрам приходится идти домой загримированными, пугая встречную публику. Чтобы выстрелить во “врага”, актёру приходится целиться пальцем, а в это время за сценой кто-нибудь топает ногами о пол (никаких звуковых приспособлений при клубе нет)».

9 мая в шесть вечера в межсоюзном клубе началась лекция завоблоно Т. М. Дейнеко «Национальный вопрос». Явку всей сети партпроса «своевременно организованным порядком» обеспечил культпроп обкома партии.

10 мая ловцы во главе с бригадиром С. Рясковым, работавшие на портовой кошке на дополнительной приёмной базе Авачинского промыслового района, объявили себя ударниками и обязались взять 2 750 центнеров сельди и 650 центнеров частика, а также вызвали на социалистическое соревнование бригаду Боброва. Но вскоре в этом ударном коллективе произошёл разлад на почве пьянства рабочих Асламова, Журавлёва и Головина. «Эта тройка... вносила дезорганизацию в работу бригады». Общее собрание единогласно решило изгнать их и поставило вопрос об исключении из рядов профсоюза. «Пьяниц и дезорганизаторов путины нам не нужно!»

11 мая в девять вечера КОРТ давал пьесу «Междубурье» Д. Курдина, режиссёр Н. Заботин. Касса открыта с пяти вечера. Начало работы ТРАМ вызвало огромный интерес горожан, билеты раскупались с боем: небольшое количество мест не могло удовлетворить всех желающих. «В смысле организации открытие театра прошло гладко, если исключить печальный инцидент с занавесом, который почему-то всё время заедало. Здание отоплено и хорошо освещено. Продолжительность антрактов также вполне нормальна».

Да уж, Петропавловску повезло! Он обзавёлся настоящей, квалифицированной драматической труппой, хотя и малочисленной. «Молодой и крепкий коллектив советских актёров... начал своё большое культурное дело. Уже сработано две вещи — “Между-

бурье” и “Страх”, дано с полным аншлагом несколько спектаклей, в самом ближайшем будущем предполагается ещё несколько новых постановок. Труппу хвалят, билеты раскупаются нарасхват, чего бы, кажется, желать лучшего, но... хорошее начинание рискует сорваться, потому что буквально намеренно создаются и чинятся самые изощрённые препятствия. Театру не дают помещения (сугубо ограничивают дни его выступления), выгоняют из клуба, мотивируя это тем, что театр мешает клубной работе. Не знаем, проводится ли у нас такая работа, но что имеющееся здание приспособлено именно и только для зрелищных предприятий, оспаривать никто не станет. До сего времени в клубе была грязь и мерзость запустения. Непонятно, чем так дорожат люди, которые выставляют за шиворот театр? Нет, ему надо оказать всяческую поддержку, широко и гостеприимно открыть двери!»

12 мая Горстройконтора начала вербовку чернорабочих и землекопов. Желающих потрудиться просили обращаться в контору по адресу: угол Таможенной и Камчатской улиц (новый дом).

Ввиду участившихся случаев ложных вызовов и неправильно сообщенных адресов при приглашениях врачей на дом горамбулатория предупреждала граждан, что необходимо указывать точное местожительство больного. Домой врача можно вызывать лишь в том случае, если больной не имеет возможности прийти в амбулаторию. Вызовы на дом будут выполняться также в том случае, если они сделаны через регистратуру.

14 мая президиум горсовета, изучив санитарное состояние города, признал его катастрофическим, явно способствующим распространению различных заболеваний среди населения. Отмечено, что до сих пор ни хозорганизации, ни учреждения не приступили к очистке своих участков от мусора, а милиция и саннадзор не приняли надлежащих мер «по борьбе за проведение решительных мер за чистоту». Решено: организовать трёхдневник по очистке улиц и усадеб, одновременно объявить с 20 мая месячник чистоты.

16 мая началась разъяснительная кампания по случаю предстоящего месячника. Он «вовсе не является мероприятием чисто административного порядка. Нет, в нём должны принять активное участие не только аппарат саннадзора и милиции, но, что самое главное, — широкие массы трудящихся». Попутно затрагивался весьма наболевший вопрос — сбор утильсырья. «Нигде в Союзе, да, кажется, и во всем мире, нет такого количества ценного утиля, как на Камчатке. Стеклопосуда, консервные банки, очёсы шерсти, шкуры домашних животных — всё это буквально в несметных

количества валяется по городу, гниёт, тлеет, ржавеет, дополняя и без того “красочную” картину. С последним парходом в Петропавловск из центра прибыли уполномоченные “Утильсырья”, целый аппарат с канцелярией и солидными окладами. Чем занимаются эти люди — неизвестно. По крайней мере, в течение двух месяцев о работе утильщиков никто ничего не слышал. Но скверно то, что это ничегонеделание уже преломляется в анекдотические факты. Так, уполномоченные “Утильсырья” включили в свой план сбор ягод, брусники, махорки и прочего, а утиль... и думать не собираются. Надо предполагать, что декадник чистки заставит приняться за работу, а её непочатый край — и уполномоченных по сбору утиля».

В разряд утиля мог попасть и церковный колокол, брошенный возле бывшего храма и уже расколотый на несколько частей. «Кричим, пишем об утильсырье, а ценный металл валяется под носом. Горсовету надо побеспокоиться найти употребление колоколу».

17 мая горожан проинформировали о сквозном переходе пархода «Охотск» из Одессы в Петропавловск без традиционного захода во Владивосток. При этом путь от Сабанга до Камчатки судно совершало без единой остановки. Его ждали дней через десять, намереваясь организовать торжественную встречу.

18 мая в двенадцать дня ощущался слабый подземный толчок длительностью около тридцати секунд.

Портовики на митинге поддержали обращение ленинградских рабочих завода «Красный путиловец», якобы настаивавших перед правительством на выпуске нового займа «Имени второй пятилетки». Поддержал «ходатайство» ленинградских пролетариев и большой коллектив АКО, обещавший добиться стопроцентного охвата новым займом и подписаться каждому не ниже чем на месячный заработок. «Задачи, поставленные второй пятилеткой, могут быть осуществлены при непременно активном участии всех трудящихся Советского Союза денежными средствами, предоставляемыми займы пролетарскому государству на дело социалистического строительства», — заявили аковцы.

Стало заметно, что горсовет взялся-таки за очистку города. Тротуары скребли, чистили, мусор собирали в кучи, но дальше дело пока не двигалось: хозорганизации не предоставляли транспорт для его вывоза. К тому же пока взор властей был устремлён лишь на улицу Ленинскую: «получается, таким образом, лишь показная сторона дела». Тем, что делалось у землянок, наверху и за чертой Ленинской, пока особо никто не интересовался. К месяч-

нику чистоты «гигиенические предприятия» — баня и парикмахерская — оказались «в абсолютно инвалидном состоянии». Единственная парикмахерская размещалась в «ужасном» помещении, ей не хватало инструментов и белья, отсутствовали дезинфекционные растворы и одеколон. Желаящих привести себя «в культурный вид» было много. Они толпились в рабочем помещении и мешали мастерам, верхняя одежда ввиду отсутствия вешалки складывалась на стулья. «Во всех уголках грязь, со стен течёт вода, потолки чёрные от дыма, в маленькой подсобной комнате сплошная грязь и плесень. В результате многие посетители жалуются на то, что после бритья появляются прыщи и лишай». Санврач подтвердил возможность заражения. Так что местная цирюльня вполне могла считаться «разносчиком микробов». С баней положение тоже было скверное. Как правило, она начинала «испытывать недомогания» как раз ко времени прибытия пароходов с сезонниками и начала путины. Понятно, что именно в месяцник чистоты и следовало «ценою любых мероприятий» заставить нормально действовать и баню, и парикмахерскую.

19 мая на пароходе «Синто-мару» прибыл секретарь японского консульства господин (это слово в стране большевиков звучало непривычно, но дипломатический этикет того требовал) Ясуцубу Гото. На борту его встречали начальник порта Майсурадзе и секретарь облисполкома Белов.

20 мая городская электростанция довела до сведения абонентов, что в связи с ремонтом 21, 22 и 23-го числа энергия в осветительную сеть города подаваться не будет.

Стало известно, что Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР выделил 250 тыс. руб. на жилищное строительство в Петропавловске и ещё 300 тыс. на коммунальные предприятия. Наркомздрав предложил направить из отпущенных краем сумм 200 тыс. на достройку больницы, а Наркомхоз поддержал ходатайство облисполкома о необходимости возведения гостиницы, увеличения мощности электростанции до 400 кВт и реконструкции водопровода.

22 мая опубликовано постановление правительства СССР о выпуске нового государственного займа «Вторая пятилетка» на сумму пять миллиардов рублей сроком на десять лет по 1 октября 1943 г. Он внесён в Книгу государственных займов СССР под названием «Государственный внутренний заём второй пятилетки (выпуск первого года)». По этому случаю по городу прокатилась очередная волна митингов под лозунгом «Приветствуем выпуск займа!»

Ударная бригада имени Осоавиахима при транспортно-складской конторе АКО в составе восьми человек подписалась на месячную зарплату, вызвав ударный цех плавсредств, транспортно-складскую контору и управление снабжения.

Пришли известия из столицы, что в Петропавловск через Одессу отправляются две камнедробилки, две бетономешалки, три лебёдки, фуговальный, фрезерный и токарный станки, горны с вентилятором, циркулярные пилы, оборудование для домовой канализации и разные инструменты (в том числе комплект буровых), а также пожарное оборудование и обмундирование. Из Рыбинска отгрузили моторный каток, из Ленинграда — тягач, из Харькова — электромоторы. Всё это могло пригодиться на предстоящих городских стройках. А в их число входили: завершение двух жилых домов на улицах Никольской и Таможенной, двухэтажный дом на восемь квартир, коммунальная гостиница, первая очередь банно-прачечного комбината, пожарное депо на четыре машины, 40 тыс. кв. метров мостовой, «заразный» корпус на двадцать пять коек и хирургическое отделение горбольницы (первая очередь), кирпичный завод. Столь насыщенную программу должен был осуществить Горстрой (начальник Н. В. Лужнов), заявивший, что, кроме нескольких ящиков гвоздей и стекла, никаких других материалов у него в наличии нет. Отсутствовал и транспорт (катера и тракторы), за исключением известных пятнадцати лошадей (при требовавшихся ста). С 1 июня предполагено начать кладку фундаментов, но восемьсот «кубов» камня ещё не подвезли к местам построек. На городском строительстве занято девяносто человек, причём квалифицированных рук хватало, а недоставало чернорабочих. С ближайшими пароходами ждали сто тридцать человек, но из них добрая половина не будет обеспечена жилой площадью, даже простыми палатками. Пожалуй, имелась лишь одна хорошая новость: в районе Мишенной сопки найден строительный камень — андезит прекрасного качества. Его запасы с избытком покрывали потребности и города, и АКОграда.

23 мая в 18.30 прибыл пароход «Охотск». Участников рекордного перехода торжественно встречали представители партийной, советских и профессиональных организаций. Моряки (экипаж из сорока четырёх человек) рассказали, что судно недавно куплено в Германии. 2 апреля оно отправилось в плавание. Его успех объяснялся «исключительно социалистическими методами труда». Моряки собрали десять ударных бригад, одна из них — комсомольская — отремонтировала катер и заработанные деньги пере-

числила в ЦК ВЛКСМ на интернациональную работу. Тут же они поделились своими наблюдениями над тяжкой долей зарубежных тружеников. «Команда “Охотска” была живым свидетелем тех гнуснейших издевательств над колониальными народами, которые творятся в капиталистических портах. Советские моряки рассказывают о погрузке угля в Порт-Саиде. Арабы в невыносимых условиях грузили уголь на наше судно. И когда сорвавшейся балкой отбило пальцы одному грузчику, его начали зверски избивать плетями. За рубежом погрузка угля производится быстрыми темпами, но эти темпы исходят не от массы, а от людей, поставленных с бичами. Бьют жестоко, до полусмерти... В Сингапуре советские моряки были очевидцами, когда изнурённый рабочий умирал с голоду, и другая “картинка”: толпа малайцев рылась в помоях, выпрашивала кусок хлеба для детей. В японских портах человек превращён в живой конвейер. Сотни женщин-японок с грудными детьми за спиной грузят уголь. Работают до тех пор, пока не закончат. Обессилевшие, выходят из строя, падают в обморок. Их выгоняют, не платят заработанных денег. Сотни подобных примеров приводят моряки, бывавшие в заграничных портах. Голод и нищета — на каждом шагу. Это только в нашей свободной стране можно культурно жить и производительно работать».

25 мая приехала краевая комиссия, созданная по предложению центральных организаций. Её цель: в соответствии с последними решениями правительства проверить деятельность и состояние отраслей промышленности, входящих в систему АКО, оценить степень их развития и дальнейшие направления различных отраслей хозяйства Камчатки. Этим намеревались заняться восемь инженеров, рыбаков, экономистов и ответработников крайкома ВКП(б) и крайисполкома под руководством заместителя председателя крайисполкома Борматунова. В городе комиссия намеревалась пробыть десять дней, после чего отправиться на Ключевской лесокомбинат, рыбоконсервные заводы, Корфские копи и в прочие места.

Объявлено о передаче Петропавловского порта от Совторгфлота в ведение АКО.

28 мая коллектив милиции взял на «буксир» своих шефов — портовиков. Цель: рапортовать к 1 июня о выполнении контрольной цифры по займу. Сами милиционеры завершили подписку 27 мая на сумму в 116 % к фонду зарплаты да собрали среди домочадцев ещё 500 руб. На общем собрании выделили бригаду по проведению подписки в помощь портовикам.

Горкомсод установил переходящее Красное знамя для коллектива, в коем подписалось больше всех рабочих и служащих, собравшего наибольшую сумму. А «позорно плетущимся в хвосте и срывающим займовую кампанию» полагалось знамя из рогожи. Всего же на 27-е число среди рабочих и служащих распространено облигаций на 494 395 руб., среди колхозников — на 6 025 руб., или 12 %.

Ряд ударников высказывал недовольство торговым обслуживанием. По положению, товары и продукты им должны были отпускать без очереди. Это правило не соблюдалось: продавцы самовольно установили порядок отоваривания через несколько человек. «Отношение к ударникам самое безобразное. Антисоветские шуточки, насмешки со стороны обывателей и продавцов всё время сыплются на ударников. Этим вылазкам лягушек из мешчанского болота пора положить конец!» Месяц назад по особым «ударным ордерам» давали ботинки и другие промтовары, причём довольно низкого качества. «Теперь всему кооперированному населению выдаются промтовары и обувь хорошего качества, но ударники не могут их получить, так как у них в паевых книжках записан товар, полученный по ордерам. Где же тут преимущественное снабжение?»

Все учреждения из здания облисполкома переехали в помещение, ранее занимаемое обкомом ВКП(б). На верхнем этаже освободившегося расположилась редакция «Камчатской правды», на нижнем — городские организации: горком ВКП(б), горсовет, Горкомхоз, горпрофсовет, горком ВЛКСМ. В здание исполкома переехали областные организации: обком ВКП(б), обком ВЛКСМ, облоно, облздрав. Понятно, что здесь остался и сам облисполком.

Между прочим, в архиве облисполкома хранилось много имевших большое историческое значение дореволюционных бумаг, документы периода военного коммунизма и интервенции. Архив находился в ведении облоно. Раньше здесь по штату полагался архивариус, следивший за порядком и сохранностью документов. Но теперь проводился «режим экономии», архивариуса сократили, а на архив навесили замок. Наконец 26 мая его выселили, разломали полки и все материалы сложили на полу в маленькой комнатушке. Уникальные бумаги гибли, служа пищей для крыс.

Аптека № 45 просила граждан, сдавших рецепты на очки, получить таковые до 15 июня. После указанного срока невыкупленную оптику намеревались пустить в продажу.

30 мая оперативным отделом милиции задержан некто Гончаров, скупавший домашние вещи и продовольствие. Затем всё это он

продавал из-под полы на рынке по взвинченным ценам. Во время следствия выяснилось, что Гончаров — бывший кулак, покинувший своё хозяйство в Центральной Чернозёмной области и скрывшийся на Камчатке.

Горрайинтегралсоюз на перешейке Никольской сопки приступил к оборудованию засольной базы. Здесь также собирались коптить рыбу, предназначенную для рабочего снабжения.

КО ТИРХ поведало о планах научных исследований на предстоящий сезон. Оно намеревалось изучать пути миграции рыб, уделить основное внимание сельди Авачинской губы и восточного побережья. Для этого из Владивостока ждали специальный катер.

2 июня проявился вопиющий пример бесхозяйственности. На территорию аковских складов на Озерновской косе (остатки их фундаментов сейчас ещё можно наблюдать на городском пляже) под открытое небо перевезено оборудование кожевенного комбината, купленного в США за два с половиной миллиона долларов. Оно предназначалось для Анадыря, но там его установить не удалось и поэтому привезли в Петропавловск. При этом часть оборудования была поломана. Прошедшей зимой бригада слесарей судоремонтных мастерских отремонтировала и переупаковала машины, на что потратили порядочную сумму. А потом склад разнесло бурей, и машины оказались под снегом. Весной тот начал таять, вода проникла внутрь ящиков. Во время вторичной перевозки много ящиков разбилось, ценный импорт опять поломался и заржавел. Часть оборудования изъяли для других надобностей, а кое-что попросту расхитили.

Подведены очередные итоги продолжавшегося месячника чистоты. Вот весьма красочный отчёт о сделанном, точнее, не сделанном. «Комхоз кое-где починил тротуары и на этом успокоился. Ленинская улица по-прежнему в волчьих ямах, по-прежнему занавожена и загрязнена. В этой грязи всё так же продолжают благодушествовать свиньи, которые для “смены впечатлений” принимают подрывать дома и заборы. Не в лучшем положении и Таможенная улица, не говоря уже о других. А если мы взглянем на водопровод, то увидим, что он всё в том же состоянии: места водоисточников представляют из себя древние развалины, обильно занавоженные, и вода вместо фильтра, проходя через кучи навоза, поступает в таком виде потребителю. Центральная водоразборная будка, о которой так много говорил комхоз, строил на ней планы санитарного благополучия и даже думал немного подзаработать, в конце концов получила ремонт. Там снята кишка,

которая раньше валялась в грязи. Вот и всё. Гора родила мышь. Во дворы учреждений, столовых и распределителей общежитий не рекомендуется заглядывать, чтобы не портить себе настроения: кучи хозяйственных отбросов, помой и мусор... Что же сделала милиция? В первый день трёхдневника она с громом и шумом, как буря, пронеслась по всему Петропавловску, многих напугала до родимчика и на этом успокоилась. До сих пор никто не поймёт, было ли это какое-либо атмосферное явление или “планомерная” работа милиции. В таком положении, в каком мы сейчас находимся, мы подготовлены на все сто процентов к любой эпидемической болезни. Получается, что мы не боремся с эпидемиями, а всячески им помогаем». Подсчитано, что за время очистки города вывезено полторы тысячи тонн мусора. Ежедневно этим занимались четыре лошади комхоза. Другие хозяйственные организации выделять транспорт категорически отказывались.

3 июня в Авачинской губе появились косяки сельди, но рыба пошла вблизи города. Её поймали только колхозы и бригады Авачинского промрайона, имевшие тони вблизи озерновских складов и Ковша. За один день взяли 888 центнеров. Наибольший улов достался «Амурскому партизану» — 481 центнер. Всё сдано засольной базе на кошке, где в тот же день было переработано.

Из Владивостока прибыл пароход «Якут» АКО с углём. Он должен был выгрузить в Петропавловске полторы тысячи тонн грузов и взять тысячу восемьсот тонн соли для рыбалок восточного побережья. Из Петропавловска «Якут» собирался уйти 9-го числа в Усть-Камчатск.

4 июня возобновил рейсы по маршруту Хутор — Сероглазка — Тарья — Авача — Николаевка почтовый катер. Он собирал почту раз в пятидневку.

5 июня в 04.56 по астрономическому времени ощущался небольшой подземный толчок.

6 июня краеведческий музей переехал в здание бывшей церкви. Объявлено, что он откроется в ближайшие дни.

В 14.00 на пароходе «Санто-мару» приехал второй секретарь японского консульства господин Ногучи. Его встречали представители облисполкома, порта и других организаций.

8 июня пришло известие, что 3 июня из Нью-Йорка в СССР в большой перелёт отправился лётчик Джеймс Маттерн. Высказывалось предположение, что он сделает посадку в одном из пунктов Камчатки.

На пароходе «Камо» прибыл уполномоченный Наркомата иностранных дел СССР Г. Д. Тихонов.

9 июня агитбригада «Штурмовик», ранее работавшая при межсоюзном рабочем клубе, по решению горрайпрофсовета и горкома комсомола выехала на рыбные промыслы и в сельскохозяйственные колхозы, вначале на лайду, а затем в Тарью. В конце сева бригаду намеревались перебросить в Красноармейский, Корякский и Елизовский колхозы, затем вновь на путину — в Жупаново. Агитколлектив намечал за время поездки создать ряд новых ударных бригад, развернуть соревнование среди рабочих и колхозников и собрать не меньше полусотни рационализаторских предложений. Агитбригада располагала необходимыми музыкальными инструментами, виктролой, кино- и радиопередвижкой.

10 июня в половине восьмого вечера в школе-семилетке прошло родительское собрание. Обсуждали ход подготовки отдыха детей в летних лагерях и план оздоровительных мероприятий.

12 июня в десять утра на площади «Динамо» состоялась товарищеская футбольная встреча между командами «Динамо» и первой сборной города.

Сектор кадров АЮО начал приём заявлений от желающих учиться на курсах работников «по холодильному делу», имеющих целью выпустить инструкторов по заготовке льда и обслуживанию холодильных сооружений. Принимали лиц не моложе восемнадцати лет, имевших образование не ниже шести групп (то есть классов) школы-семилетки.

Камчатский областной музей объявил о желании приобрести «образцы искусства», утварь, одежду и орудия производства народов Севера, старинные монеты, картины, книги, все предметы, обнаруженные на местах старых юртов, поселений, острогов, а также орудия каменного века. Музей также желал обменять пишущую машинку с английским шрифтом на таковую же с русским.

Областной прокурор И. И. Седин разъяснял гражданам порядок выселения из квартир. В последнее время участились случаи административного выселения не только из домов Горместхоза, но и частных, отмечен ряд случаев незаконного отчуждения последних и передачи их организациям и учреждениям. «Ряд постановлений горсовета и чрезвычайных квартирных комиссий были опротестованы прокуратурой. Всё же горсовет и другие организации считают эти постановления оставшимися в силе и поэтому грубо нарушают революционную законность». Выселение допускалось законом лишь как исключительная мера, причём

только по отношению к жильцам — сотрудникам Наркомвода, Наркомвоенмора и фабрично-заводских предприятий. И то только в том случае, если они утеряли «трудовую связь» с коллективами «как прогульщики, дезорганизаторы». Во всех других случаях выселять следовало только по решению суда и в строго установленное время: с 1 апреля по 1 ноября. Имелся совсем недавний пример нарушения законности. В начале июня учительницу Морозову с двумя маленькими детьми выгнали из её комнаты и поместили в крохотную халупу с сырыми стенами площадью в одиннадцать «квадратов». Квартиру Морозовой заняла кассирша бани. Учительница обращалась к прокурору, нашедшему выселение незаконным, но агент Горместхоза заявил, что квартирами распоряжается не прокурор, а он. Прокурор отдал распоряжение начальнику милиции о немедленном обратном вселении учительницы. «Из милиции послали за ключом. Горместхоз пропустил требование мимо ушей и ключа не выдал. Опять звонок от прокурора. Вторичное требование милиции. Но Горместхоз уже поместил в квартиру кассиршу бани. Нельзя иначе расценивать этот факт, как самое наглое, самое хамское игнорирование не только распоряжений прокуратуры и милиции, но и директив партии и правительства. Почему кассирша бани имеет преимущество перед учительницей? Не в силу ли знакомства с агентом? Эти вопросы должна выяснить прокуратура и прекратить вредительство на жилищном фронте». Возмущённая произволом общественность требовала немедленного восстановления справедливости, «срочного следствия и показательного суда над виновниками хамского отношения к учительству».

13 июня оргбюро краеведческого общества объявило о проведении с 25 июня по 1 июля во всей области пятидневки. Её цель — популяризация краеведения, оживление его работы, устройство ряда экскурсий. Музей намеревался провести в это время выставку «Экономика области» и просил предоставить ему дополнительные экспонаты.

Облисполком получил сообщение от Горьковского автозавода об отпуске ему одной легковой автомашины «Форд» стоимостью пять тысяч рублей. Автомобиль своим ходом добрался до Москвы, а оттуда уже отгружен на Камчатку.

Труппа ТРАМ на пароходе «Камо» отправилась в Ключевской лесокombинат и на крупнейшие сплавные участки, где собиралась пробыть до августа, потом на промыслы и рыбоконсервные заводы восточного побережья. Директор театра откоманди-

рован на «материк» для подбора артистов, которыми намеревались укомплектовать вторую труппу.

14 июня утром в Петропавловск на пароходе «Эйхо-мару» прибыл и сам японский консул господин Огато. Его встречали представители облисполкома, горсовета, порта и уполномоченный Наркоминдела. Секретарь консульства Ногучи на этом же пароходе выехал в Усть-Камчатск.

18 июня областное бюро пионерской организации провело массовый детский праздник. Его цель — «подвести итоги реализации решений ЦК ВКП(б) о пионерской организации, седьмой всесоюзной и второй окружной комсомольской конференций о максимальном использовании досуга детей и о развёртывании оздоровительных мероприятий среди всей детворы».

Городская библиотека начала перерегистрацию читателей и выдачу книг на дом. При перерегистрации и записи вновь требовали документы, подтверждавшие место работы и адрес, а также денежный залог. Причина: массовое невозвращение книг. Размер залога: при зарплате ниже 250 руб. — 5 руб., от 250 до 500 руб. — 8 руб. Для неработающих — в половинном размере. У учащихся спрашивали поручительство школ. Залог возвращался по прочтении книг по предъявлении квитанции.

20 июня у межсоюзного клуба красовалась киноафиша, возвещавшая о предстоящем показе комедии «Чевирички» по Гоголю. Школяры хихикали: они-то знали, что правильно надо было написать «Черевички». Орфографические чудеса продолжились на следующий день. Теперь клуб порадовал зрителей афишей, оповещавшей о пути в неведомый город «Домаск», очевидно, Дамаск.

24 июня на десять утра во дворе облфинотдела на улице Никольской, 5 назначены торги по продаже бесхозного имущества: разной мануфактуры, сукна, обуви, одежды, белья, парфюмерии и прочего. Приглашались все, кроме лиц, лишённых избирательных прав, а также несовершеннолетних.

Опубликован список «товарищей», выдвигаемых обкомом и областной контрольной комиссией ВКП(б) в члены комиссии по чистке рядов парторганизации. В их число вошли: А. И. Карякин, рабочий, в партии с 1912 г., председатель облКК-РКИ, А. Ф. Мея, рабочий, в партии с 1919 г., уполномоченный ОГПУ по Усть-Камчатскому району, В. Д. Межатуч, рабочий, в партии с 1905 г., ответственный секретарь партколлегии облКК, П. П. Лепин, крестьянин, в партии с 1917 г., заместитель начальника облотдела ОГПУ, Ф. П. Косихин, крестьянин, в партии с 1916 г., заместитель

председателя облсуда, М. М. Краснощёков, рабочий, в партии с 1905 г., заместитель директора АКО, А. С. Востриков, рабочий, член партии с 1918 г., председатель облпрофсовета, Н. А. Пошехонов, рабочий, член ВКП(б) с 1919 г., заведующий культпропотделом обкома ВКП(б), С. И. Кузовников, рабочий, член партии с 1920 г., заведующий орготделом обкома ВКП(б), И. Н. Петерсон, рабочий, в партии с 1920 г., уполномоченный ОГПУ в Усть-Большерецком районе, В. В. Заостровский, крестьянин, член партии с 1920 г., директор Камчатского отделения ТИРХ, П. И. Акулов, крестьянин, в партии с 1920 г., начальник облуправления сберкасс, М. М. Хонин, рабочий, в партии с 1919 г., директор Петропавловского совхоза, Ф. А. Морозов, служащий, член партии с 1921 г., заместитель директора рыбного управления АКО. Всех граждан, имевших отводы к названным лицам, призывали подавать их письменно или заявлять устно в облКК или редакцию «Камчатской правды». По странному стечению обстоятельств среди вышеперечисленных «рабочих», почему-то в основном трудившихся в рядах номенклатуры ВКП(б) и органов госбезопасности, затесался лишь один «служащий».

На заседании президиума горсовета детально обсуждался вопрос постройки капитального здания для кинотеатра. Одобрено предложение Роскино о сооружении зала на пятьсот мест, «возбуждено» ходатайство перед облисполкомом об отпуске средств из местного бюджета и выделении необходимого количества стройматериалов. Все подготовительные работы к строительству кинотеатра намечены уже на этот год. Стало известно, что на ближайшем пароходе в город идут около сотни новых кинофильмов.

Состоялась вторая встреча футбольных команд «Динамо» и сборной профсоюзов, окончившаяся со счётом 5 : 2 в пользу динамовцев. Зрители отметили слабую подготовку команд и грубую игру с обеих сторон, высказав мнение, что это «лишний раз подтверждает необходимость регулярной тренировки команд».

25 июня в шесть вечера в конторе связи началась чистка её руководства.

26 июня объявлено о возобновлении в июле срочных рейсов по восточному побережью. Первое такое плавание должно было сделать совторгфлотовское грузопассажирское судно «Совет».

Муж и дети с прискорбием известили родных и знакомых о преждевременной смерти жены и матери Елены Николаевны Флетчер. Прощание с покойной назначено на два часа дня 28 июня по адресу: улица Партизанская, 17.

28 июня стало известно, что пропал американский лётчик Маттерн. По сообщению с Аляски, сведений о нём не имелось с момента вылета из Хабаровска. Над Беринговым морем держался густой туман. Токийская радиостанция «Оциси» передала, что все попытки японских судов связаться с Маттерном оказались безрезультатны.

30 июня геодезическая партия Горместхоза вела съёмку города с прилегающими окрестностями (АКОград, совхоз, районы селения Сероглазка и Елизовского шоссе). Часть работ уже завершилась, на их основе началось составление точных геодезических планов, необходимых для перепланировки города.

Горрайинтегралсоюз заключил договор с Николаевским колхозом на сдачу молочных продуктов. Селяне обязались до конца года поставить для столовых города не меньше шести тысяч литров молока. А его первая партия между ними уже была распределена.

В одиннадцать дня начались розыгрыши по волейболу и футболу. На спортплощадке Красного городка встретились волейболисты коллективов «Динамо» № 1, 2 и 3. В это же время на школьной площадке бились волейболисты горинтегралсоюза, связистов, мехмастерской и порта. В четыре часа начался футбольный матч между сборными профсоюзов и «Динамо». Розыгрыши велись по круговой системе.

Горбиблиотека предложила читателям, внёсшим залого за книги до 18 июня, получить их до 1 августа. Залоги, как известно, возвращались по предъявлении квитанций. «Никакие заявления об утере квитанций читателями приниматься в расчёт не будут. Неполучение залога в указанный срок лишает читателя права на получение такового».

Петропавловский педагогический техникум произвёл третий выпуск в числе тринадцати молодых учителей. Всего за три года обучено сорок три педагога для школ первой ступени (начальных). Новый приём в техникум назначен на 15 августа, зачислялись двадцать, а на подготовительные курсы — пятьдесят пять человек.

1 июля ячейка ОСО складской базы завершила переучёт членов и проверила работу бюро. Оно действовало по-большевистски. Зимой провело большую работу по обучению осовцев военному делу через кружки. Весной организовало пять ударных бригад. Включившись в оборонную эстафету, выпустило две стенгазеты и одну «Ильичёвку». Новых членов вовлечено на четверть больше, чем в прошлом году. В новый состав ячейки избраны лучшие ударники производства и общественности.

2 июля Дальзаготпушнина известила, что будет принимать шкурки амбарной крысы без ограничений. Взамен сдатчики получат промтовары.

Областная партизанская комиссия оповестила о смерти бывшего красного партизана Дмитрия Александровича Портнягина, последовавшей вчера в пять часов утра. Вынос тела из горбольницы намечен на пять вечера.

3 июля первая смена пионерлагеря Петропавловского района приехала на автомашинах в село Елизово. Сто пятнадцать ребят расположились в школе, интернате, бывшем райисполкоме и райкоме партии. На следующее утро началась полноценная пионерская жизнь. «Вожатый... свистком оповещает побудку. После утренней физзарядки пионеры бегут к реке умываться. Радостный говор и шум будит тихую реку и разносится далеко к снежным хребтам. Горн призывает ребят к завтраку. Выстроившись парами, они с песнями двигаются к столам. Линейка, обед, мёртвый час, разнообразные игры чередуются одна за другой. Собираясь на лужайке, пионеры в беседе подробно знакомятся с жизнью молодёжи капиталистических стран. Большим недостатком лагерей является то, что помещением пионеры обеспечены слабо. Из четырёх домов, которые им должны отвести, два наполовину заняты посторонними. Сельсовет решению вышестоящих организаций, не подчинился и упорно тормозит передачу помещений...»

4 июля техники и рабочие мехмастерской АКО возмутились несправедливым, по их мнению, присвоением звания и грамоты ударника социалистической стройки инженеру Яковлеву, руководившему предприятием. Хорошо знавшие по производству, они обвинили его в пьянстве и нанесении убытка в сто тысяч рублей, а также затяжке выполнения всех, без исключения, заказов. То же, что было сделано, сопровождалось браком. Недоумение труженников, призывавших не опошлять высокого звания ударника, вызвало таинственное, ни с кем не согласованное представление инженера к награде.

5 июля в 10.20 на глать Авачинской губы сел гидросамолёт МБР-4, завершивший перелёт Хабаровск — Петропавловск. Экипаж возглавлял командир-краснознамёнец Лухт, в него входили лётчик Светогоров и бортмеханик Насонов. 2 июля они вылетели из Николаевска-на-Амуре. Большая часть полёта проходила в тумане и облаках. Из-за непогоды пришлось сесть на западном берегу Камчатки в реке Утке. 3 июля в девять часов утра прибыли в Большерецк. Здесь из-за тумана задержались на двое суток. Расстоя-

ние до города в сто восемьдесят километров покрыли за пятьдесят минут. «Подлетая к Петропавловску, встретили совершенно очищенную от туманов и облачности Авачинскую бухту и город с окрестностями». Полная протяжённость перелёта 2 165 километров, общее лётное время — двенадцать с половиной часов. Гидросамолёт отечественной конструкции был снабжён нашим же мотором в семьсот пятьдесят «лошадей», мог взять две с половиной тонны груза. Сейчас он привёз почту. Перелёт стал новой победой молодой советской авиации, показавшей возможность воздушного сообщения нашего полуострова с материком.

6 июля — День Конституции СССР, совпавший с Международным днём кооперации. В шесть вечера состоялся пленум горсовета «с широким участием рабочих и колхозных масс». Заслушаны доклады о работе совета и горинтегралсоюза, приняты рапорты Хуторского и Авачинского сельсоветов, несколько сельсоветов премированы за лучшее руководство хозяйственно-политической работой. После пленума — художественная часть в клубе. В Петропавловском горрайоне насчитывалось двадцать два колхоза (всего в Камчатской области — пятьдесят шесть), из них восемь рыболовецких, шесть сельскохозяйственных, по четыре смешанных и кустарно-промысловых. В их состав входили 332 отдельных хозяйства и 564 колхозника.

Горожанин Николай Дмитриев, теперь трудившийся на первой советской китобойной базе «Алеут», доложил о начальных успехах китобойного промысла. Первого кита флотилия, включавшая также китобойцы «Трудфронт», «Энтузиаст» и «Авангард», добыла 23 июня. Кашалот, весивший более сорока тонн, дал семь тонн чистого жира. Затем убили финвала весом аж пятьдесят тонн. За первые десять дней нахождения вблизи Камчатки флотилия переработала двадцать морских гигантов. Правда, «авторитет» китового мяса в городе был несколько подорван действиями «умельцев» из столовой АКО: «тамошние повара сотворили такую гадость, что столующиеся долго не могли отплеваться». Хотя в столовой инженерно-технических работников из него же готовили замечательные обеды. Высказывалось соображение, что надо бы научить всех поваров обращению с этим новым продуктом — китовым мясом. А отпускалось оно по три рубля за килограмм.

6 июля в порт на буксире парохода «Свердловск» вернулся для ремонта отправившийся на днях из Петропавловска во Владивосток пароход «Камо». Он потерпел аварию вблизи мыса Лопатка, повредив носовую часть. Для расследования причин аварии

в порту создана специальная комиссия в составе начальника и капитанов находившихся в нём судов.

8 июля окрылённая недавним успехом авиаторов, считая необходимым создание на Камчатке собственной гражданской авиабазы, редакция «Камчатской правды» внесла в фонд авиастроения тысячу рублей и призвала последовать её примеру все организации области. По инициативе газетчиков в городской конторе Госбанка для приёма средств открыт специальный счёт № 352.

Рабочие дорожного сектора «захватили» двух шоферов аковских машин в момент, когда они таскали себе на квартиру дрова. Дело передано в суд, а вот коллектив шоферов, «на который брошено позорное пятно», на этот проступок никак не отреагировал.

10 июля сотрудники сектора экономики и труда АКО Харлап, Опанасенко, Успенский, Батурин и Кустовой организовали ударную бригаду «Имени чистки партии». Она обязалась в двадцатидневный срок завершить анализы промфинпланов управлений по части труда и к 25 июля подготовить контрольные цифры на 1934 г., заявила, что повысит темпы своей работы по всем линиям. Конкретные обязательства переданы в местком АКО.

12 июля из Хабаровска сообщили, что лётчик Маттерн найден пограничниками в восьмидесяти милях от Анадыря. Из-за неисправности мотора он совершил вынужденную посадку, после чего его самолёт «Век прогресса» к дальнейшему перелёту оказался непригоден. Пограничники организовали экспедицию для доставки самолёта в Анадырь. Маттерн здоров, находится в Анадыре и просит выслать за ним самолёт или пароход. В конце июля советский лётчик Леваневский доставил его на Аляску.

Опубликовано правительственное постановление «О предоставлении дополнительных льгот, установленных для рабочих и служащих, работающих в Мурманском округе, рабочим и служащим, работающим в Камчатской области и округах Охотском, Корякском и Чукотском Дальневосточного края», принятое 15 мая 1933 г. Работники, направленные на Камчатку, делились на две группы. Им начислялись десятипроцентные надбавки к зарплате через шесть месяцев со дня прибытия на место, но не ранее 1 января 1933 г. Отпуска исчислялись в два с половиной и два месяца, в зависимости от группы, а при работе менее года — по пять или четыре дня за месяц.

15 июля при управлении связи организовано бюро жалоб. Принимались письменные и устные заявления. Книгу жалоб ежедневно проверял работник Витковский, на любую обещали

ответить в течение трёх дней. В управлении установлено дежурство членов секции связи.

16 июля председатель горсовета С. И. Русаков отозван в распоряжение крайкома ВКП(б), взамен избран В. П. Кравченко. На него же возложены обязанности второго заместителя председателя облисполкома. В. П. Кравченко родился в 1898 г. в Луганском округе Донецкого бассейна. С двенадцати лет начал работать на шахтах, с 1917 по 1921 г. находился на военной службе. В начале 1921 г. вступил в ВКП(б). В 1922 г. командирован на Дальний Восток, до 1924 г. занимал различные ответственные должности в армии, а затем был переброшен на хозяйственную работу. Последнее время являлся заместителем директора Дальзаготпушнины и выполнял обязанности управляющего её областной конторой, а также был уполномоченным Наркомвнешторга СССР на Камчатке.

В клубе открылся слёт сельскохозяйственных ударников Петропавловского горрайона. В числе прочих организаций и предприятий приветствовал участников слёта и рапортовал им коллектив порта. Он, «благодаря правильному руководству обкома ВКП(б) и облпрофсовета, к первому слёту ударников социалистических полей пришёл с рядом достижений в своей производственной работе и на посевном фронте. В этом году порт организовал своё пригородное хозяйство в бухте Ягодной и к слёту освоил около пяти гектаров новых земель, засеяв их различными огородными культурами. Организован свинооткормочный пункт, приняты меры к развитию молочного хозяйства. Коллектив, несмотря на недостаток рабочей силы, 24 июня выделил из своих рядов подшефному колхозу имени XVI партийного съезда восемьдесят шесть ударников для оказания им практической помощи». На следующий день делегаты посетили Петропавловский совхоз АКО, где пробыли около трёх часов, осмотрев всё хозяйство ближней базы. В клубе работала выставка продукции совхоза. «Ярко-зелёный лук, красный и румяный редис, жёлтая репа, китайская капуста, сельдерей и укроп, пахнущие свежестью полей, салат, шпинат и другие овощи, только что вынутые из грунта, расположились здесь красивой и ароматной группой... Рядом с ними культуры, выращенные в парниках: зелёная и пушистая спаржа, кремовые вилочки цветной капусты, начинающие немного алеть помидоры, картофельная рассада в банке, похожая на комнатный цветок». Агроном-консультант подробно рассказывал посетителям, как рабочие совхоза с помощью науки о земле добились такого раннего

для Камчатки созревания овощей в грунте, как организовано парниковое хозяйство. «Овощи агитируют. Они подтверждают рапорт совхоза о победе на фронте выращивания ранних овощей». В прениях по докладам выступило двадцать пять человек. Принято обращение ко всем колхозникам и рабочим совхозов района. Премированы хозяйства и отдельные ударники, кроме этого, Елизовскому колхозу вручено переходящее Красное знамя. Слёт завершился поздно ночью 17 июля.

18 июля хозяйственным организациям дана заявка на доставку в город китового мяса. В июле с «Алеута» управление снабжения АКО было обязано привезти его сто тонн, горинтегралсоюз — ещё пятьдесят. В августе и сентябре ожидалось двести и сто тонн соответственно. Такое количество позволяло полностью обеспечить все столовые и население города, а по качеству китовое мясо «не уступает скотскому».

24 июля объявлено о начале чистки областной парторганизации. «Большевики Камчатки стоят на одном из ответственных участков СССР и Дальнего Востока, возглавляя социалистическое освоение одной из важнейших северо-восточных окраин Союза. При дальнейшем развёртывании подлинно большевистской критики и самокритики, невзирая на лица, чистка ещё больше укрепит боеспособность организации и сделает её более сплочённой перед лицом новых, грандиозных задач второй пятилетки. Чистка должна быть и станет средством лучшего выполнения текущих хозяйственно-политических задач, нового подъёма соцсоревнования и ударничества». 21-го числа прибыла Петропавловская горрайонная комиссия по чистке, председатель И. И. Букау (член президиума краевой КК-РКИ), члены В. В. Васильев (комиссар РККА) и Н. М. Жильцов (завсектором культстроительства и науки при культпропе Приморского обкома партии). Она разместилась на первом этаже здания облисполкома на улице Ленинской, 3. Первыми намечены к чистке 29 июля ячейки ВКП(б) облсуда и прокуратуры.

Коллектив Петропавловского порта включился во всесоюзный конкурс на лучший порт, намереваясь занять первое место. На соревнование вызван Александровск-на-Сахалине.

Начальник Камчатской геологической экспедиции Пырков желал приобрести лошадей, в том числе в аренду, на два месяца. Лагерь экспедиции размещался в палатках на улице Никольской (на Никольской сопке).

Закрылась единственная городская парикмахерская. Это расценено общественностью, по меньшей мере, как головотяпство.

Важное гигиеническое заведение встало в самую напряжённую пору: началась путина и оживлённое движение пароходов, образовалось наибольшее скопление сезонной рабочей силы. С учётом ещё и плохо работавшей бани, скученности людей и бесквартирья, могли сложиться условия для развития эпидемий. «Пренебрежительно-барское отношение к нуждам рабочих здесь сквозит во всём, и оно должно караться самым суровым образом. Надо помнить, что партия возводит эти вопросы на принципиально-политическую высоту».

«Лёгкая кавалерия» комсомольской ячейки горинтегралсоюза в составе Колягина и Петрищевой совершила «налёт» на фондový склад питания и столовую № 1—3. Выяснилось, что, несмотря на нужду столовых в обеденных принадлежностях, на складе в ящиках свалены пятьсот пятьдесят вилок и сотня ножей, начавших ржаветь, а в столовой варочные котлы не лужены уже четыре месяца.

26 июля состоялось собрание актива городской парторганизации. С основным докладом выступал И. И. Букау. Он отметил, что «коммунисты организации ещё не обеспечили достаточного перелома в подготовке к чистке». Ряд ячеек не оценил всей политической важности обращения ударников мехмастерской АКО с лозунгом «Выйти на собрания по чистке с рапортами новых побед по социалистическому освоению Камчатки!» и не развернул в связи с этим необходимую работу в своих коллективах. Завкультпропом Н. А. Пошехонов привёл факт «притупления бдительности» со стороны руководителей АКО: «Везут на Камчатку чуждых элементов, например, фотографа Нэвлера (бывшего фабриканта) и завстоловой Якоревскую (жена торгаша), а потом, ударяя себя в грудь, руководители раскаиваются». Собрание решительно осудило, назвав политической ошибкой, заявление директора-распорядителя АКО Б. И. Гольдберга о том, что потеря классовой бдительности со стороны бюро ячейки и отдельных коммунистов АКО является якобы следствием потери классовой бдительности всей партийной организации. Это заявление расценено как попытка «смазать политические ошибки, допущенные отдельными членами организаций». Собрание завершило комиссию по чистке, что, проведя очищение своих рядов, камчатская организация будет ещё монолитней и завоюет ещё больший авторитет среди широких масс трудящихся.

29 июля зал суда был переполнен: шла обещанная чистка. После вступительной речи председателя «чистильщиков» И. И. Букау

слово предоставили секретарю партячейки суда С. Н. Востриковой для краткого отчёта о работе: «В ячейке числится пять человек, из них три человека было послано на путину. Партийно-массовая работа ячейкой не развёрнута. В основном моральное состояние ячейки здоровое, и только со стороны одного члена партии — тов. Седина (областной прокурор, в ходе чистки исключён. — С. Г.) имелся ряд антипартийных поступков. Коммунисты поднятием своего политического уровня почти не занимаются. То же и в отношении повышения квалификации». Работа ячейки признана слабой, а подготовка к чистке — неудовлетворительной. Первая проходит чистку Вострикова. Она родилась в рабочей семье старого революционера, с 1914 по 1917 г. работала на заводе, где и вступила в партию. В Донбассе была инструктором по женработе, трудилась и в кооперации. В 1931 г. училась на годичных курсах при академии имени Крупской, после этого приехала на Камчатку. Сначала работала в РКИ, а сейчас — в качестве судьи. Несколько выступавших указали на отдельные факты притупления её классовой бдительности как судьи и члена партии, а также обратили внимание на низкий политический уровень и нежелание работать над собой. Комиссия по чистке постановила перевести Вострикову из членов партии в кандидаты. Причины: не повышает свою квалификацию как судья, оказалась неграмотной, плохо справляется с партийной работой, да ещё и допустила ряд политических ошибок. Прошли чистку заместитель областного прокурора А. Ф. Давкшас и ещё один партиец — Коссихин. Оба «как коммунисты оправдали доверие партии, с порученной работой справлялись».

30 июля начала работу широкоэвещательная станция, основанная на собранном ударниками радиостанции передатчике. Первая передача прошла удовлетворительно. Из Усть-Камчатска и Усть-Большерецка получены сообщения о хорошей слышимости.

1 августа — Международный антивоенный день (девятнадцать лет назад разразилась Первая мировая война). Торжественное заседание в клубе. Повестка: международное положение и задачи текущего дня, рапорт ячеек ОСО о проделанной работе, выпуск школы младших командиров облсовета Осоавиахима, премирование. По окончании — художественная часть и выступления физкультурников. Заранее по ячейкам ОСО прошли собрания с аналогичной повесткой, а 30 июля — спортивный праздник общества «Динамо».

Все инженерно-технические работники получили специальные продовольственные карточки. Для специалистов выделен особый

фонд продовольствия и товаров. Ударникам вновь обещан дополнительный десятипроцентный фонд за счёт местных самозаготовок и выдача по специальным карточкам «лучшего снабжения и вне очереди». Продукты питания и промтовары в августе распределялись по карточкам, имевшим две подписи: руководителя предприятия и председателя месткома. Это придумано для борьбы с хищениями карточных бланков.

3 августа обращено внимание на необходимость планомерной борьбы с крысами. В столовой № 1—3 эти вездесущие зверушки нашли обильную пищу. Во многих местах они прогрызли пол и бегали под ногами столующихся. В озерновских складах АЖО наблюдалось настоящее нашествие, от коего особенно страдали товары, хранившиеся в тюках. В мучном складе крыс также хватало, здесь они налегали на муку и тару. То же самое наблюдалось и в складах порта. «Те средства борьбы, которые применяются сейчас в городе, не могут серьёзно повлиять на уменьшение крысиного поголовья. В капканы ловится слишком мало, яд зачастую ненадёжен, не говоря уже о неприятном запахе, который издаёт крыса, сдохшая под полом». Требовалась организация городского дезинсекторского бюро, долженствующего вести планомерную борьбу с грызунами протравкой или окуриванием газами зданий.

Начался двухнедельный самозаготовок. Горстрой собрал две бригады по шесть человек для ловли рыбы: одну послали на реку Авачу, другую — на берег губы. Готовилась к выезду в окрестности бухты Шипун бригада охотников, тоже из шести членов. Кирпичный завод собрал полтонны черемши, засеял три гектара овощами. Здесь росло стадо из тринадцати свиней. На профсоюзном дне, где обсуждался вопрос о самозаготовках, заводчане решили действовать в трёх направлениях — на рыбе, дичи и ягоде. Каждый участок поручен определённому лицу. Для сбора ягод намечен один из выходных, в бригаду по сбору уже записались два десятка желающих. Рыбу предполагается заготовить посредством договоров с рыболовецкими артелями.

4 августа здание управления АЖО, стоявшее в низине, заливало дождевой водой. Стока не имелось, и вода текла в подполье. То же самое наблюдалось и около новых рубленых домов. У всех домов АЖОграда была не отвалена земля, не имелось вентиляционных отдушин. Стены плесневели, быстро гнили полы и деревянные фундаменты.

5 августа председатель горисполкома В. П. Кравченко сдал в фонд авиастроения на Камчатке сто рублей: «Деньги внесены мною

на текущий счёт № 352 в Госбанке». Он персонально вызвал последовать его примеру руководителей АКО Гольдберга, Головина, Кривошеева, Краснощёкова, Савенко, Харлапа, Авербаха, Тейфельмана, Елизарова, Бучеля, Озерского и прочих. «Создадим на Камчатке собственную гражданскую авиабазу! В ней будут самолёты “Камчатский профсоюзник”, “Камчатский рыбак”!» — требовали две сотни рабочих и служащих Авачинского промрайона, не пожалевшие на это 3 262 руб.

Из Хабаровска сообщили, что, по имеющимся сведениям, в августе состоится первый полёт по вновь открываемой воздушной линии Владивосток — Петропавловск. Пока же над изысканием маршрута работали четыре партии, использовавшие все исследования прошлых лет. В дальнейшем намечали продолжить линию до Чукотки. Таким образом, самые отдалённые территории СССР могли соединиться с Москвой по воздуху.

Горсовет выяснил, что управление снабжения АКО устанавливало произвольные наценки на ряд товаров и продуктов. В итоге за июнь и июль из-за этого было незаконно получено шестьсот тысяч рублей прибыли. Решением горсовета эта сумма перечислена в доход государства, а виновные привлечены к ответственности. Горсовет также сообщил, что парикмахерская будет открыта в течение следующих шести дней.

6 августа после длительного перерыва возобновила работу литературная группа при редакции «Камчатской правды». Она обсудила стихи самодеятельного автора Коптелова.

Горсовет известил, что под постройку банно-прачечного комбината отведён земельный участок на улице Набережной, там, где стояли дома 1, 2 и 3. Их намеревались снести (примерно на этом месте сейчас находится галерея почётных граждан Петропавловска).

11 августа краеведы озаботились поисками замены азовской соли, использовавшейся в рыбной промышленности области. В 1931 г. её потребовалось двести тысяч тонн, и всю пришлось везти из Одессы, заняв пятьдесят пароходов! Краеведческое общество получило известие от одного охотника, что в вершине реки Пиначевой (приток Авачи) имеется солёное озеро, из воды которого, по его мнению, можно добывать поваренную соль. Для проверки этих сведений предполагалось снарядить экспедицию.

После двухлетнего бездействия Камчатский областной музей наконец получил возможность развернуться в здании бывшего собора. Но за это время погибли ценные экспонаты и материалы. Так, из пятисот восьмидесяти шести зарегистрированных архео-

логических экспонатов осталось не более сотни, а из четырёхсот семнадцати предметов культуры и быта народов Севера — не более трети. Уничтожены все экспонаты пернатого и животного мира. «Если говорить о материальной ценности, погибшей от невнимательного отношения со стороны наших организаций и учреждений, сосредоточенной в музее, то её можно грубо определить в десятки тысяч рублей золотом. Собранные с большим трудом в течение десятка лет ценнейшие экспонаты по археологии Камчатки и Чукотки для науки погибли безвозвратно». Директор музея П. И. Смирнов обратился к организациям, имевшим строительные материалы, с просьбой помочь в срочном ремонте здания.

12 августа завершилась чистка портовской партячейки. Ей подвергся двадцать один человек. Результаты: один исключён «за систематическое пьянство, симуляцию в профработе, сокрытие своего участия в восстании в деревне Боголюбка Шацкого уезда», четверо переведены в кандидаты и сочувствующие. В заключительном слове И. И. Букау заявил, что «ячейка не усвоила побольшевистски вопросы чистки». Это замечание подтверждалось хотя бы тем, что ни на одно из четырёх заседаний комиссии «чистильщиков» ячейка не обеспечила полной явки коммунистов и беспартийных. Даже на заключительное пришли лишь сорок три человека, в то время как коллектив порта насчитывал более трёх сотен рабочих и служащих.

15 августа областная чрезвычайная санитарная комиссия предложила горсовету объявить зоной охраны питьевой воды Петровскую гору в той её части, где начинаются и текут ручьи. Предварительно проведено подробное обследование ручьёв по всему их протяжению, обнаружены «крайне антисанитарные условия дворов и улиц», по которым шла вода.

16 августа состоялось объединённое заседание бюро обкома ВКП(б), президиума облисполкома и облКК-РКИ. Оно констатировало совершенно неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального строительства и признало наличие острого жилищного кризиса в городе. Принят ряд решений, направленных на ликвидацию такого положения. Жилищное строительство объявлено «сверхударным», а его программа на 1933 г. должна быть «обязательно выполнена во что бы то ни стало».

17 августа партячейка и актив горсовета решили ознаменовать тридцатилетие второго партийного съезда ударником по ремонту улицы Ленинской. Инициативу подхватили комсомольцы, тем более что приближался их праздник — Международный юношеский

день. Ударник назначен на 24 августа. Вот конкретные объекты, требовавшие приложения рук. Участок № 1 от здания горсовета до дома № 8 — тротуар до облисполкома пришёл в состояние полной негодности, на мостовой валяются камни, имеются ямы и ухабы. Участок № 2 от дома № 8 до страхкассы — вся улица усеяна большими камнями, затрудняющими проезд, обваливается часть дороги на нечётной стороне улицы. Участок № 3 от страхкассы до дома № 25 — мостовая изрыта, сломаны перила у мостика через овраг. Участок № 4 от дома № 25 до сберкассы — улица сплошь изрыта ямами, имеются дыры в тротуарах... (тротуары тогда были деревянными из досок).

19 августа первым на постановление объединённого заседания откликнулся порт: он приступил к форсированному строительству жилья для своих работников. Намечено поставить к шестнадцатой годовщине Октября три четырёхквартирных дома. «Залогом выполнения этого плана служит энтузиазм работников и их твёрдое решение ликвидировать жилищный кризис, мешающий развitiю порта и выполнению промфинплана».

21 августа Дальзаготпушнина объявила о том, что с сегодняшнего дня прекращает приём «домашней кошки по Камчатской области».

22 августа — очередной партдень. На повестке дня — «Основные местные ячейковые вопросы». Ячейкам, прошедшим чистку, необходимо рассмотреть итоги чистки и задачи ячеек, участие в проведении ударника по ремонту улицы Ленинской, намеченного на 24-е число, с тем, чтобы обеспечить полную явку членов ячейки и привлечь всех беспартийных работников учреждений и предприятий.

23 августа областной совет Осоавиахима объявил о намерении открыть школу лётчиков-планеристов. В неё могли поступить все желающие в возрасте от семнадцати до двадцати четырёх лет. В течение четырнадцати месяцев курсанты должны были освоить ряд дисциплин, в том числе основы авиации и самолётостроения, аэродромную службу, а также пройти практику на планерах и лёгких самолётах. Школа будет работать без отрыва учащихся от производства. Желающие поступить предоставляли справки о социальном положении и образовании (не ниже четырёх групп), путёвку от своей ячейки, заявление и автобиографию. Заявления принимались до 29 августа.

24 августа в шесть утра на площади Свободы начали собираться участники ударника. Первыми прибыли совпартшкола и порт,

за ними Горстрой, Горместхоз, авиапорт, мехмастерские АКО, другие коллективы. Получив инструктаж, все разошлись по своим участкам. В ударнике приняли участие пятьсот шестьдесят три человека, из них шестьдесят один комсомолец и пятьдесят три партийца. Среди бригад развернулось соцсоревнование, они вызвали друг друга. Бригада АКО, работавшая на участке № 1, заявила, что не уйдёт до тех пор, пока полностью не выполнит задание. Наряду с образцами энтузиазма и подлинного ударного отношения к труду выявились случаи бестолковщины, нераспорядительности, недостаток инструментов и их плохое качество. «Разве это лопата! — говорили ударники. — Ей нельзя копать землю, потому что она гнётся, да и черенок устроен, словно на смех!» В семье оказалось не без уroda: нашлись и дезертиры, и лодыри. Так, из коллектива облисполкома не явились Лесков, Ткачук и другие, а Баратов мало того, что трудился скверно, так ещё и «испарился» задолго до окончания. Узким местом оказался транспорт. Вместо намеченных пятидесяти работали только тридцать четыре лошади и одна автомашина. В результате не удалось вывезти всю гальку на улицы. Некоторые возчики не поняли задачи: вместо того, чтобы рассыпать гальку на уже распланированную площадь, они сваливали её, как вздумается. Тем не менее стало ясно, что положено начало серьёзной работе по благоустройству улиц, а «город начал принимать культурный вид. Улицы преобразуются, настилается новая панель, выравнивается профиль дороги».

На три дня выехала бригада из шести человек для заготовки ягод, выделенная коллективом просвещенцев. В горбольнице тоже организована бригада, отправленная в район Халактырки. Шла предварительная запись в бригаду по сбору ягод в коллективе типографии, уже записались одиннадцать человек. На сбор она выезжала в первый выходной день после ударника.

Финальные соревнования по футболу показали «необычайно грубую игру команды “Динамо”». Судья соревнования Кузнецов разъяснял по этому поводу: «Инцидент, повлекший за собой удаление с поля динамовского игрока, следующий. Бек команды профсоюзов Боев при приёме мяча на ногу потерял равновесие и упал. Бежавший к нему динамовский игрок Пашков не смог удержаться, налетел на Боева и наступил ему на ногу. Так как команда “Динамо” уже получила предупреждение, то я был вынужден удалить Пашкова с поля. Между прочим, команда профсоюзов также имела одно предупреждение и три замечания в процессе игры. Всё же я считаю, что последние матчи далеко ушли по дисциплине

и организованности от прежней игры, более напомилавшей драку, чем футбол. Все игроки сейчас понимают, что их грубость влечёт за собой удаление с поля и тем самым ослабление команды».

25 августа по решению горрайкомсода по предприятиям, учреждениям и колхозам намечена финансовая эстафета по шести «маршрутам». Вот один из них (первый): «Старт даёт 25 августа коллектив мехмастерских и 27 августа передаёт эстафету в порт. Порт 31 августа передаёт эстафету в совхоз. Совхоз 4 сентября передаёт эстафету в стройбазу. Стройбаза 8 сентября передаёт эстафету в строительство АЖО. Оно 13 сентября передаёт её в Горстрой. Горстрой 15 сентября передаёт эстафету в связь. Связь 17 сентября передаёт её лесопильному заводу. Лесопильный завод 19 сентября передаёт эстафету рыбомоторной станции. Последняя 21 сентября передаёт её в штаб эстафеты...»

26 августа редакция «Камчатской правды» отметила, что в последнее время получает немало стихов, но многие из них невысокого уровня. «Большинство авторов ещё не усвоили как следует основ грамматики. Но это, пожалуй, ещё не так страшно, грамматика вещь не такая уж сложная. Гораздо хуже слепая подражательность, которой страдают почти все произведения начинающих поэтов Камчатки». Да вот взять хотя бы творение «В саду не без грусти» И. Петрова:

*Кругом здесь лежит захолустье.
В захолустье грустит молодёжь.
Не от этой ли лени и грусти
Часто слышится пьяный галдёж?*

«Не говоря уже о совершенно неверном сравнении Петропавловска с захолустьем, в самой ритмике и подборе слов ясно чувствуется влияние Есенина. Но автор не выдерживает даже этого стиля, и на третьем четверостишии “перекидывается” на Маяковского, верифицируя его по мере возможности»:

*Скажите вы — культурники города,
За вами слово, товарищ молодёжь...*

Начинающий стихотворец Скворцов затронул актуальную тему — шедшую чистку. «Подражательности у него не заметно, но с грамотностью дело обстоит значительно хуже. Отделка стиха также никуда не годится»:

*И что ж в результате?
Там рвётся путина,*

*Там режут и рвут невода,
Срывается план заготовок пушнины,
На производствах строит прорывы
Вредительская злая рука.*

Здесь «четвёртая строка совершенно выпадает из ритма, пятая просто написана прозой и, кроме того, ни с какой строчкой не рифмуется». Да, не посидел автор как следует над своими стихами, не проверил их хотя бы с точки зрения правильности рифмы.

Пожарный Митюков нарисовал картину борьбы с огнём. «Надо сказать, что у него, несмотря на неграмотность, попадаетесь ряд неплохих сравнений и образов. “Красные пчёлы летают у дома”, “Ствол воды, трепещущий от гнева” и т. д. К сожалению, во всём стихотворении не найти ни одной стихотворной строки, всё оно представляет собой рубленую на кусочки прозу»:

*Стволовой, наступая всё вперёд и вперёд,
Уничтожая впереди разбушевавшееся пламя.
Вспоминает о прошлом. О том, как он бил врага
И кругом алело красное знамя.*

Этому, а также и другим товарищам поэтам давался общий совет: «Надо попробовать свои силы в прозе или ещё долго посидеть над техникой стихосложения. “Стихи писать легко”, — распространённое мнение среди начинающих. Надо запомнить, что стихи, которые написаны легко, это ещё не стихи, это только материал для обработки. Надо читать больше книг, стихов, запоминать, как правильно пишутся слова, упражняться в чтении вслух. Надо учиться, и прежде всего учиться у классиков и лучших пролетарских поэтов. Пролетариат хочет читать стихи, но стихи хорошие». Поэтому-то первой задачей всякого любителя, стремившегося обратиться в настоящего пролетарского поэта, должна стать упорная и длительная учёба, дабы полно овладеть литературным языком, а не повторять чужие косноязычные «творения».

27 августа из Хабаровска сообщили, что там сел гидросамолёт «Савойя-55», совершавший перелёт через всю страну из Одессы во Владивосток под управлением лётчика А. С. Демченко. Через несколько дней самолёт отправлялся во Владивосток, где должен был встать на постоянное обслуживание новой протяжённой воздушной линии до Петропавловска.

В шесть вечера в помещении редакции «Камчатской правды» собрался общественный комитет по созданию собственной гражданской авиабазы на Камчатке. Его решением день авиации намечен

на 6 сентября. Всем коллективам рекомендовано до 5-го числа провести митинги, посвящённые советской авиации и значению создания камчатской авиабазы, выпустить стенгазеты, а 6-го организовать вечера и массовки. Основной лозунг дня авиации: «В 1933 г. Камчатка должна положить начало созданию собственной гражданской авиабазы!»

29 августа отмечено, что центральная улица Ленинская частично приведена в порядок. Но это относилось только к мостовой и тротуару, где поработали ударники. А вот что касается строевых домов, то тут картина оставалась удручающей. Вот два подряд стоящих дома — № 8 и 10, вполне крепкие, но с отставшей во многих местах от стен обшивкой, разваленными крыльцами. Кругом грязь, настроены какие-то хлевушки, вечно благоухает уборной, очевидно, она течёт. Рядом пребывает в таком же состоянии дом облстрахкасссы. «За столовой порта начинается обширное огороженное пространство. Пройти по нему просто страшно. Всюду стоят какие-то будочки, чушатники, уборные. Грязь от этих “учреждений” невыносимая, в жаркие дни к ней прибавляется ещё и вонь. Частные дома не лучше. Дом № 30 по Ленинской готов свалиться на улицу, так как осыпалась земля из-под фундамента. Забор около дома № 27 падает внутрь двора, около дома № 16 — наружу. Почти везде поломанные крылечки, завалинки, обшивки, трубы, рамы, двери. На других улицах ещё хуже: там полная анархия. На починку домов употребляется самый разнообразный материал — от ящичной фанеры до линолеума. Благодаря этому все здания имеют вид шаманов, вырядившихся на праздник. Старые уборные закапываются, новые строятся где попало, как и свинарники. Помои и мусор выбрасываются прямо на улицу или во двор. Грязь на этих дворах стоит невылазная». Здания давно не красились, отчего город имел серый, грязный, непривлекательный вид. «И это пренебрежение к внешности своего дома ничем не обосновано, ибо краски в городе есть».

31 августа завершили работу пионерские лагеря, но их обитатели домой ещё не попали. «Никто не хочет их перевозить. Наступают холода, иссякает продовольствие, скоро начнутся занятия в школе — положение может осложниться. Вся вина в этом падает на горком комсомола, от которого общественность города категорически требует принять все меры к доставке пионеров в город».

1 сентября — девятнадцатый Международный юношеский день. Клуб переполнен молодёжью, смех, говор, шум — всё сливается в общий гул. Открывается занавес, скрывавший сцену, украшен-

ную красными флагами, и стоявший на ней накрытый кумачом стол. Общегородской вечер трёх поколений открывает кратким вступительным словом секретарь горрайкома ВЛКСМ А. К. Кононов. Собравшиеся с интересом слушали доклад секретаря обкома комсомола В. Д. Костко, приветствия облисполкома и облпрофсовета, воспоминания старого партизана Краснощёкова и речь комсомольца Бицуцкого. Дружными аплодисментами зал встретил рапорт комсомольцев Усть-Большерецкого района, выступление пионерки Вали Востриковой, потребовавшей от партийцев и комсомольцев большего внимания к пионерской организации, другие рапорты. После передачи обкому и горрайкому ВЛКСМ «производственного подарка» — модели ставного невода от ячейки горнтегралсоюза — торжественная часть вечера завершается, начинается художественная. Выступления агитбригады «Штурмовик» и корейской бригады сменяют массовые игры и танцы.

2 сентября наполовину завершилась заготовка пиломатериалов для домов порта. Сделаны нижние обвязки. Осталось завершить планировку, и дома можно будет ставить. Планировалась и ремонтировалась дорога к месту стройки на улицу Нагорную. Полностью доставлен лес для надстройки банковского дома, производимой Горстроем. Здесь трудилась бригада Жаркова из десяти человек, уже связавшая первые четыре венца. Барак для рабочих был завершён, за исключением штукатурных работ.

5 сентября бригада из восьми каменщиков приступила к кладке фундамента двухэтажного дома на улице Таможенной.

6 сентября — день авиации. Город украшен афишами: «Все в сад “Динамо”! Сегодня массовое гулянье, посвящённое празднику авиации. Художественные выступления. Играет духовой оркестр. Начало в час дня. Вход свободный». Лозунг дня: «Здесь, на Камчатке, в тундрах, в лесных массивах, в горных узлах самолёт всегда останется вернейшим, удобнейшим, надёжнейшим средством сообщения. Привет красным лётчикам, бесстрашным победителям воздушных пространств!»

Владивостокский Дальрыбвтуз объявил о начале с 1 октября занятий по дневной форме обучения (срок — четыре года) по специальностям «Техника добывающей рыбной промышленности», «Рыбовод-биолог», «Плановик-экономист», на пятилетнем вечернем отделении — «Технолог». Принимались окончившие школу-девятилетку, рабфаки, курсы по подготовке в вузы. Приёмные испытания проводились по обществоведению, математике, физике и химии. Заявления рассматривали до 10 сентября, испытания

намечены на 20—25 сентября, зачисление — на 25-е число. Принимали и на рабфак Дальрыбвтуза, действовавший в Петропавловске при педтехникуме.

7 сентября горожанин Чен Ли Юн дал объявление об утере карманных чугунных часов без секундной стрелки. Нашедшего просили возвратить за вознаграждение по адресу: улица Ленинская, 19.

10 сентября о ходе самозаготовки отчитался коллектив аптеки. Запасено полтонны рыбы и пятьдесят килограммов ягод. Выделенный для ловли рыбы сотрудник неплохо справился со своей задачей, заготовив три бочки солёной рыбы и пятнадцать килограммов икры. На сборе ягод задействовали одного сотрудника, «оторванного» от производства, и двух отпускников.

11 сентября коллектив аптеки, участвовавший в финансовой эстафете, сообщил, что подписку на заём погасил в целом на 78,5 %, причём пять сотрудников сделали это полностью в течение двух месяцев, а остальные обязались завершить к 1 октября. Страхованием жизни коллектив был охвачен на 36 %. К тому же все сотрудники аптеки состояли вкладчиками сберкассы.

12 сентября выяснилось, что при разборе заявлений о приёме в слушатели педтехникума найдено заявление из села Авача от Р., «отец и мать которой — лишенцы». К заявлению прилагалась рекомендация заведующего сельской школой, засвидетельствованная и подтверждённая сельсоветом. Вот такая обнаружилась классовая и политическая слепота, а ведь завшколой и сельсовет хорошо знали, насколько важен «фронт культурной революции» и кому его можно доверить, а вместе с тем дали-таки злополучную рекомендацию!

13 сентября складская база АКО начала отпускать муку с озерновского склада № 7 авансом в счёт октября, ноября и декабря по норме один мешок на главу семьи по ордеру, выданному предприятием или учреждением. Получатели ордеров включены в заверенные пофамильные списки в трёх экземплярах. Деньги за муку брали в складе. Явиться следовало со своим мешком, при отсутствии такового удерживали семнадцать рубликов за тару базы.

Горожанин К. Волк пожаловался в газету на «прожорливого бухгалтера» порта. Его жена и ребёнок уехали уже два месяца тому назад, а «ненасытный» продолжал получать на них продовольственные карточки при благосклонном попустительстве порткомвода и администрации. «Допустимо ли это?»

Завершились бетонные работы на расширении электростанции, каменщики перешли на объекты жилищного строительства.

Бригада плотников Бутакова продолжала расширять пристройку к станции.

15 сентября начался учебный год. К пионерам и школьникам с поздравлением и напутствием обратился президиум облсовпрофа. «Ребята, наш вождь и учитель Владимир Ильич Ленин завещал: “Надо учиться, учиться и учиться”. С этими словами вы должны приступить к учёбе, с этими словами должны и кончить этот учебный год. Для того чтобы выполнить заветы Ильича, вам сегодня же нужно взяться организованно за учёбу, а для этого необходимо создать твёрдое бюро-учком из лучших ваших ребят. Оно будет руководить всей вашей работой, учебной, общественной и производственной. В прошлом году многие из вас остались на повторный курс. Это говорит за то, что вы в прошлом году ещё недостаточно крепко взялись за учёбу. Поэтому вам сейчас же надо подвергнуть вашу прошлогоднюю работу самокритике, отбросить плохое, закрепить лучшее. С первых же дней учёбы вы должны жестоко бороться за сознательную дисциплину, она обеспечит лучшее окончание учебного года. Для этого у вас с первых же дней должна работать стенгазета, живая газета. Необходимо организовать соцсоревнование и ударничество. Ваши отцы — рабочие и колхозники — под руководством ленинской партии большевиков успешно переделывают промышленность и сельское хозяйство на новой передовой технической основе, успешно строят новое бесклассовое общество. Приветствуя вас, президиум облсовпрофа уверен, что вы будете достойны своих отцов, с не меньшим успехом овладеете высотами знаний и будете достойными гражданами нового общества!» Старшим товарищам ответили пионеры Захаренко, Толстопятенко и Маркелов, проводшие лето в лагерях, получившие там хорошую закалку и опыт общественной работы. Начиная учебный год, они обязались полностью соответствовать лозунгу «Пионер должен учиться лучше всех» и привлечь к этому всех школьников. Кроме этого, добиться к 1 октября охвата индивидуальным соревнованием ребят своей группы; не допустить ни одного прогула и опоздания, а также организовать правильное, разумное использование переменок, улучшить работу кружка затейников и агитгруппы. Они вызывали на состязание пионеров из отряда связи.

Опубликованы первые итоги чистки Петропавловской горрайонной парторганизации. С 7 августа по 1 сентября проверено двенадцать ячеек и две кандидатские группы. Из ста сорока трёх «зачищенных» партийцев пока объявлены результаты ста тридцати

двух. Исключены семь членов и три кандидата партии, переведено из членов в кандидаты десять, в сочувствующие — восемь человек. Причины исключения: потеря классовый бдительности, игнорирование нужд рабочих и колхозников, корыстное использование служебного положения, двурушничество, отрыв от партийных масс и моральное разложение.

Организован областной совет общества «За овладение техникой» (ЗОТ). Облсовпроф разработал инструкцию по организации ячеек ЗОТ на каждом предприятии.

16 сентября озвучено расписание осеннего розыгрыша по футболу до конца месяца. 16-го — шестая игра между победителями четвёртой и пятой. 17-го — седьмая игра: победители третьей встречаются с победителями шестой. 18-го — восьмая игра: сборная профсоюзов — сборная «Динамо». Все розыгрыши назначены на пять вечера на стадионе «Динамо».

18 сентября с борта парохода «Челюскин», совершавшего плавание Северным морским путём, от начальника экспедиции профессора О. Ю. Шмидта пришла радиограмма, в которой он сообщил, что пароход благополучно прошёл мыс Северный и движется к Берингову проливу. От пролива «Челюскин» повернёт назад и пойдёт на север к острову Врангеля. Разгрузившись и сменив колонию острова, судно прямым рейсом направится в Петропавловск. Этот рейс должен был стать вторым «сквозным» через льды Северо-Восточной Арктики из Белого моря в Тихий океан за одну навигацию. Первым был прошлогодний переход парохода «Сибиряков». Но вторую победу праздновать не пришлось: позже «Челюскин» был раздавлен льдами и затонул.

19 сентября вечером шумело общегородское партсобрание, посвящённое идущей чистке. Из резолюции: «Собрание одобряет решение горкома о повторной чистке отдельных членов партии ячейки горсовета, как не оправдавших доверие комиссии по чистке, не борющихся на деле за генеральную линию партии... Собрание считает, что городская партийная организация к чистке партийных рядов пришла сплочёнными рядами, крепкой и монолитной в борьбе за генеральную линию партии...» Собрание поручило 21-го числа провести во всех комсомольских первичках внеочередные собрания с повесткой «Итоги участия ячеек ВЛКСМ в чистке и реализации выводов по чистке». Важность происходящего подчёркивалась словами пролетарского писателя, живого классика Максима Горького: «Процесс чистки партии — процесс её роста, процесс спайки энергии и талантов единиц в её коллек-

тивную непреоборимую силу, в ту силу, которая творит в нашей стране чудеса и привлекает к работе своей жадное внимание пролетариата всех стран. Высокое требование предъявляет партия к человеку. Совершенно изумительно видеть и чувствовать, как просто и искренно принимают эти строгие требования здоровый разум и здоровое классовое чувство, как чутко, справедливо и беспощадно реагирует партийная и даже беспартийная молодёжь на всё враждебное строю и духу партии...»

20 сентября открылись городские ясли. За две недели сделан хороший ремонт, пополнены запасы белья, починена мебель, заготовлены на зиму дрова и овощи. Гораздо хуже обстояло дело с яслями АКО: их помещение также требовало большого ремонта.

Петропавловский совхоз сообщил, что во время выпаса скота на шестом километре Елизовского шоссе ушли две дойные коровы. Одна чёрно-пёстрой масти, «рога калачиком, в глазах, на сосках природные бородавки», кличка Индигирка. Вторая — чёрно-пёстрой масти, «рога тонкие в стороны и вверх, на переднюю правую ногу немного хромает», кличка Аришка.

22 сентября в столовой № 1—3 появились «коммерческие» порционные блюда из свинины по двенадцать рубликов. Некто Обедающий удивлялся, почему это свинина, выращенная на объёдах от плохих стандартных обедов, идёт на порционные блюда? «Зачем же берутся деньги на пригородное хозяйство, если мясо, выращенное на эти деньги, идёт не на улучшение питания, а на коммерческие блюда? Почему эти спекулятивные операции остаются без внимания?»

Городской заготпункт возобновил приём крысиных тушек.

25 сентября камчатское отделение Союзпечати открыло приём подписки на приближающийся 1934 г. на все газеты и журналы, выходящие в СССР. Стоимость годового комплекта главной газеты страны «Правда» на год составляла 36, «Известий» и «Труда» — 30, журнал «За рубежом» стоил 24, «За рулём» — 7,2, «Моды сезона» — 24, «Огонёк» — 6, «Вокруг света» — 9, «Наука и техника» — 6 руб. Годовая подписка «Камчатской правды» обходилась в 48 руб.

30 сентября из Ленинграда сообщили, что хорошо известный петропавловцам американский лётчик Чарльз Линдберг 22 сентября завершил трансатлантический перелёт по маршруту Нью-Йорк — Гренландия — Исландия — Фарерские острова — Копенгаген — Карлсруэ — Гельсингфорс — Ленинград. Его сопровождала жена, исполнявшая обязанности радиста.

3 октября впервые в этом году прошёл розыгрыш по волейболу между женскими командами. Дисциплина и выдержанность выгодно отличали их от мужских коллективов. Играли команда «Динамо» № 1 и сборная профсоюзов. Чувствовалась малая тренированность профсоюзников, отразившаяся на ходе матча. Команда «Динамо» сразу же забила первый мяч и далее действовала очень уверенно и спокойно. Благодаря сильным подачам, динамовки в первом периоде далеко обогнали профсоюзниц и завершили его со счётом 15 : 2. Во втором периоде сопротивление профсоюзниц хотя и усилилось, но итог оказался 30 : 8 в пользу «Динамо».

5 октября в пору было вспоминать слова гоголевского городничего: «Стоит только поставить забор для памятника, и какой только дряни туда ни натащат». В Петропавловске имелось три памятника, требовавших охраны со стороны властей и краеведов, — Лаперузу, Берингу и Клерку. Все они находились в запущенном виде, со сломанными ограждениями. Особенно безобразным признано отношение к памяти великого мореплавателя Лаперуза: «Ограждение (столбы) у памятника уничтожено, цепь, лежавшая на них, исчезла, а на якорной цепи, которая лежит вокруг камня, сушатся сапоги, портянки и полосатые “невыразимые”. Камень начал трескаться». С учётом того, что памятники одновременно служили и астрономическими пунктами, они заслуживали ещё более внимательного отношения к себе.

Корейский активист До Ир вновь поставил вопрос о необходимости открытия клуба «восточников», коих в городе имелось не менее четырёхсот пятидесяти, главным образом корейцев. Кадры для работы среди восточников имелись, требовалось лишь помещение. Под клуб вполне подходила нижняя часть здания КОГИЗ, располагавшегося в центре города рядом с межсоюзным клубом. Это могло обеспечить «связь с культполитсоветом», а также наибольшую посещаемость своего клуба «восточниками». К слову, здесь их клуб находился в 1928—1930 гг.

6 октября рано утром обыватели были разбужены звуками марша, исполнявшегося духовым оркестром пограничников. На площади Свободы собирались ударники для поездки на совхозные поля. Настроение у всех бодрое, весёлое, слышались шутки и смех. По команде «В общую колонну становись!» все выстроились по четверо. «Шагом марш!» Под звуки оркестра колонна двинулась к Петропавловскому совхозу. У конторы совхоза ударников встретили директор, секретарь партячейки и представитель рабочкома. Внимательно прослушана краткая речь о значе-

нии и задачах предстоящих работ, а затем под музыку, с шумом и смехом началась уборка. Лучше всех трудилась бригада Малько. В пять вечера поставленная задача успешно решена, колонна двинулась обратно в город.

7 октября в Авачинской губе приводнился гидросамолёт С-55 под командованием А. С. Демченко, одного из лучших лётчиков СССР, награждённого орденом Красной Звезды. Второй пилот — опытный лётчик Гражданского воздушного флота (ГВФ) Конкин, имевший опыт командования авиаэскадрильей. Вместе с ними прибыли уполномоченный коллегии ГВФ Бронштейн, проверявший готовность линии Москва — Хабаровск — Владивосток — Сахалин — Камчатка к открытию движения, начальник Охотско-Камчатской линии Игнатович, аэронавигатор Петров, один из крупнейших специалистов, участвовавший в организации многих воздушных трасс, бортмеханики Эренпрейс и Стыченко. От печати в перелёте участвовали специальные корреспонденты Костарев (газеты «Известия» и «Тихоокеанская звезда») и Батасов («Правда» и «Красное знамя»). Кинооператор Тамм произвёл интересные съёмки, теперь он намеревался приступить к ним в городе. Вскоре должна была начать действовать эта протяжённая в мире воздушная дорога. Теперь труднейший и опаснейший путь на собаках, лодках и оленях от Аяна до Нагаево можно будет покрыть не за четыре с половиной месяца, а всего за два часа, а от Большерецка до Петропавловска добраться не за семь дней, а за три четверти часа. Самолет С-55 был построен в Италии, имел деревянную конструкцию, мог поднимать две с половиной тонны, брал двенадцать пассажиров.

А. С. Демченко поведал петропавловцам о трудностях маршрута, в том числе рукотворных: «Это прежде всего сложные метеословия. В течение какого-нибудь часа погода может измениться несколько раз... Лететь приходилось порой без всякой ориентировки, исключительно “по чутью”. В Хайрюзово мы чуть-чуть не заморозили мотор, а на Шантарах были близки к аварии... Для того, чтобы наладить регулярные рейсы, нужна только чёткая, хорошая, добросовестная работа наземной службы. А нам пришлось столкнуться с очень скверными вещами: безобразная связь (не было метеосводок), отсутствие посадочных знаков, несвоевременное снабжение горючим, другими словами, трудности совершенно искусственного порядка. Экипаж выдержал экзамен на “отлично”».

8 октября слушатель городского радиозула отметил его скверную работу и предложил ввести плату по числу фактических часов

трансляции. «Передачи отсутствуют, и нетерпеливые владельцы трансляционных точек напрасно по вечерам прикладывают репродуктор к уху или ухо к репродуктору. В тех редких случаях, когда устраивается передача, визг, писк, хрюканье отбивают всякую охоту слушать. Когда же приём хорош, то его обязательно прерывают на самом интересном месте...»

9 октября почтовый отдел управления связи объявил о приёме авиапочты в Большерецк, Хайрюзово, Нагаево, Аян, Советскую Гавань, пост Ольга, Владивосток и на материк, в те пункты, где существовали авиалинии.

10 октября вечером в редакции «Камчатской правды» собрались местные литераторы и рабкоры. На встречу пришёл дорогой гость — самый настоящий писатель, член Союза советских писателей Николай Костарев (Туманов), прибывший на С-55. Он поведал начинающим коллегам о подготовке к Всесоюзному съезду писателей, о роли молодого автора на периферии. После этого долго обменивались мнениями. Н. Костарев являлся уполномоченным комитета ССП по организации и инструктированию местных филиалов общества и литгрупп, в прошлом он — активный участник гражданской войны на Урале и Дальнем Востоке. В его творчестве дальневосточные темы занимали значительное место. Его перу принадлежали книги «Мои китайские дневники», «Граница на замке», «Короткие разговоры», ряд очерков в газетах и журналах. А сейчас он работал по специальному заданию «Известий» над серией публикаций, посвящённых социалистической «переделке» Дальнего Востока.

11 октября гидроплан С-55 после трёхдневного пребывания в Петропавловске вылетел в обратный рейс во Владивосток. Его торжественно проводили представители советских и общественных организаций, множество трудящихся. «Дружеское прощание. Лётный состав и пассажиры поднимаются на самолёт. Катер отводит С-55 из Ковша в открытую бухту. Заработали моторы. Гидроплан, плавно оторвавшись от воды, сделал прощальный круг над городом и в одиннадцать часов дня взял курс на Большерецк. Самолёт взял с собой пятнадцать килограмм писем и последние номера «Камчатской правды». Обратный рейс самолёта продолжается по тому же маршруту, по которому самолёт летел в Петропавловск».

14 октября комиссия облоно под председательством его руководителя Т. М. Дейнеко осмотрела городские памятники, составила акт и передала его горсовету. На памятнике «Слава», что на

портовой кошке, имелся инвентарный номер «26», присвоенный Горкомхозом. «Памятник требует капитального ремонта, цементирования, покраски и огородки. Памятник Лаперузу, построенный в 1892 г., требует цементирования и огородки». Памятник на братской могиле нуждался в капитальном ремонте, очистке от грязи, восстановлении ограждения и пушек, которые валялись возле фабрично-заводской школы. «Горсовет должен произвести необходимую реставрацию памятника, а школа должна взять его под своё непосредственное наблюдение, следя за чистотой, порядком и сохранностью». А вообще-то «все эти памятники являются наглядным свидетелем исторического прошлого Камчатки, и поэтому забота об их сохранности ни в коем случае не должна выпасть из поля зрения нашей общественности».

15 октября начался приём экспонатов по растениеводству для первой камчатской областной сельскохозяйственной выставки. Экспонаты по животноводству и организации труда, а также диаграммы, рисунки и фотографии брали с 18-го числа. Оргкомитет находился в доме на улице Завойкинской, 8.

16 октября стало известно, что С-55 сел у Владивостока в бухте Золотой Рог, завершив облёт «величайшей в мире воздушной линии Владивосток — Сахалин — Охотск — Камчатка. Покрыто около десяти тысяч километров, определены точки посадок на отдалённых пунктах северной окраины Дальнего Востока».

Отмечено, что существовавшая в Петропавловске телефонная станция не может удовлетворить растущих потребностей города. Станция имела два коммутатора типа «МВ», один из них допотопной системы Эриксона, а другой — ещё древнее. Эта аппаратура совершенно не отвечала современным техническим требованиям.

20 октября президиум облисполкома изучал вопрос о введении паспортной системы. Постановили: ввести её в городе (включая совхоз, леспромхоз и Авачинский промрайон) с 10 ноября текущего года по 1 февраля следующего, 1934-го и совместно с горсоветом установить сроки выдачи документов.

22 октября открылась сельхозвыставка. К десяти утра к её павильону группами и в одиночку начал стекаться народ: колхозники и колхозницы Петропавловского и Мильковского районов, рабочие совхозов, восточники артели имени Сталина, чьи экспонаты были представлены на всеобщее обозрение. Пришли и горожане — посмотреть на «гордость земли Камчатской». В полдень прибыл и выставочный комитет совместно с представителями областных и городских партийных, советских, профессиональных

и хозяйственных организаций. Председатель оргкомитета Величко открыл выставку, начался митинг. «Зайдя в павильон, не верится, что всё это произрастает здесь, на Камчатке, что всё это здешнее, наше, камчатское. Выделяется капуста Паратунского колхоза, картофель колхозов Мильковского района и Авачинского рыб-промрайона. Турнепс, репа, морковь, овёс, ячмень, лён, конопля — все культуры представлены здесь».

26 октября подведены итоги чистки по горпартрайону. Всего в двадцати двух ячейках и четырёх кандидатских группах проверено триста шестьдесят семь человек, из них двести семьдесят три члена партии и девяносто четыре кандидата. Исключено из партии семьдесят два, или 19,6 % общего количества проверенных, переведено в кандидаты двадцать четыре, или 8,8 %, переведено в сочувствующие шестнадцать, или 4,3 %. Особо досталось аковцам. Из тридцати шести членов и кандидатов исключено семнадцать, в кандидаты переведён один. Среди исключённых: «классовочуждый элемент, обманном путём пробравшийся в партию», — Тейфельман; «двурушники» — Бучель, Харлап, Авербах, Коршунов, Якобсон; «нарушители железной большевистской дисциплины» — Потапов, Белых, Позигун, Козлов, Любченко; «перерожденцы» — Гольдберг, Кривошеев; «карьерист — бюрократившийся элемент» — Гребнёв и примкнувший к ним «морально разложившийся» Головин. За политическую неграмотность переведён из членов в кандидаты партии некто Ветрогонин.

28 октября пережившая чистку ячейка мехмастерской АКО активно взялась за перестройку работы стенгазеты «Мотор». Выделен новый редактор Костко, за это дело взялся секретарь ячейки Бысов и другие. Но вышли всего три номера, а потом «Мотор» вновь заглох. Доморощенные критики отметили, что выпущенные номера составлялись «кабинетным путём»: их организаторы не считали необходимым приглашать всех членов редколлегии.

29 октября — пятнадцатилетие комсомола. Первички рапортовали о проделанной работе. Так, аковская комса, наряду с полным охватом осенне-зимней политшколой, втянула в сеть политучёбы почти в полтора раза больше (по отношению к количеству комсомольцев) беспартийных нацменов. «По общежитиям рабочих-казаков проводятся беседы, в клубе — чтение с переводом с русского языка на казакский. Среди нацменов организован драмкружок». Тайна загадочных «казаков» проясняется, когда мы узнаём их имена и фамилии: «К славной годовщине за хорошую работу и систематическое перевыполнение плана премируются лучшие ударники

Курибаев Ахмет (183 % нормы выработки), Маханов Абдучалим (150 %), Сагунбаев Илдыш (123 %)». Оказывается, казаков перепутали с казахами. Вот такая вышла неразбериха в национальном вопросе. А теперь немного статистики. В декабре 1923 г. комсомольская организация Камчатки включала семьдесят два члена, из них 15 % девушек и 85 % — юношей, «партийного ядра» не имелось. А 1 октября 1933 г. комсомолия полуострова насчитывала 1 497 членов, из них 412 девушек, или 27,5 %, и 1 085 парней, или 72,5 %, партиядро же включало 250 чел.

30 октября коллектив порта ударно достраивал четырёхквартирный дом, побелил бараки ударников, радиофицировал квартиры, установив тринадцать репродукторов, собрал трансляционный узел на территории, художественно отделал Красный уголок, изготовил диаграммы производственных показателей. Для премирования ударников создан фонд в три тысячи рублей, назначены докладчики по бригадам для проведения бесед о важности приближающейся шестнадцатой годовщины Октября. В порту организованы две ударные бригады грузчиков, одна из них приняла название «Имени шестнадцатой годовщины Октября». Открылся профсоюзный кружок, выпущена многотиражка, посвящённая подготовке к празднику.

Лесозавод АКО отрапортовал к близящейся годовщине Октября о выполнении плана на 144,8 %. Три бригады заключили между собой социалистические договоры. Два десятка лучших ударников выделены для премирования. Завод в подарок к Октябрю пустил свою электростанцию и перешёл на трёхсменку.

1 ноября в центральной сберкассе № 611 введена «прерывная» рабочая неделя (взамен «непрерывной»). Выходными днями определены 3, 9, 15, 21 и 27-е числа каждого месяца.

Установлены новые единые розничные цены на муку и хлеб (коп. за килограмм): мука ржаная 96 % — 30, пшеничная, в зависимости от качества, от 35 до 85. Хлеб из ржаной муки — 25, из пшеничной — от 30 до 80. (Для сравнения: зарплата сторожа-уборщика в типографии — сто пятьдесят рублей в месяц.)

С последним пароходом прибыло пополнение творческих сил театра. Главным режиссёром приглашён «один из крупнейших режиссёров Союза», воспитанник знаменитой Александринки Гавриил Гловацкий. В труппу влились «мастера высокой квалификации». Открытие театрального сезона назначено на 7 ноября.

2 ноября коллектив мехмастерских АКО выступил с лозунгом: «Самый короткий в мире рабочий день в стране социализма»

может и должен быть самым производительным!» На предприятии прошла конференция по уплотнению рабочего времени. Решение «все четыреста восемьдесят минут рабочего времени отдавать с полной нагрузкой государству». А его потери складывались в основном из хождения за инструментами, нарядами, поисков материала. Имевшиеся станки толком не работали, не хватало мелкого инвентаря, отсутствовал точный учёт произведённого брака, не были организованы кружки техминимума и повышения квалификации, в расценках на работы просматривались элементы уравниловки. «Мы работаем не на помещиков и капиталистов, как это было раньше. Мы работаем на самих себя. И чем выше будет производительность нашего труда, чем ниже будет себестоимость, чем лучше будет качество нашей продукции, тем скорее мы выполним задачу, поставленную семнадцатой конференцией нашей партии — «увеличить в два-три раза душевое потребление трудящихся»».

Некто Нерационализатор описал рабочий день молодого токаря Миши Морозова, показав на его примере неиспользованные резервы времени. Миша изготавливал кольца и втулки для ремонтирующегося двигателя. Сначала выяснилось, что стоявший на токарном станке резец не подходил для этой работы и с треском обломился. «Пока искали новый резец в инструментальной, а не найдя, стали делать в кузнице, — прошёл целый час. Вновь изготовленный резец сломался так же быстро, как и первый. Видно, в спешке материал для него был выбран неудачно. Восемнадцать минут уходит на разговор с товарищем, принёсшим газету, и на участие в споре токаря Егорова с нормировщиком Бысовым о неправильных расценках. Дальше Миша бежит в слесарный цех выяснить, как идёт сборка мотора и можно ли задержать обрезку втулок. По пути встречается мастер Климов, который вручает Мише другую срочную работу — выполнить по образцу три поршневых кольца. Надо бежать искать материал. Кстати, необходимо найти нормировщика и взять у него наряд на работу. Проходит десять минут. Наряд на руках. Под руку попадается чугунная болванка подходящего диаметра. Через пятнадцать минут материал для точки колец готов. Обточка — простая, привычная работа, занимает двадцать минут. Кольца готовы. В цех заходит мастер. Какая удача, не надо его искать, чтобы сдать работу! Однако радость Миши преждевременна. Изготовленные кольца бракуются, так как они выточены из негодного материала. На соседних станках работа уже прекращена: перерыв на обед, то же делает и Миша. Четыре часа его работы и работы станка сегодня остались бесполезными».

4 ноября опубликован план проведения предстоящего праздника. Город будет разбужен в семь утра гудками пароходов. «7 ноября с утра демонстрация. 1. Члены профсоюзов и их семьи собираются по своим союзам. Места сбора устанавливаются лицами, ответственными за колонны. Внутреннее построение колонн по коллективам производится ими же. Порядок движения и расстановка колонн: 1) погранчасти, 2) партизаны (руковод т. Дейнеко), 3) Осоавиахим (руковод т. Певзнер), 4) пионеры-школьники (руковод т. Зилов). Профсоюзы: 1) союз рыбаков (Мурашко), 2) строители (Иванов), 3) парткомвод (Кулебякин), 4) живсовхоз (Полихатый), 5) полиграфы (Риэль), 6) лесдрев (Гуппа), 7) Госторговля и кооперация (Невзоров), 8) союз рабпрос и педтехникум (Дубровин), 9) связь (Ющенко), 10) медики (Сторотин), 11) финбанковские (Ильченко), 12) союз РГУ (Юдин), 13) совпартшкола (Куницын), 14) колхозы “Амурский партизан” и “Камчадал” (Буторин). Колонны организованно прибывают с места сбора к десяти часам утра к площади Свободы». Митинг намечен на одиннадцать, его открытие также будет сопровождаться судовыми сигналами. Ответственность за построение колонн и порядок на площади Свободы возложена на начальника областной милиции Н. Х. Куна.

7 ноября. Годовщина революции ознаменована новыми значительными научными работами и изысканиями. Совсем недавно партия Союзгеолразведки под руководством Б. И. Пийпа собрала богатейший материал и нашла следы бора в районе вулкана Узон. «На его месте осталась только колоссальная впадина, которая сравнительно небольшим взрывом, оставившим километровую воронку с валом базальтовых шлаков, теперь занятую круглым озером, последний раз проявила свою активность и после этого совершенно замолкла». Химик В. Е. Кутейников установил наличие борной кислоты почти во всех горячих водах Узона.

Премированы передовики производства. Вот один из них, «первый токарь» мехмастерской Егоров, за всё время работы не допустивший не единого случая брака. «Самые тонкие ценные работы поручаются тов. Егорову, который обеспечивает лучший выпуск продукции. Норма выработки систематически перевыполняется на 120—130 %». Под руководством лучшего ударника коллектива связи Зедика, члена партии, были отремонтированы два передатчика. «Работая заведывающим радиостанцией, которая терпит сейчас сильную нужду в горючем, умелым руководством т. Зедик не допускает простоя станции. Во время отпуска т. Зедик по существу не отдыхал, а добился покупки стосильного двигателя,

который значительно улучшил состояние станции». Комсомолка-телеграфистка Чмыхалова после чистки аппарата связи «всю тяжесть работы телеграфа вынесла на своих плечах. Выполняет норму выработки на 112 %. Усердно передаёт свои знания двум ученикам-телеграфистам».

Утомившись от официоза, познакомимся с юмореской, рисующей праздничные торжества несколько с другой стороны. «Наступает вечер. Докладчик уже отговорился, резолюция принята, ударники премированы и сидят на местах со сконфуженными лицами и вспотевшими руками, обнимая полученные премии. За этим может следовать два варианта. Если распорядитель вечера неопытный, то он сразу же после торжественной части объявляет ужин. Все садятся за стол, распорядитель убегает за знакомым гармонистом. Когда он через полчаса возвращается, то находит только одного члена коллектива, с бутербродом в зубах, торопливо натягивающего пальто.

— Куда же народ девался?

— Шмоталша, — невнятно отвечает тот, прожёвывая.

Нет, если распорядитель опытный, то он ужин приберегает к концу.

— А пока, товарищи, повеселимся, кто во что горазд.

Все отвечают бледными улыбками и, не трогаясь с мест, начинают следить за тщетными усилиями распорядителя “расшевелить массу”.

— Митя, ты, кажись, на гитаре играешь?

— Нет, не играю, честное слово, не играю, — испуганно отвечает Митя.

После нескольких бесплодных попыток кто-то приносит виктролу, публика терпеливо слушает нудный голос, гнусавящий о чьих-то “чёрных глазах” и о Рамоне, которая почему-то одна в целом мире. Виктролу сменяет застенчивый любитель музыки... Когда голова начинает болеть у самого распорядителя, тогда художественная часть объявляется оконченной. Все мрачно набрасываются на еду».

10 ноября шахматный матч, состоявшийся между командами АКО и города, завершился со счётом 14 : 11 в пользу аковцев. Отмечена слабая организация городской команды и недостаточная выдержка многих её участников. Один из них на четвёртой доске «теоретически выигранный конец проиграл самым курьёзным образом», другой на восьмой доске прозевал ферзя.

13 ноября вечером в горкоме ВКП(б) работал семинар для пропагандистов кандидатских школ на тему «Два мира — две системы».

16 ноября некто Непочтовик потребовал больше внимания к посетителям конторы связи. «Желающий подать телеграмму или перевод... должен становиться в очередь за ручкой, которая часто не пишет. В чернильницах нередко нет чернил, стол маленький, весь в выбоинах. Неужели забота о посетителях не входит в круг обязанностей почтовой администрации?» — вопрошал он.

18 ноября «Камчатская правда» сообщила о продолжающемся падении курса американского доллара: теперь за пять «зелёных» давали лишь один британский фунт стерлингов. По слухам, «усиливаются толки о неизбежности валютной войны».

21 ноября заработали пункты по выдаче паспортов № 1 и 2. Первый действовал с трёх часов дня до девяти вечера на улице Ленинской в здании облсуда, второй — в АКОГраде с десяти утра до шести вечера. В первую очередь новые «серпастые-молоткастые» получали работники порта и мехмастерской АКО. «Паспортизация — это не только учёт всего населения, но и выявление всего классово-чуждого и паразитического элемента, поэтому при выдаче паспортов основное — установление социального положения получающего паспорт. Вот здесь-то и должна прийти на помощь общественность». Первым заветную бумагу получил портовик Андрей Яковлевич Воронин, родившийся в 1877 г., сын плотника. Отбывая воинскую повинность в царском флоте, участвовал в легендарном восстании на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» в 1905 г. После его подавления бежал за границу, пробыл пять лет в эмиграции, затем вернулся в Россию и, спасаясь от преследований полиции, уехал на Камчатку. Он был активным общественником, в прошлом членом горсовета, председателем Союза коммунальников, неоднократно премировался за ударную работу на производстве. Сейчас Воронин трудился в порту плотником по ремонту плавсредств. Второй документ вручён матросу, культработнику, профсоюзнику в одном лице Кулебякину, сыну рабочего. До 1931 г. он был матросом, затем стал заведующим культотделом Владивостокского райкомвода, после — председателем секции грузчиков. Зимой 1933 г. направлен на Камчатку, сейчас — председатель Петропавловского райкомвода. «Под его руководством тот сумел добиться крупных успехов в выполнении плана, повышении производительности труда и организации культурного отдыха рабочих коллективов».

Горсовет признал «внеочередным и сверхударным» строительство фабрично-заводской школы. Горстрою предложено в месячный срок проработать проект здания и столовой с осуществлением его не позднее лета 1934 г.

22 ноября обком ВКП(б) пришёл к выводу о необходимости организации областного оргкомитета Союза советских писателей и определил следующий его состав: Никольский (председатель), Риэль (секретарь), Прусаков, Смирнов, Королёва.

Опубликоваться местные литераторы могли на «Литературной странице» в «Камчатской правде». Вот образец любительского стихосложения «Песня песне» Н. Каргина:

*Песня ранит, бьёт и ласкает,
Не плачет о пустяках.
Песня кричит, призывает,
Песня остра и легка.
Песня — то же оружие,
Так же разит с плеча.
Песня и головы кружит,
Словно вино, горяча.
Песня в бою подымает
Дух усталых бойцов,
В свисте пуль не смолкает,
Лишь разгораясь вновь.
Песне пою я песню —
Отважнейшему из бойцов,
Песне, смывающей плесень
С плит замшелых веков.
Песне, поющей о нови,
Песне, зовущей вперёд,
Песню пою с любовью,
Во весь смеющийся рот.*

С «материка» прибыла «чрезвычайно обильная» партия литературы, в том числе ряд новинок. В их числе «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова, изданный Товариществом писателей в Москве, по 8 руб. 50 коп. «Сатирический роман, живо и увлекательно написанный, едко осмеивает идею индивидуального обогащения в советских условиях. Читается с большим интересом». Роман А. Лебеденко «Тяжёлый дивизион» за 6 руб. 75 коп. «Книга отображает жизнь солдатской массы и офицерства в эпоху империалистической войны и февральской революции». Автобиографические записки водолаза К. Золотовского «Подводные мастера» объёмом в 238 страниц всего за 3 руб. «В мелких рассказах проходит перед читателем труд и быт подводников ЭПРОН». Из детской литературы рекомендовали прочитать актуальную для милитаризованного сознания книжку Л. Будиновской «Санитарки». В ней «находит своё отражение жизнь пионерского отряда.

Лагерные приключения, санитарная учёба, переживания пионерки переданы в живой и увлекательной форме».

В бараке № 1 Совторгфлота готовились к оборудованию парового отопления. Сдана в эксплуатацию надстройка на здании Госбанка.

Порт завершал строительство второго жилого дома, семь квартир были уже заняты. Вышел третий номер многотиражной портовской газеты «Камчатский транспортник». Многотиражки на полуострове получали всё большее распространение. «К положительным качествам выпущенных номеров надо отнести правильный курс на освещение производственной жизни коллектива и на борьбу за улучшение материально-бытовых условий работающих... Из номера в номер газета бичует недостатки в деле материального и культурно-бытового обслуживания рабочих. В общем, курс газеты правильный».

23 ноября пришло известие о том, что пароход «Челюскин» продвинулся южнее своего прежнего положения и сейчас находится вблизи мыса Сердце-Камень.

26 ноября облисполком утвердил план работ по постройке грунтовой дороги от Петропавловска до Мильково стоимостью более двух миллионов рублей. Принято обращение к правительству о признании маршрутов Петропавловск — Большерецк и Петропавловск — Мильково дорогами всесоюзного значения с отпуском средств на их прокладку из госбюджета.

28 ноября отмечалось одиннадцатилетие со времени принятия комсомолом шефства над военно-морским, а потом и военно-воздушным флотами. По этому случаю политшколы изучали тему «История возникновения комсомола», на внеочередных собраниях прочитаны доклады о работе местной комсомолии. Усилена разъяснительная работа по сбору средств на приобретение самолёта «Камчатский комсомолец». В межсоюзном клубе открылась фотовыставка лучших комсомольцев-ударников и беспартийной молодёжи. А 26-го числа в Усть-Большерецке стартовал лыжный «военно-культурный» агитпробег до Петропавловска, организованный молодёжью западного побережья. Совершить его поручено активисту-физкультурнику В. С. Акшинскому. «Пробег должен мобилизовать население на укрепление военной работы и выполнение плана пушных заготовок». Обком ВЛКСМ постановил организовать комсомольский лыжный пробег по области по трём маршрутам. Их направления разрабатывались. Финишировать лыжники должны были 12 декабря. Задачи пробега: «развёртывание

подготовки к перевыборной кампании, практическая помощь в подготовке к рыбной путине, посевной и пушно-заготовительной кампаниям». Этот пробег должен послужить подготовкой ко всекамчатскому «звёздному», который назначили на конец зимы.

29 ноября бюро обкома ВЛКСМ, заслушав и обсудив доклад секретаря В. Д. Костко, постановило ознаменовать десятилетие камчатского комсомола сооружением в Петропавловске памятника В. И. Ленину, для чего немедленно приступить к сбору средств. Решено выпустить обращение «к пролетариям области», объявить конкурс на лучший проект памятника, сбор средств закончить к 1 мая 1934 г., а открытие приурочить к семнадцатой годовщине Октября.

В порту прошло собрание неграмотных и малограмотных. Тут же организована школа для их обучения, которая сразу приступила к работе.

На многих предприятиях Петропавловска и АКОграда состоялись митинги, посвящённые подготовке к XVII партсъезду. Коллективы постановили в ознаменование великого исторического события — съезда построения бесклассового социалистического общества — ещё с большей энергией и энтузиазмом биться за выполнение производственных планов. Все коллективы города включились в «Поход имени XVII съезда», приняв конкретные обязательства.

30 ноября городской и областной комитеты комсомола совместно с подшефниками сделали лыжную «вылазку» в Дальний совхоз для ознакомления с тамошним хозяйством и проведения «смычки».

4 декабря коллектив ТРАМ постановил присоединиться к походу за встречу XVII съезда. Решено в ударном порядке поставить к его открытию пьесу В. Катаева «Время, вперёд!», «рисующую патетику нашего социалистического строительства». Кроме этого, обещано наладить соревнование между цехами и отдельными сотрудниками, повысить квалификацию и упорно овладевать марксистско-ленинской теорией в кружках политучёбы. Своей задачей театр считал также помощь самодеятельным кружкам в художественном и идеологическом оформлении постановок, а также школам — в усвоении современной и классической литературы путём проведения художественных чтений. Коллектив поставил перед собой задачу добиться почётного звания «Рабочий театр имени XVII партсъезда», придать своему зданию вид, отвечающий его назначению. Здесь же, на собрании, проведена допол-

нительная подписка на заём, давшая за один раз 4 956 руб., из них сразу внесено 1 956.

Этим днём датировано постановление правительства — Совнаркома СССР — за подписью В. М. Молотова, непосредственно касающееся развития городского хозяйства: «В связи с расширением производства товаров широкого потребления и развёртыванием советской торговли... признать необходимым, начиная с 1934 г., при строительстве в городах и поселениях городского типа учреждений и жилых домов, имеющих более двух этажей, отводить первый этаж, а в двухэтажных домах — часть первого этажа под торговые помещения...»

5 декабря горсовет утвердил устав новой строительной организации — Коммунстроя. Горместхозу предложено не позднее 1 декабря передать ему все кредиты, имущество, незаконченные сооружения и прочее.

А вообще-то, ближе к концу года становилось понятно, что намеченное жилищно-коммунальное строительство будет сорвано. Причинами назывались полное отсутствие подготовки к сезону, нехватка рабочей силы, транспорта, материалов и позднее утверждение «центром» титульного списка и сумм кредитования. Из 1 515 000 руб., отпущенных на жильё, использовали только 22,5 %, из сумм, выделенных на коммунальное строительство, потратили лишь 17,2 %. Строительная программа оказалась выполнена на 17 %. Так что вновь организованному Коммунстрою было чем заняться. «Надо только, чтобы переход на новые рельсы не ограничился одной переменной названия, чтобы старые ошибки Горстроая были учтены и извлечены из них соответствующие уроки».

Вечером к зданию главной конторы АКО стекались комсомольцы горрайона. Они вместе с подшефными моряками пришли на торжественное заседание по случаю десятилетия камчатской комсомолки и одиннадцатилетия взятия комсомолом шифта над флотом. «В зале стоит неумолчный гул. Периодически он покрывается звуками духового оркестра. Входящих приветствует бодрими, молодыми словами плакат: “Да здравствует камчатская организация комсомола — в день славной годовщины десятилетия!” Поднимается занавес. Торжественное заседание открывается приветствиями партийных, хозяйственных, профсоюзных организаций, военных частей. Играют Интернационал. Слово для доклада получает секретарь обкома ВЛКСМ Костко. Его краткие, ясные слова вызвали дружный взрыв аплодисментов. Снова гремит Интернационал. Торжественная часть завершена. Начинается

самодельный концерт: пение, пляски, декламация, национальные танцы камчадалов. Вечер завершился далеко за полночь».

6 декабря областное управление связи приглашало для возки почты на собачьих нартах по маршруту город — Коряки — Начики — Апача четырёх опытных каюров. Оплата по договорённости.

Горкомхоз довёл до сведения всех горожан и жителей окрестностей, что отныне начато погребение умерших на новом кладбище, разбитом за радиостанцией АКО (район нынешнего мужского монастыря на сопке Радиосвязи). Старое кладбище, что «рядом с горсадом», закрыто, и захоронение там категорически запрещается. Всем гражданам, имевшим на указанном кладбище могилы родственников, предлагалось перенести их на новое до 1 апреля 1934 г., «так как указанный участок будет отведён под благоустройство города».

Горбольница объявила, что ввиду отсутствия освещения амбулатория будет закрываться в пять вечера. Время приёма врачей перенесено на час раньше. Больница для открытия физиотерапевтического кабинета нуждалась в восьмидесятивольтовом аккумуляторе и миллиамперметрах.

8 декабря. Лозунг дня — «Навстречу XVII съезду!» Трудовые коллективы по традиции готовили подарки к предстоящему событию. «Одними словами» ограничился Камчатский радиоцентр: «Обязуемся принимать информацию по радио дополнительно, сверх расписания, по два часа в сутки, со скоростью шестьсот слов в час». Обязательство подписали радисты Некрасов, Г. и А. Гурины. Городской трансляционный узел обещал завершить скрещивание линий, идущих по Ленинской, Никольской и Таможенной улицам, для более ясной слышимости передач, оборудовать узел на шестьдесят точек в Петропавловском совхозе, переучесть все точки в городе и наладить их нормальное действие. Работницы детских яслей АКО, узнав об обязательствах, взятых городскими коллегами, провели у себя собрание, на котором решили уплотнить рабочий день пошивкой и починкой детского белья, обследовать домашние условия детишек и обеспечить стопроцентное посещение курсов ликбеза и кружка политграмоты. Долго обсуждали, что же они могут преподнести в подарок съезду, почтовый цех и экспедиция телеграфа. Решили: выработать и установить твёрдые контрольные сроки обработки корреспонденции и точное расписание хода почты, не считаясь со временем, обрабатывать всю корреспонденцию, прибывающую с материка и отправляемую на него, ранее ими же назначенного контрольного срока, полностью ликви-

дировать брак и обезличку, установить срок доставки газеты «Камчатская правда» по городу до девяти утра. Одним словом, почта намеревалась работать как часы.

9 декабря потребовалась помощь теперь уже «казакской» школе, точнее «казакскому отделению», недавно организованному при школе АКОграда (позже она называлась школой № 2 имени Л. Н. Толстого). Здесь занимались семнадцать человек. «Открытие школы было встречено ребятами с большим энтузиазмом. Пока ещё не было ни одного случая прогула или опоздания. Большая часть ребят — пионеры, остальные записались в отряд октябрят. Учебный план они обещают выполнить и перевыполнить. Плохо то, что пока ещё на казакскую школу мало обращают внимания. Учебников на казакском языке нет, не хватает части учебных пособий, горком ВЛКСМ не позаботился выделить пионервожатого для проведения работ в школе. Ребята-казаки очень хотят учиться, и будут хорошо учиться. Они просят только им помочь в самом начале». Просьбу подписал «казак» Иситаев.

Началась выдача паспортов в коллективах облисполкома, облотдела ОГПУ, пожарной команды, администрации АКО, городского строительства. Паспортный отдел приступил к обработке документов для машинно-тракторной станции, начал готовиться к их выдаче «неорганизованному» населению. По состоянию на 8 декабря в городе выдано сто восемьдесят два документа, готово ещё четыреста шестьдесят шесть. Уже получили паспорта коллективы порта, механических мастерских, артели «Камчатский портной» и КОГИЗ.

10 декабря редакция «Камчатской правды», «обращая внимание всех трудящихся области на громаднейшее политическое значение» организуемой центральной газетой «Правда» Всесоюзной Красной доски имени XVII съезда партии, открыла на своих страницах областную, камчатскую «Красную доску имени семнадцатого».

Работник газетно-журнального отдела Петропавловской конторы связи Чужих объявил себя ударником имени XVII съезда и обещал сдавать для рассылки «Камчатскую правду» по городу к семи часам утра, по области — к девяти, не считаясь со временем, производить разборку газет и журналов, довести темпы разборки центральных газет до пяти тысяч экземпляров в день. На соревнование он вызвал коллегу Дудина.

11 декабря постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) жителям Дальневосточного края повышена заработная плата: на 20 % —

рабочим и инженерно-техническому персоналу заводов, фабрик, транспорта и связи, машинно-тракторных станций, а также учителям, политпросветработникам, медперсоналу, агрономам, ветеринарам, агротехникам и землемерам; на 50 % — красноармейцам и младшим командирам; на 20 % — среднему, старшему и высшему начсоставу. По этому случаю на всех предприятиях и в учреждениях Петропавловска прошли исключительно многолюдные митинги, обсуждавшие этот документ, сопровождавшиеся принятием очередных производственных обязательств. Грузчик порта Григорьев заявил о закреплении на постоянной работе: «Партия и правительство изо дня в день заботятся об улучшении положения трудящихся. Камчатка — северная окраина Советского Союза — всё время была отстающей. Условия жизни и работы здесь труднее, чем в центральной части. Текучесть рабочей силы всё время была большой. Партия и правительство всё это учли и вынесли постановление о льготах для населения. Теперь слово за нами, мы обязаны на основе этого постановления превратить Камчатку в цветущую, передовую окраину Советского Союза и под руководством нашей партии, во главе с товарищем Сталиным, мы это сделаем. Я первый закрепляюсь на постоянную работу в порту. Вся бригада грузчиков должна сделать то же». Ему вторил рабкор-ударник, рабочий Коммунарства Михаил Алексеевич Татьянин: «Работаю ударными темпами и имею ударный билет. Я считаю, что постановление правительства о льготах трудящимся нашего края обязывает меня взять ряд дополнительных обязательств. Поэтому я объявляю себя ударником имени семнадцатого партсъезда и закрепляюсь на Камчатке на три года. Кроме того, обещаюсь поднять производительность труда на 15 % и снизить себестоимость на 9 %. Вместе с тем, будучи рабкором, я буду бороться со всеми ненормальностями на производстве и активно участвовать в работе печати».

Пришёл пароход «Охотск», доставивший снабжение, горючее, строительные материалы и новых рабочих.

У любого вновь прибывшего человека, смотревшего на Петропавловск с судовой палубы, поначалу создавалось впечатление, что город, хотя и невелик, но живописен и благоустроен. Сошедшего же на сушу охватывало горькое разочарование: его встречали немощёные улицы, отсутствие освещения, обледенелые тротуары и дороги, особенно подъёмы на улицу Партизанскую. Везти багаж было не на чем, да и некуда — гостиницы нет, а «жилкризис»

достиг «исключительных размеров». Водопровод, по существу, отсутствовал, канализации совсем не имелось, баня мала и часто бездействовала...

12 декабря в городе работала партия проектного института «Гипрогор»: велась топографическая съёмка, геологическое бурение, началось изыскание местных строительных материалов. Надежда, что город когда-нибудь станет коммунально благоустроенным, ещё оставалась...

14 декабря ночью портовая радиостанция приняла сигнал «SOS!» Взывали о помощи пароходы «Свердловск» и «Лейтенант Шмидт». «Охотск», стоявший у причала, немедленно вышел к месту аварии. «Свердловск» и «Лейтенант Шмидт» шли в Петропавловск из полярных рейсов, попали в полосу штормов. «Лейтенант Шмидт» потерял руль и винт. На сигналы бедствия подошёл «Свердловск» и взял «Шмидта» на буксир. Оба судна находились в районе острова Беринга и Усть-Камчатска. Свирепый шторм относил их на северо-восток. Суда находились в критическом состоянии, терпели большую нужду в угле и пресной воде.

Днём в порт пришёл ледорез «Литке» — флагман Северо-Восточной полярной экспедиции Наркомвода СССР под командой опытного ледового капитана А. П. Бочек, тоже возвратившийся из полярного плавания. В районе мыса Олюторского ледорез потерпел аварию. Одиннадцать месяцев тому назад он отправился в море из Петропавловска. В ноябре на обратном пути, хотя и встретился необычайно тяжёлый лёд, ледорез вывел из заторов четыре парохода. 10 ноября на «Литке» пришла телеграмма от начальника экспедиции на пароходе «Челюскин» профессора О. Ю. Шмидта с просьбой о помощи. Несмотря на ряд повреждений, капитан Бочек направил судно из бухты Провидения к «Челюскину». Неблагоприятные ветры совершенно изменили ледовую обстановку, ледорез не дошёл до дрейфующего парохода двадцать миль. 17 ноября «Литке» повернул обратно. Благодаря самоотверженной работе экипажа, особенно кочегаров, машинистов и механиков под руководством старшего механика Э. А. Фридвальда, аварийный краснознамённый ледорез благополучно дошёл до Петропавловского ковша.

А вот ещё одна печальная история, связанная с нахождением на судне. Убитые горем мать, муж, сестра, брат и племянники с прискорбием известили всех родных и знакомых о преждевременной смерти дорогой дочери, жены, сестры и тёти Зои Николаевны

Флетчер-Ивановой, следовавшей на пароходе «Орочон» 10 декабря в половине двенадцатого. Тело покойной до земли не довезли, его погребли в Тихом океане...

15 декабря для оказания юридической помощи трудящимся Камчатский областной суд организовал консультацию при конторе АКО. Она работала в 10, 16, 20 и 26-й дни месяца с шести до полседьмого вечера. Бесплатно давались советы по трудовым, уголовным, гражданским вопросам, писались заявления и жалобы в суд и административные органы.

Хронометраж, проведённый по отделам горинтегралсоюза, дал неожиданные результаты: это учреждение оказалось первым в городе по «уплотнённости» рабочего дня. В среднем у здешнего сотрудника он длился пять часов сорок четыре минуты (при тогдашнем самом коротком в мире шестичасовом). Получалось, что здесь непроизводительно терялись всего лишь шестнадцать минут, тратившиеся на хождение в другие отделы за справками, так что его фактически нельзя было считать потерянным бесполезно. После завершения рабочего дня обследовательская бригада провела митинг, на котором сотрудники в очередной раз приняли обязательства: на сей раз не сдавать взятых темпов, чтобы к открытию XVII съезда добиться занесения на областную Красную доску. Кроме того, выработали ряд мер, направленных на дальнейшее «уплотнение».

16 декабря уже известный нам рабочий Коммунист Татъянин, а также его товарищи Белов и Кошманов объявили о добровольной дополнительной подписке. «Мы... думаем, что правительство своим постановлением о льготах намного увеличивает наш заработок и заботится о том, чтобы рабочему жилось хорошо. Надо и нам помочь государству. Зарабатывать будем больше, стало быть, можем дополнительно дать займы на выполнение планов второй пятилетки... Государство заботится о нас, товарищи, увеличивает наш заработок, дадим же дополнительно ему займы!»

18 декабря пришла радиограмма с «Охотска»: ни «Свердловска», ни «Лейтенанта Шмидта» он не обнаружил. Сильный шторм отнёс их в сторону, и в течение суток «Охотск» тщетно пытался связаться с ними. Наконец удалось подойти, но из-за сильного шторма долгое время не удавалось завести буксир. Это сделали с большим усилием и риском, и все три парохода направились в Петропавловск, борясь с сильным штормом. С «Охотска» просили порт давать с маяка световые и звуковые сигналы, так как

ветер и снег скрывали берег, из-за чего караван мог не найти входа в Авачинскую губу. Необходимые меры были приняты, но зайти в ворота суда так и не сумели.

20 декабря с площади Свободы стартовали военно-физкультурные агитпробеги до Большерецка и Усть-Камчатска.

ТРАМ давал пьесу Н. А. Зархи «Улица радости». Её выбор зрителями признан удачным. «В эпоху бурного подъёма Советского Союза показ жизни по ту сторону рубежа, особенно в связи с экономическим кризисом, имеет огромное значение. Ударниками предприятий, пограничниками, краснофлотцами, моряками с ледореза “Литке”, наполненным зрительный зал, пьеса была встречена с огромным вниманием. Большой заслугой коллектива артистов является тщательная подготовка спектакля и безупречная сыгранность, позволившая им вести за собой массу зрителей во всё время действия. Игра, безусловно, “доходила” до зрителя». Увиденное впечатлило. Отдельные сцены бурно обсуждались в антрактах и после спектакля на улице. Отмечена игра артистов Баровицкой, Карина, Гловацкого, общее одобрение заслужил артист Заботин, неплохо справились со своими ролями Славский и Южин. «Высокое качество игры необходимо отметить у всего состава труппы, не исключая второстепенных исполнителей, как, например, безработный с гитарой (артист Степанов). Во всём спектакле чувствуется умелая рука режиссера театра Гловацкого». Краснофлотец Дёмин отозвался вначале по-военному кратко: «Это лучше трёх докладов», а затем пояснил: «Когда я просмотрел “Улицу радости”, я только впервые ясно почувствовал существо капиталистического кризиса. Очень хорошо и правдиво передано. За выбор пьесы театру надо сказать спасибо. Вообще из пьесы как-то всё более наглядно, чем из книг или из докладов. Так, например, знаешь, что партия лейбористов — соглашательская, а в чём выражается эта её соглашательская политика — не всегда глубоко понятно. Но вот, увидавши Хилтона, проследив, как он руководит забастовкой, суть политики “рабочей” партии сразу становится ясной. Артисты хорошо играли, об этом говорить не приходится. Конечно, я не видал в жизни никаких таких полисменов вроде Барабоссы и всяких мистеров Мэксонов, но артисты сумели представить их как живых, почему и осталось такое хорошее впечатление. Побольше таких пьес... — вот что я скажу рабочему театру».

21 декабря вечером в театре открылась первая камчатская областная партийная конференция. На неё собрались около сотни

делегатов из всех районов области. Вначале партийный форум намечался на 15-е число, но был отложен на шесть дней из-за неприбытия ввиду непогоды многих участников. Из приветствия обкома ВЛКСМ: «Любимому вождю — Всесоюзной партии большевиков в день открытия первой камчатской облпартконференции — пламенный привет от комсомольского племени Камчатки! Товарищ партия, под твоим испытанным руководством мы сумели за период времени со второй окрпартконференции мобилизовать свои главные силы, сосредоточить их на основных участках социалистического строительства — на рыбе, на лесе, на пушнине...»

22 декабря пароходы продолжали штормовать вблизи Петропавловска. «Свердловск» находился в районе мыса Поворотного, имел очень малый ход. «Лейтенант Шмидт» дрейфовал у камней Три Сестры в двух милях от берега под шквальным ветром от норд-оста. «Охотск» не мог принять буксир с него и держался рядом со «Шмидтом». Сильная зыбь мешала «Литке» выйти из губы им на помощь.

23—24 декабря штормовая эпопея благополучно завершилась. «Литке» вышел в море, у острова Топорков настиг «Свердловск» и взял его на крепкий буксир. Шедший с грузом угля из Владивостока пароход «Яна» подошёл к дрейфующему «Шмидту» и тоже принял его на буксир. 23-го в половине четвёртого дня «Литке» вошёл вместе с аварийным «Свердловском» в Авачинскую губу, 24-го прибыла «Яна» со «Шмидтом».

В ходе партконференции внеочередное слово предоставлено начальнику облотдела ОГПУ А. П. Льву, сообщившему о результатах героической борьбы со стихией экипажей «Литке», «Свердловска» и «Шмидта». Конференция бурными аплодисментами приветствовала его слова, решив послать делегацию для встречи судов во главе с профсоюзным вождём А. С. Востриковым.

Петропавловский вечерний рабфак в связи с расформированием Дальрыбвтуза реорганизован в рыбный техникум. Но это учебное заведение просуществовало непродолжительное время и в основном на бумаге.

25 декабря партконференция громом аплодисментов встретила весть о том, что её пришли приветствовать бойцы и командиры погранотряда. Заседание прервалось, делегаты построились в колонну и отправились на площадь Свободы, где собрались стражи границ. Боец Холод отрапортовал: «Империалисты пытаются спровоцировать Советский Союз на войну и усиленно вооружаются, готова нападение. Мы, пограничники, и вся армия начеку.

Мы заверяем областную партконференцию, что в случае необходимости готовы не только дать необходимый отпор, но и разгромить противника». Его последние слова утонули в шуме аплодисментов и троекратном «Ура!» С ответным словом выступил делегат Пошехонов.

На очередном заседании конференции оглашён рапорт экипажа парохода «Яна» (капитан Книжников): «Обязательство своё мы выполнили. “Лейтенант Шмидт” спасён и благополучно доставлен в Петропавловский порт».

26 декабря на областную Красную доску имени XVII съезда по постановлению конференции занесены экипажи пароходов «Литке», «Свердловск», «Лейтенант Шмидт» и «Яна», «показавшие блестящие образцы большевистской выдержки, стойкости и самоотверженности». Кроме того, вписан весь наличный состав Северной экспедиции «за его беспримерную, большевистскую работу по социалистическому освоению полярных окраин». Моряки и экспедиция также представлены к занесению на краевую и Всесоюзную доски.

Комсостав запаса РККА, занимавшийся на курсах Осоавиахи-ма, предложил организовать в области сбор средств на постройку самолёта «Имени семнадцатого партсъезда» с тем, чтобы завершить его к шестнадцатой годовщине Красной Армии, то есть к 23 февраля будущего года. «Это мероприятие, как способствующее усилению дела социалистического строительства, будет ценным подарком партсъезду и армии».

Наркоминдел СССР объявил всем заинтересованным, что в Петропавловске учреждено постоянное дипломатическое агентство с консульской деятельностью на всём полуострове. Его временный адрес: улица Партизанская, 20, телефон 8.

27 декабря с «Челюскина» сообщили, что всё время дрейфуют почти на одном месте. Ветер северо-восточный, четыре балла, вокруг сплошной торосистый лёд.

28 декабря прошёл пленум горсовета. Говорили о проведении отчётно-довыборной кампании, утверждали городской бюджет на новый год и план работ на его первый квартал.

В 1934 г. на жилищное строительство намеревались отпустить уже 6 865 000 руб., а на капитальный ремонт — ещё 90 000. В число строившихся включены шесть жилых домов (кроме ведомственных), Дом Советов, здание фабрично-заводской школы на шестьсот сорок учеников, Центральный Дом детских учреждений на сто пятьдесят человек и театр на шестьсот мест, больничный

городок (заразный, терапевтический и хирургический корпуса, роддом, амбулатория, морг, кухня и прачечная). По словам заведующего отделом областного коммунального хозяйства и областного инженера А. В. Куйбышева, «уже сейчас начаты разведки местных стройматериалов, местонахождения их, а с весны 1934 г. изыскания и разработки будут развиты до максимума... В 1934 г. должно быть не менее 50 % строительства произведено из местных материалов. С 1934 г. должна быть разрешена проблема вывоза леса из долины реки Камчатки».

31 декабря по всем трудовым коллективам состоялись вечера, посвящённые... нет, вовсе не новогодним торжествам, как можно было бы подумать, а итогам выполнения производственных планов.

При подготовке очерка использованы материалы из фондов
Камчатского краевого объединённого музея.